

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Е. Н. Ропакowa

**Православный приход
во второй половине XIX века.
Российская империя,
Санкт-Петербургская епархия**

Санкт-Петербург
Издательство СПбДА
2016

УДК 281.93+259
ББК 86.372.24-35+86.372.24-605.5
Р73

Рекомендовано к публикации
Издательским советом Русской Православной Церкви
ИС Р16-615-0595

Научный редактор:

Алексей Владимирович Петров — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России с древнейших времен до XX в. Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

Рецензенты:

Михаил Федорович Флоринский — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России с древнейших времен до XX в. Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

Сергей Александрович Козлов — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории, философии и культурологии Высшей школы технологии и энергетики Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна.

Ропаква Е. Н.

Р73 Православный приход во второй половине XIX века. Российская империя, Санкт-Петербургская епархия / Е. Н. Ропаква ; Санкт-Петербургская духовная академия. — СПб.: Изд-во СПбПДА, 2016. — 352 с. — (Экономическая история Русской Церкви).

ISBN 978-5-906627-27-8

Учебное пособие кандидата исторических наук Елены Николаевны Ропаквой является монографией, посвященной изучению истории православных приходов Санкт-Петербургской епархии во второй половине XIX в.

Автор прослеживает эволюцию создания российского законодательства по вопросам организации и функционирования православного прихода на примере Санкт-Петербургской епархии. На основе комплекса неопубликованных источников рассмотрен процесс образования новых приходов и строительства храмов, выявлены аспекты взаимоотношений Санкт-Петербургской духовной консистории, Палаты государственных имуществ и приходских обществ. Также в книге рассматриваются примеры конфликтов между причтом и прихожанами, по которым Духовная консистория проводила следствие. Особое внимание уделено материальному положению приходского храма, соотношению различных доходов и расходов, влиянию местных условий на благосостояние церквей в целом.

Рекомендуется преподавателям и студентам гуманитарных и богословских учебных заведений, профессиональным историкам и религиоведам, а также читателям, интересующимся историей Русской Православной Церкви.

УДК 281.93+259
ББК 86.372.24-35+86.372.24-605.5

ISBN 978-5-906627-27-8

© Издательство Санкт-Петербургской
Православной Духовной Академии, 2016

Содержание

<i>Предисловие</i>	4
Введение	6
Глава 1. Православный приход в российском законодательстве	25
Глава 2. Организация приходов и строительство церквей во второй половине XIX в.	64
2.1. Общая численность приходов и церковное строительство в Новолодожском, Ямбургском и Лужском уездах к 1850 г.	68
2.2. Образование новых приходов и строительство церквей в Ямбургском, Лужском и Новолодожском уездах, 1850–1869 гг.	78
2.2.1. Инициатива и причины	78
2.2.2. Целесообразность и условия	86
2.2.3. Согласование проекта и финансирование строительства храма	108
2.3. Положение 16 апреля 1869 г. и его влияние на численность приходов и образование новых приходов в трех уездах епархии	134
2.4. Новые приходы в Ямбургском, Лужском и Новолодожском уездах, 1881–1900 гг.	146
Глава 3. Уездные приходы: взаимоотношения причта и прихожан	169
3.1. Финансовые и материальные средства функционирования приходских храмов в Новолодожском, Лужском и Ямбургском уездах	169
3.1.1. Основные статьи дохода приходских церквей	170
3.1.2. Дополнительные средства доходов уездных приходских церквей	195
3.1.3. Расходы церковных средств уездных приходских храмов.....	215
3.2. Материальное обеспечение приходского духовенства Ямбургского, Лужского и Новолодожского уездов.....	232
3.3. Священник и прихожане: о некоторых этических аспектах взаимоотношений	263
3.4. Религиозность прихожан Ямбургского, Лужского и Новолодожского уездов в оценке епископов Санкт-Петербургской епархии.....	279
Заключение	303
<i>Приложения</i>	307
<i>Источники и литература</i>	325

Предисловие

Изучая русское церковное прошлое, мне всегда было интересно, как представляют себе те или иные его аспекты, о которых пишу, обычные прихожане, не историки. Особенно запомнился один эпизод. В начале 1993 г. я беседовала с молодой прихожанкой Князь-Владимирского собора на Петроградской стороне. Разговор зашел о строительстве церквей в царской России. И на мой вопрос: «Кто же, по-вашему, строил церкви в дореволюционное время?» — я получила уверенный ответ: «Как кто? Государство, конечно».

Отчасти этот ответ справедлив, поскольку те немногочисленные храмы Санкт-Петербурга, которые функционировали в начале 1990-х гг., в большинстве своем действительно были построены за казенный счет. Но как обстояло дело с несколькими сотнями приходских церквей, разбросанных по всей Санкт-Петербургской губернии?

Чтобы ответить на этот вопрос, пришлось не один год изучать сохранившиеся в архивах документы Санкт-Петербургской епархии. Однако, как часто бывает, один вопрос потянул за собой множество других: У кого возникала потребность и по какой причине не только построить храм, но и организовать новый приход? Откуда находились средства, и сколько вообще стоило строительство? А какова роль государства? И какое влияние на православные приходы губернии оказали те самые церковные формы 1860–1870-х гг., которые были негативно оценены в прошлом и продолжают подвергаться критике уже в наше время? От чего зависело обеспечение причтов в уездных городах и селах? И все ли было благополучно во взаимоотношениях клира и прихожан, если заглянуть в «личные дела» священнослужителей или в отчеты епархиального начальства?

Представленная книга отвечает на большинство поставленных вопросов. Но говорить о том, что в одной работе можно полностью раскрыть весь круг проблем, связанных с историей приходов Санкт-Петербургской губернии, не приходится. Тем не менее надеюсь, что освещение, затронутых проблем будет

интересно специалистам и студентам, изучающим историю Русской Православной Церкви. Ведь православный приход — это не только храм с ограниченной территорией вокруг него. Это живой мир людей, где одновременно объединяются и сталкиваются интересы государства и общества, прихожан и причта, радетелей о храме и равнодушных к нему.

И еще мне хочется выразить искреннюю благодарность моему научному руководителю профессору Алексею Владимировичу Петрову за помощь и поддержку при подготовке книги к изданию. Поблагодарить рецензента профессора Михаила Федоровича Флоринского за его ценные замечания во время работы над рукописью. Моя благодарность также старшим коллегам — доктору исторических наук Зое Васильевне Дмитриевой и профессору Сергею Александровича Козлову, чьи профессиональные советы и дружеская поддержка помогли сделать книгу лучше. Особая благодарность директору и сотрудникам Издательства СПбДА за реализацию проекта по изданию книги.

Введение

В течение четверти века исследователи имеют возможность без идеологического давления изучать историю Русской Православной Церкви предшествующих веков. Изменение самой природы Российского государства и его взаимоотношений с РПЦ стали важнейшей предпосылкой восстановления в правах и активизации исследований широкого круга вопросов, связанных с организацией церковной жизни России, особенно тех ее элементов, в функционировании которых наиболее тесно переплетались взаимоотношения государства, церкви и населения.

Активно изучается история духовных учебных заведений, особое внимание уделяется церковно-приходской школе, и, безусловно, свое место в новейшей историографии РПЦ занимают работы, посвященные истории многочисленных православных приходов. Как представляется, изучение православного прихода имеет особое значение, так как именно здесь происходило включение основной массы населения в церковную жизнь.

В рамках представленной работы для изучения внутри-приходской жизни нами были выбраны три уезда Петербургской губернии — Ямбургский, Лужский и Новолодожский¹. Выбор данных уездов обусловлен не только их различным

---

¹ Территория Петербургской епархии во второй половине XIX в. совпадала с границами собственно губернии (уезды: Петербургский, Шлиссельбургский, Новолодожский, Царскосельский, Петергофский, Ямбургский, Лужский, Гдовский).

С.-Петербургский край до 1721 г. находился в ведении Новгородских иерархов. Затем управлялся Синодом посредством духовного правления. В качестве самостоятельной епископии Петербургская епархия была учреждена в 1742 г. (в нее входило пять округов: Петербург и Копорье с уездами, Ямбургский, Шлиссельбургский, Кронштадтский и Выборгский). В 1745 г. епископия была преобразована в архиепископию, в 1776 г. — в митрополию. В 1764 г. к Петербургской епархии из Новгородской епархии были присоединены Старая и Новая Ладоги, из Псковской — Ревель, Нарва и Ивангород. В 1780-е гг. епархия расширяется за счет присоединения части территорий Новолодожского уезда и Олонецкой области из Новгородской епархии, Лужского и Гдовского уездов из Псковского наместничества.

географическим положением и размерами занимаемой территории², но также и особенностями экономического развития, поскольку к середине XIX в. они представляли собой различные типы периферийных уездов. Земледельческо-промышленный Ямбургский уезд, который граничил с Прибалтикой (Везенбергским уездом Эстляндской губернии) и быстро перенимал передовые методы ведения сельского хозяйства, позволявшие даже в зоне рискованного земледелия полностью обеспечивать себя хлебом, отличался еще и тем, что на его территории работало около 20 промышленных предприятий. В уезде была развита торговля (г. Ямбург и Нарвский порт), рыболовство и лесные промыслы. Напротив, в Лужском уезде не было ни значительных торговых центров, ни удобной для земледелия почвы, хотя хлебопашеством занимались повсеместно. Крестьянам уезда приходилось заниматься лесным промыслом, работать на фабриках уезда и железной дороге, заниматься извозом. Иная экономическая ситуация сложилась в торгово-промышленном Новоладожском уезде. По его территории проходили оживленные водные пути (реки Волхов, Сясь, Паша, Тигода, Ладожский канал и часть Мариинской системы); обширные территории были заняты лесами. Посевных площадей в уезде было недостаточно, и они не отличались плодородием. Поэтому в уезде получили развитие различные крестьянские промыслы (лесной, обслуживание каналов и судоходных рек, рыболовство), доходы от которых были выше, чем от земледелия. Таким образом, сопоставление сложившихся ситуаций на указанных территориях, на наш взгляд, дает репрезентативную картину приходской жизни на окраинах губернии.

---

² Общее пространство губернии определялось в 39 140 кв. верст, в том числе в уездах: С.-Петербургском — 1583 кв. верст, Шлиссельбургском — 3432, Новоладожском — 7572 (на северо-востоке губернии), Царскосельском — 3679, Петергофском — 2442, Ямбургском — 3555 (на западе губернии), Лужском — 9072 (на юге губернии), Гдовском — 7805. Пространство, занимаемое отдельными уездами, было неодинаковым. Выбранные для нашего исследования три уезда составляли по площади более половины пространства губернии (51,6 %). См.: Памятная книга Санкт-Петербургской губернии на 1905 год. СПб., 1905. С. 1.

Хронологические рамки исследования охватывают период второй половины XIX в. — периода реформ и перестройки социально-экономической жизни России.

В рамках одной работы сложно разрешить множество вопросов, которые возникают перед исследователями православных приходов даже одной епархии. Поэтому из широкого круга проблем мы выбрали несколько сюжетов, освещение которых, с нашей точки зрения, позволит расширить представление о характере и процессах приходской жизни на примере трех упомянутых уездов Петербургской епархии. Изучение организации и функционирования приходов невозможно без четкого представления о нормативно-правовой регламентации. Поэтому перед нами стояла задача проследить законодательное регулирование ключевых вопросов жизнедеятельности православного прихода.

Особое место в работе занимает изучение причин и условий организации новых уездных приходов. Поскольку открытие самостоятельного прихода связано с материальными и денежными затратами, необходимо было выяснить общую стоимость строительства храма, отвода или приобретения земель; каким образом эти средства находилась или из каких статей складывались, а также кто нес основную финансовую нагрузку. Причт, который определялся к новой церкви, необходимо было содержать. В связи с этим возникает вопрос: какие обязательства брали на себя будущие прихожане в отношении обеспечения своего приходского клира и насколько они соответствовали законодательно установленным требованиям?

Несомненно, мы не могли обойти исследование вопросов, касающихся государственной политики, которая осуществлялась в ходе церковных реформ 1860-х гг. Например, насколько существенно Положени от 16 апреля 1869 г. повлияло на изменение общего количества самостоятельных православных приходов, на численность священно- и церковнослужителей и на «штатный» состав причтов в трех уездах Петербургской епархии. Выявление механизмов и действующих лиц, которые осуществляли реформу в уездах Петербургской епархии, поможет нам

понять, как и насколько широко при составлении новых расписаний приходов учитывались местные условия или сложившиеся традиции функционирования приходов и мнения собственно прихожан.

Для современных исследователей важен еще один аспект внутриприходской жизни — это финансовые и материальные средства храма. В работе рассмотрены способы формирования церковных сумм, статьи их расхода, включая обязательные отчисления.

В приходе, как и в любом другом сообществе людей, не обходилось без конфликтов. Для раскрытия причин столкновений между клиром и прихожанами, для выяснения обстоятельств их расследования и способов урегулирования мы обратились к делам, которые велись по поручению Петербургской духовной консистории.

Источники и историография

Решение поставленных исследовательских задач основывается на привлечении большого количества неопубликованных источников из фонда Петербургской духовной консистории. Комплекс документов Консистории отличается хорошей сохранностью и огромным объемом — только по XIX в. около 40 тысяч единиц хранения.

Документы, которые были использованы в работе, представляют собой делопроизводственные материалы:

1. Общая документация, в которой нашли свое отражение взаимоотношения Духовной консистории как с вышестоящими организациями (например, переписка с Синодом) или с государственными структурами (Министерством внутренних дел), так и с нижестоящими учреждениями (Духовные правления, благочиния, приходы).

2. Специальные документы, в которых отражалась деятельность Петербургской духовной консистории. Напомним, что комплекс документов, который складывался в ходе решения какого-либо конкретного вопроса, назывался *делом*. Именно такие

«дела» об образовании новых приходов и построении церквей были привлечены для решения исследовательских задач. В большинстве случаев в них содержатся идентичные по своему наименованию документы, поскольку их обязательное наличие предусматривалось как общими законодательно установленными нормами, так и положениями Устава Духовных консисторий. Это прошения прихожан, рапорты благочинных, акты освидетельствования избранного места под строительство храма, смета строительства, план и фасад здания, а также документы, которые требовались при отчуждении земельных участков для строительства церкви или для надела церковной земли. Все этапы образования нового прихода и строительство храма контролировались Петербургской духовной консисторией, поэтому в делах присутствуют указы Консистории, выписки из протоколов ее заседаний и переписка с Синодом, государственными учреждениями, прихожанами.

Отчетная документация. Клировые ведомости. Этот вид документов представляет собой массовый источник, который имел определенный формуляр и содержал сведения статистического характера. Формуляр клировой ведомости включал такие разделы, как название церкви, год постройки и сведения о здании храма, о составе причта, сведения о доходах духовенства (казенное жалованье; наличие узаконенной пропорции земли, угодий с указанием их статуса и документов, подтверждавших владение; собираемая с прихожан руга), информацию о составе церковного клира (имя, чин, возраст, образование, места службы, награды, семейное положение) и о составе населения прихода. Другим видом отчетной документации были ежегодные рапорты благочинных о состоянии приходов, которые входили в его благочиннический округ (10–20 церквей). Благочинный в силу своих обязанностей дважды в год посещал каждый приход. Он проверял ведение приходо-расходных книг церкви, собирал средства, которые предназначались на общецерковные и епархиальные нужды, в том числе обязательные отчисления, освидетельствовал церковное здание и церковную утварь, при наличии каких-либо конфликтов

между членами причта или между причтом и прихожанами выслушивал и разбираал жалобы.

Отдельно выделим церковные приходо-расходные книги. В историографии неоднократно высказывалось мнение о том, что финансовая отчетность церквей не вызывает доверия и на ее основе нельзя создать реальную картину движения денежных средств приходов. На наш взгляд, такое категорическое отрицание достоверности имеющихся источников несправедливо. Учитывать обстоятельства ведения хозяйственной документации приходов, которые сложились в XIX в., конечно же необходимо. Мы также не исключаем критического и взвешенного отношения к финансовым документам приходских храмов. Однако сложно согласиться с теми исследователями, которые один факт, точнее, субъективное высказывание распространяют абсолютно на все православные приходы России. Так, С. В. Римский говорит об утрате «реальной картины материального положения» приходских церквей после реформы 1808 г. как для правительства и церковной власти, так «и для современного исследователя»³. Для подтверждения примера «двойной бухгалтерии» автор ссылается на воспоминания Н. П. Гилярова-Платонова⁴, который вел, вернее, *сочинял* приходо-расходные книги вместо священника⁵. Но С. В. Римский, как и другие исследователи, не разъясняет материального положения той самой церкви, о которой идет речь. Для нашего же исследования это крайне важно, поскольку «опыт» этой богатой московской церкви, при которой в 1840-х гг. в пользу самого храма и причта собирались тысячи рублей, не может быть переложен на уездные сельские приходы Петербургской епархии, где и к концу XIX в. подобные доходы встречались крайне редко. Однако далее С. В. Римский все же ссылается на данные из отчетов, опубликованных

---

³ Римский С. В. Российская Церковь в эпоху великих реформ (Церковные реформы в России 1860–1870-х годов). М., 1999. С. 132.

⁴ Там же. С. 133.

⁵ Автор в начале 1840-х гг. жил в доме священника церкви Флора и Лавра в Ямской Коломенской слободе и был репетитором его сына. (Гиляров-Платонов Н. П. Из пережитого. М., 1886. Ч. 2. С. 229.)

И. В. Преображенским⁶, и на данные «Извлечений из отчетов обер-прокурора Св. Синода...»⁷. Поэтому, с нашей точки зрения, в отношении источников, содержащих сведения о средствах (денежных и материальных) приходских церквей, требуется не отрицание, а корректировка. Эти сведения могут быть использованы для выяснения вопросов материального состояния храмов по нескольким причинам. Во-первых, на основе тех сумм, которые фигурировали в отчетах приходских церквей, составлялись общие официальные документы о приходе и расходе ежегодных средств по ведомству РПЦ. Во-вторых, именно с указанных сумм шли узаконенные отчисления на общецерковные и епархиальные нужды. Так, в расписание доходов и расходов специальных средств ведомства Синода на содержание духовно-учебных заведений ежегодно *закладывались* суммы процентного сбора из доходов церквей, который, например, для 1875 г. составлял 1 293 160 руб.⁸ И это были реальные, выплаченные православными церквями средства. Поэтому мы вправе использовать цифры, которые содержат отчеты приходских церквей, уездных благочиний и по епархии в целом. В-третьих, сокрытие средств храмов не могло происходить в сторону *бесконечного уменьшения*, ибо финансово необеспеченный приход мог потерять свою самостоятельность и быть приписанным к другому, более богатому. При этом объективные или субъективные причины оскудения церкви легко выяснялись духовным начальством, поскольку членами как Духовных правлений, так и Консистории были те же приходские священники, которые ранее могли возглавлять те самые приходы. Прихожане, в свою очередь, также знали и о своем усердии к храму, и об обязательных ежегодных расходах в пользу причта и церкви. Причем обращаем внимание на то, что доходы причта и доходы приходской церкви — это два отдельных и несмешиваемых (или отождествляемых) понятия.

---

⁶ Преображенский И. В. Отечественная церковь по статистическим данным с 1840-41 по 1890-91 гг. СПб., 1897.

⁷ Римский И. В. Российская Церковь в эпоху великих реформ... С. 133.

⁸ Церковный вестник. 1875. Март. № 11. Часть официальная. С. 1.

Фонды различных церквей. Документы, которые собраны в фондах, также можно разделить на несколько подгрупп: а) делопроизводственные материалы — циркулярные указы Синода и Петербургской духовной консистории, предписания гражданских учреждений, например указы Сената или Министерства внутренних дел, которые касались Православной Церкви; переписка между причтом и Петербургской духовной консисторией по широкому кругу вопросов; б) документы внутреннего делопроизводства прихода, например обращение причта к сельскому обществу прихожан; в) документы, которые отражали хозяйственную деятельность приходской церкви: договоры об аренде церковных домов или земель, подряды на выполнение строительных и ремонтных работ по храму.

«Дела об обозрении» преосвященными Петербургской епархии церквей и монастырей епархии. Викарные епископы⁹ епархии совершали поездки по различным уездным городским и сельским приходам епархии с целью обозрения церквей и церковно-приходских школ. Мы располагаем отчетами после таких поездок по трем исследуемым уездам за 1870, 1871, 1872, 1899 и 1901 гг. Какова репрезентативность указанных документов? На наш взгляд, эти отчеты как внутриведомственные документы, которые не предназначались для отсылки обер-прокурору, содержали в себе такие данные, которые в других случаях, например при публикации в Церковных ведомостях, просто были бы смягчены или скрыты. Более того, после ознакомления с отчетами митрополита они направлялись в Духовную консисторию епархии, где на основе изложенных в донесениях фактов и рекомендаций вырабатывались дальнейшие распоряжения духовных властей. Указы касались либо поощрения отличившихся священно- и церковнослужителей (благодетелей, церковных старост, попечителей и устроителей церквей), либо содержали строгое предостережение (предупреждение или даже наказание) относительно обнаруженных архиереем недостатков в профессиональной службе местного духовенства.

---

⁹ Институт викариев — помощников епархиального архиерея — получил распространение с начала XVIII в. Викарии титуловались по одному из уездных городов епархии. В 1817 г. при С.-Петербургской митрополии было учреждено первое викарство, а в 1859 г. — второе.

Работа включает также опубликованные документы:

1. Законодательные источники — именные указы, высочайше утвержденные доклады, уставы и регламенты, включенные в Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ 1-е и 2-е собр.) и в Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи (ПСПиР).

2. Статистические и справочные сборники и документы: Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. Т. 9 (СПб., 1883) и Т. 10 (СПб., 1884); Памятная книга Санкт-Петербургской епархии (СПб., 1899); Справочный указатель соборов и церквей Санкт-Петербургской епархии за 1867 г.; Расписание городских и сельских приходов и церквей и причтов по Санкт-Петербургской епархии (1876).

Особенности положения и деятельность Русской Православной Церкви в XIX в., а также настоятельная потребность в реформировании ее устройства накануне революции обусловили появление большого количества работ по истории РПЦ. Не обошли своим вниманием исследователи и вопросы приходской жизни. В результате полемики между государственными и церковными деятелями¹⁰, происходившей «ради великих нужд

---

¹⁰ В своей записке «О современном положении православной Церкви» (1905 г.) С. Ю. Витте считал, что «церковно-общественная жизнь древнерусского прихода отличалась большим оживлением», русский приход «представлял прежде живую и самостоятельную единицу. Община сама строила себе храм, избирала священника» и церковный причт. Развитие крепостного права подорвало «самостоятельность общинной жизни», а «быстрое поступательное движение государственной централизации» устранило от участия в управлении местные элементы. Для оживления приходской жизни С. Ю. Витте предлагал вернуть церковной общине «отнятое у нее право на участие в церковном хозяйстве и право выбора... членов причта». Для развития приходской благотворительности и оживления прихода и «правильной организации приходской жизни» считал полезным признать приход юридическим лицом с правом собственности, что дало бы «приходской организации устойчивость и средства материальные». (Историческая переписка о судьбах Православной церкви. М., 1912. I. О современном положении православной Церкви (От председателя Комитета Министров). С. 13, 14, 17. II. Вопросы о желательных преобразованиях в постановке у нас православной Церкви. С. 29.)

В своем ответе К. П. Победоносцев отметил, что уже нельзя было «из нового мира и из множества измененных и усложнившихся отношений и интересов» вернуться в Русь

церковных и общественных, в осознании глубокого жизненного значения прихода для церкви и общества»¹¹, в свет выходили сочинения, в которых православный приход, его история, а также возможности преобразования с целью улучшения его функционирования были основной темой. В большинстве своем эти работы носили публицистический характер. Научные же труды, посвященные истории православного прихода и духовенства, не столь многочисленны. Вместе с тем в работах историков XIX — начала XX в. были заложены основные направления изучения церковно-приходской жизни в России¹².

В советский период сложившаяся исследовательская традиция в изучении истории РПЦ и православных приходов была прервана. Среди обилия научно-атеистической литературы, появившейся в рассматриваемый период, обобщающих исследований по данной теме было крайне мало¹³.

XVI и XVII вв. Он также ссылался на исторические исследования, которые показывали, «что далеко не все церковные общины имели тот идеальный вид самостоятельности», о котором говорил С. Ю. Витте. При том именно государство взяло на себя заботу о восстановлении прихода путем принятия ряда законов, по которым сохранялась целостность приходской казны. Учреждение «попечительств церковных» и церковно-приходских школ продолжало «заботы государственной власти о постепенном развитии самостоятельности прихода». (Там же. III. Соображения статс-секретаря Победоносцева по вопросам о желательных преобразованиях в постановке у нас православной Церкви. С. 40, 42.)

¹¹ *Болдовский А. Г.* Возрождение церковного прихода (Обзор мнений печати). СПб., 1903. С. 6.

¹² Историографический анализ этих работ встречается в большинстве исследований, в которых изучается история РПЦ соответствующего периода. См.: *Золотникова Н. Д.* Сибирская приходская община в XVIII в. Новосибирск, 1990; *Ершова Н. А.* Приходское духовенство Петербургской епархии в XVIII в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1992; *Пулькин М. В.* Сельские приходы Олонецкой епархии во второй половине XVIII в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1995; *Скутнев А. В.* Приходское духовенство в условиях кризиса Русской Православной церкви во 2-й половине XIX в. — 1917 г. (на материалах Вятской епархии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2005; *Конюченко А. И.* Православное духовенство России во 2-й половине XIX — начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2006; *Семин И. А.* Государственная политика в отношении православного приходского духовенства (1825–1870-е гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2006.

¹³ *Грекулов Е. Ф.* Церковь, самодержавие, народ (2-я половина XIX — начало XX в.). М., 1969; *Лившиц Г. М.* Религия и церковь в истории общества. Минск, 1961; *Крывелев И. А.* Русская православная церковь в первой четверти XX века. М., 1982.

Перестройка в СССР и последовавшее изменение самой природы Российского государства и его взаимоотношений с РПЦ стали важнейшей предпосылкой не только восстановления в правах проблематики, связанной с организацией церковной жизни России, но и активизации ее исследований.

Современные исследования, посвященные истории прихода, можно разделить на две группы. В первую входят работы, построенные по хронологическому принципу и претендующие на то, чтобы осветить эволюцию прихода и влияния на нее как социально-экономических, так и политических факторов.

Центральное место занимает работа П. С. Стефановича «Приходы и приходское духовенство в XVI–XVII веках». В ней рассматривается роль частной инициативы в церковно-религиозной сфере, экономические основы существования приходского духовенства, дается анализ происхождения и развития приходской структуры, состава и деятельности общины, внутрприходских взаимоотношений клира и прихожан. Автор отмечает, что к концу XVII в. четче определился общественный статус духовенства, а усиление централизации и дисциплинарного контроля епархиальной жизни постепенно ограничивает и к концу XVII в. изживает систему частных церквей. Отличительной особенностью работы является сравнение процессов внутрприходской жизни допетровской России со сходными (или различными) явлениями христианских государств средневековой Европы. Монография П. С. Стефановича, по нашему мнению, является своеобразной историографической точкой отсчета изучения истории православных приходов. Она позволяет историкам, которые занимаются исследованиями приходской жизни в XVIII–XX вв., проследить общие тенденции государственной политики в отношении приходов, а на документах регионального уровня помогает выявить специфику и особенности отдельных епархий.

Хронологические рамки монографии С. В. Римского охватывают не только период 1860–1870-х гг., но и предшествующие десятилетия, поскольку процессы, которые автор рассматривал,

потребовали, по его словам, «изучения их предпосылок»¹⁴. Ко времени реформ в Церкви накопилось много проблем. Они требовали решения, причем многие из них были связаны именно с зависимостью РПЦ от государства. Реформа была призвана увеличить авторитет приходского духовенства путем улучшения материального благополучия причтов, повышения качества профессиональной подготовки и приобщения белого духовенства к общественной деятельности¹⁵. Однако, растянувшись во времени, как пишет автор, подвергаясь корректировке в связи с изменением политических и других условий, она в конечном итоге не достигла главной цели — укрепления Церкви. Не дало ожидаемых реформаторами положительных результатов укрупнение приходов и сокращение численности причтов. Более того, как показал С. В. Римский на примерах различных епархий, Положение 16 апреля 1869 г. и последовавшее за ним повсеместное составление новых штатных расписаний привело к недовольству как духовенства, включая епархиальных архиереев, так и прихожан, которых вынуждали закрыть свой храм и приписать к другому, «чужому»¹⁶.

С. Л. Фирсов в своей монографии «Русская Церковь накануне перемен...»¹⁷ обращается к нескольким важнейшим вопросам церковно-государственных отношений на рубеже веков — к проблеме церковного реформирования в начале XX в., подготовке Поместного Собора и деятельности Предсоборного Присутствия. Для исследователей приходской жизни особое значение имеют те положения предстоящих реформ, в которых затрагивался вопрос участия простых прихожан как в выборах епархиального руководства, например епископа, так и участия избранных от православного населения представителей в работе Поместных Соборов, то есть в управлении РПЦ, а это, в свою очередь, могло привести к изменению имущественных и финансово-хозяйственных взаимоотношений внутри приходов.

¹⁴ Римский С. В. Российская Церковь в эпоху великих реформ... С. 8.

¹⁵ Там же. С. 562.

¹⁶ Там же. С. 526–534.

¹⁷ Фирсов С. Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х — 1918 гг.). М., 2002.

В монографии Т. Г. Леонтьевой «Вера и прогресс...» на материалах Тверской и других губерний исследуются вопросы роли приходского духовенства в жизни общества, возможности его влияния на массовое сознание¹⁸. Не осталась без внимания автора проблема «эффективного» прихода. Как подчеркивает Т. Г. Леонтьева, государственная власть и церковная общественность «стремились сохранить центры православной консолидации», поскольку «с размыванием крестьянской поземельной общины приход мог остаться единственной структурой»¹⁹, объединявшей сельских мирян. Однако государство не обеспечило «духовный переворот» в России, не смогло вырастить поколение высокообразованных, морально твердых, материально независимых и социально мобильных «попов», которые должны были бы стать в крестьянской России центральной фигурой ее обновления. По мнению Т. Г. Леонтьевой, «если община рано или поздно подлежала разрушению, то необходимо было создать новый, заменяющий ее социокультурный институт»²⁰.

Вопросу обновления церковно-общественной жизни в начале XX в. посвящена работа протоиерея В. Рожкова «Церковные вопросы в Государственной Думе». В ней уделяется внимание возникшим в обществе надеждам на реформы православного прихода, которые были порождены Манифестом 26 февраля 1903 г. Правительство вновь декларировало продолжение мероприятий, которые должны были улучшить материальное положение православного сельского духовенства и углубить плодотворное участие священнослужителей в духовной и общественной жизни их паствы²¹. Идея самоуправляющегося прихода не раз выдвигалась в речах депутатов Думы. По их мнению, необходимо было придать приходу статус юридического лица, увеличить жалованье от казны причту. Но вопрос по-прежнему оставался нерешенным. Даже принятый на Поместном Соборе 7 (20) апреля 1918 г.

---

¹⁸ Леонтьева Т. Г. Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX вв. М., 2002.

¹⁹ Там же. С. 121.

²⁰ Там же. С. 244.

²¹ Рожков В. Церковные вопросы в Государственной Думе. М., 2004. С. 244.

Приходской устав, как пишет автор, уже не мог отвечать требованиям времени и последовавшего переустройства государства.

Во второй группе работ заметно стремление представить историю РПЦ, и в том числе православного прихода, в региональном ракурсе, что является естественным и необходимым ввиду обширности страны и ярко выраженных особенностей составляющих ее регионов. Так, Н. Д. Зольникова по материалам Тобольской епархии исследует широкий круг вопросов: церковное строительство и содержание храмов, взаимоотношения общин и клира²². Автор отмечает, что в XVIII в. в связи с высоким естественным приростом населения и активной колонизацией региона строилось множество церквей, однако приходы «в большинстве заказов не уменьшались, а увеличивались»²³. В отличие от Центральной России, где укрупнение приходов происходило «за счет их насильственного слияния и уничтожения мелких конфессиональных общин», в Тобольской епархии «малоприходных храмов к концу века стало заметно меньше»²⁴.

Работа М. В. Пулькина посвящена истории Олонецкой епархии. Автор отмечает, что усилия законодателей в XVIII в. были направлены на постепенное ограничение прав приходской общины в церковных вопросах. Однако «сохранялось самое важное: храмы (церкви и часовни) возводились только по „самопроизвольному желанию“ приходской общины и за ее „счет“»²⁵. Строительство храма «подвергалось пристальному надзору местной администрации и становилось объектом внимания законодателей». Однако, как свидетельствуют документы Олонецкой епархии, «в вопросах использования церковного здания и распоряжения имуществом церкви прихожане проявляли не активность законопослушных граждан, а усердие хозяев»²⁶.

---

²² Зольникова Н. Д. Сибирская приходская община в XVIII в. Новосибирск, 1990.

²³ Там же. С. 31.

²⁴ Там же.

²⁵ Пулькин М. В. Сельские приходы Олонецкой епархии во второй половине XVIII в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1995. С. 6.

²⁶ Там же. С. 9.

Исследованию истории приходов различных регионов Сибири в XIX в. посвящены несколько работ. А. М. Адаменко с привлечением широкого круга источников рассматривает вопросы возникновения и развития приходской системы на юге Западной Сибири, освещает вопросы строительства и содержания храмов²⁷. На данной территории автор определил несколько типов приходов: сельские (преобладающая группа), городские, при заводах и рудниках, при военных укреплениях, инородческие. Инициаторами постройки храмов выступало не только приходское общество, но «в отдельных случаях... представители государства (Колывано-Воскресенский горный округ, фонд имени императора Александра III) или частное лицо»²⁸.

В XIX в. с развитием в Сибири духовных школ «среди священноцерковнослужителей начинают преобладать местные кадры», тогда как ранее вакантные места занимались кандидатами, переехавшими из европейской части России²⁹. М. А. Голованова на материалах Восточной Сибири и Забайкалья исследует возникновение и функционирование православных приходов и тенденции формирования духовного сословия и его место в общественной жизни Верхнеудинска³⁰.

Изучению церковно-административного устройства и системы управления Камчатской епархии посвящена диссертация Е. А. Карповой³¹. С момента организации епархии (1840) государство активно подключилось к строительству церквей. Местным властям на церковное строительство было разрешено выдавать кредиты переселенцам. К концу века, как пишет автор, «когда население Дальнего Востока значительно пополнилось за счет переселенцев, содержание и строительство церквей

---

²⁷ Адаменко А. М. Приходы Русской православной церкви на юге Западной Сибири в XVII – начале XX века. Кемерово, 2004.

²⁸ Там же. С. 77.

²⁹ Там же. С. 78.

³⁰ Голованова М. А. История православных приходов и духовного сословия Верхнеудинска (конец XVII – начало XX вв.): автореф. дис. ...канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2004.

³¹ Карпова Е. А. Развитие церковно-административного устройства и управления Русской православной церкви на Дальнем Востоке России (1840–1918): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Благовещенск, 2003.

и храмов стало обязанностью самого населения»³². На рубеже веков по своему размаху и интенсивности храмостроительство в епархии превосходило аналогичные процессы в Европейской России. Формирование приходского духовенства, по наблюдению автора, соответствовало общегосударственной политике, однако имело свою специфику. Большинство приходского духовенства Дальневосточного края имело низкий образовательный уровень, денежное содержание было недостаточным. Е. А. Карпова обращает внимание, что «в целях привлечения духовенства в отдаленные епархии на востоке страны были разработаны особые правила служения в них, вводились специальные „амурские“ пенсии, увеличивались оклады содержания духовенства, выплачивались особые прогонные при перемещении в отдаленную епархию»³³. Автор также подчеркивает, что миссионерская деятельность «стала существенным инструментом проводимой русскими властями политики упрочения своего господства в регионе»³⁴. На основе массового источника — клировых ведомостей — коллектив авторов исследует приходскую сеть Барнаульского духовного правления³⁵. Применение геоинформационных технологий, картографического метода и пространственного анализа позволило им рассмотреть как демографическое развитие региона, так и размещение населения в целом и его отдельных категорий³⁶.

По мнению И. Н. Мухина, изучение истории православных приходов показывает, что условия существования и функционирования приходов были различными не только в отдельных епархиях, но и в уездах одной епархии. На основе изучения документов конца XVIII — начала XX в. Егорьевского уезда Рязанской епархии автор прослеживает динамику численности приходов, условия и причины возникновения

---

³² Там же. С. 17.

³³ Там же. С. 24.

³⁴ Там же.

³⁵ *Владимиров В. Н., Силина И. Г., Чибисов М. Е.* Приходы Барнаульского духовного правления в 1829–1864 гг. (по материалам клировых ведомостей). Барнаул, 2006.

³⁶ Там же. С. 100

новых, особенно после 1861 г.³⁷ Ранее обширные и территориально разбросанные приходы уезда после отмены крепостного права начали быстро распадаться и на их месте образовывались новые. Эту тенденцию автор объясняет тем, что при существовавшем тогда порядке обеспечения причтов инициатива создания нового прихода могла исходить только непосредственно от прихожан. Последние, в свою очередь, должны были взять на себя обязательства не только построить церковь, но и отвести узаконенную пропорцию церковной земли для клира³⁸. На определение членов причта к церквям, как отмечает И. Н. Мухин, имела влияние реформа духовного образования 1808–1814 гг. Реформа способствовала повышению образовательного уровня приходского духовенства, рукоположению в сан священника 22–24-летних кандидатов, окончивших семинарии (вместо полагавшихся 30-летних). В рассматриваемый автором период произошло изменение наследственного принципа — более широкое распространение получила передача мест по женской линии³⁹.

Б. А. Ершов на материалах Воронежской губернии рассматривает православие как многообразное явление, которое испытывало внутренние противоречия и находилось в эпицентре общественной борьбы за идеологические установки новой России⁴⁰. Автор отмечает, что центральной проблемой в православии является «проблема диалога духовенства и православного общества на региональном уровне»⁴¹. Поэтому церковь Б. А. Ершов исследует «в качестве церковного организма, в региональном аспекте, прежде всего, как тесный союз клира и простых мирян»⁴².

---

³⁷ Мухин И. Н. Приходское духовенство в конце XVIII — начале XX вв. (по материалам Егорьевского уезда Рязанской епархии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2006.

³⁸ Там же. С. 14.

³⁹ Там же. С. 15.

⁴⁰ Ершов Б. А. Церковь русской провинции в XIX в. (на материалах Воронежской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2007.

⁴¹ Там же. С. 21.

⁴² Там же. С. 11.

В диссертации Н. А. Ершовой⁴³ на основе документов Петербургской духовной консистории освещается экономическое положение городского и сельского духовенства епархии, определяется его место в социальной структуре общества XVIII в., рассматриваются характер и возможности переходов из духовного сословия в светское. Особенностью Петербургской епархии XVIII в. был большой размер приходов (почти в десять раз больше по числу душ, чем приходы в центральных епархиях России). По наблюдению автора, «это обеспечивало значительные доходы от исправления церковных треб»⁴⁴. В то же время дифференциация по уровню доходов причтов в епархии была значительной. Зависимость от прихода в сельской местности была более сильной, экономические связи клира с приходом более тесными, чем в городе. В городах, как пишет Н. А. Ершова, эти связи ослаблялись за счет того, «что часть духовенства получала фиксированное жалованье», и там, где православное население не было многочисленным, например в городах Выборге, Нарве, Кронштадте, «государственное жалованье было главным источником доходов»⁴⁵.

Главными объектами исследования Н. Г. Дружинкиной⁴⁶ являются приходские организации. Анализируя религиозную политику в России в целом, автор отмечает, что она «отличалась неровностью, поверхностью, боязнью кардинально разрешить назревшие проблемы», которые касались положения РПЦ в государстве. Автор подробно разбирает особенности развития и управления Петербургской епархией, осуществления церковных реформ. Столичная епархия, по мнению исследователя, «находилась на особом положении в империи»⁴⁷. В своей работе Н. Г. Дружинкина также рассмотрела примеры благотворительности при строительстве церквей в Петербурге,

⁴³ *Ершова Н. А.* Приходское духовенство Петербургской епархии в XVIII в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1992.

⁴⁴ *Ершова Н. А.* Приходское духовенство Петербургской епархии в XVIII в.: Рукопись диссертации. С. 141.

⁴⁵ Там же. С. 142.

⁴⁶ *Дружинкина Н. Г.* Православные приходы в России во второй половине XIX — начале XX в. (на примере Санкт-Петербургской епархии). М., 2009.

⁴⁷ Там же. С. 37.

отмечая, что церковное строительство в С.-Петербургской епархии «носило регулярный характер, контролировалось и направлялось правительственными, синодальными, епархиальными и непосредственно строительными и художественными организациями» и осуществлялось не только силами приходских союзов, но и поддерживалось со стороны государства⁴⁸. Приходы епархии по своей структуре, как отмечает автор, представляли «с одной стороны, достаточно пеструю картину неравномерного сословно-классового представительства и материального достатка в разных частях столицы и в уездах, а с другой — обнаруживали явную тенденцию к унификации»⁴⁹.

Среди работ зарубежных исследователей⁵⁰, посвященных данной проблематике, наиболее значимым является труд Г. Фриза⁵¹. Автор, поставив перед собой задачу проследить общую эволюцию православного прихода на протяжении столетия и показать, как проходили преобразования и попытки правительства улучшить быт приходскому духовенству, использовал не только опубликованные документы, но и привлек большое количество неопубликованных из различных архивов. По его мнению, правительство оказалось неспособным решить приходской вопрос⁵².

Таким образом, историографическая ситуация предполагает в качестве насущной задачи дальнейшее изучение истории православного прихода в отдельных регионах (губерниях) России, без чего невозможно воссоздание общей картины приходской жизни соответствующего периода. Исследование по истории православных приходов трех уездов С.-Петербургской епархии второй половины XIX в., на наш взгляд, лежит в русле традиционного и сегодня успешно развивающегося направления историографии.

---

⁴⁸ Там же. С. 232.

⁴⁹ Там же. С. 150.

⁵⁰ *Поспеловский М.* Русская православная церковь в XX веке. М., 1995; *Шлеман А. Д.* Исторический путь православия. Париж, 1985; *Фриз Г.* Церковь, религия и политическая культура на закате старой России // История СССР. 1991. № 2.

⁵¹ *Freeze G. L.* The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform. Princeton, 1983.

⁵² *Ibid.* P. 383.

Глава 1. Православный приход в российском законодательстве

Для решения поставленных задач необходимо выяснить общий ход законодательной регламентации положений, относившихся к образованию новых приходов и к строительству церквей, определению священно- и церковнослужителей к приходским храмам, способы их материального обеспечения, а также правила распоряжения церковными средствами.

На протяжении XVIII и начала XIX в. были определены основные правила организации и деятельности православного прихода. Строительство новых церквей и возобновление сторевших разрешалось только по указу Синода¹. В своих челобитных прихожанам предписывалось объявлять «все до церкви касающееся». При представлении дел в Синод² о построении новых церквей требовалось прилагать выписки, в которых бы кратко объяснялось: «1-е расстояние от прежних приходских и других ближайших церквей, 2-е количество при оных и назначаемых к новой церкви приходских и за исключением их при прежней церкви остающихся дворов, 3-е о количестве отводимой от просителей к новой церкви земли, 4-е какие точно к строению вновь церквей объявляются и по исследованию действительно оказываются причины»².

Вплоть до конца XVIII в. не было отменено право выбора прихожанами к своей церкви священно- и церковнослужителей^b. Однако определение (или утверждение) кандидатов на открывшиеся вакансии зависело от ряда правил и условий. Во-первых, их численный состав определялся согласно штатам. Так, первоначально по указу 1722 г. один священник назначался в приход,

---

¹ По указу 1722 г. «...которые помещики и вотчинники будут бить челом о строении церквей, чтобы им, для дальнего от оных церквей расстояния, построить в своих вотчинах и поместьях вновь церкви, и тем челобитчикам о строении церквей из Синодального Казенного приказа благословенных грамот без присланных Его Императорского Величества указов из Святейшего Правительствующего Синода никому не давать». (ПСЗ. Т. VI. № 3991. С. 670.)

² ПСПиР. Т. 8. 1797. № 50. С. 32-33.

где было 100–150 двoров³. В дальнейшем, согласно новым штатам 1778 г., одному священнику полагалось быть в приходе, где приходских двoров было уже 200 (при условии близости к приходской церкви и «никакой oстановки» в исправлении треб)⁴.

Во-вторых, для посвящения в священнослужители необходимо было иметь соответствующий возраст^d и образование. По указу 1708 г. детям попов и дьяконов, чтобы поступить «на oтцовское место», надлежало учиться в «школах Греческой и Латинских»⁴. В дальнейшем это правило было закреплено в Духовном регламенте. Согласно ему каждый епископ должен был иметь «в доме, или при доме своем школу для детей священников, или и прочих, в надежду священства определенных...»⁵. Поэтому сыну священника, у которого не было необходимого образования, епископ мог oтказать в наследовании должности oтца^e. Указ 1722 г. (от 31 мая) подтверждал положение Духовного регламента в отношении учеников, не обучавшихся в архиерейских школах, — епископам было «жестко запрещено» таких учеников «поставлять» в священнический чин⁶. При этом кандидат проходил проверку и на свою благонадежность^f.

Дальнейшие шаги по изменению системы выборов священнослужителей были предприняты в 1762 г. По словам императрицы Екатерины II, «познание Слова Божия есть первое основание благополучия народного, и что из сего источника истекает вся народная добродетель»⁷. Но чтобы исправлять нравы

---

³ «А где за великoстию прихода двум Священникам исправиться невозможно, там и трем человекам быть, токмо с таким определением, дабы больше трех сот двoров и в великом приходе не было, но числилося бы в таком приходе, где один Священник, 100 двoров или 150. А где 2, тамо 200 или 250. А при трех счислялося б до 300 двoров, и при толиких Попах больши 2 дьяконов не было б; а причетникам быть по препорции Попов, то есть, при каждом Попе один дьячок, 1 пономарь». (ПСЗ. Т. VI. № 4072. С. 756.)

⁴ ПСЗ. Т. IV. № 2186. С. 401.

Указ 1710 г. распространялся еще и на детей пономарей, дьячков, церковных сторожей и проsvирен. (Там же. № 2308. С. 581.)

⁵ Духовный регламент. СПб., 1776. С. 21.

⁶ ПСЗ. Т. VI. № 4021. С. 967.

⁷ ПСПиР. Т. 5. 1762. № 76. С. 68.

простого народа, нужны «благоразумно воспитанные и обученные» священники. Для этого предполагалось увеличить число училищ при архиерейских домах, улучшить качество обучения и расширить круг преподаваемых предметов. Учеников, прошедших курс обучения и сдавших «самые строгие экзамены», следовало определять к лучшим приходским церквям. При отсутствии таковых свободных мест «не ученых» священников следовало «отрешать», а на их место «посвящать достойных священнического чина»⁸. По-прежнему не мог занять отцовское священническое место сын, если он «будет неученый»⁹. В августе 1770 г. епархиальным архиереям было подтверждено, что по силе Духовного регламента учившиеся кандидаты должны быть предпочитаемы «в произвождении в священные чины»⁸ «неучившимся»¹⁰.

В конце XVIII в. решение вопроса о производстве священнослужителей к приходам переходит к Духовным правлениям¹¹. Это было связано с тем, что многие священники в нарушение положений Манифеста от 29 января 1797 г.¹² во время происшедших в некоторых губерниях «ослушаниях» крестьян «противу своих помещиков» оказались неблагонадежными. Вместо того чтобы наставлять своих прихожан «в благонравии и повиновении властям, над ними поставленными, сами к противному

---

⁸ Там же. С. 72-73.

⁹ ПСПиР. Т. 5. 1767. № 403. С. 463.

Однако за малолетними детьми умерших священнослужителей, которые уже обучались в школах, закреплялось отцовское место. На время учебы и ожидания определенного указами возраста вступления в священнослужительские чины было велено «содержать им из получаемых от тех церквей доходов викариев». (Там же.)

¹⁰ Там же. Т. 5. 1770. № 567. С. 678-679.

¹¹ П. В. Знаменский отмечал, что к концу XVIII в. «среди иерархии успело сформироваться уже твердое убеждение в том, что приходские выборы суть явление незаконное и вредное для церкви, что они были одним из тех дурных обычаев старины, которые новое время должно окончательно искоренить, предоставив все попечение о замещении церковных вакансий самим архиереям». (Знаменский П. В. Приходское духовенство на Руси... С. 230.)

¹² «Духовные, наипаче же священники приходские, имеют обязанность предостеречь прихожан своих противу ложных и вредных разглашений, и утверждать в благонравии и повиновении господам своим». (ПСПиР. Т. 8. 1797. № 53. С. 36.)

сему подавали повод»¹³. Поэтому по указу от 7 мая епархиальные архиереи должны были наблюдать за «благонаравием учащихся» семинарий, за их беспорочным поведением, поскольку, «вступив после в чин Священный», они должны были «учением и примером собственным» утверждать «духовных чад своих в покойствии, послушании и добрых поступках»¹⁴. Именно таких благонадежных семинаристов указ предписывал при производстве «в сан Священства... предпочитать не ученым, хотя бы прихожане и просьбами об них настояли»¹⁵. В свою очередь, одобренный прихожанами кандидат мог быть произведен в священно- и церковнослужители «разве от Духовного Правления и от благочинного будет о честном поведении его засвидетельствовано»¹⁶. Однако указом от 24 июня того же года, после выхода «запретительного повеления»^h, Духовным правлениям следовало «принимать уже прошения за подписанием одних точию желающих поступить во священно и церковнослужительские чины, с приложением от прихожан одобрения о честном их поведении»¹⁷.

Основными способами содержания местного причта к началу XIX в. были руга (денежная и/или хлебная) и церковные земли. Количество ружного хлеба или его денежного эквивалента зависело от возможности и желания главных строителей храма и прихожан¹⁸. Порядок отвода к приходским церквам земельных

¹³ ПСЗ. Т. XXIV. № 17958. С. 606 (указ от 7 мая 1797 г.).

¹⁴ Там же.

¹⁵ ПСЗ. Т. XXIV. № 17958. С. 606.

¹⁶ Там же. С. 608

¹⁷ ПСПиР. Т. 8. 1797. № 106. С. 77.

Указ от 22 марта 1800 г. вновь напоминал: «...преосвященным архиереям употреблять всю осторожность при производстве в диаконы и священники, имея ввиду сколько необходимое и беспристрастное избрание прихожан, по силе духовного регламента, сколько наипаче собственное о поведении и благонаравии их сведение». (Там же. 1800. № 446. С. 549.)

¹⁸ По «Инструкции межевщикам» от 13 мая 1754 г. от помещиков, пожелавших содержать клир «на довольной руге», необходимо было получить челобитные с указанием сведений о том, «сколько кому и какой руги»; эти сведения записывались в межевские книги, и к таким ружным церквам земель предписывалось «не намеривать». (ПСЗ. Т. XVI. № 10237. С. 120.)

наделов определялся следующими законами¹. Во владельческих селениях обеспечение членов приходского клира землей регулировалось указом 1754 г. По нему священно- и церковнослужителям вновь построенных церквей, если они были «ругой не удовольствованы», а состояли «на пашне», следовало отвести земельный надел, который зависел от наделов самих вотчинников и помещиков¹⁹. Указом 1767 г.²⁰ предписывалось дополнять отведенные ранее к церквам земли, если их было меньше, до размеров «означенной пропорции»¹. В 1783 г. в Межевой инструкции для размежевания Мошлевской и Полоцкой губерний уже четко определены все угодья: «...на продовольствие же священно и церков[н]ослужителей прочих уездных, приходских церквей, как в наполнение предписанной пропорции недостающее число, так и вновь такую пропорцию, а именно: на пашню по тридцати по три десятины, на сенные покосы по три десятины в каждой церкви намеривать из владельческих, состоящих в приходах к тем церквам дач, сколько возможно по близости к церкви...»²¹

Еще одним видом доходов приходского клира была плата за исполнение священнослужителями треб для своих прихожан. До середины XVIII в. законодательной регламентации размеров платы не было. Она зависела «от степени усердия и добротства дателей» и определялась «обычаями от долговременной практики»²². В Манифесте 1764 г.²³, который был принят после докладов Духовной комиссии, было обещано «полезные учинить определения» о других выгодах «до благосостояния...

---

¹⁹ ПСЗ. Т. XIV. № 10237. С. 120.

Пропорции отвода церковных земель были установлены еще указом 1680 г.: с 600 и выше четей следовало отмерить к церкви 20 четей, с 500 и ниже (до ста четей) — по 15, со 100 четей и ниже — по 10 четей «в поле, а в дву по тому ж». (ПСЗ. Т. II. № 832. С. 277.)

²⁰ ПСПиР. Т. 5. 1767. № 312. С. 362.

²¹ ПСПиР. Т. 6. 1783. № 1090. С. 401.

²² Знаменский П. В. Приходское духовенство на Руси... С. 104-105.

²³ [Указ] № 167. — 26 февраля. О распределении духовных имений и о сборе со всех архиерейских, монастырских и других церковных крестьян с каждой души по 1 рублю 50 копеек. — С приложением манифеста о подведомстве всех архиерейских и монастырских крестьян Коллегии Экономии и штатов по духовной части. (ПСПиР. Т. 5. 1764. № 167. С. 166-183.)

белого духовенства»²⁴. Однако правительство ограничилось, во-первых, введением фиксированной платы за требы, предписав в селах и деревнях с приходских крестьян брать только те суммы, которые были определены указом 1765 г.^k Во-вторых, избавила священно- и церковнослужителей от сборов «по прежним патриаршим установлениям и по Синодальным определениям»^l, а храмы от разорительных сборов «с благословенных о строении и о освящении церквей»²⁵.

Дома для членoв причта должны были покупаться (или выкупаться) на собранные церковные деньги, для этого при каждой церкви избирались общиной церковные старосты²⁶. Этим же старостам, в связи с введением *свечной монополии* церкви²⁷, надлежало продавать свечи и от получаемых денег «построить везде при церквях богадельни, пребывания ради нище[н]ствующих больных, которых тамо и кормить по препорции каждой церкви доходов...»²⁸. Сбор пожертвований при литургии по указу 1723 г. следовало производить «в два кошелька, из какой приличной материи на рукоятях устроены»²⁹. Деньги из одного шли на «покупку церковных потреб, а другой на гошпиталь к содержанию и довольству неимущих своего питомства, которые весьма здравия лишены... и сами о себе промышлять не могут»^m. Позднее свечная монополия церкви была нарушена «Таможенным уставом» 1755 г., когда в реестр товаров, которыми могли торговать крестьяне в селах и деревнях, были включены «ладон, восковые пред образа, а сальные для домового употребления свечи»³⁰.

---

²⁴ Там же. С. 169.

²⁵ ПСЗ. Т. XVII. № 12379. С. 118.

²⁶ Указ от 28 февраля 1718 г. касался домов для священников (ПСЗ. Т. V. № 3175. С. 518), а действие указа от 29 октября 1722 г. распространялось и на дяконов и причетников. (Там же. Т. VI. № 4120. С. 790–791.)

²⁷ «Учинить... дабы при каждой церкви един был для продажи свечь приставник, понеже мнози бывають при церквях, продающие тыя, с получением не церкви, но себе прибытка, который не иному кому, но церковному имению приобшатися должен». См.: ПСЗ. Т. VI. № 3746. С. 362.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. Т. VII. № 4277. С. 96.

³⁰ Там же. Т. XIV. № 10486. С. 483.

В начале XIX в. правительство вновь возвращается к вопросам духовного образования и обеспечения духовенства. Предстояло обеспечить преемственность и полноту образования посредством разделения училищ «по разным степеням возраста и успехов». А вместо неудобной и «неуравнительной» для прихожан платы за требы³¹ назначить приходским причтам содержание (от 1000 до 300 руб.)³¹. Необходимый для этого капитал³² планировалось собрать посредством отделения «разных экономических сумм» от церковных доходов. Пятую часть из наличных сумм, которые были собраны «в течение прошедшего времени» и хранились «при церквах»³³, предполагалось потратить на устройство духовных училищ. Содержание духовных училищ и причтов должно было осуществляться за счет отчисления остатков от ежегодных церковных доходов (за вычетом средств, необходимых на потребности самих церквей)³⁴.

Для «усиления церковных доходов» и, следовательно, для увеличения будущих отчислений, а также для единообразия учета и контроля над ними был принят ряд указов. В 1806 г. был высочайше утвержден доклад Синода о том, чтобы церковная сумма «всех вообще церквей» считалась «церковной собственностью» и состояла «в хранении священнослужителей и церковных старост» и была «в ведении Духовного начальства». Светским людям было предписано, чтобы они в распоряжение церковными средствами «отнюдь не входили»³⁵. В свою очередь, епархиальным архиереям было предписано присылать в Синод

---

³¹ Все духовные места предполагалось разделить на 4 класса и назначить соответствующее содержание. Определение духовенства к таким местам должно было происходить не по «уважениям старшинства или первенства открывшейся вакансии», а в соответствии с «учением и благонаравием», то есть «учение Академическое всегда сопровождается было выгодами и отличиями» перед семинарским учением. (ПСЗ. Т. XXX. № 23122. С. 375–376.)

³² На духовные академии, семинарии, уездные и приходские училища требовалось 1 669 450 руб. в год, а на оклады духовенству — 6 005 200 руб.

³³ По мнению Комитета духовных училищ, их количество «простиралось до 5 600 000 рублей». (Там же. С. 380.)

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. Т. XXIX. № 22283. С. 742.

по истечении каждого года «перечневые ведомости о церковных суммах»³⁶.

В апреле 1808 г. были высочайше утверждены предложения Синода об избрании к храмам церковных старост и Инструкция^o для них. Отметим, что Синод в своем докладе просил присвоить исполнявшим эту должность «некоторые награды и выгоды, какие присвоены должностям, по выборам отправляемым». Однако старост «во время отправления ими сей должности»^p освободили только «от всех нарядов и работ»³⁷. Предложение Синода «избавить от постоя» дома церковных старост было исключено царем при утверждении Инструкции. При этом от них требовали не только выполнения обязанностей^q, но и «приращения церковных доходов», в том числе посредством личных вкладов и пожертвований в приходскую церковь.

В августе 1808 г. было возобновлено действие указа Петра I об «исключительном праве продажи»^r церковных свечей церквями³⁸. В указе были определены понятия розничной продажи («в разницу и счетом»), которая могла производиться только при церквях, и «гуртовой продажи», то есть продажи весом не менее 20 фунтов (более 8 кг)³⁹. Свечной доход, выделенный из общих церковных средств, собирался по всем епархиям. В дальнейшем через местные консистории он отсылался в Государственный заемный банк и Императорские опекунские советы на имя Комиссии духовных училищ⁴⁰. Для учета и проверки собираемых средств были разосланы образцы приходо-расходных книг⁴¹ и ведомостей, в которых фиксировались все этапы передвижения денежных средств⁴². Дополнительно

---

³⁶ ПСЗ. Т. XXIX. № 22283. С. 37.

³⁷ Там же. № 22971. С. 187.

³⁸ Там же. № 23254. С. 552-553.

³⁹ Гуртовая продажа свечей могла осуществляться уже не только при церквях («по единственно для снабжения свечами других церквей»), но и «с фабрик», в лавках, торговавших только воском и разными восковыми свечами, а также на городских и сельских ярмарках. (Там же. № 23254. С. 553.)

⁴⁰ Там же. № 23694. С. 1004.

⁴¹ Там же. № 23080. С. 305-308.

⁴² Церковь, благочинный, духовное правление, епархия. (Там же. № 23694. С. 1006.)

Комиссия духовных училищ «испросила» у императора даровать церквам также исключительное право на продажу «листов, содержащих в себе так называемую разрешительную молитву, и венчиков, кои кладутся на усопших»⁴³. Венчики и листы печатались в синодальных типографиях с указанием цены, «по коей каждый из предметов сих продаваться при церквах долженствует». Доход от их продажи обращался «на содержание бурс»⁴⁴.

Увеличение необходимого капитала на содержание духовных училищ и выплату обещанного содержания приходскому духовенству было прервано войной 1812 г. В ноябре 1812 г. капиталы, которые находились в распоряжении Комиссии духовных училищ, были пожертвованы на восстановление «разоренных неприятелем» соборов, монастырей и других церковных зданий. Было перечислено 3 500 000 руб.⁴⁴

Влияние чрезвычайных обстоятельств вынудило правительство вновь обратить внимание на выполнение принятых ранее указов в отношении обеспечения причтов. Чтобы ускорить процесс межевания узаконенной пропорции земли к церквам, состоящим «во владельческих дачах», Сенат определил дальнейшее «отмежевание в натуре» проводить уездным землемерам¹. При этом причты церквей, прихожане которых относились к казенному или дворцовому ведомству, по-прежнему оставались без четко оговоренных законодательством мер по наделению их земельными наделами. Как по указу 1804 г., так и в дальнейшем оно предоставлялось тем «правительствам, которым селения подведомы»⁴⁵.

---

⁴³ До этого указа 1810 г. листы разрешительной молитвы продавались «в свечных и других лавках от 15 до 30 копеек», а венчики атласные — от 60 копеек до рубля и выше, а бумажные — от 2 до 5 копеек. (ПСЗ. Т. XXXI. № 24159. С. 96.)

⁴⁴ 1 млн руб. пожертвовано из капитала, назначенного «на устройство домов священно- и церковнослужительских», 1 987 500 руб. — из наличных свечных доходов с процентами за 1812 г., и еще 512 500 руб. предполагалось перечислить из свечного дохода 1813 г. (Там же. Т. XXXII. № 25275. С. 463.)

Ранее в июле 1812 г. было перечислено «в пособие на составление новых сил» полтора миллиона рублей. (Там же. № 24191. С. 398.)

⁴⁵ Там же. Т. XXVIII. № 21149. С. 71. и Т. XXXII. № 25520. С. 731.

Во второй четверти XIX в. было продолжено дальнейшее упорядочение положений, касавшихся построения и ремонта приходских церквей. Так, в марте 1826 г. вводились правила «устроения церквей»⁴⁶. Независимо от средств построения церквей – на счет казны или прихожан – епархиальные архиереи должны были получать сведения «о всех обстоятельствах, сопряженных с целью желаемого построения церкви». Как-то: «...в городе ли или в селении» должна была быть построена церковь, «соборная, приходская... или при каком-либо публичном заведении», сколько в ней приделов, холодная или теплая, а также на какое число прихожан она требуется, «сколько и какого веса колокола» полагались на колокольне⁴⁷. Предоставленные сведения должны были сопровождаться «планами, фасадами и подробными сметами на построение с описанием местоположения и грунта земли под основание»⁴⁸. Для облегчения выбора внешнего вида храма были изданы «Собрания планов, фасадов и профилей для строения каменных церквей».

Обстоятельства, которые излагались в прошениях прихожан, проверялись («освидетельствовались») как со стороны духовного ведомства (через благочинного), так и гражданского начальства (архитектора или назначенного специалиста). Затем ходатайство о построении церкви представлялось епархиальными архиереями в Синод. После получения разрешения от Синода планы и сопроводительные документы доставлялись «установленным порядком в Министерство внутренних дел», где подлежали рассмотрению и утверждению в том только, «что до искусственной части касается». При построении храма на архитектора или «знающего человека» возлагались наблюдение и контроль,

---

⁴⁶ До 1826 г. не было «определятельных правил об отношениях гражданского начальства к постройке церкви... Духовное Начальство и распоряжалось вообще по сей части без всякого сношения с Гражданским, которое вовсе не находило права вмешиваться в сии распоряжения, особенно в отношении благовидности церковных зданий в уездах». (Там же. С. 279.)

⁴⁷ ПСЗ. 2-е собр. Т. I. № 186. С. 279.

⁴⁸ Если не было архитектора, который составил бы план и смету для будущей церкви, то эта работа выполнялась Строительным комитетом МВД. (Там же. С. 280.)

чтобы «строители ни малейше ни в чем не отступали от планов и фасадов»⁴⁹.

После возвращения утвержденных планов прихожане могли приступать к строительству. В указе предписывалось, чтобы прежде закладки церкви в селах «отведено было к ним указанное количество десятин земли для продовольствия священно- и церковнослужителей, а для жительства их вообще при новых церквях устрояемы были и удобные дома»⁵⁰.

В 1828 г. Синод, в связи с возникшими трудностями исполнения положений указа 1826 г., обратился к императору с предложением внести некоторые изменения. По указу планы и сметы на построение и ремонт церквей из «всех мест государства» должны были доставляться только в Санкт-Петербургский строительный комитет МВД. Эти затруднения могло вызвать, по мнению Синода, у одних прихожан, особенно сельских церквей, «ропот по недостатку рассуждения, а в других охлаждение, по умножению препятствий в предприятиях...»⁵¹. Синод предложил облегчить меры «для поддержания общественного усердия к созиданию и благоустроению церквей». В столичных городах построение, перестройку и ремонт церквей следовало производить по планам, которые рассматривались в существовавших «для сего Присутственных местах»⁵². В остальных городах и селениях, при условии производства строительных работ за счет прихожан, — после утверждения «местными губернскими или другими аттестованными архитекторами»⁵³. Синод также просил «для бедных селений», в которых особенно требовалось «существование церквей» и которые «не имели удобства доставать материалы для каменного здания», разрешить строить деревянные храмы, «с соблюдением... правильности

⁴⁹ ПСЗ. 2-е собр. Т. I. № 186. С. 284.

По указу 1854 г. надзор поручался лицам, «имеющим надлежащие законные аттестаты о своих познаниях в строительном искусстве». (Там же. Т. XXIX. № 27831. С. 5.)

⁵⁰ Там же. С. 282-283.

⁵¹ Там же. Т. III. № 1804. С. 141-142.

⁵² В Петербурге — утверждаться в Строительном комитете, в Москве — в Комиссии строений. (Там же. С. 143.)

⁵³ Там же.

и приличия в планах и фасадах»⁴. Ходатайство Синода было утверждено с оговоркой, что проекты храмов в губернских и уездных городах, а также церквей, которые «созидались казенным иждивением», по-прежнему представлялись в Министерство внутренних дел.

«Улучшение и распространение в России духовных училищ», по мнению императора Николая I, требовало от Синода «изыскать средства и сделать постановление», согласно которому в священники, особенно в сельские приходы, следовало посвящать людей, «испытанных в доброй нравственности с достаточными познаниями» и предпочтительно из семинаристов, «дабы они надежнее» могли руководить вверенной им паствой и «назидать ее в христианских добродетелях»⁵⁴. Синод, исполняя указ императора, выяснил, что в городских церквях «из учеников, окончивших в духовных училищах курсы», была половина священнослужителей⁵⁵. При сельских церквях их было только четвертая часть. Причем не возникало трудностей при замещении священнических вакансий при сельской церкви там, где был большой приход и где земля «по доброте своей хлебородна»⁵⁶. Но от небольших приходов, в которых почва земли была «не столь удобна к хлебородию, а инде и вовсе бесплодна», кандидаты из семинарий отказывались. Поэтому «по необходимости» такие места занимались «не учеными и не столь надежными пастырями»⁵⁷.

Чтобы исправить существовавшее положение, Николай I в январе 1828 г. повелел Синоду представить ему способы как «к успешнейшему образованию духовного юношества», так и обеспечения средствами содержания приходского духовенства, «особенно в приходах бедных»⁵.

---

⁵⁴ Поводом для обращения в 1826 г. императора к Синоду с таким предложением послужили происшествия, связанные с неповиновением крестьян своим помещикам, причем во многих местах «священники одобряли и руководили» крестьянами «к ему неповиновению». (ПСЗ. 2-е собр. Т. I. № 413. С. 590.)

⁵⁵ ПСПиР. Т. 9. 1826. № 91. С. 108.

⁵⁶ Там же. С. 109.

⁵⁷ Там же.

К способам безбедного содержания духовенства вообще относились все тот же земельный надел и плата за требы⁵⁸. Эти способы, по мнению Синода, требовали дальнейшего усиления. Количество церковной земли следовало пополнить до узаконенной пропорции. Отмежеванная к церквям земля и другие церковные угодья должны были навсегда оставаться «неприкосновенною собственностью церковною и ограждаемы были от всяких посторонних притязаний»⁵⁹. При упразднении или приписании храма к другому приходу церковный надел не должен был возвращаться к прихожанам, а приписывался к той церкви, куда переходили прихожане. Плату за требы, уже повышенную в два раза по указу 1801 г.⁶⁰, следовало возвысить в несколько раз⁶¹. Причтам в бедных приходах, которые по объективным обстоятельствам не могли быть приписаны к ближайшим приходам⁶¹, предполагалось выплачивать вспомогательные оклады. По расчетам Синода оклад мог простираться от 300 до 500 руб. Поскольку на выплату указанных окладов из остатков от сумм, которые были в распоряжении Комиссии духовных училищ, нельзя было «довольно надежно полагаться», Синод просил вернуться к указу 1808 г. об отпуске ежегодно от казны 2 миллионов руб. Из них 500 000 руб. «для первого опыта» требовалось на пособие духовенству бедных приходов⁶².

---

⁵⁸ Члены Синода учли печальный опыт введенной указом 1798 г. обязанности обработки церковной земли прихожанами. Поэтому назначению какой-либо «непрерывной повинности в пользу причтов» предпочли старый надежный способ, поскольку «церковная земля, как собственность твердая, полезна и нужна причтам». (Там же. № 184. С. 251.)

⁵⁹ ПСПиР. Т. 9. 1828. № 184. С. 251.

⁶⁰ ПСЗ. Т. XXVI. № 19816. С. 605–606.

⁶¹ В докладе обращается внимание, что окончившие полный курс семинарии, особенно по 1-му и 2-му разрядам, просили себе священнические места «обыкновенно по своему выбору» и избирали те, «на которых могут жить безбедно». Это служило признаком того, что подобные приходы были достаточные и могли обойтись без «особенного пособия от начальства». В случае бедного прихода, который нельзя было присоединить к другому по решению Синода, епархиальный архиерей «для доставления таковому приходу достойного священника употребляет право назначения в сие служение по собственному усмотрению из окончивших богословское учение и особенно из тех, кои пользовались содержанием от училища». (ПСПиР. Т. 9. 1828. № 184. С. 254.)

⁶² Там же. С. 255–256.

Меры, предложенные Синодом, были высочайше утверждены в 1829 г. С 1830 г. на оклады причтам малолюдных и бедных приходов из государственного казначейства в распоряжение Синода должны были поступать ежегодно по 500 000 руб.⁶³ От епархиальных архиереев требовалось «с особенною строгостию держаться правила», что к городским и сельским церквям производить в священники достойных кандидатов «из окончивших богословское учение в духовных академиях или семинариях»⁶⁴. Кроме того, в приходах казенных селений, где позволяли излишки земли, вводилась тройная (99 дес.), двойная (66 дес.) или полуторная (49 ½ дес.) пропорция земли «против ныне узаконенной». Однако об увеличении «положенных при исправлении треб даяний» в указе не упоминалось.

В «Положении об обеспечении православного сельского духовенства землями, домами и единовременными пособиями» в западных губерниях были подробно прописаны правила наделения причтов усадебной и пахотной землями⁶⁵, их качество, назначение, раздел между членами причта, обязанности прихожан. А также определен их статус: «земля, к церкви отведенная, составляет неприкосновенную церковную собственность, которою духовное начальство заведывает, а церковный причт пользуется на определенных правилах»⁶⁶. В отношении церковных домов оговаривалось не только их назначение, количество, внешний вид, но и снабжение необходимыми вещами, ремонт и содержание⁶⁷; отдельно

---

⁶³ ПСПиР. Т. 9. 1829. № 269. С. 385.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ «Церковная земля отводится единожды навсегда из дач прихожан». (ПСЗ. 2-е собр. Т. XVII. № 15872. С. 772.)

⁶⁶ Там же. С. 773.

⁶⁷ Так, капитальный ремонт домов был отнесен к обязанности прихожан, а «мелочный» — к проживавших в них лиц. Определен срок «эксплуатации» домов — 6 лет, после которого следовало создать комиссию (почетнейшие прихожане, причт, благочинный и становой пристав), чтобы «обозреть в подробности состояние» домов и сделать необходимый ремонт. (Там же. С. 778.)

«Безденежный отпуск леса» из казенных дач как для строительства приходских церквей, так и для строительства и ремонта церковных домов по указу 1823 г.,

указаны правила пользования членами причта и их семей (включая случаи перемещения или смерти священно- и церковнослужителей).

Утверждение новых штатов и производство окладов жалования началось с западного края и постепенно распространилось на другие епархии. Этому способствовало ассигнование дополнительных сумм из казны, а не использование остатков от капитала Духовно-учебного управления. Так, в дополнение к 415 000 руб. сер., отпускаемым на содержание православного духовенства Литовской, Могилевской, Минской, Полоцкой и частично Волынской епархий⁶⁸, в апреле 1843 г. внесен был еще 1 млн руб. сер.⁶⁹ Это позволило обеспечить причты, во-первых, Киевской, Подольской и остальных уездов Волынской епархий и, во-вторых, С.-Петербургской, Новгородской, Псковской и частично Черниговской и Полтавской⁷⁰. «Нормальные штаты» упомянутых епархий различались и по составу, и по окладам. В первом случае приходские сельские церкви разделялись на 7 классов. И если по 1-му классу (2000–3000 душ мужского пола) (далее — д. м. п.) причт должен был состоять из 7 лиц (двое священников, диакон, двое дьячков, пономарь и просфирня) с общим окладом 508 руб. сер. (по 160, 70, по 36, 30 и 16 руб. сер. соответственно), то священнику церкви 7-го класса (100–300 д. м. п.) назначался оклад 80 руб. сер., а дьячку — 36 руб. сер.⁷¹ Во втором случае причты Петербургской епархии разделялись на 6 классов: с общими окладами от 810 руб. сер. по 1-му классу (двоим священникам по 240, диакону 100, двоим дьячкам по 70, пономарю 60 и просфирне 30 руб. сер.) до 220 руб. сер. по 6-му классу

«по требованию Духовного начальства», дозволялся по разрешению министра финансов, без обращения к Комитету министров. (ПСЗ. 2-е собр. Т. XXXVIII. № 29278. С. 730.)

⁶⁸ Там же. Т. XVII. Ч. 2. № 15470. С. 264 (указ от 4 апреля 1842 г.).

⁶⁹ Там же. Т. XVIII. № 16678. С. 191.

⁷⁰ Там же. № 16852. С. 324.

⁷¹ Там же. Т. XVIII. Ч. 2. № 16678. С. 168.

Годом ранее в упомянутых Литовской, Могилевской, Минской, Полоцкой и Волынской епархиях оклады были немного выше: от 180 руб. сер у священника 1-го класса до 100 руб. сер. у священника 7-го класса и по 40 руб. сер. дьячкам во всех 7 классах. (Там же. Т. XVII. Ч. 2. № 15470. С. 69.)

(священнику 150 и дьячку 70 руб. сер.)⁷². Штат причтов 1-го класса в Псковской и Новгородской епархиях (3000–4000 д. м. п.) насчитывал 8 лиц — троих священников (оклад по 180 руб. сер.), диакон (80 руб. сер.), троих дьячков (по 40 руб. сер.) и просфирни (24 руб. сер.), а 7-го класса только двоих — священника (110 руб. сер.) и дьячка (40 руб. сер.)⁷³. В дальнейшем ассигнования от казны были продолжены^x и в 1855 г. составляли 3 139 697 руб. 86 коп. сер., что обеспечивало жалованьем «57 035 священно- и церковнослужителей при 13 862 церквях в 33 епархиях»⁷⁴.

Для единообразия раздела церковных доходов между членами причта в 1834 г. было принято положение, установленное в Московской епархии⁷⁵. Суммы распределялись в зависимости от состава причта. Так, при двухштатном (полном) причте доходы делились на 12 частей: из 12 рублей дохода «двум священникам... каждому по 3 р., а обоим 6 р., диакону 2 р., четверем причетникам каждому по 1 р.». При одноштатном: «где полный штат, из 10 р. священнику 5 р., диакону 2 р. 50 к., дьячку и пономарю каждому по 1 р. 25 к. ... Где священник с двумя причетниками, из 10 р. священнику 6 р., дьячку и пономарю по 2 р.»⁷⁶.

Синод, контролируя правильность исполнения общих постановлений о свечной продаже, в 1826 г. обращает внимание на «противозаконность» разрешения, последовавшего от Астраханской духовной консистории. По «силе условия», которое заключила Консистория с купцом Федором Мязиным, ему разрешалось «производить розничную продажу восковых свеч токмо в трех местах в городе Астрахани». В пользу церковного свечного

---

⁷² ПСЗ. 2-е собр. Т. XVIII. Ч. 2. № 16852. С. 231.

⁷³ Там же. С. 231–232.

⁷⁴ Цит. по: Знаменский П. В. Приходское духовенство на Руси... С. 757.

⁷⁵ Поводом для рассмотрения дел в Синоде послужили жалобы причетников разных церквей о несправедливом разделе доходов и земли в Рязанской епархии, нарушавшем правило 1764 г.: «священнику двадцать, диакону пятнадцать и причетникам по 10 частей». (ПСПиР. Т. 9. 1834. № 555. С. 788.)

⁷⁶ В указе Синода предусматривались случаи раздела доходов по девяти вариантам. Такой раздел как священно- и церковнослужители, так и «епархиальное начальство» признавали «за удобный и безобидный». (Там же. С. 792.)

капитала купец должен был перечислять ежегодно 3000 руб.⁷⁷ Синод отменил данное соглашение, ссылаясь на указ 1808 г., по силе которого розничная торговля церковными свечами частными лицами была запрещена «под каким бы то ни было предлогом». Духовной консистории было сделано «строгое замечание» за подобную «противозаконную отдачу на откуп церковных свеч»⁷⁸.

Итоговым документом, который определял порядок организации новых приходов и строительства храмов на последующие десятилетия был принятый в 1841 г. Устав Духовных консисторий (далее — Устав ДК). В 44-й статье III главы Устава ДК были изложены «главные и общие» обязанности епархиального начальства при сооружении храмов. Они заключались «в наблюдении и действиях», чтобы «храмы Божии сооружались в тех местах», где православные христиане имели «в том надобность»⁷⁹. Также следовало наблюдать, чтобы церкви не сооружались сверх необходимой потребности, «дабы после не оставались в опустении и небрежении, неприличном святости храма». Места для церкви должны были избираться удобные «на площади, а не посреди обывательских строений», а сами церкви после разрешения возводить «без замедления из прочных материалов»⁸⁰.

Епархиальным властям, после получения от прихожан просьбы об образовании нового прихода и построении церкви, предписывалось в соответствии со статьей 45 Устава ДК через «доверенных духовных лиц, обще с полицейским чиновником» собрать необходимые сведения о будущем приходе. Эти сведения касались места предполагаемого возведения храма — «прилично ли и удобно» оно было, каковы были причины организации прихода и все ли прихожане желают

⁷⁷ ПСПиР. Т. 9. 1826. № 58. С. 72.

Купец также обязывался с помощью полиции бороться с подложной свечной торговлей городских и иногородних торговцев.

⁷⁸ Там же. С 73.

⁷⁹ «...по отдаленному жительству от других церквей, по неудобству сообщений, или когда существующая, или существующие приходские церкви недостаточны для помещения всех прихожан». (ПСЗ. 2-е собр. Т. XVI. № 14409. С. 227.)

⁸⁰ Там же.

этого⁸¹. Также следовало прояснить вопрос о том, чем будет обеспечено содержание причта новой церкви. После проверки поступивших сведений, если оказывалось, что строительство церкви действительно необходимо и нет никаких препятствий «к дозволению оной», духовное начальство составляло свое заключение и вместе «с приложением плана и фасада», рассмотренными местной Строительной комиссией, представляло необходимые документы в Синод для получения окончательного разрешения⁸².

В случаях, когда приход предстояло организовать в удельных селениях или ведомства государственных имуществ, решение подобных дел следовало начинать «сношениями с теми начальствами, каким ведомы просящие о построении церкви и не иначе» как по предварительному назначению «теми же начальствами источников на построение и содержание церкви и причта»⁸³.

Инициатива построения церкви помимо прихожан могла исходить непосредственно от епархиального начальства. Тогда условия строительства должны были согласовываться «с прихожанами или с начальствами»⁸⁴. «При неуспехе» обращения к прихожанам предписывалось «доносить о том» Синоду «с подробным изложением причин необходимости построить церковь»⁸⁵.

По статье 55 Устава ДК «для построения церквей» прихожане могли получить пособие от епархиального начальства. Оно состояло в том, что, во-первых, прихожане могли рассчитывать на ходатайство через Синод «об отпуске леса из казенных дач» с предоставлением «исчисления, на что именно, сколько и какого рода и размеров... потребно леса». Во-вторых,

---

⁸¹ «...от каких церквей поступят к ней прихожане; все ли они того желают... достаточно ли будет число сих прихожан к составлению полного прихода... какое за тем число прихожан останется при той церкви, от которой некоторые будут причислены к новой». (ПСЗ. 2-е собр. Т. XVI. № 14409. С. 228.)

⁸² Там же.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Там же. С. 229.

⁸⁵ Там же.

из консистории выдавалась «выбранному и уполномоченному» от прихожан «книга для сбора пособий от Христолюбивых жертвователей»⁸⁶ сроком на один год^у.

В последующие годы в положения Устава ДК были внесены некоторые изменения. В 1858 г. министр государственных имуществ в своем отношении к Синоду просил оказать содействие «с духовной стороны» в деле строительства новых церквей и образования при них приходов в казенных селениях. Синод нашел, что порядок, изложенный в статье 45 Устава ДК, «по опыту» оказался затруднительным⁸⁷. Поэтому просил высочайшего разрешения распространить на все епархии право епархиальным преосвященным «разрешать построение новых церквей собственною властью»⁸⁸. В соответствии с прошением по указу 1865 г. в Устав ДК были внесены изменения. Теперь епархиальным архиереям предоставлялось право на «постройку, перестройку и распространение соборных, приходских и кладбищенских церквей как в селениях, так и в городах», а также церковных сооружений в монастырях (за исключением церквей в столицах и древних, а также храмов, строившихся на средства от Синода)⁸⁹. Согласно установленному порядку проекты на церковное строительство передавались из Духовных консисторий в местные Строительные отделения при Губернских правлениях.

В 1862 г. было образовано «особое Присутствие из духовных и светских лиц». Ему предстояло заняться вопросами улучшения «обеспечения быта» приходского духовенства и увеличения его «гражданских прав и преимуществ»⁹⁰. В 1863 г. было утверждено предложенное Присутствием положение, согласно

⁸⁶ ПСЗ. 2-е собр. Т. XVI. № 14409. С. 227.

⁸⁷ Согласно Уставу ДК (статья 50) епархиальное начальство самостоятельно могло разрешить только построение новых «сельских церквей вместо обветшавших или сгоревших», а также ремонт и «распространение невместительных церквей» без учреждения нового прихода. (Там же. С. 229.)

⁸⁸ Там же. Т. XXXIII. № 33253. С. 712.

⁸⁹ Там же. Т. XL. № 42348. С. 830-831.

⁹⁰ Предметы, которые должны были рассматриваться в Присутствии по делам православного духовенства, по отзыву императора, «нисколько не касаются до внутреннего

которому прихожанам, желавшим образовать новый приход и построить церковь «в селениях государственных крестьян или других сельских жителей», предлагалось устроить «вместе дома для жительства причта»⁹¹. В случае несогласия «на то просителей», епархиальный архиерей был вправе оставить ходатайство будущих прихожан «без дальнейшего действия впредь до изъявления такового согласия»⁹².

Чтобы улучшить результативность работы губернских Присутствий по обеспечению духовенства⁹³, было высочайше разрешено приглашать в их состав на правах членов «губернских предводителей дворянства, городских голов... управляющих местными удельными конторами», а также других местных начальников разных управлений, которые имели в своем ведении «значительные хозяйственные споры или учреждения»⁹⁴. В 1866 г. епархиальным архиереям предоставлялась возможность «приглашать к участию в делах губернских Присутствий» представителей земства. Привлечение значительных средств и пособий земства, по мнению министра внутренних дел, выступившего с этим предложением, могло принести «существенную пользу делу улучшения быта духовенства»⁹⁵.

Деятельность приходских попечительств, созданных по указу 1864 г., была направлена на «благоустройство и благосостояние приходской церкви и причта в хозяйственном отношении»², а также для организации «первоначального обучения детей»⁹⁶. Правительство рассчитывало, что на производство пособия причту от прихожан или «посторонних лиц» поступят добровольные пожертвования. В случае недостатка указанных

устройства самой церкви, а тем менее ее святого учения, всегда неприкосновенного». (ПСЗ. 2-е собр. Т. XXXVII. № 38414 (указ от 28 июня). С. 560-561.)

⁹¹ Там же. Т. XXXVIII. № 39768. С. 664.

⁹² Это правило, «по мере удобства и возможности», могло применяться и при «устройстве новых приходов в городах». (Там же.)

⁹³ Губернские присутствия утверждались указом 1863 г. (Там же. № 39481. С. 339-340.)

⁹⁴ Там же. № 39871. С. 849.

⁹⁵ Там же. Т. XLI. № 43080. С. 321.

⁹⁶ Там же. Т. XXXIX. № 41144. С. 689.

средств прихожане могли назначить в пользу местного причта определенный сбор, единовременный или постоянный, деньгами или натурой⁹⁷.

Через несколько лет работы упомянутых «общественных учреждений» в Синод стали поступать ходатайства от различных приходских попечительств с просьбой о предоставлении им права распоряжаться уже всеми церковными суммами⁹⁸. В 1868 г. Синод, признав подобные «домогательства... противными каноническому правилу: „никто да не присвоит церковного достояния“», предписал епархиальным преосвященным внушить приходским попечительствам, что их цель состоит прежде всего «в воспособлении Правительству и Святой Церкви в поддержании благолепия церковного, в обеспечении служителей, в распространении духовного образования, а не в воспрещенном канонами посягательстве на ее достояние»⁹⁹.

Наибольшее значение для организации православных приходов, назначения и обеспечения причтов в последующем десятилетии имело высочайше утвержденное Положение 1869 г. (от 16 апреля). Присутствие по делам православного духовенства, рассмотрев «соображения» епархиальных архиереев, предложило «в видах уравнивания приходов» упразднить некоторые из них, соединив с другими приходами¹⁰⁰. Губернским присутствиям предстояло собрать необходимые сведения и, «не стесняясь существующим разделением церквей на классы», составить новое расписание приходских церквей

---

⁹⁷ Попечительства были обязаны заботиться «о том, чтобы приходское духовенство пользовалось всеми предоставленными ему средствами содержания, а в случае недостатка сих средств, об изыскании способов для увеличения оных». (ПСЗ. 2-е собр. Т. XXXIX. № 41144. С. 690.)

⁹⁸ К церковным суммам принадлежали средства, отпускаемые из казны на содержание церквей, кошелевый, кружечный сборы, добротходательные и другие сборы, доходы от оброчных статей (аренда церковного дома, участков земли, лавок, принадлежащих церкви), суммы от продажи церковных свечей, венчиков и разрешительных молитв. (Там же. Т. XVI. № 14409. Устав духовных консисторий... Ст. 146-147. С. 239.)

⁹⁹ Циркулярные указы святейшего правительствующего Синода, 1867-1900 гг. СПб., 1901. 2-е изд, доп. 1868 г. № 62. С. 72.

¹⁰⁰ ПСЗ. 2-е собр. Т. XLIV. № 46974. С. 321.

(городских и сельских)¹⁰¹. Соответственно изменялся и количественный состав причтов. «Нормальный штат причта» каждой самостоятельной приходской церкви «полагался» из настоятеля (священника) и одного причетника (в звании псаломщика)¹⁰². В случае многочисленности «приходских деревень» и отдаленности прихожан от своей церкви, в штат назначался помощник настоятеля (младший священник, «преимущественно из вновь рукоположенных»)¹⁰³ и второй псаломщик¹⁰⁴. Нештатного дьякона или сверхштатного псаломщика разрешалось определять к церквам при условии, что прихожане «от себя» назначат такому дьякону «достаточные средства содержания, особые от средств содержания штатных членов причта»¹⁰⁵. По правилам замещения вакансий («ваканций» — как говорилось в Положении) должен был соблюдаться порядок постепенности — помощником настоятеля назначался кандидат, прослуживший «некоторое время в звании псаломщика или дьякона». На вакансию псаломщика можно было поступить после окончания курса семинарии или тем, «которые по окончании сего курса пребыли не менее трех лет учителями в начальных

---

¹⁰¹ При сокращении и объединении приходов указ предписывал учитывать такие факты, как населенность приходов, расстояние церквей друг от друга, удобство сообщения, вместительность храмов, а также «нравственно-религиозное состояние прихожан» и степень «привязанности их к своим церквам». (ПСЗ . 2-е собр. Т. XLIV. № 46974. С. 322.)

¹⁰² «На обязанность псаломщиков, под наблюдением Настоятеля и по его распоряжению, возлагается: а) исполнение при богослужении клиросного чтения и пения; б) сопровождение Настоятеля или его помощников при посещении прихожан, для исправления духовных треб; в) все письмоводство по церкви и приходу». (Там же.)

¹⁰³ «Помощники Настоятеля имеют свою обязанность отправлением очередного богослужения, исправление духовных треб и исполнение других пастырских обязанностей под руководством Настоятеля». (Там же. С. 321.)

¹⁰⁴ Если по штату полагался один священник, то второй псаломщик назначался только в том случае, когда в приходе было не менее 1000 д. м. п. Прибавив к этому количеству еще 1000 душ женского пола (далее — д. ж. п.), хотя в большинстве случаев количество женщин превышало мужчин, мы получим общее количество прихожан — 2000. Это составляло примерно 500 дворов (в расчет обычно бралось 4 человека на двор). Напомним, что по штатам 1722 г. один священник и два причетника назначались к приходам из 100–150 дворов, по штатам 1778 г. — до 200 дворов.

¹⁰⁵ Там же. С. 323.

школах»¹⁰⁶. Возраст рукоположения в сан дьякона составлял 25 лет «от рождения», а священника — «не моложе 30-ти лет». Однако возрастные ограничения не распространялись на тех кандидатов, которые окончили полный курс, во-первых, «богословского образования» в духовных академиях и были удостоены академических ученых степеней и, во-вторых, после полного курса семинарии состояли не менее трех лет в должности «наставников в духовных учебных заведениях». И те и другие определялись на настоятельские места без соблюдения «порядка постепенности» и моложе определенного указом возраста¹⁰⁷.

Ввиду отсутствия дополнительного ассигнования на жалование причтам как вновь устроенных церквей¹⁰⁸, так и уже существовавших, Присутствием по делам духовенства в 1873 г. на основании отзывает епархиальных архиереев были составлены «Правила о местных средствах содержания... и о разделе сих средств между членами причтов». В целом, эти Правила повторяли уже ранее узаконенные средства причтов: «доброхотные даяния» за требы, церковная земля, проценты с «вечных вкладов», доходы с оброчных статей¹⁰⁹. Вознаграждения и доходы, поступавшие на причт в целом, должны были вноситься в «братские кружки». Средства, собранные в такие кружки, ежемесячно или по третям года делились на клир. Из общей суммы настоятель получал три части, помощник настоятеля — две части, псаломщик — одну¹¹⁰. В Правилах были также

---

¹⁰⁶ ПСЗ. 2-е собр. Т. XLIV. № 46974. С. 323-324.

¹⁰⁷ Там же. С. 324.

¹⁰⁸ Синод своим циркулярным указом от 26 ноября 1868 г. предписал: «принимая во внимание, что сумма, назначенная на содержание городского и сельского духовенства, разассигнована и нового назначения в виду не имеется... сообщить Преосвященным, чтобы при открытии новых приходов они имели в виду обеспечение причтов собственными средствами прихожан и не рассчитывали на жалование из Государственного Казначейства и чтобы самое разрешение постройки церквей производилось не иначе, как по получении формального условия о будущем обеспечении причта». (Циркулярные указы святейшего правительствующего Синода, 1867-1900 гг. 1868 г. № 72. С. 74.)

¹⁰⁹ ПСЗ. 2-е собр. Т. XLVIII. № 52048. С. 367.

¹¹⁰ В братскую кружку не входили ни церковные средства, ни *целевые* пожертвования, определенные самими жертвователями.

определены способы раздела доходов в различных ситуациях: при сверхштатных членах причта, при переменах в личном составе, в случае смерти или «долговременного неприбытия в приход» кого-то из священнослужителей или псаломщиков.

В этот же период произошли изменения в регламентации положений, касавшихся церковных сумм. В декабре 1870 г. «для удовлетворения потребностей по учебной части духовного ведомства» свечной сбор был заменен процентным уже с трех основных статей дохода приходских храмов — кружечного, кошелькового и свечного¹¹¹. С большинства епархий он взимался в размере 21 %¹¹². Общая сумма сбора составляла 1 281 450 руб. В основу расчета необходимой суммы были положены данные о кошельковом, кружечном и свечном доходах епархий за 1868 г. Самые значительные ежегодные отчисления полагались с Московской епархии — 127 880 руб., Петербургская должна была собирать 58 950 руб., Литовская — 2700 руб., Рязанская — 29 090 руб., Полтавская — 40 080 руб., Псковская — 16 120 руб.

В свою очередь, в каждой епархии, чтобы собрать заранее определенную сумму процентного сбора, ее *раскладывали* на все приходские церкви. При уменьшении церковных доходов какой-либо церкви (например, при изменении состава причта, ремонте зданий, постройки нового храма) образовавшийся недостаток покрывался раскладкой на доходы других церквей епархии.

В 1878 г., в связи с повышением окладов содержания и пенсий лицам «с высшим образованием, определяемых в духовные училища на начальнические и учительские должности», процентный сбор с приходских церквей был увеличен еще на 4 %, то есть 14 и 25 % с перечисленных выше епархий¹¹³.

---

¹¹¹ Указ от 15 января 1871 г. (См. ПСЗ. 2-е собр. Т. XLV [1870]. № 49045. С. 614.)

¹¹² С епархий Волынской, Литовской, Минской, Могилевской, Полоцкой и Рижской — в размере 10 %. (Там же. Ч. 3. [1870]. С. 564-565.)

¹¹³ Там же. Т. LIII. № 59109 (указ напечатан в ПСЗ 9 декабря 1878 г., объявлен Синоду 5 февраля 1879 г.).

Общая сумма уже составляла 1 545 800 руб. Московская епархия отчисляла 152 240 руб., Петербургская — 70 180, Литовская — 3 680, Рязанская — 34 630, Полтавская — 47 720, Псковская — 19 190. (Там же. Ч. 3. С. 527-528.)

Доходы от продажи венчиков и разрешительных молитв, по определению указа 1871 г.¹¹⁴, предоставлялись в распоряжение «окружного местного духовенства для обращения по назначению съездов оного... исключительно на содержание бедных учеников в духовных училищах»^{aa}.

На деньги, жертвуемые прихожанами в церкви на вечное поминовение, предписывалось приобретать «банковские билеты на имя церкви, с означением, что проценты с капитала подлежат выдаче церковному причту»¹¹⁵. При покупке ценных бумаг на суммы, принадлежащие церквам¹¹⁶, их надлежало записывать именно *на имя церкви*. По указу Синода причты обязаны были «приобретать непременно именные билеты», чтобы в случае их похищения «предъявитель» не смог получить деньги¹¹⁷.

Обязанность сбора и учета сумм по-прежнему лежала на церковных старостах. Каких-либо особых изменений в Инструкцию для них в этот период внесено не было. Дополнительно в 1855 г. был принят указ, по которому государственные крестьяне во время «нахождения в должности» церковного старосты освобождались «от телесного наказания, и за проступки, учиненные ими не по должности», подвергались суду «не Сельской Расправы, а общих судебных мест»¹¹⁸. В ноябре 1867 г. обер-прокурор Синода в «соединенном Присутствии Главного комитета об устройстве сельского состояния и Департамента законов Государственного совета» обратил внимание на доклад Синода 1808 г. (от 17 апреля), где было предложено

---

¹¹⁴ ПСЗ. 2-е собр. Т. XLV. № 49045. С. 615.

¹¹⁵ Циркулярные указы... 1872 г. № 52. С. 128.

¹¹⁶ Циркулярным указом 1865 г. было «вменено... в неперемнную обязанность причтам не оставлять кошелековой суммы при церквах более ста рублей». Этот указ подтверждался в 1869 г. с определением Синода, что виновных в неисполнении указа будут подвергать «денежному штрафу в пользу Попечительства о бедных духовного звания». (Там же. 1869 г. № 43. С. 88-89.)

¹¹⁷ «...вследствие того, что деньги по билетам неименным выдаются обыкновенно предъявителю и Банк не делает никаких распоряжений к отысканию утраченных билетов этого рода», все ходатайства Духовной консистории о возврате похищенных билетов оставались «без последствий». (Циркулярные указы... 1869 г. № 37. С. 86-87.)

¹¹⁸ ПСЗ. 2-е собр. Т. XXX. № 29936. С. 727.

освободить церковных старост «из поселян... от всех нарядов и работ» на время пребывания в должности¹¹⁹ (и каковой пункт был исключен царем). Обер-прокурор предложил распространить права и льготы, которыми пользовались должностные лица сельского управления^{bb}, и на церковных старост. Это согласованное положение получило высочайшее утверждение.

Предоставив церковным старостам определенные льготы, духовное начальство по-прежнему рассчитывало на значительные пожертвования с их стороны. Так, при рассмотрении дел о награждении церковных старост следовало особое внимание уделять их попечению «о построении или починке церковных домов для жительства причтов», а где такие дома уже были — «о приобретении в собственность церкви других приносящих доход недвижимых имуществ для постоянного обеспечения причтов»¹²⁰.

Изменения постановлений, которые касались устройства церковных приходов и состава причтов, были изложены в указе от 16 февраля 1885 г. Присутствие по делам православного духовенства было закрыто. Епархиальным архиереям предоставлялось право по просьбам прихожан и «при наличии достаточных по местным условиям средств содержания» восстанавливать приходы, которые прежде были самостоятельными¹²¹. Однако на изменение в штатном составе существовавших и на учреждение причтов во вновь открываемых приходах необходимо было спрашивать разрешение Синода. По новым правилам причт в приходах, в которых было менее 700 д. м. п., должен был состоять из священника и псаломщика, в приходах, имевших более 700 д. м. п., — из священника,

---

¹¹⁹ ПСЗ. 2-е собр. Т. XLII. № 45194. С. 324.

¹²⁰ Циркулярные указы... 1870 г. № 13. С. 98.

Епархиальному начальству было предоставлено право «давать разрешение на обращение части доходов с принадлежащих церквам оброчных статей... на улучшение содержания причта», а также употреблять часть церковных сумм и вечных вкладов в пользу причтов на «устройство церковных домов и на покупку в собственность церкви других недвижимых имуществ». (Там же. С. 97.)

¹²¹ ПСЗ. 3-е собр. Т. V. № 2753. С. 65.

дьякона и псаломщика¹²². При большем числе священников на каждого полагался псаломщик. В дьяконский сан разрешалось посвящать воспитанников семинарии после ее окончания. Причем «прохождение дьяконского служения, будучи естественным подготовлением к священству», должно было по возможности соединяться с обязанностями законоучителя и учителя в начальных школах¹²³.

Последнее упомянутое обстоятельство имело большое значение, поскольку 13 июля 1884 г.¹²⁴ императором были утверждены «Правила о церковно-приходских школах»^{сс}. Как писал А. М. Ванчаков, духовенство издавна трудилось «в школьном просвещении народа», открывало свои школы и самостоятельно руководило ими. Однако при открытии своих школ «оно не получало никакой правительственной субсидии ни для устройства, ни для содержания их»¹²⁵. Правила 1884 г., по мнению автора, восстановив духовенство «в авторитете самостоятельного школьного деятеля», устанавливали общий план школьной деятельности, имевшей «важное церковно-общественное и государственное значение». Были определены условия открытия и существования школ, учебные планы и программы преподавания разных предметов, устанавливался особый педагогический надзор (в благочиннических округах — в лице священников, в епархии — под именем Епархиального училищного совета)¹²⁶.

Синод, со своей стороны, подтвердил, что при восстановлении в составе причтов штатных дьяконов «имелось в виду возложить на них, как на членов клира, наименее обремененных ежедневными трудами по приходу», преподавание в церковно-приходских школах. Поэтому в дьяконский сан,

---

¹²² ПСЗ. 3-е собр. Т. V. № 2753. С. 66. То есть 700 д. м. п. и 700 д. ж. п. — на 1400 прихожан, а это примерно 350 дворов, полагался священник, дьякон и псаломщик.

¹²³ Там же.

¹²⁴ Циркулярные указы... 1884 г. № 8. С. 191.

¹²⁵ Ванчаков А. М. Краткий историко-статистический обзор развития церковной школы с 1884 г. до настоящего времени (1884-1909 гг.). СПб., 1909. С. 3.

¹²⁶ Там же. С. 4-5.

по определению Синода 1886 г., следовало возводить только тех лиц, которые «по благочестной жизни и образованию» были достойны «служения в священном сане и надлежаще подготовлены к учительству в церковно-приходских школах»¹²⁷.

К началу 1890-х гг. в правительстве вновь поднимается вопрос о повышении роли жалованья в обеспечении приходского духовенства. Крестьянские общества¹²⁸ по своему усмотрению могли установить мирской сбор в пользу приходской церкви, взять на себя обеспечение местного причта¹²⁹. Однако, по сведениям Синода, эти добровольно взятые обязательства нередко нарушались самими же обществами, особенно в отношении содержания клира¹³⁰. Такие сельские общества могли быть «понуждаемы к исполнению приговоров чрез местную полицию». Но Синод признал этот способ «крайне нежелательным». Поэтому «циркулярно» было разъяснено всем епархиальным архиереям, чтобы о взыскании положенного причтам «содержания на основании приговоров крестьянских обществ *отнюдь не обращались к гражданским начальствам*», а в случае неисполнения подобных приговоров «ограничивались мерами нравственного воздействия на прихожан». При «безуспешности» такого обращения к совести прихожан причт должен был обратиться к епархиальному начальству, от которого в таких случаях зависело «перемещение причтов на другие места, с причислением неисправных обществ к соседним приходам»¹³¹.

---

¹²⁷ Циркулярные указы... 1886 г. № 1. С. 203-204.

¹²⁸ «На основании ст. 178 Общ. Полож. о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, крестьянским обществам предоставлено, смотря по надобности и своим средствам, устанавлять мирские сборы на устройство и поддержание церквей, заведение сельских училищ, содержание учителей и на удовлетворение других общественных и хозяйственных потребностей крестьян» (цит. по: Циркулярные указы... 1892 г. № 12. С. 320-321).

¹²⁹ По данным, которые приводит в своей книге В. Кильческий, по 50 губерниям Европейской России на пособия и жалованье духовенству и плату за общественные требы в 1891 г. было израсходовано из мирских сумм 1 181 612 руб. (*Кильческий В.* Богатства и доходы духовенства. СПб., 1908. С. 19.)

¹³⁰ Циркулярные указы... 1892 г. № 12. С. 321.

¹³¹ Там же.

С 1893 г., в связи с дополнительным ежегодным ассигнованием в 250 000 руб., в России возросло общее количество обеспеченных денежных жалованьем причтов¹³². В дальнейшем по высочайше утвержденному мнению Государственного совета с 1900 г. предстояло еще на 500 000 руб. увеличить кредит на содержание духовенства. В основу расчетов был положен одноклировый причт (священник и два псаломщика), которых было всего 43 500. Из них не получали жалованье 15 674¹³³. Государственный совет признавал, что священнику следовало бы назначить содержание до 600 руб., дьякону — до 300 руб., а псаломщику — до 200 руб., но ограниченность средств позволила в ближайшем будущем определить существенно меньшие оклады.

В начале 1880-х гг. Синод озаботился ограждением церковных сумм от потерь и убытков, поскольку «монастырские начальства и церковные причты со старостами» для получения наибольшей прибыли от церковных сумм делали вклады в частные городские земские и другие банки, «при том иногда на вечное время». То есть, выражаясь современными словами, отсылали деньги под обещания больших процентов в «банки-однодневки» и в «финансовые пирамиды». Массовое разорение и закрытие подобных структур повлекло за собой потерю церковных средств, которые десятилетиями копились как на поддержание храма, так и в пользу причтов. Поэтому Синод запретил «ни под каким видом и ни на каких условиях» помещать церковные средства для приращения процентами «в частные, общественные, городские и другие под разными наименованиями банки». Уже положенные вклады, особенно «на условиях возврата их до востребования», следовало немедленно «вытребовать»

---

¹³² И хотя Государственный совет предполагал назначать жалованье священнику от 100 до 600 руб., дьякону от 80 до 300 руб., псаломщикам от 40 до 200 руб., Синод распорядился, чтобы в составляемых от епархий списках на будущее жалованье «за среднюю цифру содержания» принимались 300 руб. священнику, 150 руб. дьякону и 100 руб. псаломщику (Циркулярные указы... 1893 г. № 5. С. 323-324).

¹³³ Подробные сведения о положении дела по обеспечению содержанием городского и сельского духовенства в империи. СПб., 1900. С. 2

и обменять на государственные процентные бумаги¹³⁴. Впредь суммы, которые принадлежали всем вообще духовным учреждениям, «в случае их свободности» следовало помещать для приращения процентами только в Государственный банк или его отделения и конторы¹³⁵.

До 1888 г. существовало «действующее постановление» на приращение четырьмя процентами вкладов, внесенных частными лицами в сберегательные кассы городского или уездного казначейства. Оно распространялось на церкви и монастыри. Согласно этим правилам, если на счете вкладчика «наросло 1000 рублей» капитала и процентов, то «течение процентов» на всю сумму прекращалось, а вклад считался «оставленным на хранение в кассе без дальнейшего приращения»¹³⁶.

В апреле 1888 г. последовало «высочайшее соизволение» на предоставление церквям и монастырям права «помещать во вклады городских сберегательных касс, для обращения из процентов, суммы и свыше 1000 рублей»¹³⁷. Но эти вклады имели только «временное назначение». Они не подлежали «немедленному расходованию», а копились и пополнялись, пока не достигали определенной необходимой суммы, например, на постройку нового храма, покупку колоколов или устройство иконостаса или ризницы¹³⁸.

В 1892 г., по определению Синода, именно церковь (храм) была тем учреждением, на имя которого следовало перевести внесенные в государственные кредитные учреждения наличные деньги и капиталы, приобретенные процентные бумаги¹³⁹. Указанные средства и ценные бумаги признавались церковными, «но лишь назначенными на нужды причтов»,

---

¹³⁴ Циркулярные указы... 1883 г. № 3. С. 173-184.

¹³⁵ Там же. С. 184.

¹³⁶ Там же. 1888 г. № 7. С. 260.

¹³⁷ Там же. С. 261.

¹³⁸ Там же. 1888. № 3. С. 261.

¹³⁹ По определению Синода 1873 г., приобретенные на церковные суммы билеты внутреннего с выигрышами займа должны были храниться в Государственном банке или в его местных конторах или отделениях, в церкви были только расписки в получении банком на хранение ценных бумаг. (Циркулярные указы... 1873 г. № 38. С. 147.)

так как по существовавшим законам «церковные причты вовсе не поименованы в числе лиц и учреждений, имеющих право на приобретение имущества»¹⁴⁰.

По новой Инструкции для церковных старост, утвержденной в 1892 г., чтобы обеспечить правильный учет церковных доходов и расходов, была введена присяга церковных старост. При ежемесячном освидетельствовании денежных средств церкви, вынимаемых из кружек и ящиков, необходимо было присутствие двух представителей от прихожан¹⁴¹. Обязанностей у церковного старосты становилось больше (в связи с операциями с денежными суммами и ценными бумагами и др.), но были также закреплены ранее дарованные льготы¹⁴². Согласно § 57 епархиальному архиерею предоставлялось право «входить... с представлениями о наградах как церковных старост, так и представителей прихожан». Но Инструкция по-прежнему не проясняла вопроса о вознаграждении церковных старост за исправление должности, связанной с большой нагрузкой и финансовой ответственностью.

Таким образом, на протяжении двух столетий законодательной регламентации подверглись все стороны жизнедеятельности православного прихода. В ходе реформ начала XVIII в. была заложена та основа законодательно установленных правил

---

¹⁴⁰ Циркулярные указы... 1892 г. № 3. С. 310.

В дальнейшем было разъяснено, «1) что перевод вкладов с имени церковных причтов на имя церкви следует учинять не иначе, как по письменным заявлениям подлежащих причтов; 2) что переводу должны подлежать: вклады срочные и бессрочные, вклады сберегательных касс и вклады на хранение в процентных бумагах, безразлично, внесены ли сказанные вклады самими причтами или посторонними лицами и жертвователями; 3) что на расписках, свидетельствах или книжках, выдаваемых на имя церкви, надлежит указывать, что вклады и проценты назначены на нужды причтов; 4) что если на прежних документах (выданных на капиталы пожертвованные) были какие-либо указания относительно употребления вклада или доходов с него, все сии указания должны быть дословно прописываемы на вновь выдаваемом документе» (Там же. 1892 г. № 10. С. 319).

¹⁴¹ В случае неявки даже обоих представителей выплата денег все равно производилась. (ПСЗ. 3-е собр. Т. X. № 6923. С. 469.)

¹⁴² «§ 54. Крестьяне, во время прохождения должности церковного старосты, освобождаются от всех нарядов и работ, а равно телесного наказания». (Там же. С. 470.)

и требований в отношении прихода, которые в последующие столетия получили дальнейшее усовершенствование и, можно сказать, ужесточение. Государство, оставляя за собой право всесторонней законодательной регламентации устройства и функционирования Православной Церкви, передает под контроль духовных властей (Синода, епархиальных архиереев) вопросы образования приходов и строительства церквей, определения, согласно штатам, клира. И хотя право прихожан избирать себе причт в то время еще не оспаривается, однако введение обязательного образования для приходского духовенства (с последующим назначением на места местными архиереями) начинает разрушать сложившуюся традицию. Не остались без внимания правительства и церковные средства. Введя должность церковного старосты, оно не только «потеснило» приходское духовенство в вопросах сбора и распоряжения церковными суммами, но и перераспределило часть этих средств на общегосударственные цели.

Во второй половине XVIII в. были приняты указы, определившие более четкие правила регулирования материального положения приходского духовенства: наделение узаконенной пропорцией земли и установление фиксированной минимальной оплаты за исправление треб. Будущее определение материального обеспечения причта (в том числе и церковными домами) со стороны прихожан стало тем ключевым вопросом, разрешение которого способствовало дальнейшему продвижению в деле открытия нового прихода или строительства церкви. Однако ожидавшееся приходским духовенством включение «в штат» и назначение жалованья от казны, которое получили после секуляризации городские соборы и некоторые уездные (городские) церкви, не нашло повсеместного распространения.

Задуманная правительством в начале XIX в. реформа духовного образования потребовала больших материальных средств. Необходимые суммы были изъяты у приходских церквей под обещание в ближайшем будущем кардинального решения вопроса обеспечения причтов. Не только накопленные

долгими годами средства были безвозвратно востребованы на общецерковные нужды, но и будущие доходы (свечной и др.) также были исключены из распоряжения приходских церквей.

В 1841 г. был издан Устав Духовных консисторий. В отношении правил, которые касались православного прихода, можно сказать, что это был итоговый свод тех основных *узаконений*, которые в будущем лишь незначительно изменялись и дополнялись. В них излагались обязанности епархиального начальства по сооружению, ремонту, перестройке церквей, образованию приходов, назначению причта; наблюдению за правильностью приобретения, расходования и использования церковного имущества и средств.

В начале 1840-х гг. постепенно в некоторых епархиях начала осуществляться выплата окладов жалованья от казны. Однако назначенные оклады из-за нехватки государственных средств были гораздо меньше тех сумм, которые требовались священно- и церковнослужителям, чтобы действительно чувствовать себя независимыми в материальном отношении от прихожан. При этом штаты в таких приходах подверглись сокращению. По этому же пути сокращения, но уже не только состава причтов, но и приходов, пошло Присутствие в ходе реформ 1860–1870-х гг. Отметим, что практика объединения приходов с *приписанием* обедневших или сгоревших и невозстановленных церквей к соседним храмам была известна и в XVIII в., и в первой половине XIX в. Уменьшение же общего количества приходов при утверждении новых расписаний в 1870-х гг. с целью их укрупнения и за счет этого повышения уровня обеспечения приходского клира отличалось от мероприятий, проводившихся до этого времени. Ранее Синод всегда предписывал епархиальным архиереям «с великой осторожностью» закрывать самостоятельные приходы.

Преобразования приходов не мыслились без ближайшего участия прихожан. Безусловно, «к общественным приходским силам обратились... под влиянием материальной нужды», поскольку именно материальная сторона занимала «главное

место во всех тогдашних проектах приходского устройства»¹⁴³. По убеждению крайних реформаторов прихода, как писал А. П. Иванов, церковно-приходская жизнь оживилась бы и расцвела лишь в том случае, когда приходская община явилась бы «в качестве правосубъекта, распорядителя и управителя церковным имуществом»¹⁴⁴. Но таких необходимых привилегий ни общество прихожан в целом, ни образованные при церквях Попечительства не получили. Правительство и духовная власть не прислушались к инициативе московского губернского земства. И в дальнейших своих указах подтвердили положение, что именно церковь (храм) являлась тем самым *юридическим лицом*, которому принадлежало право на имущество и средства прихода. Более того, подвергая церковные средства жесткой регламентации и контролю в плане их сбора и распоряжения причтом и церковным старостою, государство продолжило политику отчислений денежных сумм¹⁴⁵ из доходов церкви на общегосударственные, общецерковные и сословные (в пользу белого духовенства) цели. Поэтому в связи с восстановлением сокращенных приходов и отменой некоторых указов периода реформ правительству вновь пришлось брать на себя вопрос материального обеспечения приходских причтов.

---

¹⁴³ Вопрос о приходской реформе в царствование императора Александра II. Пг., 1917. С. 3-4.

¹⁴⁴ Иванов П. А. Какие права могут принадлежать мирянам в строении церковно-приходской жизни. Томск, 1916. С. 2.

¹⁴⁵ В 1879 г. процентный сбор от свечного, кружечного и кошелькового сбора составил 1 545 800 руб., в том числе повышение отчислений на 4 % дало увеличение общей суммы только за один год на 252 640 руб. (Церковный вестник. 1880. № 14. С. 95-97.)

Примечания к Главе 1

^a Перечень необходимых сведений, которые требовались от прихожан, были оговорены еще указом от 31 октября 1722 г.: «на каком месте и на чьей земле каменную или деревянную церковь построить кто желает, и во чье имя, и какая его нужда к тому новой церкви строению ведет, и чем он будет священнослужителей довольствовать... и при коликих какого звания приходских дворах быть имеет, и те дворы до того времени в которых приходах и в коликом расстоянии от оною места обретаются». (ПСЗ. Т. VI. № 4122. С. 791-792.)

^b В. П. Знаменский, говоря о наследственности духовного служения, отмечает, что «XVIII в. застал ее уже достаточно развитой и крепкой, так что дальнейшее ее развитие прямо вело уже к устранению от церковного служения всех посторонних кандидатов недуховного происхождения...» (*Знаменский В. П. Приходское духовенство на Руси: Приходское духовенство в России со времени реформы Петра*. СПб., 2003. С. 237.)

По мнению П. С. Стефановича, «на основной территории России в конце XVII в. при поставлении клириков в приход учитывался в первую очередь не их договор с „миром“, а их „родовое право“ на церковное место и моральный облик». (*Стефанович П. С. Приход и приходское духовенство в России в XVI-XVII веках*. М., 2002. С. 255.)

^c Определение второго священника по просьбе прихожан к приходу «при двухстах дворах» следовало производить «с крайним осмотрением». По двое священников могло быть в приходе, в котором было от 250 до 300 дворов прихожан. В больших приходах (от 300 дворов), в которых двоим священникам «исправиться не можно», определяли третьего. В указе также воспрещалось на места престарелых священников, которые были моложе шестидесяти лет и не имели болезней, производить других священнослужителей. Определение дьяконов происходило на основании указа 1768 г.: дьякон при одном священнике мог быть только «в знатных местах» — в Москве, Петербурге и там, где мог получать «довольное пропитание», причем в сельских приходах должно было быть не менее 100 дворов (ПСЗ. Т. XX. № 14807. С. 753.)

^d Для того чтобы сыновья священников и дьяконов, а также пономари и дьячки «призывного возраста» (от 16 до 40 лет) не избежали воинского разбора и «коварными образами... неправильно и несправедливо» не похищали себе чинов, по приговору «Освященного Собора с Правительствующим Сенатом» подтверждались «правила Святых» о возрасте посвящения: в дьяконы — с 25 лет, в священники — с 30 лет. (ПСЗ. Т. IV. № 2352. С. 668 (указ от 25 апреля 1711 г.)

^e «При многих Церквах поп не пропускает в церковники чужих, но своими сынами или сродниками места того служения занимает, иногда и вящше потребности, и не смотря, удобны ли суть и грамоте искусни. Сие... вредно есть... а противное творящих попов жестоко наказывать, разве по приговору прихожан, и по благословию именному Епископа может священник сына своего, петь и честь искусного, да только единого имети в дьячках или пономарях». (Духовный регламент. С. 86.)

^г «Когда прихожане и помещики, которые живут в вотчинах своих, изберут человека к Церкви своей в священники, то должны в доношении своем засвидетельствовать, что оный есть человек жития доброго и не подозрительного... А ежели оный избранник, пред Епископом явится в каком подозрении или расколе, и оного чина не достоин, сие оставляется в рассуждение Епископа». (Духовный регламент. С. 57–58.)

^е Если среди окончивших или оканчивающих свое обучение студентов были достойные кандидаты, чтобы занять священнические или дьяконские вакансии, то предписывалось «оных предпочтительно и производить», даже тех, «которые совершенных лет не достигли, но они находятся в высших школах и имеют скоро окончить учения своего курса». И по указу 1784 г.: «вновь из церковников во священники и диаконы, кроме семинаристов, отнюдь никого не производить». (ПСЗ. Т. 22. № 15981. С. 100.)

^h 17 июня Синод слушал «ведение Правительствующего Сената с прописанием Именного Его Императорского Величества Высочайшего повеления... о непринимании ни от кого и ни в каких местах прошений, многими подписанных». На основании этого запретительного указа Синод приказал, чтобы обычно подаваемые согласно Духовному регламенту доношения от прихожан «о добропорядочном поведении того избираемого ими человека», которые подписывались многими, уже не принимать. Прошение должен был подписывать только желающий поступить в священно- и церковнослужители. В целях единообразия формы приложений образцы «одобренных прихожанских» были отпечатаны в количестве пятидесяти тысяч экземпляров. (ПСПиР. Т. 8. 1797. № 103. С. 72–73.)

ⁱ Отметим, что П. В. Знаменский считал, «что до XVII в. земля была у церковей добротным даром приходской общины, как и все другие церковные доходы: законодательство не вступалось в это дело». (*Знаменский П. В. Приходское духовенство на Руси...* С. 114.)

Предположение о существовании указа 60-х гг. XVI в. относится к новейшим историческим исследованиям. См.: *Стефанович П. С. Приход и приходское духовенство...* С. 129.

^j Церкви и монастыри, которые находились на «царской руге» еще с XVII в., то есть обеспечивались из государственной казны, по Манифесту 1764 г. были расписаны по классам и включены «в штат». Так, «трем Московским соборам и имеющим в оных быть духовным чинам в жалованье и на церковные потребы положено, а именно: на Успенский 2752, на Благовещенский 1558, на Архангельский 1558 же, итого 5868 рублей в год». (ПСПиР. Т. 5. 1764. № 167. С. 178.)

^k «...за молитву родильнице две копейки, за крещение младенца три, за свадьбу по десять, за погребение возраст имеющих десять, а за погребение младенцев три копейки, за исповедь же и причастие Святых Тайн отнюдь ничего не брать, а за молебны и поминование родителей давать каждому по соизволению и по возможности». (ПСЗ. Т. XVII. № 12378. С. 117.)

Другим прихожанам не запрещалось давать «по своему имуществу и желанию» больше. Однако введение узаконенной фиксированной платы, по мнению духовенства, ограничило возможность получить для них более существенный доход от богатых прихожан.

¹ История обложения приходского духовенства «святительской данью» и ее раскладки на приходские дворы рассмотрена П. С. Стефановичем в его работе «Приход и приходское духовенство в России в XVI – XVII веках» (С. 116–123).

^м Деньги высыпались в два ящика, которые по указу требовалось «приковать в приличном месте к стене» и содержать под замком и печатами. В конце месяца суммы высыпались, пересчитывались при причте, церковном старосте «и при знатных приходских людях» и записывались в «учиненные на то книги без всякой утайки». (ПСЗ. Т. VII. № 4277. С. 97.)

^н Как отмечено в указе, «сбор за мирские требы» ставил священника «в непрерывное состязание с теми самими лицами, коих любовь и уважение ему наиболее нужны». Эти сборы «упадали» не на целое селение и распределялись «не по мере имущества», а приходились только на некоторые лица и «по случайным происшествиям жизни», поэтому часто тяготили «людей недостаточных». (Там же. Т. XXX. № 23122. С. 374.)

^о Собственно Инструкция для церковных старост Петербургских церквей не была чем-то неизвестным. В ЦГИА СПб сохранилась «Инструкция вновь избранному церковному старосте церкви Вознесения Господня петербургскому купцу Александру Березину», выданная из Духовной консистории в 1769 г. Перечисленные в ней обязанности будут почти дословно переданы в Инструкции 1808 г. (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 7360. Л. 5–7)

^р Институт церковных старост, введенный указом Петра I, не получил должного распространения в XVIII в. еще и потому, что избранные в эту должность не освобождались от обязанностей других присутственных мест и не имели существенных выгод. Так, в 1781 г. преосвященный Вениамин, митрополит Казанский, просил Синод освободить церковных старост от «полицейских должностей и от содержания в домах их постоев», поскольку, «не получа в чувствуемом ими отягощении облегчения», они откажутся от своих должностей. Синод ответил, что на этот счет «точных законов нет». (ПСПиР. Т. 6. 1781. № 1039. С. 342.)

^с Церковные старосты должны были присутствовать при всех богослужениях в храме, продавать свечи, собирать «от добротных дателей» деньги в кошельки или кружки, вести приходо-расходные книги, принимать «делаемое в церковь приношение», смотреть за сохранностью церковной суммы, заботиться о «целости церковного имущества», на них возлагалась покупка необходимых для церкви вещей, а также «поряды, починки и пристройки». (ПСЗ. Т. XXX. № 22971. Инструкция церковным старостам. С. 189–190.)

^т В указе 1810 г. (от 14 ноября) разъяснялось, что прибыль, которая выручалась «от продажи свеч, приносных в церкви, от свеч, выделяемых из приносного воска, от свеч, выделяемых из огарков, кои остаются от Священнослужения, погребения усопших, молебнов, панихид и прочих мирских треб, от свеч малосгоревших и не зажигаемых по множеству их, как то бывает во дни праздничные, и потому паки обращаемых в продажу», присоединялась к свечным доходам, которые «было назначено отсылать для приращения». (ПСЗ. Т. XXXI. № 24418. С. 447.)

⁵ Это были «ученики, кои... не в состоянии обучаться в Училищах на собственном иждивении... коих отцы» уже содержат в Училище более одного сына, а также те, «кои... сами себя пропитать не могут». Для «призрения учеников» Комиссия «предназначила при каждом уездном Училище учредить бursы». Например, для Петербурга денежного пособия полагалось «полному бурсаку 50, а полубурсаку 25 рублей». В остальных губерниях и уездных городах — 40 и 20 руб. соответственно. (ПСЗ. Т. XXXI. № 24159. С. 95.)

¹ По рапортам, представленным в Сенат в 1814 г., к 1016 церквам в 23 губерниях еще не было намежено земли. В то время при Межевой канцелярии было только 24 *генеральных землемера*, и они были не в состоянии быстро выполнить необходимое межевание по различным губерниям к упомянутым церквам. (Там же. Т. XXXII. № 25520. С. 733.)

² По указу 1800 г. было запрещено строить деревянные церкви (ПСЗ. Т. XXVI. № 19701. С. 483). Указ 1835 г. признал повсеместное строение деревянных церквей «существенно полезным и по обстоятельствам времени нужным», поскольку строительство каменных церквей требовало значительных средств. Приходы, которые не могли построить новую каменную церковь вместо обветшавшей деревянной, приписывались к другой, «нередко отдаленной церкви». В таких случаях редкое посещение церкви, по мнению правительства, могло ослабить в народе «расположение к общественной молитве, столько полезное для поддержания в нем чистого благочестия». (ПСПиР. Т. 9. 1835. № 620. С. 876.)

³ По мнению императора, «добрые христианские нравы» составляли основание общественного благоденствия, «а нравы назидаются наставлением и примером духовенства». Поэтому он считал важным получение образования теми, кто посвящал себя Церкви и в дальнейшем, при прохождении служения «с ревностию и достоинством, не препинаясь заботами жизни», имел безбедного содержание. (Там же. 1828. № 165. С. 221.)

⁴ Предполагалось, что плата при совершении крещения будет 50 коп., брака — 3 руб., «погребении возрастного — 2 руб., малолетнего — 50 коп.». Причем причтам запрещалось «требовать доход, прежде исправления какой-либо требы... а постановить непрременным правилом, чтобы принимать доходы всегда после исправления треб». (Там же. № 184. С. 252.)

⁵ Из остатков упомянутой суммы в 1 млн руб. сер. по указу от 18 декабря 1843 г. предполагалось выплачивать штатные суммы на содержание 18 городских и сельских церквей Лифляндии и Курляндии. Состав причта и оклады каждой церкви были определены особо. Например, причт Петропавловского кафедрального собора в Риге насчитывал 14 лиц (общий оклад 2915 руб. сер.), Успенской церкви в Дерпте — 7 (972 руб. сер.), Скорбященской церкви в с. Черном — 4 (412 руб. сер.). (См.: ПСЗ. 2-е собр. Т. XVIII. Ч. 2. № 17418. С. 318–319.)

⁶ По указу Синода 1835 г. епархиальным архиереям было предписано, чтобы книги для сбора «на церковное строение добротных подаваний» выдавались только тем людям, которые будут «избраны местными священно-церковнослужителями и прихожанами, или из среды самих прихожан, или посторонних свободных людей», и чтобы

священнослужителям, которые находились «при должности» подобных поручений «отнюдь давано не было». (ПСПиР. Т. 9. 1835. № 611. С. 866.)

^a В состав приходских попечительств — «органа местных обществ», как определялось в указе, обязательно входили местный священник, церковный староста, волостные старшины или головы (в сельском приходе). Остальные члены от прихожан избирались «общим их собранием» на срок, определенный «по местным обстоятельствам каждого прихода». Председатель (не обязательно священник) попечительства избирался общим собранием прихожан большинством голосов.

^{aa} Деньги, которые собирались от церквей каждого училищного округа, отсылались в местные духовные консистории, а затем поступали в Правления духовных училищ.

Чтобы «возвысить доход», решено было «удешевить цены венчиков и листов разрешительной молитвы, по которым духовенство будет приобретать их из Синодальных типографий» и «возвысить установленные Св. Синодом цены для продажи в церквях». (Циркулярные указы... 1871 г. № 21. С. 110-112.)

^{bb} По статьям 123 и 124 Общего положения 19 февраля права и преимущества состояли в том, что «лица сии, на время их службы, увольняются лично от всяких натуральных повинностей, которые за них принимает на себя общество, и освобождаются от телесного наказания; назначение же им жалованья или иного вознаграждения предоставлено усмотрению общества». Относительно вознаграждения соединенное Присутствие посчитало, что данная статья не может применяться «непосредственно к церковным старостам», поскольку старосты «несут службу не сельскому обществу, а приходу», который мог состоять из нескольких сельских обществ. (ПСЗ. 2-е собр. Т. XLII. № 45194. С. 325.)

Правило освобождения от телесного наказания церковных старост из государственных крестьян «не было в то время распространено на помещичьих крестьян» по причине существования тогда крепостного права. (Там же.)

^{cc} Это далеко не первый указ, который относится к распространению образования. В правилах 1836 г. говорилось, что «обязанность первоначального обучения поселянских детей относится к обязанностям приходского духовенства». Обучение должно было происходить «домашним образом в доме одного или двух из членов приходского причта... без всякого договора и без требования возмездия». (См.: Правила о церковно-приходских училищах православного духовного ведомства. СПб., 1865. С. 1.) В 1841 г. епархиальному начальству вменялось «в обязанность располагать и поощрять приходское духовенство к заведению и поддержанию при церквях училищ, в виде простом... для обучения детей поселян чтению, письму, молитвам и начаткам катехизиса». (Там же. С. 4.) Указом 1862 г. учреждаемые духовенством народные училища оставались в «заведывании духовенства». Синод отдавал справедливость «тому похвальному самоотвержению, с которым духовенство посвятило себя делу народного образования», и надеялся, что духовенство, «проникнутое сознанием истинного своего значения и призвания, останется верным священному долгу учить и наставлять народ» и утверждать в нем нравственные правила христианской жизни. (Там же. С. 13.)

Глава 2. Организация приходов и строительство церквей во второй половине XIX в.

Население. *Общее количество и динамика изменения численности*

Петербургская губерния во второй половине XIX в. относилась к малонаселенным территориям. По данным на 1862 г., на 1 кв. версту приходилось 29 жителей¹; в 1882 г. — 15 чел. (без Петербурга)²; по всеобщей переписи 1897 г. в губернии (также без столицы) насчитывалось только 21,6 чел. (с Петербургом — 53,6)³. По трем исследуемым уездам плотность населения была еще меньшей. Так, на 1 кв. версту в Новолодожском уезде в 1882 г. приходилось 5 чел. (в 1897 г. — 11,4), в Ямбургском — 18 (23,2) и в Лужском — 10 (14,9)⁴.

При сопоставлении имеющихся в нашем распоряжении опубликованных статистических данных видно, что общая численность населения трех исследуемых уездов за полувековой период возрастала неодинаково. В Ямбургском уезде за период 1850–1896 гг. прирост населения составил 57 %, в Лужском — 41 %, а в Новолодожском — лишь 27 % (Табл. 1). Для сравнения отметим, что население Петербурга увеличилось за этот же период в 2,5 раза. Однако резкое увеличение общего количества жителей столицы произошло не вследствие естественного прироста, а за счет большого числа приезжего населения из других губерний России⁵.

Для нашего исследования также важно знать не только *пограничные* цифры общей численности населения трех

---

¹ Памятная книжка С.-Петербургской губернии на 1863 год. СПб., 1863. С. 96.

² Памятная книжка... на 1884 год. СПб., 1884. Ч. 3. С. 1.

³ Памятная книжка... на 1905 год. СПб., 1905. С. 56.

⁴ Памятная книжка... на 1882 год. Ч. 3. С. 1; Памятная книжка... на 1905. С. 56.

⁵ Например, статистические сведения за 1872 г. показывают, что из числа проживавших в столице крестьян (206 904 душ обоего пола) (далее — д. об. п.) только 5 % (10 345 чел.) принадлежали собственно к Петербургской губернии, остальные прибыли из других губерний. Так, из Ярославской губернии проживало в городе 45 180 крестьян, из Тверской — 34 402, по 6000 и более из Псковской, Рязанской, Московской, Смоленской губерний. (См.: Памятная книжка С.-Петербургской губернии на 1872 год. СПб., 1874. Ч. III. С. 2.)

названных уездов, но и по возможности сравнить происходившие во второй половине XIX в. изменения количественного состава народонаселения по десятилетиям, поскольку число прихожан не в последнюю очередь влияло на процессы организации, структуры и жизнеспособности православных приходов России.

Таблица 1

Динамика численности населения Петербурга и Новолодожского, Ямбургского и Лужского уездов (1850-1897 гг.)*

Город / Уезд	Годы	Всего населения (душ обоего пола)	% прироста
С.-Петербург	1856	490 808	100
	1897	1 264 920	257
Новолодожский уезд	1850	74 824	100
	1890	95 081	127
Ямбургский уезд	1850	55 015	100
	1896	86 492	157
Лужский уезд	1850	80 203	100
	1896	113 482	141

* Подсчитано по: 1) 1850 г.: Крылов А. Л. Ведомость о народонаселении России по уездам губерний и областей, составленная из всеподданейших отчетов губернаторов, при статистическом отделении Совета министерства внутренних дел. СПб., 1850. С. 30-31; 2) 1856 г. (Петербург): Статистические таблицы Российской империи за 1856 год. СПб., 1858. Вып. 1. С. 116-117; 3) 1896 г.: Памятная книжка С.-Петербургской губернии на 1898 год. СПб., 1898. С. 340-341; 4) 1897 г. (Петербург): Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. СПб., 1905. С. 164-165.

При рассмотрении статистических материалов отдельно по уездам можно увидеть, что в первой половине 1850-х гг. заметно значительное увеличение численности населения (Табл. 2): в Новолодожском уезде на 11 % за 6 лет, в Ямбургском на 8 %, в Лужском на 20%. Однако в последующие шестнадцать лет (к 1872 г.)

происходит сокращение население как в Ямбургском уезде — с 59 664 до 55 993 чел. (особенно в 1860-е гг.), так и в Лужском — с 96 613 до 82 009 чел. (к 1862 г.). В Новолодожском уезде не было резкого уменьшения населения, однако и прирост в отмеченный выше период составлял, например, в 1862–1872 гг. всего 1 %.

Такие колебания численности народонаселения не относились к Петербургу. Во второй половине XIX в. в столице с каждым последующим десятилетием происходил неуклонный рост числа жителей.

Таблица 2

Общая численность населения Петербурга, Новолодожского, Ямбургского и Лужского уездов 1850–1897 гг. (душ обоего пола)*

Годы	С.-Петербург	Новолодожский уезд	Ямбургский уезд	Лужский уезд
1850	—	66 897	55 015	80 203
1856	490 808	74 824	59 664	96 613
1862	532 297	75 798	61 010	82 915
1872	668 163	76 566	55 993	84 009
1882	—	81 301	65 394	94 679
1896	1 264 920**	95 081	88 051	113 482

* Подсчитано по: 1) 1850 г.: Крылов А. Л. Указ. соч. С. 30–31; 2) 1856 г.: Статистические таблицы Российской империи... С. 116–117; 3) 1862 г.: Памятная книжка... на 1863 год. Приложение: Табл. А; 4) 1872 г.: Памятная книжка... на 1872 год. С. 20–21; 5) 1882 г.: Памятная книжка... на 1884 год. Ч. III. С. 6–7; 6) 1896 г.: Памятная книжка... на 1898 год. С. 340–343.

** Общее количество населения для Петербурга указано на 1897 г. (См.: Общий свод по империи... С. 164–165.)

Попытка проанализировать движение народонаселения Новолодожского уезда была предпринята доктором В. Ф. Нагорским в конце 1870-х гг. по церковно-приходским сведениям за 1869–1878 гг.⁶ Автор ставил перед собой задачу «выяснить

⁶ Нагорский В. Ф. Очерк движения православного народонаселения в Новолодожском уезде за десятилетие 1869–1878 гг. по церковно-приходским сведениям. СПб., 1880.

статистическим путем, на какой степени находится состояние общественного здоровья в Новоладожском уезде», где «критерием для суждения» были общая и детская смертность, рождаемость, прирост населения, средняя продолжительность жизни⁷. По подсчетам Нагорского средний естественный годовой прирост в означенный период составлял 0,66 %, за 10 лет — 6,64 %⁸. Сравнивая показатели по годам, автор отмечает два «пика» естественного прироста — в 1874 и 1877 гг., когда на 1000 чел. населения *прибыль* составила «+13,1 д. об. п.»... и «+14,0 д. об. п.» соответственно⁹, и минимум в 1873 г., когда в некоторых приходах по статистическим материалам Нагорского смертность превосходила рождаемость¹⁰.

Средняя продолжительность жизни в России равнялась 26 годам (во Франции — 40 лет, в Бельгии — 38, в Англии — 36), а по Новоладожскому уезду она была по данным автора в различных частях уезда от 25 до 40–42 лет (в среднем — 30 лет)¹¹. Нагорский считал, что «главной составляющей» общей смертности для уезда была смертность детей до 1 года¹². В целом по уезду, как отметил автор, шел процесс увеличения естественного прироста населения, при этом высокой была не только рождаемость (особенно в 1876 и 1877 гг.), но и смертность всех возрастов, доходившая в отдельные годы до 7–8 и даже 10 % (эпидемии оспы в 1873 и 1879 гг. и холеры в 1871 и 1872 гг.)¹³.

⁷ Нагорский В. Ф. Очерк движения православного народонаселения... С. 1.

По поручению губернской управы Нагорский вместе с 3 студентами-помощниками провел лето в Новоладожском уезде с целью «произвести медико-топографические исследования». Результатом обработки собранных материалов явился упомянутый очерк. По мнению автора, зная причины «неудовлетворительности состояния ряда местностей губернии», земство сможет выполнить одну из «высочайших задач» — поднять уровень общественного здоровья (С. 3).

⁸ Там же. С. 29.

⁹ Там же. С. 30.

¹⁰ Там же. Приложение: Таблица за 1873.

¹¹ Там же. С. 32.

¹² Общая смертность в России, по данным автора, на 100 д. об. п. была 3,73 (в Швеции — 1,82, в Германии — 2,78, во Франции — 2,63); в Новоладожском уезде — 4,11. Детская смертность в уезде в отдельные года составляла 35–45%. (См.: Там же. С. 17.)

¹³ Там же. С. 34.

Таким образом, отмеченный нами выше незначительный прирост населения Новоладожского уезда (в 1856–1862 гг. на 1,3 %, в 1862–1872 гг. на 1 %) нашел подтверждение в исследованиях доктора Нагорского.

Статистические материалы последней четверти XIX в. в отношении движения народонаселения, с одной стороны, показывают значительное увеличение общего числа проживающих в исследуемых уездах (Табл. 2). Так, в период с 1872-го по 1896 г. в Новоладожском уезде количество жителей обоого пола увеличилось с 76 566 до 95 081, то есть на 18 515 чел., или на 24 %, в Ямбургском — с 55 993 до 88 051, то есть на 32 058 чел., или 57 %, в Лужском — с 84 009 до 113 482 — на 29 473 чел., или на 35 %. С другой стороны, если посмотреть на среднегодовой прирост населения за указанные 24 года, то в Новоладожском уезде он составит 1 % (против среднего 0,6 %, отмеченного доктором Нагорским за 1869–1878 гг.), в Ямбургском — 2,3 %, в Лужском — 1,4 %. Поэтому в данный период, на наш взгляд, можно скорее говорить о постепенном [поступательном] и стабильном увеличении численности народонаселения трех уездов, чем о «демографическом взрыве».

2.1. Общая численность приходов и церковное строительство в Новоладожском, Ямбургском и Лужском уездах к 1850 г.

К началу 1850-х гг. в Петербургской епархии сложилась обширная сеть православных приходов. Мы уже отмечали тот факт, что три исследуемых уезда отличались не только в географическом, демографическом, но и в историческом аспекте. Чтобы проследить динамику образования приходов во второй половине XIX в. и выяснить причины и факты, под влиянием которых шло дальнейшее развитие приходской системы уездов, необходимо учитывать исходные основные характеристики уже существовавших приходов.

Ямбургский уезд

В этом уезде, на территории которого православие пришлось восстанавливать после шведского владычества,

в течение XVIII в. строятся церкви и постепенно складывается система православных приходов. По царскому указу и на средства казны были возведены Преображенский собор в Нарве (1708), Екатерининский собор в Ямбурге (1782) и Михаило-Архангельская церковь в с. Новопятнице (1780)¹⁴. Скорбященская церковь в с. Керстове была сооружена в 1748 г. «иждивением духовника имп. Елизаветы Петровны протоиереем Дубянским», получившим в 1746 г. от императрицы «данную на Керстовскую вотчину»¹⁵. Надворный советник Ф. Г. Вахтин в 1778 г. построил Преображенскую церковь в с. Раскулицы, помещик вице-адмирал барон И. И. Черкасов вместо обветшавшей деревянной церкви в 1786 г. построил каменную в с. Редкине¹⁶. «Тщанием прихожан» возведены Знаменская церковь в Нарве, Николаевская в с. Ястребине, Георгиевская в с. Ратчине¹⁷. Однако в большинстве случаев документы о более ранних постройках XVIII в. говорят, что церковь возведена «не известно кем и когда».

Помимо сведений об общем количестве приходов с конца XVIII и до середины XIX в. для нас важно знать: какие это были приходы по численности жителей и какое расстояние до церкви приходилось преодолевать прихожанам. В первом случае мы обратимся к данным клировых ведомостей (за 1773, 1785, 1786, 1791, 1850 гг.), которые по всем трем уездам сведены в таблицу Приложения 1. Во втором — к сведениям клировых ведомостей 1850 г. Численность прихожан в графиках разделена в соответствии с 6 классами штатов сельских причтов для С.-Петербургской епархии 1843 г., но увеличенной в 2 раза, так как при составлении штатов учитывалось население мужского пола.

---

¹⁴ Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. Т. 10. 1885. С. 293, 305, 337.

¹⁵ Там же. С. 376, 387.

¹⁶ Там же. С. 356.

¹⁷ Там же. С. 357, 397.

График 1

Сравнение приходов по количеству прихожан
Ямбургского уезда (д. об. п.)

Конец XVIII в.		1850 г.	
	— св. 4000	■	(1)
(1)	● 3000–4000	■■■	(3)
(6)	●●●●● 2000–3000	■■■■	(4)
(9)	●●●●●●●● 1000–2000	■■■■■■■■	(8)
(3)	●●● 700–1000	■■	(2)
(1)	● до 700	■■	(2)
—————		—————	
20		20	

Основная часть приходов уезда конца XVIII в. (15 из 20) были *средними*¹⁸ и включали в свой состав от 1000 до 3000 прихожан (График 1, левая часть). Только пятая часть приходов (4) относилась к *малолюдным*. К середине XIX в. общее количество приходов было прежним¹⁹ (График 1, правая часть), как и основное число *средних* приходов (12). Однако увеличилось число *многолюдных* приходов (4), например, за счет ощутимого роста населения в с. Редкинской Троицкой церкви (с 1825 до 3595 прихожан) и в с. Сойкинской Николаевской церкви (с 3257 до 5416 прихожан) (см. Приложение 1. Ямбургский уезд).

¹⁸ За основу классификации было взято разделение приходов на те же 6 классов: 6-й класс (до 700 прихожан) и 5-й класс (до 1000 прихожан) мы отнесли к *малолюдным* приходам; 4-й класс (до 2000 прихожан) и 3-й класс (до 3000 прихожан) — это *средние* приходы; 2-й класс (до 4000 прихожан) и 1-й класс (свыше 4000 прихожан) — это *многолюдные* приходы, поскольку по штату приходам этих классов полагалось иметь по два священника.

¹⁹ По указу С.-Петербургской духовной консистории 1849 г. Раскулицкая Преображенская церковь была приписана к Ильешской Николаевской, однако в 1850 г. Раскулицкая церковь еще имела свои клировые ведомости, тем более что в 1857 г. она вновь по указу Консистории стала самостоятельной, но уже с припиской к ней Спасской Чирковицкой церкви. Поэтому за 1850 г. мы включили ее в общее количество приходских церквей.

Расстояние до приходской церкви было различным. Дворы прихожан церкви в с. Удосоле находились всего в 2–4 верстах от храма; до церквей в таких селах, как Ратчино, Ополе, Керстово, Ославье, Яблоницы, было от 1 до 6–9 верст. А вот большинство прихожан Николаевской церкви в с. Сойкине жили в отдаленных деревнях — на расстоянии от 10 до 20 и даже 25 верст; Троицкой церкви с. Редкина — до 30 верст, с. Кейкина — от 12 до 25 и 42 верст²⁰.

Для нашего исследования важен тот факт, что в первой половине XIX в. дальнейшее развитие приходов Ямбургского уезда пошло не по пути увеличения их численности (и тем самым уменьшения количества прихожан в больших приходах), а по пути строительства новых церквей в существовавших приходах. Половина церквей в самом конце XVIII — первой половине XIX в. были либо заново построенны, либо возобновлены. Так, к 1807 г. «на церковные и сборные деньги» был построен храм в с. Удосоле; после пожара в 1829 г. также за счет церковных сумм и пожертвований, «чинимых разными и большею частью неизвестными особами», возобновлена каменная церковь в с. Ильеши²¹. В самом большом приходе в с. Сойкине (в 1850 г. 5416 прихожан) вновь переделывали построенный еще в 1726 г. деревянный храм; в 1841 г. была закрыта ветхая (1718 г. постройки) и отдаленная для прихожан Петропавловская церковь в приходе с. Кейкина (1850 г. 2488 прихожан), а для всех прихожан до построения нового каменного храма канцлером графом Карлом Васильевичем Нессельроде «в его мызе Итово, в деревянном флигеле» была устроена временная церковь²². В с. Яблоницы в 1846 г. вместо обветшавшей помещиком Веймарном построена новая каменная церковь, а в с. Ославье бароном Врангелем в 1847 г. построен деревянный храм²³.

---

²⁰ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 113. Д. 1285.

²¹ Историко-статистические сведения... Т. 10. С. 392, 399.

²² Там же. С. 311, 319.

²³ Там же. Краткие сведения о церквах вне Петербурга, о коих не было составлено полных историко-статистических описаний. С. 145.

Лужский уезд

Территория уезда после «литовского разоренья»²⁴ по Столбовскому договору была возвращена России. Большая часть существовавших храмов были разграблены и разрушены. Эти храмы, как свидетельствовали писцовые книги и другие памятники, долгое время стояли «впусте без пения», а некоторые так и не восстановились²⁵. Это привело к тому, что в последующее время были построены новые церкви и возникли новые приходы. В XVIII столетии «большая часть деревянных церквей» перестраивалась «главным образом усердием помещиков», и впервые в уезде «появились церкви каменные»²⁶. В 1753 г. подпоручик Козьма Тимофеев Мартьянов, вырубив свой сад, построил вместо сгоревшей новую церковь в с. Мроткине; «волею и средствами помещика, трудами крестьян-прихожан» была построена в 1741 г. новая каменная обширная церковь в одном из старейших сел уезда — Торошковичах-Тырковых; в 1772 г. «подпоручик Ефим Назарьев Елагин построил... каменную церковь» в с. Романшине; в Городенском погосте вместо двух ветхих деревянных церквей «собственным иждивением» помещика Ефима Ивановича Блаженкова с привлечением кошельковой и сборной сумм в 1825 г. построен каменный храм²⁷.

Сложившаяся к концу XVIII в. приходская система Лужского уезда к середине XIX в. в количественном плане уменьшает-ся²⁸ (График 2). Постепенный рост численности жителей приводит к изменению соотношения *малолюдных* и *средних* приходов.

---

²⁴ Как отмечали составители Историко-статистических сведений, предания о бедствиях Ливонской войны и Смутного времени, которые сохранились «в памяти народной, которая, забыв только национальное различие врагов прошлых, объединяет всех их под одним именем „Литвы“...» (См.: Историко-статистические сведения... Т. 9. 1884. С. 341.)

²⁵ Историко-статистические сведения... Т. 9. С. 343.

²⁶ Там же. С. 344.

²⁷ Там же. С. 353, 360-361, 375, 377.

²⁸ Прихожане Дмитриевской церкви в с. Хвошня (сгорела в 1802 г.) в 1812 г. были приписаны к Знаменской церкви в с. Горки; Дремяцкая Николаевская церковь была приписана в 1833 г. к Городецкой Успенской церкви; Николаевская церковь в с. Заозерье — к Покровской Вычелобской церкви.

Если к концу XVIII в. немногим более половины приходов (24) можно отнести к *малолюдным*, причем в 16 жителей было до 700 душ, то к началу 1850-х гг. только в 5 из этих 16 по-прежнему было до 700 прихожан. Со временем половина всех приходов (12 + 14) становятся *средними* (от 1000 до 3000 прихожан). Так, за счет приписанных жителей церкви в с. Хвошня количество прихожан в Горской церкви увеличивается с 634 до 1731.

График 2

Сравнение приходов по количеству прихожан
в Лужском уезде (д. об. п.)

	Конец XVIII в.		1850 г.	
	—	св. 4000	□□□□	(4)
(2)	●●	3000-4000	□□□	(3)
(3)	●●●	2000-3000	□□□□□□□□□□□□	(12)
(16)	●●●●●●●●●●●●●●●●	1000-2000	□□□□□□□□□□□□□□	(14)
(8)	●●●●●●●●	700-1000	□□□□	(4)
(16)	●●●●●●●●●●●●●●●●	до 700	□□□□□	(5)
<hr/>			<hr/>	
	45		42	

Возрастает число *многолюдных* приходов с 2 до 7. Например, в Павском погосте число прихожан увеличилось с 1766 до 3066, в Турском погосте — с 1983 до 3121 (см. Приложение 1. Лужский уезд).

Удаленность приходских селений от церквей в Лужском уезде была также неодинаковой. Прихожане только 5-6 приходов проживали на расстоянии от 1-5 верст от своей церкви. В большинстве же случаев население было рассредоточено в 8-10 или 12-15 верстах, а 11 храмов — далее 20. Так, до Знаменская церкви с. Красные Горы прихожанам приходилось преодолевать до 45 верст; почти все жители небольшого соседнего прихода в с. Островно (567 душ) находились на расстоянии

от 6 до 20 верст²⁹. Приход в с. Заполье (4625 душ) имел двоих священников, и дворы прихожан были поделены между ними. Поэтому, когда возникала необходимость совершить требы на дому у прихожан, священнику Алексею Ольгинскому приходилось ехать к ним и за 20 верст, а священнику Василию Дилигинскому — за 22 версты³⁰.

В первой половине XIX в. идет интенсивный процесс строительства новых церквей или возобновление тех, которые были построены в конце XVII–XVIII в. В 1844 г. был освящен деревянный храм Успения Пресвятой Богородицы в с. Городец. Необходимость в новой церкви возникла в связи с объединением соседних приходов. Собственно, приход до 1833 г. был Дремяцкий, а в с. Городец Георгиевский храм был деревянный холодный, без колокольни, построенный в 1791 г.³¹ В 1805 г. церковь «в Дремягах» сгорела. Поэтому большому приходу, насчитывавшему в 1850 г. 4704 прихожан, потребовался новый храм.

«Иждивением помещика Ефима Васильева Елагина» в 1806 г. в с. Смешине был построен новый каменный храм³². В 1848 г. «на доброхотнодательную и кошелькову сумму» была устроена деревянная Георгиевская церковь в с. Заполье³³. В XVI в. прихожане Запольского и Крицкого приходов принадлежали к Которскому, но уже с середины XVII в. с. Заполье было самостоятельным приходом, имевшим свой храм (основан в 1655 г., разобран в 1849 г.)³⁴. Действительный тайный советник Иван Николаевич Неплюев в 1772 г. возле своего поместья построил новую каменную церковь, а в 1838 г. она «возобновлена правнуком его Иваном Ивановым Неплюевым»³⁵. Построенная в 1744 г. «тщанием прихожан» Преображенская церковь в Турском погосте ими же и возобновлялась в 1849 году³⁶.

²⁹ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 113. Д. 1273. Л. 128–130, 133 об.

³⁰ Там же. Л. 153–155.

³¹ Историко-статистические сведения... Т. 9. С. 497.

³² Там же. С. 351.

³³ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 113. Д. 1273. Л. 148 об.

³⁴ Там же. Т. 9. С. 477–478.

³⁵ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 113. Д. 1273. Л. 142.

³⁶ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 133. Д. 1273. Л. 36 об.

Новоладожский уезд

Освоение территории уезда с древних времен, особенно по берегам рек Волхова и Сяси, а также вдоль побережья Ладожского озера, способствовали церковному строительству и формированию приходов. В Старой Ладоге церкви существовали уже в XII в., множество сельских церквей «по Волхову уже в XVI веке стояли в развалинах и, следовательно, основаны были в XIII и XIV вв.»³⁷.

Несмотря на разорение 1580-х гг. («а церковь и дворы пожгли немецкие люди» (то есть шведы) в нынешнем 91 году)³⁸ и Смутного времени, большая часть приходов в течение XVII и XVIII вв. восстановились. Причем 30 приходов из 47 на конец XVIII в. были основаны еще в XVI и XVII вв. Строительство на протяжении XVIII в. еще 17 церквей расширило сеть приходов уезда. Это привело к тому, что по количеству жителей большинство приходов были *малолюдными* (31 из 47) (График 3, левая часть).

График 3

**Сравнение приходов по количеству прихожан
в Новоладожском уезде (д. об. п.)**

Конец XVIII в.		1851 г.	
	— св. 4000	■	(1)
(1)	● 3000-4000	■	(1)
(3)	●●● 2000-3000	■■■■■■■■■■	(9)
(12)	●●●●●●●●●●●● 1000-2000	■■■■■■■■■■■■■■■■■■■■■■■■■■■■■■	(17)
(8)	●●●●●●●● 700-1000	■■■■■■■■	(7)
(23)	●●●●● ... ●●●●● до 700	■■■■■■■■■■■■■■■■■■■■	(11)
47			46

Еще треть составляли *средние* (12+3). К середине XIX в. положение хотя и меняется, но оно не привело к значительным

³⁷ Историко-статистические сведения... Т. 9. С. 70.

³⁸ Там же. С. 127.

последствиям. Небольшой приход в с. Лигово в 1821 г. был приписан к приходу в с. Черном, а прихожане с. Петропавловского — с 1840 г. к Гостинопольской церкви; в 1849 г. был открыт приход единоверческой Николаевской церкви в с. Немагове. При этом в 10 из бывших 23 приходов оставалось менее 700 чел. (11-я — новая единоверческая церковь). Рост населения постепенно выдвигает приходы из *малолюдных* в *средние*, изменяя во втором случае их внутреннее соотношение — 12 и 17 (1000–2000 прихожан), 3 и 9 (2000–3000 прихожан).

Обилие лесов, болот и рек в уезде препятствовали посещению храмов прихожанами. Так, дальнейшее расстояние от церкви в Никольском Сясьском приходе (7–12 верст) и множество речек (разлив и распутица весной и осенью) ограничивали возможности прихожан часто бывать в храме. Жителям приходов в с. Черном, Прусыне, Глажеве, Тигоде и др. приходилось преодолевать более 10–25 верст до церкви. «Малочисленность церквей и трудность сообщения с ними» послужили причиной утверждения в уезде раскола, причем ни в одном уезде не было «такого количества раскольников, как в Новоладожском»³⁹.

Бедствием для деревянных церквей были пожары. Трижды пришлось отстраивать церкви в XVII в. прихожанам Преображенской церкви с. Заполя. Построенная в 1733 г. опять же деревянная церковь была тесной и не вмещала всех «молящихся в праздничные дни», поэтому по решению приходских людей и причта было решено построить каменный храм (освящен в 1762 г.)⁴⁰. В 1815 г. также после пожара был сооружен на сборные деньги Николаевский храм в с. Кобоне, а на окончательную отделку «было выдано из комиссии духовных училищ 10 тыс. руб. без процентов, с уплатою в течение 5-ти лет». Постройка этой церкви стоила 19 тыс. руб.⁴¹ Помещик генерал-лейтенант М. К. Крыжановский в 1838 г. начал возведение каменной Николаевской церкви в с. Вероле (освящена в 1851 г.)⁴².

---

³⁹ Историко-статистические сведения... Т. 9. С. 71.

⁴⁰ Там же. С. 159–160.

⁴¹ Там же. С. 182.

⁴² Там же. С. 185.

Постройка новой каменной церкви в приходе с. Городище рядом с деревянной, освященной еще в 1669 г., обошлась прихожанам в значительную сумму — 23 тыс. руб. асс. (освящена в 1825 г.)⁴³. Покровская церковь в с. Тигода была построена «усердием помещика полковника Шеншина, Новолодожского купца Заикина и прихожан», а денег «употреблено не менее 10 тыс. рублей»⁴⁴.

Таким образом, к началу 1850-х гг. в трех исследуемых уездах существовала обширная приходская сеть. В силу различных факторов православные приходы располагались неравномерно и объединяли неодинаковое количество прихожан. Главной тенденцией в трех уездах, безусловно, было то, что постепенное увеличение количества прихожан на один приход приводило к укрупнению имевшихся приходов.

На дальнейшее развитие приходов во второй половине XIX в., на наш взгляд, оказывал влияние и такой фактор, как состав прихода в плане *ведомственной* принадлежности. На основании расписания приходов по Петербургской епархии, составленного в 1856–1857 гг. для Академии наук⁴⁵ и включавшего в том числе ответы на вопрос о *ведомстве* прихожан (казенного, удельного, горного, помещичьего и пр.), мы можем определить основные характеристики сельских приходов. Ямбургский уезд (всего 19 приходов, в том числе 3 городских): из 16 сельских приходов в 11 прихожанами были только помещичьи крестьяне⁴⁶; еще в 4 — они составляли более половины прихожан (Редкинская церковь — 3389 помещичьих крестьян, 123 — казенного ведомства; Ястребинская церковь — 2125 помещичьих крестьян, 191 ведомства Государственных имуществ; Ильешская церковь — 1561 помещичьих, 755 ведомства Государственных имуществ; Кейкинская церковь — 1704 помещичьих и Государственных имуществ⁴⁷); и только в одном Сойкинском приходе 2572 прихожанина

⁴³ Историко-статистические сведения... С. 213.

⁴⁴ Там же. С. 287.

⁴⁵ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 48. Д. 30.

⁴⁶ Включая приход Ославской церкви, где из 829 прихожан только 9 принадлежали к Царскоесельского лесничества казенному лесному двору № 4. (Там же. Л. 290.)

⁴⁷ Там же. Л. 276, 284, 286, 287.

были помещичьими крестьянами, а 2495 — принадлежали ведомству Ораниенбаумского Дворцового правления⁴⁸.

Лужский уезд (42 прихода, в том числе 1 в г. Луге): 10 — только помещичьих крестьян, еще в 25 — они составляли большинство (например, Щирский погост — 2174 помещичьих, 134 казенных, 346 дворцового ведомства; Бельский погост — 2316 помещичьих, 50 казенных, 41 дворцового⁴⁹). В 4 приходах преобладали прихожане казенного ведомства (Посолодинская церковь — 432 помещичьих, 847 казенного, 870 дворцового; Моложанская церковь — 197 помещичьих, 70 казенного, 1340 дворцового⁵⁰). В остальных 2 приходах (Заклинском и в с. Белом) приблизительно поровну помещичьих крестьян и крестьян казенного и дворцового ведомств.

Новоладожский уезд (46 приходов, в том числе 2 в Новой Ладогe, 2 в Старой Ладогe): из помещичьих крестьян состояли 11 приходов; еще в 10 они преобладали (Шижнемская церковь — 846 помещичьих, 48 казенного; Теребужский погост — 1686 помещичьих, 158 казенного⁵¹). Из прихожан казенного ведомства состояло 6 приходов (Помяловская церковь, Прусунская, Заболотская⁵²); еще в 9 они преобладали. В остальных 6 приходах было примерно равное количество, например: Гостинопольский приход — 610 помещичьих, 665 казенного; Васильевский погост — 217 помещичьих, 258 казенного⁵³.

2.2. Образование новых приходов и строительство церквей в Ямбургском, Лужском и Новоладожском уездах, 1850–1869 гг.

2.2.1. Инициатива и причины

Согласно статье 54 Устава Духовных консисторий^а (далее в тексте — Устав ДК) «Епархиальное начальство, усматривая

---

⁴⁸ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 48. Д. 30. Л. 280.

⁴⁹ Там же. Л. 81, 104.

⁵⁰ Там же. Л. 80, 92.

⁵¹ Там же. Л. 135, 150.

⁵² Там же. Л. 132, 141, 166.

⁵³ Там же. Л. 158, 164.

где-либо надобность в построении церкви, входит в сношение с прихожанами или с начальствами...»⁵⁴.

В марте 1857 г. ректор Казанской духовной академии Агафангел⁵⁵ был назначен «викарием С.-Петербургской епархии, епископом Ревельским»⁵⁶. В силу своих новых обязанностей епископ ознакомился с положением дел в епархии не только по отчетам церквей, донесениям и документам Духовной консистории, решения которой с ним согласовывались, но и при ежегодных обозрениях епархии. Епископ Агафангел обратил внимание на количество и состав приходов. Именно по его инициативе в епархии начали решаться дела об образовании новых приходов. В июне — июле 1858 г. благочинным Лужского уезда были направлены секретные предписания епископа Ревельского, чтобы они согласно статьям 45 и 47 Устава ДК собрали необходимые сведения и представили свои соображения⁵⁷.

---

⁵⁴ Устав Духовных консисторий. СПб., 1883. С. 18.

⁵⁵ Архиепископ Волынский и Житомирский Агафангел (Соловьев) (1812-1876): биографический и критико-библиографический очерк. Почаев, 1893. С. 23.

Агафангел (Соловьев Алексей Федорович), 1812-1876. Родился во Владимирской губернии в семье священника. Образование: Владимирская духовная семинария, Московская духовная академия (1836), магистр богословия. В 1835 г. принял постриг. С 1842 г. сначала был инспектором Московской духовной академии, а затем с сентября назначен ректором Харьковской духовной семинарии. В 1845 г. — ректор Костромской духовной семинарии, в 1854-м назначен на должность ректора Казанской духовной академии. С марта 1857 г. по февраль 1860 г. — епископ Ревельский, викарий С.-Петербургской епархии. В 1860 г. — епископ Вятский и Слободской, с 1866-го — епископ Волынский и Житомирский (в 1868 г. — архиепископ). (См.: *Конюченко А. И.* Архиерейский корпус Русской Православной церкви во второй половине XIX — начале XX века: исследования и материалы. Челябинск, 2005. С. 52.)

⁵⁶ Поскольку митрополиту Новгородскому и С.-Петербургскому в силу своего положения приходилось заниматься общецерковными вопросами (как первенствующему члену Синода), дела, непосредственно касавшиеся епархии, поручались заботам викарных епископов. Они участвовали в работе Духовной консистории, совершали поездки по епархии.

⁵⁷ Согласно статье 45 для образования новых приходов епархиальное начальство должно было «собрать посредством доверенных духовных лиц... сведения: а) прилично ли и удобно ли место, на котором предполагается воздвигнуть церковь; б) от каких церквей поступят к ней прихожане, все ли они того желают...», достаточно ли будет этого количества прихожан, сколько останется прихожан у прежней церкви, «и д) будет ли обеспечено содержание причта новой церкви и чем именно». (Устав Духовных консисторий. С. 19-20.)

В предписании от 18 июня к благочинному протоиерею Лужского Екатерининского собора Андрею Ласкину говорилось, что прихожане Вшельского погоста деревень «Городище помещика Бека и Малая Уторгощь помещика Пантлеева... находятся в крайнем невежестве относительно веры и правил благочестия»⁵⁸. Причиной этому, по мнению епископа, служило как дальнейшее расстояние от церкви (15 и 17 верст) и неудобство сообщения, так и то, что священнослужители при многолюдности Вшельского прихода (4832 чел. в 1857 г.) не имели возможности «постоянно следить за ними». Епископ Агафангел предлагал, чтобы к новому приходу с церковью в Малых Уторгощах были приписаны по несколько деревень из Вшельского, Турского и Лубинского приходов, которые находились «между собою в близком расстоянии» и имели удобное сообщение (число предполагаемых прихожан — 1379 д. об. п.)⁵⁹.

Лужскому Духовному правлению (по предписанию от 20 июня) следовало рассмотреть вопрос о новом приходе, который объединил бы жителей дальних деревень Петровского погоста и Городецкой церкви. Деревня Смерди занимала «в отношении к сим деревням средоточное положение» и была многочисленнее по своему населению, и в ней можно было построить церковь⁶⁰.

Этому же Духовному правлению по предложению епископа (от 30 июня) необходимо было собрать сведения о предполагаемом новом приходе с церковью в д. Большая Хвошня. В этом случае «обыватели всех деревень имели бы более удобное сообщение», нежели с прежними приходскими церквями, которые находились «в значительном отдалении от них»⁶¹. Епископ просил Правление принять во внимание тот факт, что до 1833 г. некоторые из упомянутых им деревень уже входили в состав особого прихода, имевшего свою церковь в Дремяцком погосте.

---

⁵⁸ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 50. Д. 125. Л. 2.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же. Оп. 122. Д. 180. Л. 8.

⁶¹ Там же. Оп. 50. Д. 127. Л. 7.

В предписании благочинному Посолодинской церкви священнику Ф. Добрякову (от 3 июля) епископ обращал внимание, что «отстоящие от приходской церкви» Павского погоста несколько деревень (от 10 до 24 верст) находятся между собой в близком расстоянии. Поэтому «легко понять, писал Агафангел, что для обывателей было бы гораздо полезнее, если бы из сих и других ближайших к ним деревень составилась особый приход» в д. Веини⁶². Одновременно (3 июля) благочинному священнику Лужского Екатерининского собора Петру Григорьеву следовало собрать сведения об устройстве прихода с построением церкви в д. Новинке. Упомянутая деревня и другие находились «между собою в близком расстоянии». Посещение же их приходского храма в с. Георгиевском, который был «в дальнем расстоянии» (10–18 верст), особенно затруднялось «в половодье, от разлития реки Оредеж и разных ручьев»⁶³.

После посещения Новолодажского уезда от епископа Ревельского Агафангела последовали секретные предписания. 18 июня благочинному с. Заболотья священнику Якову Азиатскому предписывалось собрать сведения и представить свои соображения относительно образования нового прихода из дальних деревень его же прихода. Епископ Агафангел не мог не обратить внимание на эту часть Заболотского прихода, поскольку в каждой из деревень, принадлежащих ведомству Государственных имуществ, православных жителей было намного меньше, чем раскольников⁶⁴: в д. Конец Верховин православных было 43 чел. и раскольников 88, в д. Средние Верховины — православных 77 чел. и раскольников 168, а в д. Верховины за рекой — 30 и 131 соответственно. Обыватели этих деревень не могли часто посещать церковь. Обращаясь к священнику, епископ разъяснял:

---

⁶² ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 50. Д. 140. Л. 5.

⁶³ Там же. Д. 123. Л. 2.

⁶⁴ Во время служения епископа Агафангела в должности ректора Казанской духовной академии в 1854 г. было открыто «противораскольническое отделение... которое, благодаря усердию его и трудам, устроилось лучше всех других отделений». Сам Агафангел преподавал «Историю и обличение раскола». (См. Архиепископ Волынский и Житомирский Агафангел (Соловьев)... С. 19, 22.)

«Вам нельзя успешно действовать на раскольников, которых так много в сих деревнях», а с образованием отдельного прихода «благоразумный священник, находясь здесь среди раскольников, мог бы иметь полезное влияние на них словом своей проповеди, благоговейным совершением Богослужения и благочестивою жизнью»⁶⁵. Через несколько дней (предписание от 21 июня) этому же благочинному Якову Азиатскому предстояло «войти в обстоятельное рассмотрение» дела о восстановлении прихода в Стороженской слободе, где была церковь и до 1833 г. был причт⁶⁶.

Протоиерею Новоладожского собора Илье Велитскому следовало собрать отзвывы от жителей нескольких деревень, близких к д. Большой (или Посадников) Остров и встречавших «затруднения в сообщении с церковью» в Солецком погосте⁶⁷. А благочинному Никольского Сясьского погоста священнику Сергею Веселовскому письмом от 25 июня предлагалось представить свои соображения вместе с собранными сведениями относительно вопроса епископа о полезности «открыть особый приход и построить церковь» в отдаленных деревнях Перетник и Сельга (Масельский приход)⁶⁸.

В это же время не только епархиальное начальство было озабочено строительством новых церквей. Мы уже ранее упоминали, что в Новоладожском уезде значительная часть приходов включала в той или иной мере жителей, принадлежащих к казенному ведомству. В 1858 г. вышло циркулярное предписание к управляющим Палатами Государственных имуществ о построении церквей и учреждении новых приходов в казенных селениях. В нем, в частности, говорилось, что «по обширности приходов и недостатку в церквах, государственные крестьяне нередко встречают затруднение в посещении храмов и исполнении религиозных обрядов»⁶⁹. Чтобы устранить этот недостаток,

---

⁶⁵ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 50. Д. 137. Л. 1.

⁶⁶ Там же. Д. 130. Л. 2.

⁶⁷ Там же. Оп. 51. Д. 36. Л. 5.

⁶⁸ Там же. Д. 131. Л. 3.

⁶⁹ Журнал Министерства Государственных имуществ. 1858. Май и июнь. СПб., 1858. С. 12.

имевший «весьма вредное влияние на нравственность крестьян», министр Государственных имуществ поручил управляющим Палатами «по соглашению с епархиальным начальством» представить соображения об учреждении новых приходов и постройке церквей⁷⁰.

Интересы епископа Агафангела, направленные на улучшение приходской системы епархии, приближения прихожан отдаленных деревень к своему храму и ограничения распространения раскола, с одной стороны, и усилия управляющих Палатами Государственных имуществ в приведении «в известность мест, неотложно нуждающихся в церквях», — с другой, пересеклись в Новоладожском уезде. Почти одновременно викарий и управляющий С.-Петербургской Палатой Государственных имуществ Александр Федорович Гюне обратили внимание на многолюдный Михайловский погост (в 1857 г. 2498 прихожан). Части его прихожан, проживавших от храма в 10–15 верстах, в летнее время, «особливо в половодье», препятствием в посещении приходской церкви были болота. А количество раскольников в приходе было более 1000 душ⁷¹. По мнению еп. Агафангела, отправившего предписание благочинному Илье Велитскому 18 июня, новый приход должен был образоваться из нескольких деревень с церковью в д. Вольково. 14 января 1859 г. епископ получил письмо от управляющего А. Ф. Гюне, который просил содействия в организации двух новых приходов: первый — в упомянутом Вольково⁷², а второй — в д. Заречье (Прусинского прихода, в 1857 г. 1604 прихожанина)⁷³. Оба прихода должны были составить крестьяне казенного ведомства.

---

⁷⁰ Журнал Министерства... С. 13

⁷¹ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 51. Д. 15. Л. 10.

⁷² Разница состояла только в количестве отчисляемых деревень: по предложению Агафангела их было 4: Вольково (331 православных и 21 раскольник), Чернецко (203 душ обоего пола) (далее — д. о. п.), Казарево (19 православных и 109 раскольников), Заднево (31 д. о. п.). В Михайловском приходе оставалось бы более 1400 д. о. п. (с отчислением еще д. Твердово к Хотовскому приходу) и «кроме их раскольников до 967 душ». (Там же. Л. 10.)

По решению Палаты — Вольково, Чернецко и Заднево. (Там же. Л. 1 об.)

⁷³ Там же. Л. 1–4.

Двумя годами позже (в 1861 г.) с инициативой образования нового прихода выступил Новоладожский окружной начальник Государственных имуществ Каменский. В своем рапорте к управляющего С.-Петербургской Палатой Государственных имуществ он писал, что во вверенном ему округе крестьяне нескольких деревень Шахновской волости, жившие вблизи Ладожского озера, «удалены от приходской Вороновской церкви» на расстояние от 6 до 14 верст. Поэтому они «редко посещают храм Божий», особенно в весеннее и осеннее время, «когда переправа крайне неудобна и даже приостанавливается»⁷⁴. Церковь нового прихода (882 прихожан) предполагалось построить в д. Тюнев Посад.

Инициаторами в деле образования приходов выступали и сами прихожане Новоладожского уезда. Трудности сообщения с церковью двух деревень казенного ведомства Помяловского прихода — Черенцова и Заполек — «побудила крестьян... озаботиться постройкой своей церкви» (в Черенцове)⁷⁵. Новый приход с церковью в с. Хотове предполагалось образовать посредством отчисления казенных крестьян, до этого принадлежавших трем различным приходам (с общим числом прихожан 688 чел.)⁷⁶. Жители с. Мемина имели у себя часовню, «но по отдаленности от приходских церквей и по трудности сообщения с ними терпели большие неудобства в исправлении церковных треб»⁷⁷. Крестьяне села поделились своими замыслами с ближайшими прихожанами. Поскольку меминские крестьяне принадлежали к казенному ведомству, они просили Палату Государственных имуществ «исходатайствовать у епархиального начальства дозволения обратить деревянную часовню в церковь» и образовать новый приход, в который вошли бы казенные и помещичьи крестьяне (700 прихожан)⁷⁸. В 1862 г. «с разрешения начальства»

---

⁷⁴ ЦГИА СПб. Ф. 266. Оп. 1. Д. 535. Л. 1-1 об.

⁷⁵ «...население деревень Черенцова и Заполек простиралось до 500 душ обоого пола». (Историко-статистические сведения... Т. 9. С. 250.)

⁷⁶ Там же. С. 252.

⁷⁷ Там же. С. 262.

⁷⁸ Там же.

крестьяне близлежащих между собой деревень Солецкого и Городищенского приходов образовали особый приход с церковью в с. Пчеве⁷⁹.

Жители нескольких деревень Сойкинского и Кейкинского приходов Ямбургского уезда в 1864 г. просили разрешение у митрополита Исидора устроить в с. Краколье небольшую церковь и образовать новый приход. Причиной просьбы крестьян служило большое расстояние до местных приходских церквей — от 17 до 40 верст. А в весеннее и осеннее время «по причине худых дорог» их путь к храму был «весьма затруднен», и они были часто лишены «возможности на продолжительное время слушать Богослужение и присутствовать при молитвословиях»⁸⁰. Будущий приход должен был состояться из деревень, находящихся от с. Краколя «в окружности на расстоянии около 5 верст», в которых проживали крестьяне Ораниенбаумского дворцового ведомства (278 чел.) и государственные (485 чел.), а также временнообязанные крестьяне (620 чел.)⁸¹.

Не оставались в стороне от строительства церквей местные помещики. В 1859 г. в с. Коложицы (Ямбургский уезд) полковник Д. Н. Долгоруков построил каменную церковь. Сначала она была приписана к Ильешскому приходу. Однако по решению Духовной консистории Коложицкая Екатерининская церковь с 1861 г. стала самостоятельной, а в состав прихода вошли несколько соседних деревень Врудского и Ястребинского приходов, в том числе ведомства Государственных имуществ (д. Хотыницы, в 1857 г. 478 чел.)⁸².

Прихожане Веготской церкви до 1853 г. принадлежали к четырём разным приходам. Но когда княгиня А. И. Волконская «купила поместье и построила церковь, тогда составился особый приход»⁸³.

---

⁷⁹ Историко-статистические сведения... С. 211-212.

⁸⁰ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 56. Д. 39.

⁸¹ Там же. Л. 3

⁸² Историко-статистические сведения... Т. 10. С. 362-363.

⁸³ Там же. Т. 9. С. 188.

2.2.2. Целесообразность и условия

От кого бы ни исходила инициатива в отношении организации приходов и построения церквей, изложенные причины и факты, согласно статьи 45 Устава ДК, проверялись «посредством доверенных духовных лиц, обще с полицейским чиновником». Положительное или отрицательное заключение о *целесообразности*⁸⁴ исполнения предписания или просьбы зависело от выполнения ряда необходимых условий. Среди них: все ли прихожане желали быть перечисленными к новой церкви, достаточное ли будет количество прихожан как «к составлению нового прихода», так и тех, кто «останется при той церкви», располагали ли жители необходимыми средствами для строительства церкви, каким содержанием предполагали обеспечить будущий причт.

После проверки необходимых сведений не все инициативы епископа Агафангела смогли решиться. Так, восстановление прихода Николаевской Стороженской церкви (Новоладожский уезд), несмотря на изъявленное согласие прихожан, «что доброго дела не желать грех», не осуществилось. Во-первых, недостаточно было прихожан — по штату сельских церквей (1843 г.) «для составления особого прихода требуется не менее 100 душ мужского пола», а в Стороженской слободе жителей было «не более 67 душ [м. п.]»⁸⁵. Приписать же другие деревни к будущему приходу не представлялось возможным, поскольку они находились на расстоянии 25 и 30 верст. Во-вторых, 27 десятинами пахотной и сенокосной земли после приписки уже владел причт Забугской церкви⁸⁶.

---

⁸⁴ «Если по всем таковым сведениям оказывается потребность в сооружении церкви и нет никаких препятствий к дозволению оного». (ПСЗ. 2-е собр. № 14409. С. 228.)

⁸⁵ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 50. Д. 130. Л. 18.

Приход собственно Забугской церкви, к которой был приписан в 1833 г. приход бывшего упраздненного Стороженского Николаевского монастыря, относился к 5-му классу, так как прихожан было 316 д. м. п. и 376 д. ж. п. (Там же. Л. 4.)

⁸⁶ Стороженский Николаевский монастырь был упразднен в 1781 г. Земля, которая была отмежевана к церкви (уже как приходской) в количестве 336 д. 804 саж., со временем оказалась во владении Староладожского Успенского девичьего монастыря и государственных крестьян. (Там же. Л. 6.)

Причем за владение этим участком из жалованья священника вычиталось 50 руб. сер.⁸⁷ Б-третьих, священник Загубской церкви Василий Барсов в своем рапорте объяснял, что «при обоих церквях доходу двести рублей серебром на причт. И в Сторожне в год крестин пять, браков около двух и умерших по одному почти не более», поэтому, по его мнению, «духовной нужды в самостоятельности церкви нет»⁸⁸. Вследствие изложенных фактов Духовная консистория положила мнением (от 23 сентября 1861 г.), чтобы «переписку об учреждении при приписной Стороженской церкви особого прихода прекратить»⁸⁹.

В своем рапорте к преосвященному Агафангелу относительно образования нового прихода в деревнях Сельги или Перетник (Новоладожский уезд) благочинный священник С. Веселовский отметил, что только владелец крестьянами д. Перетник г. Андреев, «более других желающий иметь Церковь поблизости к своему имению», указал удобное место в своей пустоши для строительства приходской церкви. Этот участок был удобен тем, что находился бы в центре деревень, которые помимо деревень Сельги и Перетник могли быть причислены к приходу (что сокращало расстояние до храма от 1 до 5 верст вместо 13–15). Он был удобен еще и в плане обеспечения причта — при условии общего согласия других помещиков, земли которых были «прикосновенны к той пустоши», узаконенную пропорцию церковной земли можно было бы отделить «в одном месте и поблизости самой церкви»⁹⁰. Причем будущих прихожан, отчисленных от Масельского прихода (д. Перетник — 64 д. м. п. и 72 д. ж. п.,

---

⁸⁷ По клировым ведомостям Загубской церкви 1851 г., причт пользовался пахотной и сенокосной землей, отведенной к церкви прихожанами, в количестве около 10 дес., «остальной же указанной пропорцией владеют крестьяне», полагая за то священно- и церковнослужителям (священнику, дьячку и пономарю) «денежной руги с души по 28 ½ коп. с. в год, но законного акта на сие не имеется». Поэтому надел приписной Стороженской церкви в количестве 27 дес. по решению духовного начальства считался сверх положенной пропорции, за который вычитались 50 руб. с. из жалованья. (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 113. Д. 1322. Л. 194.)

⁸⁸ Там же. Оп. 50. Д. 130. Л. 10.

⁸⁹ Там же. Л. 18–19.

⁹⁰ Там же. Д. 131. Л. 1 об.

д. Сельга — 10 и 12) и от Никольского Сяьского погоста (д. Дерново — 36 м. и 36 ж., Плосково — 17 м. и 12 ж., Бережок — 17 и 14, Заозерье — 27 и 43), было бы достаточно — 360 д. о. п. Однако у владельцев и крестьян упомянутых деревень были причины отказать в предложении, «чтобы их иждивением без сторонних пособий могла устроиться Церковь»⁹¹. Помещик подпоручик артиллерии М. Головин нашел предложение епархиального начальства «весьма полезным и утешительным». Однако «уделить какую-либо часть в обеспечение причта» из своей пустоши Латкино «пространством 274 десятины» не мог, так как этот участок был не только средством содержания владельца и его дворовых людей, но «единственным наследием его детей»⁹². Нoволадoжская помещица Анна Уфирова на вопрос благочинного о возможности участвовать в построении церкви и назначении суммы на содержание причта ответила, что «решительно должна отказать от столь высокой и святой цели правительственного призывного гласа», поскольку ни она, ни ее крестьяне «не в состоянии жертвовать на построение Святого Храма, равно как и назначить сумму на содержание церковного причта»⁹³. Крестьяне д. Дерновой (Никольского Сяьского прихода) свой отказ быть причисленными к другой церкви объяснили тем, что «при Никольской церкви издавна почивают их родители, и она благолепно устроена», и своим священником (С. Веселовским) «совершенно довольны и разлучиться» с ним «по доброй воле не охотно желают»⁹⁴. Владелица крестьян д. Заозерье А. Лобанова о своем несогласии на устройство церкви откровенно ответила: «по соображению моему я не предвижу никакой к тому надобности, тем более что крестьяне мои никогда не жаловались на дальность расстояния от своего Никольского Сяьского погоста... А потому... устройство нового прихода для крестьян моих нахожу бесполезным»⁹⁵. Изложенные обстоятельства привели

---

⁹¹ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 50. Д. 131. Л. 1 об.

⁹² Там же. Л. 4.

⁹³ Там же. Л. 6.

⁹⁴ Там же. Л. 7, 7 об.

⁹⁵ Там же. Л. 8, 8 об.

благочинного С. Веселовского к мнению, что «построение церкви вблизи д. Сельги представляется делом бесполезным»⁹⁶.

Неоднозначно решалось дело об образовании прихода в д. Верховины (Новоладожский уезд). Выполняя предписания епископа Агафангела, благочинный священник с. Заболотья Яков Азиатский, часть прихожан которого должна была составить новый приход, предложил свой вариант решения вопроса. Как приходской священник, он предвидел, что устройство особого прихода из жителей, живущих «в трех Верховинах»⁹⁷, будет «затруднительным и, судя по духу жителей, невозможным, ибо жители сих деревень раскольники не только не будут просить и содействовать в сем благом деле, но еще препятствовать»^b. Он посчитал, что сначала надо выстроить в д. Средняя Верховина деревянную церковь на уже существовавшем кладбище. Там «издавна за отдаленностью от приходской церкви погребаются тела умерших», а поскольку при Заболотской церкви по штату находилось двое священников, то одному из них «не затруднительно в праздничный день... служить там литургию», которую слушать могли еще и крестьяне других нескольких ближайших деревень⁹⁸. Только со временем, по мнению благочинного, «когда в сих прихожанах окажется усердие к церкви Божией и найдут нужным и возможным иметь особый приход», они могли бы начать дело об открытии своего прихода. Церковь же можно было построить «не иначе... как на счет кошелевой суммы, имеющейся при Заболотской церкви, дозволив израсходовать... до 600 рублей серебром»⁹⁹. Однако Присутствие Духовной консистории своим определением от 30 сентября 1858 г. явно форсировало исполнение дела: «1) Постройку новой церкви в деревне Средней Верховине признать необходимою и по имеющимся в виду средствам на возведение оной удобоисполнимою. 2) Для помещения в сей церкви до 500 богомольцев составить проект фасада деревянной церкви и церковного дома

⁹⁶ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 50. Д. 131. Л. 13 об.

⁹⁷ Там же. Д. 137. Л. 2.

⁹⁸ Там же. Л. 2.

⁹⁹ Там же. Л. 2 об.

для священника, дьячка...¹⁰⁰ предписать епархиальному архитектору Брандту указом с тем, чтобы чертежи сии и смета были представлены непременно через две недели (!)»¹⁰¹. Благочинному Я. Азиатскому предписывалось избрать «приличное для постройки церкви место» и составить план этой местности, и только потом говорилось о сборе «определятельных отзывов» от прихожан — «желают ли они иметь в означенной деревне церковь и чем могут содействовать в постройке оной»¹⁰². Для сбора отзывов прихожан, которые принадлежали Ведомству Государственных имуществ, благочинный обратился к окружному начальнику Государственных имуществ. Как и предполагал священник, даже для сбора «доброхотных подаяний в сих деревнях желающего не оказалось»¹⁰³. Окружной начальник Каменский в ответе на отношение благочинного Я. Азиатского обращает внимание, что опрос прихожан относительно построения храма не был предложен раскольникам потому, «что мы вполне убеждены, что они не согласны и не желают, чтобы в Верховине был храм православный». Но «и самые православные», пишет Каменский, «не совсем охотно приняли таковое предложение, и доказали тем, что от себя нисколько пожертвовать ничего не желают, кроме вырубки и вывоза леса, поставки камня и песку и то наравне со всем Обществом» (см. Приложение 2), и что елешковские крестьяне, которых предполагали также приписать к новому приходу, «не изъявили желаний принадлежать к Верховинскому приходу». В заключение окружной начальник констатировал: «...а поэтому необходимо выстроить церковь на счет казны»¹⁰⁴.

Духовная консистория, получив такие отзывы, 8 июня 1859 г. постановила «отнестись с прошением уведомления о способах», какие со стороны Палаты Государственных имуществ

---

¹⁰⁰ Церковь, имевшая прихожан от 100 до 350 д. м. п., относилась к 6-му классу с причтом, состоящим из священника (оклад 150 руб. сер.) и дьячка (оклад 70 руб. сер.) (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 50. Д. 137. Л. 3.)

¹⁰¹ Там же. Л. 5.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Там же. Л. 6.

¹⁰⁴ Там же. Л. 7, 7 об.

«будут оказаны в отношении постройки церкви и содержания ее причта»¹⁰⁵. С.-Петербургская палата, в свою очередь, в ответе от 7 августа 1859 г. признала, что «причины, вынуждающие к построению» в Вехровинах церкви, заключаются в том, что деревни состояли почти все из раскольников, «и православные, находясь от приходской церкви около 15-ти верст, по влиянию раскольников, слабы в правилах религиозных и уклоняются от исполнения христианских обязанностей». Но в то же время обращала внимание, что по силе циркулярного предписания министерства государственных имуществ ссуды на устройство в казенных селениях церквей предоставляются «только в чрезвычайных случаях, когда, по особым местным уважениям, постройка церкви по видам самого Правительства признается неотложною». Поэтому Палата просила сообщить ей, «может ли быть допущена постройка церкви в означенной деревне на предлагаемых условиях с присоединением... и других деревень, крестьяне которых на то не согласны»¹⁰⁶, предположив при этом, что пастырское убеждение несогласных «в склонении к этому богоугодному делу» будет более успешно, как и разрешение на «сбор добротных пожертвований на книжку»¹⁰⁷. Духовная консистория подтвердила (решение от 24 августа), что образование отдельного прихода «признано необходимым», и просила уведомить о том, какое со стороны Палаты может быть сделано распоряжение в отношении назначения содержания священнику и причетнику предполагаемой церкви¹⁰⁸, включая отвод узаконенной пропорции земли и участок для дома причта^c. Только в марте 1861 г. Палата ответила, «что хотя

---

¹⁰⁵ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 50. Д. 137. Л. 12.

¹⁰⁶ Крестьяне деревень Большое и Малое Елешково свое нежелание быть приписанными к новому приходу так объяснили: «...по совещании между собою с общего согласия, осмеливаемся ходатайствовать об освобождении нас от причисления приходом... так как у нас при село-Заболотской церкви с давнего времени хоронены родители наши и дети, по коим отправляются и поминовения в родительские дни, то поэтому, желая быть и на будущее время прихожанами к оной, в чем сей отзыв учинили и подписуемся». (Там же. Л. 25, 25 об.)

¹⁰⁷ Там же. Л. 14, 15 об.

¹⁰⁸ Там же. Л. 20 об.

крестьяне означенной деревни и других... и не соглашаются отвести землю для будущего причта и дома... что, впрочем, происходит... от того, что крестьяне означенных деревень, за исключением весьма немногих из них, принадлежат расколу; но Палата, не стесняясь таковым их несогласием, в силу представленной ей 482 ст. X т. Зак. меж. власти, сделает распоряжение об отводе будущему причту земли... но не ранее, как когда будет построена самая церковь... ибо не известно, состоится ли предположенная постройка церкви»¹⁰⁹. И поскольку новый приход образуется из казенных селений, то и построена она должна «из проектов, изданных Министерством». Составление и согласование проекта и сметы, сбор средств растянулись до 1866. Государственные крестьяне перешли «в заведывание общих и мировых учреждений», дело же о постройке церкви Палата передала «для дальнейшего производства в Губернское правление»¹¹⁰. Составление проекта и сметы (сначала прихожане хотели деревянную церковь, а в 1869-м — уже каменную), их согласование, выбор места для церкви — все началось по-новому. Изменились обстоятельства и в Духовном ведомстве. Обеспечение причта уже зависело от решения Присутствия по делам духовенства¹¹¹. Собственно же построение церкви и образование прихода согласовывались на «благочинническом съезде... по делу об уравнивании приходов и соединении церквей» в октябре 1869 г. По его решению постройка церкви в д. Верховине «весьма необходима по своему будущему влиянию на раскольников, с какою целью она необходима быть самостоятельной с особым причтом», причем съезд «нашел нужным присоединить к предположенному прежде Верховинскому приходу еще другие ближайшие деревни»¹¹². Закладка каменной церкви произошла 17 мая 1870 г.

¹⁰⁹ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 50. Д. 137. Л. 43, 43 об.

¹¹⁰ Там же. Оп. 58. Д. 26. Л. 1.

¹¹¹ В 1865 г. «прихожане... от участия в постройке и в содержании Причта отказались, да если бы и приняли таковое, то по малому числу их — до 279 душ обоего пола Православных, — пособие их не может быть значительно и достаточно к построению каменной церкви и к содержанию Причта без казенного жалованья». (Там же. Л. 90, 90 об.)

¹¹² Там же. Л. 96 об, 97.

Совсем по-другому происходило решение дела об образовании новых приходов в казенных селениях Вольково и Заречье (Новолодожский уезд). Почти одновременно епископ Агафангел получил официальное письмо от управляющего С.-Петербургской Палатой Государственных имуществ А. Гюне (от 13 января 1859 г.) и рапорт благочинного протоиерея Новолодожского собора И. Велитского (от 23 января). Управляющий, ссылаясь на необходимость исполнения с его стороны упоминавшегося выше циркулярного предписания, доводил до сведения преосвященного Агафангела, что он лично «при обозрении вверенного» ему Управления и через окружных начальников предлагал государственным крестьянам устроить для них церкви соразмерно имевшимся у них средствам¹¹³. И что вследствие этого в двух селениях — д. Вольково (Михайловского погоста) и в д. Заречье (Прусинской церкви) — уже предполагается строительство церквей и «образование из ближайших к ним других деревень» новых приходов, так как отдаленность и «дурной путь в особенности в весеннее и осеннее время» часто ставил их «в совершенную невозможность посещать храм Божий»¹¹⁴. По мирскому приговору крестьяне д. Вольково (и д. Чернецко и Заднево, 316 д. м. п. и 312 д. ж. п.) просили лес как на строительство самой деревянной церкви, в которой бы помещалось от 250 до 300 чел., так и домов для священно- и церковнослужителей «отпустить безденежно из Долголединской казенной дачи»; вырубку и вывозку леса прихожане брали на себя, как и доставку булыжного камня, песка и глины¹¹⁵. На строительство церкви у крестьян не было необходимого единовременного взноса, поэтому они предложили «испросить ссуду из сумм министерства Государственных имуществ... с возвратом оной прихожанами по раскладке». Для обеспечения причта было обещано «отвести до 3-х десятин земли под дома и огороды, а вместо узаконенного количества земли производить ругу с каждой ревизской души по два

¹¹³ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 51. Д. 15. Л. 1.

¹¹⁴ Там же. Л. 1 об.

¹¹⁵ Там же. Л. 1 об., 2.

гарнца ржи и по два гарнца овса»¹¹⁶. Жалованье же для причта они просили назначить от казны.

Крестьяне д. Заречье (и д. Моисеево, Никитино, Никифорово и Мошково, 362 д. м. п. и 431 д. ж. п.) также просили отпустить «безденежно леса» и выдать ссуду из казны «с рассрочкою платежа оной ежегодно по 1 руб. сер. с души»¹¹⁷. Обеспечить причт жалованьем они просили от казны, а от себя обещали отвести 3-4 дес. «под дома и огороды удобной земли, покосов до 12 дес.» и дополнительно производить такую же, как и крестьяне д. Вольково, ругу. Управляющий Палатою, «проникнутый важностью сего богоугодного дела и убежденный в необходимости во избежание распространения раскола», для исполнения этих предложений сам не только поручил гражданскому инженеру Палаты составить сметы «на предмет как денежных, так и материальных издержек», но и приступил к распоряжению «в отношении выдачи просимых крестьянами в ссуду денег»¹¹⁸. К епископу Агафангелу он обращался с просьбой о содействии в изложенном деле и просил уведомить его о возможности назначить духовенству предполагаемых приходов казенное жалованье.

Благочинный И. Велитский подтвердил предложенные крестьянами условия построения церкви и образования прихода¹¹⁹. Со своей стороны, он также считал, что «православная церковь в дер. Вольково необходима».

При сложившихся обстоятельствах Духовная консистория, надеясь, что постройка церквей (в Волькове и Заречье) «при благовнимательном содействии начальства

---

¹¹⁶ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 51. Д. 15. Л. 2.

¹¹⁷ Там же. Л. 2 об.

¹¹⁸ Там же. Л. 3, 3 об.

¹¹⁹ Крестьяне д. Козарево (64 д. м. п. и 68 д. ж. п.), которые не желали быть приписанными к новому приходу, так как большая их часть были раскольниками, в случае причисления к Вольковской церкви обещали наравне с другими оказать помощь в постройке «некоторыми натуральными повинностями», а более этого ничего принять на себя не могли. (Там же. Л. 8.)

Священник Алексей Песоцкий в 1884 г. о них пишет следующее: «Деревня Козарево населена беспоповцами, питающими к православному чувству ненависти». См.: Историко-статистические сведения... Т. 9. С. 157.

Государственных имуществ» будет «удобоисполнимою», приняла решение, одобренное епископом Агафангелом и утвержденное митрополитом, о ходатайстве перед Синодом о назначении жалованья священно- и церковнослужителям «предполагаемых к открытию приходов» (март 1859 г.)¹²⁰.

Протоиерею Илье Велитскому в августе 1858 г. предстояло выполнить еще одно поручение епископа Агафангела — построить церковь и организовать новый приход в помещичьих деревнях Солецкого прихода. Крестьяне «на личное предложение благочинного» единогласно объявили о своем желании «иметь в деревне Большой Остров православную церковь», но при условии, что «в сооружении оной епархиальное начальство окажет содействие выдачею сборной книги для сбора пожертвований на этот храм... и даст причту следуемое жалованье»¹²¹. По мнению благочинного, новый храм удобнее было соорудить каменным, так как «для владельцев дороже строевой лес, чем дрова, необходимые для обжига кирпича»¹²². Но поскольку крестьяне, как писал благочинный, «здесь совершенно зависят от воли своих помещиков и ни в чем не могут располагать собою», необходимо было по всем вопросам «ожидать распоряжений самих помещиков»¹²³. Так, графиня Протасова не нашла основания к перечислению к новой церкви своих крестьян д. Драчевой. На вопрос вотчинного старосты Н. Григорьева они показали, что «в требовании по старательному и усердному состоянию нашего местного священника затруднения ни в чем и никогда отнюдь не имеется», и несмотря на то, что церковь находилась в 10 верстах, они были согласны остаться «на прежнем основании»¹²⁴. Владелец П. Солманов выразил согласие на строительство церкви как «благодетельную» меру для нравственности крестьян. Но он просил на построение церкви отделить половину имевшегося при Солецкой церкви капитала, так как не только

---

¹²⁰ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 51. Д. 15. Л. 8, 24.

¹²¹ Там же. Д. 36. Л. 6.

¹²² Там же. Л. 3.

¹²³ Там же. Л. 4.

¹²⁴ Там же. Л. 7.

капитал «большую часть составил из приношений крестьян, долженствующих отделиться от Солецкого прихода», но и многое из церковной утвари, заведенное «добровольными приношениями, в которых участвовали крестьяне наших деревень», должно было остаться в той церкви¹²⁵. Помещик К. Лахматов изъявил желание «помогать... по возможности и состоянию». Крестьяне владелицы д. Большой Остров супруги сенатора Патона «заявили согласие на сооружение» храма. Духовная консистория, согласовывая штат будущего причта¹²⁶, в своем указе от 27 июля 1859 г. предписывала избрать «удобную и приличную для построения церкви местность... с надлежащим на сей предмет количеством земли, потребного для постройки домов для священника и причетника и для огородов», а также предложила местным владельцам отвести для причта узаконенную пропорцию земли. Если нарезка земли оказалась бы «неудобною по уважительным причинам», то необходимо было «составить письменный акт на обещаемое прихожанами положение отсыпного хлеба причту»¹²⁷. Однако исполнение дела, как писал новый благочинный Яков Азиатский, «медлилось... по причине переходного из господского во временнообязанное состояние»¹²⁸. Только в конце 1861 г. будущие прихожане смогли согласовать все условия, которые требовала Духовная консистория (см. Приложение 3).

В июне 1861 г. окружной начальник Каменский вновь обращается к управляющему С.-Петербургской Палатой Государственных имуществ. Во вверенном ему округе, «заботясь об отвращении затруднений в посещении государственными крестьянами храмов», он нашел, что крестьяне нескольких деревень Шаховской волости «редко посещают храм Божий» из-за дальнего

¹²⁵ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 51. Д. 15. Л. 10, 11.

¹²⁶ Приход Рождество Богородицкой Солецкого погоста по штату 1843 г. был 3-го класса, причт состоял из священника, дьякона, дьячка, пономаря и просфирни. Прихожан было 1072 д. м. п. и 1217 д. ж. п. К новой церкви в д. Большой Остров должны были отойти 584 д. м. п. и 626 д. ж. п., включая отказавшихся крестьян д. Драчево. (Там же. Л. 18, 30.)

¹²⁷ Там же. Д. 36. Л. 20, 20 об.

¹²⁸ Там же. Л. 38.

расстояния и неудобной переправы весной и осенью¹²⁹. Каменский предложил им построить при д. Тюнев Посад «особую по их средствам церковь» и образовать отдельный приход из государственных крестьян «вместе с соседними крестьянами, вышедшими из крепостной зависимости, деревни Заостровья». По мнению окружного начальника, место для постройки церкви было удобным. Оно располагалось «при самом Свирском канале и по берегу Ладожского озера», где в летнее время собиралось много народа и останавливались суда «для перемены лошадей». Это обстоятельство позволяло надеяться, «что средства для сооружения храма частью будут увеличены и от добровольных приношений к этому благому делу»¹³⁰.

Однако согласие крестьян после «тщательного рассуждения между собою» приводит к возникновению ряда условий со стороны будущих прихожан. Ссылаясь на то, что среди крестьян было много «бедносостоятельных, не имеющих ни промыслов, ни средств к заведению таковых», а также за отсутствием в их владении пахотной земли, крестьяне просили «милостивое благодетельное начальство» отпустить на строительство церкви и домов для причта «без платежа попенных денег в потребном количестве лес» из казенной дачи и «произвести ссуду без процентов из сумм министерства Государственных имуществ»¹³¹. Для причта просили штатное жалованье от казны. От себя обещали взамен земли ежегодно платить причту (священнику и дьячку) по 20 коп. сер. с каждой ревизской души и «более

---

¹²⁹ «Крестьяне Шахновской волости деревень Грабухиной, Кириковой, Баклановой, Лахты, Шурягской, Елоховой, Пещаницы, Тюнева Посада и Белого Костра в числе 427 мужского и 455 женского пола душ, расположенных на Свирском канале, вблизи Ладожского озера удалены от приходской Вороновской церкви так, что расстояние между сими деревнями и приходскою церковью от 6 до 14 верст... редко посещают храм Божий, а в особенности в весеннее и осеннее время при вскрытии и замерзании Ладожского озера». (ЦГИА СПб. Ф. 266. Оп. 1. Д. 535. Л. 1, 1 об.)

¹³⁰ Там же. Л. 5 об.

¹³¹ Там же. Л. 7 об., 8.

Ссуду крестьяне обещали возвращать ежегодно «по одному рублю с каждой ревизской мужского пола души, лес вырубить и «вывести натурою», а также подвести булыжный камень и песок. (Там же. Л. 8 об.)

никакой руги из хлеборастений не производить», так как сами они хлебопашеством не занимались, а «хлеб и все проч. потребное для продовольствия семейств» приобретали «покупкою»¹³².

Уже 20 июля исполнявший должность управляющего Палатою поручил гражданскому инженеру Палаты Бартошевскому вместе с крестьянами и благочинным выбрать место под новую церковь, составить чертеж самой церкви и смету «потребных на постройку церкви материальным и денежным расходам». Однако предложенное прихожанами место оказалось неудобным с точки зрения существовавшего «узаконения, по которому ближе 20 саж. от церкви» воспрещалась какая-либо постройка. Необходимо было перенести несколько домов местных жителей. На предписание Палаты о выборе другого места крестьяне ответили отказом, поскольку они рассчитывали, что доходы церкви, построенной именно в том пункте на берегу Сясьского канала, «будут гораздо значительнее» при большом стечении в этом месте народа, особенно в летнее время. А расходы на снос домов «вознаградятся впоследствии уменьшением издержек на содержание церковного причта и поддержку церковного строения»¹³³.

Через год в июне 1862 г. Палата в своем письме к епископу Ревельскому Леонтию констатировала, что построение церкви в д. Тюнев Посад «признано весьма полезным и необходимым», так как «по случаю отдаленности» от Вороновской церкви и затруднительного посещения храма весной и осенью «родящиеся младенцы остаются долго некрещеными, а трупы умерших не похороненными, одним словом эти препятствия» отнимали у крестьян возможность исполнить своевременно христианские обязанности¹³⁴. Перечислив необходимые средства для построения церкви и обязательства крестьян, Палата просила выдать им сборную книжку для записи пожертвований, отчислить долю денег из имевшихся при Вороновской церкви наличных сумм и «билетов кредитных установлений», а также «препровождать» уже подготовленные план и смету на постройку будущей

---

¹³² ЦГИА СПб. Ф. 266. Оп. 1. Д. 535. Л. 8 об.

¹³³ Там же. Л. 16.

¹³⁴ Там же. Л. 27, 27 об.

приходской церкви. После проверки сведений, представленных Палатою, и взаимной переписки указом от 24 июня 1864 г. Духовная консистория дала разрешение на строительство церкви и образование нового прихода¹³⁵. Причт по 5-му классу сельских церквей должен был состоять из священника, дьячка и пономаря с жалованьем от казны 310 руб. сер.^d

В Лужском уезде епархии после сбора необходимых сведений по предписанию епископа Агафангела об организации прихода в д. Новинка (церковь в с. Георгиевском) выяснилось о единодушном желании крестьян устроить особую церковь. Однако средств ни на постройку храма, ни на содержание причта, как писал благочинный, «решительно не имеют... по несостоятельности своей и малоземелью»¹³⁶. И поэтому по «соображению» священника П. Григорьева предполагавшееся «устроение церкви» показалось ему «совершенно неудобно-исполнимым». На основании рапорта благочинного и приговора крестьян¹³⁷ Духовная консистория постановила оставить жителей в прежнем приходе.

Предложение епископа Агафангела относительно организации нового прихода в д. Хвошне (Лужский уезд) было проверено благочинным А. Ласкиным. Согласно его рапорту в Консисторию следовало, что до 1833 г. при усадьбе помещика Ивана Спицына в Малой Хвошне действительно была приходская церковь во имя св. влмч. Дмитрия Солунского. Церковь сгорела в 1812 г., поэтому жители были приписаны к Горской Знаменской церкви¹³⁸. Церковная земля в количестве 3 дес. усадебной и 33 дес. пахотной и сенокосной была отдана в пользование

---

¹³⁵ ЦГИА СПб. Ф. 266. Оп. 1. Д. 535. Л. 31, 48.

¹³⁶ Там же. Ф. 19. Оп. 50. Д. 123. Л. 1 об.

¹³⁷ По показаниям крестьянина дер. Новинки следовало, что местонахождение предполагаемых к отчислению деревень «низкое, болотистое, хлебопашество неудобное, сенные покосы очень скудные, и если отмежевать под постройку церкви и для причта узаконенную пропорцию земли... тогда каждой деревни жители совершенно будут обижены хлебопашеством и сенными покосами». Обеспечить содержание причта не могли, «потому что жители означенных деревень с большим трудом уплачивают казенные повинности и большею частью с недоплатою». (Там же. Л. 3 об.)

¹³⁸ Там же. Д. 127. Л. 2.

Горского причта, «хотя и без надлежащей за дальностью расстояния (10 верст) пользы» последнего. Местный помещик И. Спицын еще в 1851 г. просил епархиальное начальство разрешить ему «по представленному при прошении... чертежу устроить своим иждивением каменную часовню» вместо сгоревшей церкви. Ему было отказано «единственно за непредставлением в продолжении 7-ми лет... плана местности для устройства часовни»¹³⁹. Поэтому он «с душевною отрадою известился» о предложении епархиального начальства построить в его имении церковь и организовать приход. Крестьяне также, «с радостью узнав о предложении», изъявили согласие «посильно помочь работаю». Как констатировал благочинный, учреждение нового прихода зависело «не от недостатка согласия к тому обывателей... а единственно от недостатка средств к построению храма»¹⁴⁰. Наличие церковной земли, достаточного количества будущих прихожан (421 д. м. п. и 471 д. ж. п.) не нарушало нормальных штатов прежних приходских церквей. В марте 1859 г. было разрешено в усадьбе М. Хвошне построить новую церковь. Чтобы составить капитал на устройство церкви, И. Спицын предложил немедленно передать землю в арендное содержание. По отзыву причта Горской церкви они получали с нее «до 10 возов сена, полагая по 5 рублей за воз серебром», что составляло 50 руб., а озимых — «до 6 кулей разного хлеба положительно на 20 руб.»¹⁴¹. Прихожане также рассчитывали на разрешение Консistorии провести сбор пожертвований по книжке.

Единогласное и полное согласие выразили крестьяне благочинному протоиерею Лужского Екатерининского собора А. Ласкину об учреждении нового прихода в д. Малые Уторгощи. К новой церкви должны были присоединиться крестьяне разного ведомства из трех приходов: Вшельского — помещичьи и государственные (981 д. о. п.), Турского — Ораниенбаумского дворцового правления и помещиков Крюковских

---

¹³⁹ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 50. Д. 127. Л. 2 об.

¹⁴⁰ Там же. Л. 6.

¹⁴¹ Там же. Л. 16.

и Чириковой (526 д. о. п.), Лубинского — также дворцового правления, мещане и крестьяне графа Мордвинова (146 д. о. п.), всего 794 мужского и 859 женского — обоего пола 1653 души¹⁴². На постройку новой церкви прихожане готовы были «по усердию своему содействовать посильным денежным пособием и другими материальными средствами» и даже сразу выбрали место для нее и домов причта. Но так как место было выбрано на границе владений двух помещиков — Пантелеева и Бека, благочинный считал, что прежде всего необходимо «снестись с ними о согласии их на уступку земли для означенного предмета и о пособиях со стороны их на устройство церкви»¹⁴³. Поэтому протоиерей предоставлял эти сведения на «благоусмотрение» епископа Агафангела и ждал дальнейшего распоряжения Консистории.

Дело затянулось по причине отказа помещика А. Х. Бека, камергера Двора его императорского величества действительного статского советника, отвести из своих владений необходимое количество земли для причта. В марте 1859 г. он уведомил благочинного, «что в видах ценности имения его, не имеющего и в настоящее время достаточного для него количества земли и по другим экономическим соображениям в порядках вотчинного хозяйства, он не находит возможным согласиться на отход и малейшей части земли из своего владения»¹⁴⁴. В мае того же года указом Духовной консистории благочинному было предписано собрать сведения о том, кто же из владельцев предполагаемого прихода мог бы согласиться «на удел земли собственно потребной для построения церкви и под усадьбу причта»¹⁴⁵. Но как выяснил протоиерей А. Ласкин, по отдаленности владений других помещиков «от предполагаемой церковной местности земля для новой церкви и причта по необходимости должна быть нарезана из владения гг. Бека и Пантелеева». При чем последний в декабре 1858 г. уведомил благочинного,

---

¹⁴² ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 50. Д. 125. Л. 1.

¹⁴³ Там же. Л. 1 об.

¹⁴⁴ Там же. Л. 8.

¹⁴⁵ Там же. Л. 11.

«что по случаю предстоящих перемен в отношениях между помещиками и крестьянами» он не мог приступить к нарезке земли для церкви «до окончательного отделе́ния моей земли от земли крестьянской законным образом»¹⁴⁶.

Тогда Духовная консистория обратилась в Губернское правление с просьбой, «чтобы оно сделало со своей стороны распоряжение об отводе потребного количества земли для постройки в Малой Уторгоще новой церкви и для усадеб причта при депутате с духовной стороны удобной и приличной для изъясненной надобности»¹⁴⁷. Лужский земский суд, которому было поручено Губернским правлением исполнить это дело, 14 февраля 1861 г. докладывал в Духовную консисторию, что причины, по которым помещик Бек отказался отвести землю, «и ныне существуют», тем более что этот предполагаемый участок земли «в скором времени поступит в надел крестьянам»; а Пантелеев не мог согласиться потому, «что при деревне М. Уторгощи вся земля отдана во владение крестьянам»¹⁴⁸.

При этом еще в июле 1860 г. сами будущие прихожане через своих старшин, старост и выборных от обществ разных вотчин дали подписку приставу 3-го стана Лужского уезда в том, что они «на содержание одного священника с двумя причетниками определить постоянного и положительного денежного способа» не могут, а согласились «приносить жертвы на это благоугодное дело как денежные, так и другие по усердию»¹⁴⁹.

Решение дела сдвинулось только в январе 1863 г., когда избранный «от вновь устрояющегося прихода» в церковные старосты (к непостроенной еще церкви) при д. Малые Уторгощи крестьянин д. Буйно Василий Яковлев с согласия прихожан «сторговал за 500 рублей серебром в Георгиевском погосте Новгородского уезда готовую деревянную, построенную из прочных материалов церковь!» В прошении на имя митрополита Исидора он писал, что дело длилось так долго из-за несогласия

---

¹⁴⁶ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 50. Д. 125. Л. 21.

¹⁴⁷ Там же. Л. 22 об., 23.

¹⁴⁸ Там же. Л. 33 об., 34.

¹⁴⁹ Там же. Л. 28.

крестьян отвести под церковь необходимый участок земли¹⁵⁰. Но теперь владелец Н. Н. Пантелеев предоставлял три десятины своей земли, а помещик Бек — одну десятину для построения церкви и усадьбы причта. Прихожане обещали собрать и пожертвовать 1000 руб. сер. Церковный староста просил митрополита определить им в священники Алексея Ольгинского «как человека вполне доказавшего свою опытность и распорядительность по постройке отличного нового храма Лужского уезда в селе Заполье»¹⁵¹. Духовная консистория с согласия митрополита разрешила перевести церковь и выдать сборную книгу для пожертвований.

Осенью 1858 г. прихожане, приписанные к Павскому погосту (Лужский уезд), решали вопрос, где удобнее построить новую церковь. Епископ Агафангел предлагал новый приход организовать из нескольких деревень с церковью в д. Веини. Крестьяне предложили построить в д. Хредино, поскольку «в означенной деревне издавна была церковь во имя св. мучеников Флора и Лавра»; была даже церковная земля, которой в то время владел «не известно по каким документам помещик оной деревни Гавриил Александрович Сорокин»¹⁵².

Дело о построении церкви в д. Хредино возникло не впервые. Пелагея Васильевна Сорокина, владелица этой деревни, вместо своей домово́й церкви, в которую крестьяне «собирались слушать Божественную литургию», получила разрешение от Духовной консистории в апреле 1852 г. построить новую деревянную церковь по представленному ею проекту и плану местности. Однако в 1853 г., после ее смерти, домовая церковь была закрыта, а часть заготовленного материала для постройки

---

¹⁵⁰ Также крестьяне не хотели отдавать землю в обеспечение причту. Так, жители д. М. Уторгощи писали Вшельскому священнику Г. Рыбину: «...мы действительно пользуемся землею, принадлежащею помещику Пантелееву, но распорядиться ею не можем. А если господин помещик отдаст ту землю, которая должна бы поступить причту под пашню в его пользование, то мы будем обижены, так как земля эта у нас лучшая, и просим начальство обеспечить причт какими-нибудь другими средствами». (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 50. Д. 125. Л. 43.)

¹⁵¹ Там же. Л. 39.

¹⁵² Там же. Д. 140. Л. 1.

храма «наследником ее имения сыном ее Гавриилом Сорокины употреблена в свою пользу»¹⁵³. Сам помещик Сорокин и его сестра Евдокия Александровна Рoнова устройство нового храма «по распоряжению правительства для сокращения расстояния прихода к погосту Павам» посчитали целью «благодетельной». Однако «вопреки желанию всех обывателей деревень» назначили устройство церкви в д. Веини или д. Бабкино, где у них были крестьяне и земля, что позволило бы сделать им «посильное пожертвование» для устройства нового прихода¹⁵⁴. Мнение жителей^е также поддержала помещица Юлия Апсентова, обещающая от себя и своих крестьян «по возможности жертвовать для построения храма»¹⁵⁵.

Духовная консистория признала открытие отдельного прихода необходимым. Строить церковь разрешалось по уже утвержденному в 1852 г. «фасаду и плану местности». Для обеспечения причта от Павской церкви отчислялись 583 д. м. п. и 649 д. ж. п. (4-й класс). Оставался вопрос о церковной земле. На необходимости прежде всего выяснить обстоятельства владения этой землей помещиком настаивал в своей резолюции митрополит Григорий. В случае невозможности возратить ее церкви митрополит предписывал обратиться к другим помещикам.

В церковном архиве никаких актов на церковную землю обнаружено не было. Но «всем окольным прихожанам» были известны «межи и ямы», обозначавшие этот участок. По письменному отзыву помещика Сорокина следовало, что он владел землей, «какою владела покойная моя родительница по духовному завещанию... и ни от кого никаких документов в нахождение в моем владении будто бы... церковной земли предъявлено мне не было в продолжении с лишком пятидесяти лет»¹⁵⁶. Выяснение обстоятельств привели в сентябре 1861 г. к открытому столкновению помещика Сорокина и Павского священника Стефана Рождественского. Следственная комиссия, в которую

---

¹⁵³ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 50. Д. 140. Л. 1 об.

¹⁵⁴ Там же. Лл. 4, 6.

¹⁵⁵ Там же. Л. 7.

¹⁵⁶ Там же. Л. 43 об.

входил с духовной стороны священник, а по поручению Лужского земского суда — пристав 3-го стана Ф. И. Барщевский, на квартире купца М. Собакина опрашивала крестьян относительно церковной земли¹⁵⁷. Помещик Сорокин, который ходил по комнате и мешал проведению следствия¹⁵⁸, на попытки священника Рождественского пригласить в понятия не его крестьян, а из других деревень сначала накричал на священника, а потом и вовсе пригрозил «заставить его замолчать». В бумагах, которые бросил Сорокин перед комиссией, содержался донос на священника. Помещик отстранял Рождественского от депутатства за то, что начатое дело о церковной земле в Хредино мешало Сорокину сделать уставную грамоту с его крестьянами. Помещик эту землю решил отдать «в нарез своим крестьянам», но они не захотели ее брать, так как «об ней идет дело»¹⁵⁹.

Не дожидаясь окончательного разрешения дела, Павский причт просил Духовную консисторию «об ускорении постройки церкви в селе Хредине на местности, которая в прежние времена была под приходской церковью...»¹⁶⁰. В свою очередь крестьяне д. Хредино, «которым по Высочайшему положению досталась эта местность в надел», пожертвовали полдесятины под церковь, помещица Евдокия Ронова из собственной земли пожертвовала еще 3 десятины. Участок земли «под здворки причту»¹⁶¹ передали из своей земли лужские 3-й гильдии купцы Собакин^г. Это позволило начать строительство церкви.

Постройка новой церкви в д. Смерди (Лужский уезд), предпринятая также по предложению епископа Агафангела, была разрешена

---

¹⁵⁷ К этому времени была найден писцовая книга, подтверждавшая наличие при церкви участка земли.

¹⁵⁸ По словам священника, помещик Сорокин, «не снимая шапки с папиросою во рту и палкою, в утреннем наряде, надето было только пальто и без брюк» постоянно ходил по комнате и мешал следствию (Там же. Л. 49 об.).

¹⁵⁹ Там же. Л. 50. Из рапорта священника Рождественского следовало, что «эта земля приносит помещику Сорокину ежегодно доходу двести руб. сер. за исключением всех расходов на нее, и в настоящее время [октябрь 1861 г.] засеяна помещиком Сорокиным озимым хлебом» (Там же. Л. 53 об.).

¹⁶⁰ Там же. Л. 100 об.

¹⁶¹ Там же. Л. 100.

Духовной консисторией в виду дальнего расстояния прихожан от своей приходской церкви (около 20 верст) и «совершенного согласия» будущих прихожан. На скорое решение Консистории (декабрь 1858 г.) повлияло также то обстоятельство, что владелица д. Смерди жертвовала на строительство 250 руб. сер. и необходимое под церковь, кладбище и усадьбу для причта количество земли. Обыватели также «подписались жертвовать на построение церкви... посильным количеством денег и разным зерновым хлебом на содержание ее причта»¹⁶². От Городецкого прихода, в котором было 2090 д. м. п. и 2338 д. ж. п., отчислились 452 д. м. п. и 503 д. ж. п., от Петровского погоста — 75 д. м. п. и 72 д. ж. п.¹⁶³

Духовная консистория весной 1859 г. вела переписку о составлении проекта церкви, в которой бы помещалось до 800 душ, «фасада и сметы на ее постройку». Однако митрополит Григорий обратил внимание, что обязательство крестьян давать причту «за недостатком земли зерновой хлеб» было написано рукой местного священника, подписано «одним только крестьянином без всякого удостоверения со стороны начальства» и не могло иметь силы¹⁶⁴. Поставив это «на вид Консистории», митрополит предложил через Лужское Духовное правление и благочинного «войти в сношение с владельцами или управляющими... деревень» и при их участии, «отобрав обстоятельные отзывы крестьян» о постройке церкви и о средствах содержания причта, составить «надлежащие акты» и вместе с планом местности земли, пожертвованной помещицей Степановой, представить все в Консисторию¹⁶⁵. Что и было сделано в сентябре 1859 г. В мае 1861 г. капитан-лейтенант А. Степанов уведомил Лужское Духовное правление, что он принял на себя «обязанность строителя новой церкви в деревне Смердях, на что уже получил как благословение, так и план самой церкви от бывшего епархиального vicария преосвященного Агафангела»¹⁶⁶.

¹⁶² ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 122. Д. 180. Л. 4, 4 об.

¹⁶³ Там же. Л. 10.

¹⁶⁴ Там же. Л. 17.

¹⁶⁵ Там же.

¹⁶⁶ Там же. Л. 53.

Прихожане нескольких деревень из самых больших приходов Ямбургского уезда — Сойкинского (5907 д. об. п.) и Кейкинского (2558 д. об. п.) — в 1864 г. просили митрополита Исидора разрешить им построить небольшую деревянную церковь в д. Краколье и образовать приход. Находясь на расстоянии от церкви в 25 и даже в 40 верстах, они весной и осенью «по причине худых дорог» были лишены возможности «на продолжительное время слушать Богослужение и присутствовать при молитвословиях»¹⁶⁷. «По добровольной складке» они уже собрали 386 руб. сер., обещали доставить строительный материал и построить дом для причта. Для обеспечения священника и причетников обязались наделить их «по возможности необходимым количеством земли», платить причту 200 руб. сер. в год жалованья и годовую ругу¹⁶⁸.

Духовная консистория, «по уважительности изъясненных просителями представлений», предписала благочинному «при чиновнике от полиции» собрать «на месте сведения» как о справедливости показаний прихожан, так и об обязательствах по обеспечению причта. Согласование последнего обстоятельства было важно еще и потому, что в приходе, к которому предполагалось причислить более 1000 жителей, были крестьяне Ведомства Государственных имуществ, помещицы и Ораниенбаумского дворцового правления. В мае 1865 г. были осмотрены предполагаемые места под церковь и в присутствии пристава опрошены крестьяне. Но на пути *засвидетельствования* актов о выделении земли возникла трудность в лице мирового посредника барона А. Гюне. В своем письме в мае 1865 г. к благочинному С. Вознесенскому он разъяснял, что один пункт акта был «совершенно неисполнимый» в той части, где крестьяне обязывались отвести необходимую землю для постройки церкви. На поставленный им же вопрос: «...откуда они ее возьмут?» — А. Гюне отвечал, что временнообязанные крестьяне не могли распоряжаться землей, а Дворцового ведомства — «разве что крестьяне испросят дозволения Ее

¹⁶⁷ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 56. Д. 39. Л. 1.

¹⁶⁸ Там же. Л. 2.

императорского высочества государыни великой княгини Елены Павловны», а «обязанные г. Митрофанову» никак не могли, если даже и имели права, поскольку у них было «только две десятины на душу»¹⁶⁹. Мировой посредник обращал внимание благочинного, что «крестьяне не понимают еще, что землей они еще не могут распоряжаться как им угодно и что до выкупа они не могут отчуждать ее»¹⁷⁰.

Только в марте 1869 г.¹⁷¹ после второго обращения крестьян и получения двух актов (об обязательствах крестьян¹⁷² и отводе 3 дес. земли под церковь и усадьбу причта из наделов временнообязанных крестьян Ораниенбаумского дворцового правления) Духовная консистория разрешила строить церковь.

2.2.3. Согласование проекта и финансирование строительства храма

После получения разрешения на устройство церкви, освидетельствование избранного места построения храма и состояние грунта земли с гражданской стороны осуществлял техник строительного отделения¹⁷³, а с духовной — благочинный (или депутат). Проект здания выбирали в соответствии с количеством прихожан и, безусловно, в зависимости от материальных возможностей жителей. В соответствии со статьей 50 Устава ДК планы и фасады будущих церквей рассматривались в местных строительных комиссиях⁶.

Как мы уже отмечали, в *Новоладожском уезде* новые церкви в казенных селениях (деревни Верховины, Вольково, Заречье

---

¹⁶⁹ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 56. Д. 39. Л. 17.

¹⁷⁰ Там же. Л. 17 об.

¹⁷¹ За это время крестьяне успели «разделиться» на желавших построить церковь в Краколье (хотя помещик Митрофанов в земле отказал) и согласных организовать приход с церковью в мызе Коровино, в которой помещица А. Н. Биппен обещала отвести место под церковь и усадьбу причта.

¹⁷² Крестьяне уже «не имели никаких средств» построить дома для причта и отказывались платить обещанные 200 руб. сер. в год жалованья. Только сохранили обязательства относительно руги «по прежнему положению». (Там же. Л. 55 об.)

¹⁷³ Свод законов Российской империи. Т. XII. Устав строительный. СПб., 1912. С. 34.

и Тюнев Посад) строились при участии Палаты Государственных имуществ. Поэтому можно с определенностью сказать, что в подобных случаях ей принадлежала ведущая роль, поскольку от нее зависели выбор проекта и составление сметы, выдача ссуды на строительство и отмежевание узаконенной пропорции земли для причта.

Так, в августе 1861 г. присланный из Консistorии план на постройку церкви в Верховинах, составленный епархиальным архитектором Брандтом, Палата представила в Первый департамент Государственных имуществ¹⁷⁴. Состоявшая при министерстве «комиссия дел технических и строительных», рассмотрев проект, «нашла его удовлетворительным»¹⁷⁵, но сделала ряд замечаний^h. А в 1865 г. министерство и вовсе признало «более выгодным в экономическом отношении и более ответственным численности населения прихода» уменьшить размеры церкви, составление же новой сметы поручить своему инженеру¹⁷⁶. При составлении проекта и сметы храма инженер Барташевский учитывал, во-первых, что из 594 будущих прихожан православных было только 191 и раскольников 403 и, во-вторых, при незначительных средствах «и несочувствии крестьян» к строительству не было надобности сооружать храм больших размеров¹⁷⁷. Поэтому по исправленной смете «издержки на постройку церкви... простирались до 3057 руб. 60 коп.», а на постройку домов для причта (с просьбой к Духовной

---

¹⁷⁴ Туда же были затребованы смета на постройку и заключение относительно необходимости постройки церкви. (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 50. Д. 137. Л. 49.)

¹⁷⁵ Там же. Л. 50, 51.

Архитектор Брандт считал, что церковь по его проекту «вовсе не обширна, ибо всего пространства в ней 31,5 кв. саж., полагая на каждую сажень по 12 человек, могут свободно помещаться в ней только 378 человек». (Там же. Л. 68 об.)

¹⁷⁶ Там же. Л. 79

¹⁷⁷ Строительное отделение, в которое поступило дело, все же признало, «что вопрос о размерах и пространстве церкви подлежит решению Духовной консистории в отношении настоящего состояния Православия и будущего его в том месте развития, могущего влиять на размеры предполагаемого храма», поэтому просила Консistorию утвердить проект церкви «в тех размерах и на то число прихожан, какое найдет нужным». (Там же. Оп. 58. Д. 26. Л. 5.)

консистoрии, чтобы она «нашла возможным ограничить штат причта одним причетником») — 4629 руб. 37 коп.¹⁷⁸, «всего 7686 руб. 97 коп. при бесплатном отпуске леса, но без издержек на заготовку его»¹. В январе 1867 г. Духовная консистория утвердила проект церкви и ограничила штат только священником и одним дьячком.

Скудные средства, которых к 1 января 1865 г. «значилось в приходе 1163 руб. 47 коп.», собирались с 1860 г. по книжке, выданной из Духовной консистории¹⁷⁹. По статье 55 Устава ДК епархиальное начальство «могло оказывать прихожанам пособия для построения церквей» — ходатайствовать о безденежном отпуске леса из казенных дач и выдавать одному из прихожан, «выбранному и уполномоченному ими», книгу для сбора «христоролюбивых пожертвователей»¹⁸⁰. Этим положением воспользовались прихожане, когда в приговоре о согласии на постройку церкви просили «для приобретения церковной утвари» выдать сборную книжку (см. Приложение 2, п. 4). Однако после отказа в октябре 1860 г. одобренного ими сборщика средств крестьянина А. Федорова, который, «посбирав около десяти дней, сделался болен», среди жителей будущего прихода не нашлось «желающих на сию должность». Поэтому благочинный обратился в Усадицское волостное правление с прошением, чтобы уже оно избрало необходимого кандидата. Оно прислало крестьянина д. Славково Петра Никитина-Гладилова, на имя которого благочинный просил Духовную консисторию выдать новую сборную книгу¹⁸¹. К маю 1861 г. было собрано 99 руб. 50 коп. сер.¹⁸² К августу 1862 г. по данным причта Заболотской церкви, куда отсылались деньги, было собрано еще 319 руб. 82 коп. сер.¹⁸³ К началу февраля 1866 г. пожертвований всего было собрано

¹⁷⁸ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 58. Д. 26. Л. 4 об.

¹⁷⁹ Там же. Л. 3.

¹⁸⁰ Устав Духовных консисторий... С. 24.

¹⁸¹ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 50. Д. 137. Л. 39.

¹⁸² Там же. Л. 46 об.

¹⁸³ Там же. Л. 56

1527 руб. 47 коп. сер.¹⁸⁴, к марту 1867 г. — 1722 руб. 47 коп. сер.¹⁸⁵ Из этой сборной суммы Духовная консистория указом велела выдать инженеру Барташевскому 100 руб. сер. за новые «чертежи и смету» церкви¹⁸⁶. Согласно этой смете на постройку церкви («при бесплатном отпуске леса, но без расходов на подготовку оного и при примерной оценке доставки на место булыжного камня, песка и глины, так как таковые находятся вблизи») требовалось 3098 руб. 52 коп. сер., на дом для священника — 1584 руб. 06 коп. и на службы при нем — 321 руб. 99 коп.; на постройку дома для причетника с просфирней — 1308 руб. 04 коп. и для служб при доме — 228 руб. 60 коп., на постройку бани для всего причта — еще 239 руб. 60 коп. сер.¹⁸⁷

Для правильного и подотчетного распоряжения собранными средствами и для контроля производимых построек благочинному поручалось избрать строительную комиссию, куда вошли бы священник Заболотской церкви Михаил Азиатский и четыре почетных жителя приходских селений. Духовная консистория также рекомендовала пригласить в состав комиссии Хотовского священника Алексея Колоколова «как известного Консistorии усердного и опытного деятеля по постройке церкви в Хотове»¹⁸⁸. В июне 1868 г. Консistorия посчитала неудобным решение строительной комиссии платить архитектору Мельникову 300 руб. сер. ежегодно за наблюдение за строительством церкви. По указу Консistorии из-за «неопределенности числа лет постройки и способов для возведения оной» следовало предложить ему «получать проценты со сметной или имеющей поступить в действительный расход строительной суммы»¹⁸⁹.

В ноябре 1868 г. строительная комиссия обратилась к епископу Ладожскому Палладию с просьбой «об исходатайствовании

---

¹⁸⁴ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 50. Д. 137. Л. 80.

¹⁸⁵ Там же. Оп. 58. Д. 26. Л. 10.

¹⁸⁶ Там же. Л. 23

¹⁸⁷ Там же. Л. 28.

¹⁸⁸ Там же. Л. 38.

¹⁸⁹ Там же. Л. 53.

им бесплатного отпуска леса из ближайшей к ним казенной Мотоховской дачи»¹⁹⁰. Однако Лесной департамент в феврале следующего, 1869 г. ответил, что «лес, потребный на постройку церкви»¹⁹¹... г. министр изволил приказать... отпустить, а просимый для постройки домов священноцерковнослужителей, по неимению на то закона, отпущен быть не может»¹⁹². Только 17 мая 1870 г. благодаря усердию священника Хотовской церкви Алексея Колоколова^l, который смог собрать значительные средства (вместе с собранными по книгам 2000 руб. сер. «до пятнадцати тысяч рублей серебром»), была заложена уже каменная, с деревянным куполом приходская церковь¹⁹³. В рапорте благочинного за первую половину 1872 г. уже значилось, что «в селе Верховинах церковь в здании готова и иконостас устроится от благотворительных лиц»^k. Освящен храм был 4 июля 1876 г.¹⁹⁴

Строительство церквей в деревнях Вольково и Заречье также находилось под контролем Палаты Государственных имуществ^l. Именно управляющий Палатою А. Гюне препровождает епископу Агафангелу в июне 1859 г. планы местностей, проект и смету на постройку. По смете на постройку одного храма было «исчислено» 2355 руб. 99 ½ коп. сер., «а с прибавкою 35 %, то есть 824 руб. 59 ½ коп. сер., на леса, снасти, инструменты, на сделание креста и иконостаса, на колокола, церковную принадлежность и на разные непредвидимые и мелочные расходы, потребно всего 3180 руб. 59 коп.»¹⁹⁵. Причем цены на материалы и на мастеровых были поставлены в смете хозяйственные. Они были ниже «справочных, а на материалы, которых нет в продаже в Новоладожском уезде, цены показаны Петербургские, с прибавкою по 10 коп. сер. на пуд за перевозку

---

¹⁹⁰ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 58. Д. 26. Л. 67.

¹⁹¹ «970 сосновых и еловых бревен, 46 штук жердей и 89 штук накатника». (Там же. Л. 74 об.)

¹⁹² Там же. Л. 74.

¹⁹³ Там же. Л. 98 об., 106.

¹⁹⁴ Там же. Л. 109.

¹⁹⁵ Там же. Л. 28.

к месту постройки»¹⁹⁶. Лес предполагалось получить из казенных дач бесплатно.

В январе 1860 г. С.-Петербургская Палата, «имея ввиду настояние своего министерства о скорейшем ходе сего дела», обращалась в Духовную консисторию с просьбой утвердить посланные еще в июне 1859 г. епископу Агафангелу планы и сметы, поскольку считала, что «к постройке церквей необходимо приступить в нынешнее лето»¹⁹⁷. Задержка объяснялась тем, что проект был послан на утверждение в Губернскую строительную и дорожную комиссию Главного управления путей сообщения и публичных зданий (утверждены 18 февраля).

В конце 1860 г. государственные крестьяне приходов в деревнях Вольково и Заречье выбрали «из среды себя по приговору» сборщиков¹⁹⁸ «по книжке пожертвований на усиление средств для постройки» церквей. Книга выдавалась на один год, сборы разрешалось производить только по Петербургской епархии, собранные деньги должны были отсылаться в бывшие приходские церкви (См. Приложение 4).

Согласно ходатайству Петербургской Палаты министр государственных имуществ в сентябре 1861 г. разрешил для постройки церквей выдать ссуду в 4800 руб. сер. «без процентов, из хозяйственного капитала министерства»¹⁹⁹.

---

¹⁹⁶ В данном случае выбор цен согласовывался с распоряжением министерства от 16 января 1858 г., по которому цены на материалы и рабочим в сметах необходимо было «вставлять... хозяйственные... избегая справочных, как весьма часто напрасно увеличивающих расход». При постройке зданий для сельского Православного духовенства расходы, «исчисленные тоже по хозяйственным ценам», уменьшались «почти на третью часть против сметных». (Журнал Министерства... 1858. Январь и февраль. С. 36–37.)

¹⁹⁷ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 51. Д. 15. Л. 49.

В декабре 1859 г. С.-Петербургское губернское правление МВД сообщало Духовной консистории, что со стороны Новоладожского Земского суда «препятствий к построению в деревнях Волькове и Заречье Православных церквей... не имеется». (Там же. Л. 44.)

¹⁹⁸ Так, Палата Государственных имуществ сообщала, что прихожане будущей Вольковской церкви избрали сборщиками крестьян Даниила Яковлева и Якова Степанова, «которые оба, по удостоверению однообщественников их, поведения благонравного и для исполнения этой обязанности совершенно благонадежны». (Там же. Л. 83.)

¹⁹⁹ Там же. Л. 94.

Строительные материалы уже были заготовлены. Для наблюдения за постройкой храмов были образованы строительные комиссии. Но в октябре того же года Духовная консистория обнаружила, что «начальство Государственных имуществ распоряжалось... без ведома нашего». Дело в том, что управляющий Петербургской Палатой А. Гюне в своем предписании к Новоладожскому окружному начальнику (от 31 октября 1860 г.) сместил центр руководства и контроля над сооружением храма в свою в пользу. Он считал, что именно по его ходатайству епархиальное начальство «изъявило согласие на постройку церквей» в Вольково и Заречье²⁰⁰. Передавая окружному начальнику чертежи на постройку, планы местности и сметы, он поручал ему сделать крестьянам распоряжения о заготовке «всех значащихся по смете материалов», вывести необходимое количество леса, работы производить под наблюдением инженера и местного благочинного. По его повелению «для правильного счетоводства в приходорасходовании строительных сумм» следовало учредить строительные комиссии, в состав которых надлежало включить «по три почетных домохозяина из будущих приходов» и по определению Духовной консистории пригласить священнослужителей и церковных старост Михайловского погоста (для Вольковской церкви) и Прусинской церкви (для Зареченской церкви). Но именно окружному начальнику предписывалось «принять председательство в обеих комиссиях» (!) и представить в Палату избранных крестьянами сборщиков добротных пожертвований²⁰¹. Духовная консистория, затребовав через благочинного И. Велитского осенью 1861 г. отчета о поступлении и расходе сборов по книгам по Михайловскому погосту, получила ответ, что средства в церковь не поступали. Причт объяснил благочинному, что без их ведома и присутствия «начальство Государственных имуществ распорядилось» об избрании членов строительной комиссии²⁰². А окружной начальник,

---

²⁰⁰ Управляющий употребляет выражения: «по ходатайству моему...», «о исходатайствованном мною разрешении...» (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 51. Д. 15. Л. 104, 104 об.).

²⁰¹ Там же. Л. 104 об., 105.

²⁰² Там же. Л. 101.

ссылаясь на упомянутый указ от 31 октября, уведомил, что вся отчетность должна была «сосредотачиваться» под руководством строительной комиссии (избранной по распоряжению Палаты). Поэтому деньги, собираемые сборщиком, представлялись в комиссию, а не священно- и церковнослужителям, «что крайне затруднило бы комиссию в постройке»²⁰³. Нарушение правил хранения собранных средств подтверждалось тем, что 28 февраля 1862 г. в Присутствие 1-й экспедиции Петербургской Духовной консистории явился крестьянин д. Вольково Даниил Яковлев и представил «конверт за № 10 от причта Михайловского погоста с рапортом» и сборную книгу с распиской (при этом присутствовали: «чередной архимандрит Митрофанов, Скорбященский протоиерей Павел Велицкий, протоиерей Александр Камчатов и секретарь М. Верещагин») ²⁰⁴. В рапорте причта говорилось, что «на шнурозапечатанных листах книги» было записано только 36 руб. 10 коп. сер., но эта сумма «на лицо не представлена сборщиком» и не записана в приходную книгу Михайловской церкви ²⁰⁵. А расписка была дана крестьянином М. Яковлевым, членом строительной комиссии, что он принял собранные Д. Яковлевым в пользу церкви «по сборной книге и мелочных подаяний в разное время прошедшего 1861 года и в начале 1862 года... денег четыреста руб. серебром» ²⁰⁶.

Духовная консистория потребовала ответ: почему в выданную из Консистории книгу было записано только 36 руб. 10 коп., а все собранные деньги, «как бы следовало по указу Консистории», не были представлены причту Михайловской церкви и действительно ли собранные 400 руб. переданы в строительную комиссию? ²⁰⁷ Непосредственного рапорта с ответами на поставленные вопросы в деле нет. Однако, судя по обращению в Духовную консисторию уже непосредственно строительной комиссии во главе со священником Михайловского

---

²⁰³ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 51. Д. 15. Л. 99 об.

²⁰⁴ Там же. Л. 117.

²⁰⁵ Там же. Л. 113.

²⁰⁶ Там же. Л. 114.

²⁰⁷ Там же. Л. 115 об.

погоста В. Луженским, требования Консистории возымели действие. При этом еще до окончательной постройки церкви осенью 1862 г. в Вольково был определен свой причт (священник и дьячок). В марте 1863 г. на устройство иконостаса по контракту, заключенному с «иконных дел мастером г. Тихвина... А. Шауровым», требовалось 1225 руб. сер. В распоряжении комиссии было только собранных по предыдущему году 407 руб. 50 коп. сер. По этой причине комиссия, «имея в виду такой значительный недостаток денег., не говоря уже о совершенном отсутствии средств на приобретение... церковной утвари и ризницы», просила вновь выдать сборную книгу. Церковь была освящена во имя Покрова Пресвятой Богородицы 30 сентября 1863 г. Но сбор средств не прекратился. Причт Вольковской церкви по причине скудости церковных доходов, «получаемых от малочисленного и несостоятельного прихода», просил Духовную консисторию в апреле 1864 г. выдать новую книгу для сбора «доброхотных даяний» на приобретение церковной утвари и «колокольного звона»²⁰⁸. Только подобные ежегодные сборы в течение 1865-1869 гг. помогли рассчитаться с долгами по строительству храма²⁰⁹. В 1870 г. Духовная консистория разрешила построить ограду вокруг церкви. На материал и работы требовалось 320 руб. сер. При этом сам материал прихожане доставили за свой счет, и они же «в облегчение церковного интереса согласились в продолжении производства работ по устройству ограды довольствоваться пищею плотников и пильщиков», а деньги рассчитывали получить по сборной книге (было собрано 247 руб. 15 коп.)²¹⁰.

Сборные суммы для Зареченской церкви хотя и вносились в приходные книги село-Прусинской церкви²¹¹, но к епископу Леонтию в марте 1862 г. обращался Управляющий Палатою

---

²⁰⁸ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 51. Д. 16. Л. 6.

²⁰⁹ В 1865-1866 гг. было собрано 226 руб. сер., в 1866-1867 гг. — 275 руб. сер., к маю 1869 г. — 227 руб. 40 коп. (Там же. Л. 45, 66, 74.)

²¹⁰ Там же. Л. 82, 89.

²¹¹ В 1861-1862 гг. было собрано 290 руб. сер., в 1862-1863 гг. — 355 руб. 50 коп. (Там же. Л. 13., 39.)

с просьбой «сделать зависящее распоряжение» о выдаче избранному крестьянину сборной книги²¹². В октябре 1862 г. в связи с тем, что при Зареченской церкви уже был свой штат, священник Прусынской церкви В. Соболев просил уволить его от участия в строительной комиссии. И в начале следующего, 1863 г. священник Е. Ярославский подал прошение митрополиту Исидору разрешить ему обратиться к причтам Петербурга с просьбой пожертвовать в новый храм церковную утварь и облачения²¹³. Храм был освящен 23 сентября 1863 г. Однако причт обремененной долгами приходской церкви продолжал ежегодно просить выдачи сборной книги. В 1864 г. по книге числилось собранной суммы 299 руб. 65 коп. сер. Крестьянин Стефан Федоров, выбранный прихожанами, самовольно, без согласия причта «употребил на покупку колокола» 222 руб. 26 коп. сер. Наличного капитала причту предъявил только 37 руб. сер., а остальные 40 руб. 39 коп. не представил²¹⁴. Причт обратился в волостное правление, но оно уведомило о том, «что сборщик по несостоятельности не может уплатить означенной суммы»²¹⁵. В ходе следствия по делу о растрате выяснилось, что крестьянин без разрешения священника выдал 30 руб. своему зятю, крестьянину д. Заднево Ал. Семенову «на выкуп из Рождественской части в С.-Петербурге, за прокорм Семенова и его лошадей», а остальные 10 руб. 39 коп. употребил на покупки для церкви книг, канцелярских принадлежностей и церковных кружек²¹⁶. Только к концу 1867 г. благочинный С. Заборовский в своем рапорте в Духовную консисторию докладывал, что постройка церкви «признается совершенно оконченною»²¹⁷. Из отчета строительной комиссии видно, что пожертвований и сборов по книгам с 1862-го по 1868 г. (включительно) было собрано

²¹² ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 51. Д. 16. Л. 33.

²¹³ Там же.

²¹⁴ Там же. Л. 65.

²¹⁵ Там же. Л. 71.

²¹⁶ Покупки, кроме церковных кружек, также были сделаны сборщиком без разрешения священника (Там же. Л. 74). Долг С. Федоров вернул в течение 1866 г.

²¹⁷ Там же. Л. 100. Новый сборщик крестьянин М. Иванов собрал в 1865–1866 гг. 215 руб. сер., в 1866–1867 гг. 220 руб.

2166 руб. 95 коп. сер., из них 1041 руб. 95 коп. — уже после освящения церкви²¹⁸. После ревизии в 1870 г. приходо-расходных книг комиссии Духовная консистория признала, что «при хозяйственном способе производства постройки и неопределенности прихода сборной суммы для сего дела нельзя требовать соблюдения всех порядков при учинении подрядов», но из дела было видно, «что при небогатых средствах» комиссия смогла произвести постройку церкви успешно²¹⁹. При этом прихожане на устройство здания церкви занимали в С.-Петербургской Палате Государственных имуществ более 2000 руб. сер. (в 1870 г. еще выплачивали долг) и на строительство домов для причта с пристройками израсходовали более 1000 руб. сер.²²⁰ На церковную ограду и доделки внутри церкви в течение 1869–1971 гг. из вновь собранных было потрачено более 500 руб. Оставшиеся 100 руб. были внесены в Государственный банк на расчетную книжку на имя церкви на бессрочное время из 3 % в год.

Для освидетельствования «приличного места под церковь» в д. Тюнев Посад в июле 1861 г. Палата поручила гражданскому инженеру Т. Бартошевскому пригласить местного благочинного и крестьян, затем снять на план «всю окрестную местность... и самое место», а также по выбору крестьян составить чертеж самого храма (вместимостью от 450 до 500 душ) и «смету потребных на постройку... материальным и денежным расходам»²²¹. Прихожане выбрали одну из «предъявленных им нормальных чертежей церквей», стоимость которой без расходов на покупку леса «простиралась в 2655 руб. 06 коп., а с прибавлением 35 % на сделание креста, иконостаса, церковную принадлежность, леса, снасти, инструменты и непредвиденные мелочные расходы, в 3584 руб. 31 коп.»²²². Однако затраты увеличились в связи с тем, что место для церкви было занято домами прихожан. За вознаграждение в 250, 100 и 200 руб.

²¹⁸ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 51. Д. 16. Л. 111 об.-115а.

²¹⁹ Там же. Л. 117.

²²⁰ Там же. Л. 140, 140 об.

²²¹ Там же. Ф. 266. Оп. 1. Д. 535. Л. 12.

²²² Там же. Л. 14, 14 об.

крестьяне согласились перенести свои 3 дома. План и смета были пересланы управляющим Палатою на согласование к епископу Ревельскому в июне 1862 г.

Отсутствие необходимых средств у прихожан на строительство церкви вынудило их просить «вспоможествование от казны 3000 руб. сер. с рассрочкою уплаты оных на 30 лет без процентов»²²³, а также об отпуске необходимого количества леса из казенной дачи²²⁴. Получив в июне 1864 г. от Духовной консистории разрешения на образование прихода и строительство храма, прихожане обратились в ближайшую к ним Стороженскую дачу за необходимым количеством леса²²⁵ (836 сосновых бревен)^m. И хотя управляющий Палатою А. Ф. Гюне в своем письме в 1-й департамент Государственных имуществ считал, что просьба о выделении будущим прихожанам ссуды в 2000 руб. сер. «заслуживает уважения, ибо крестьяне действительно не могут произвести постройку церкви собственными средствами»²²⁶, министерство отказало им. Отказ основывался на высочайшем повелении от 15 ноября 1854 г., по которому «разрешено выдавать на возведение церковью ссуды и пособия, когда новый приход может иметь не менее 1000 душ»²²⁷, а в приходе числилось только 884 д. об. п.

Церковь была заложена в ноябре 1865 г. Наблюдение за постройкой осуществлял лесничий Новоладожского лесничества поручик Петр Никольский, хорошо знавший архитектурную часть, так как «настоящего техника церковь по своей бедности» не могла нанимать на свой счет²²⁸.

Строительство новой церкви в д. Большой Остров началось только весной 1861 г., когда крестьяне избрали место под церковь

---

²²³ В 1865 г. в донесении Шахновского волостного правления уже говорилось о 2000 руб. и о погашении долга в течение девяти лет. (ЦГИА СПб. Ф. 266. Оп. 1. Д. 535. Л. 56.)

²²⁴ Там же. Л. 35 об.

²²⁵ Там же. Л. 44.

²²⁶ Там же. Л. 57 об.

²²⁷ Там же. Л. 64 об.

На постройку церкви «местная гражданская власть дала прихожанам в долг 8000 руб. с уплатою в несколько лет». (См.: Историко-статистические сведения... Т. 9. С. 298.)

²²⁸ ЦГИА СПб. Ф. 266. Оп. 1. Д. 535. Л. 70.

на земле, предложенной помещиком князем Мышецким²²⁹. Лес прихожане вывезли с участка, также принадлежавшего князю (до 1000 бревен от 3 до 4 саж.). Для сбора пожертвований помещица А. Г. Патон выдала своему крестьянину И. Иванову²³⁰ увольнительный билет^н. Он собрал 255 руб. 50 коп. сер. В 1862 г. уже от сельских обществ был избран сборщиком крестьянин Е. Клементьев (собрал 392 руб.)²³¹.

Священник А. Красновский, определенный к еще строящейся церкви, получил разрешение от митрополита Исидора перевести из Петербурга «находящийся без употребления иконостас Новодеревенской Благовещенской церкви»²³². К августу 1863 г. церковь была построена «уже вчерне». Но для окончательного устройства храма у прихожан не имелось «вдруг требующегося значительного капитала». Поэтому они предложили прибегнуть к «позаимствованию... денег 2000 руб. сер. из соседней церкви села Прусыни», в которой имелось 2500 руб. сер. наличного капитала²³³. Долг прихожане обещали вернуть в течение 4 лет «с теми же процентами, какими церковь пользуется от казны» (250 руб. за 4 года)²³⁴. Однако от причта Прусынской церкви последовал ответ, что капитал находился с 1861 г. в Государственном банке «в шестилетнем процентном обращении» и до 1867 г. они не имели право его получить²³⁵. Несмотря на трудности, деревянная церковь была устроена «усердием прихожан, на сборную сумму»²³⁶.

---

²²⁹ Земля под кладбище была отведена помещицей Сульменовой, а под дома причта — от г-на Лахматова. (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 51. Д. 36. Л. 42.) Хотя в «Историко-статистических сведениях...» говорится, что «место для церкви и кладбища пожертвовал помещик... Лахматов», земля под усадьбу была «уступлена крестьянами князя Мышецкого», дом причетника был построен на земле, «уступленной крестьянами г. Патона». (Историко-статистические сведения... С. 284, 285.)

²³⁰ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 51. Д. 36. Л. 28.

²³¹ Там же. Л. 69, 100.

²³² Там же. Л. 96.

²³³ Там же. Л. 115 об.

²³⁴ Там же.

²³⁵ Там же. Д. 37. Л. 10.

²³⁶ Историко-статистические сведения... Т. 9. С. 283.

Освящен храм был в декабре 1863 г. Но сборные книги выдавались Консисторией еще несколько лет. Так, в 1866 г. было собрано 180 руб. сер. В начале января 1868 г. прихожане просили Консисторию выдать сборную книгу на обшивку стен внутри церкви, устройство печей, ограду вокруг церкви и «колокольный звон». Сами прихожане не могли обеспечить «достаточного пособия... как по не урожаю хлеба в прошедшем году, так и потому, что лучшая часть прихода в 1867 году сентября 12 дня много пострадала от пожара, так что и по настоящее время не имеет своих жилищ»²³⁷. В 1868 г. по книге числилось собранных 152 руб., в следующем году — 215 руб. 69 коп.²³⁸ На 1870 г. долг по церкви составлял 800 руб. сер., поэтому причт и церковный староста вновь просили Консисторию выдать сборную книгу²³⁹. В целом постройка церкви стоила до 6,5 тыс. руб. сер.²⁴⁰

«Взаимообразно» было также выдано 3000 руб. сер. из государственного казначейства на построение деревянной церкви в д. Черноцово. План и смету составлял инженер Бартошевский. При бесплатном «отпуске казенного леса» предполагалось истратить 2790 руб. 30 коп. сер.²⁴¹ Храм был заложен в августе 1862 г., а освящен во имя Рождества Богородицы 21 мая 1864 г. На его строительство и отделку прихожане потратили 5000 руб. сер.²⁴²

Небольшая деревянная церковь в с. Хотове была построена в 1858 г. прихожанами. Священником к ней был определен окончивший семинарию Алексей Петрович Колоколов. В марте 1861 г. церковь сгорела. Однако в том же году был устроен временный храм на кладбище. Его «строил священник Алексей

---

²³⁷ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 51. Д. 37. Л. 77.

²³⁸ Там же. Л. 95.

²³⁹ К январю 1873 г. долг составлял 500 руб. сер. По словам причта, обратившегося к епископу Тихону за разрешением выдать сборную книгу, «прихожане по бедности своей, происшедшей от неурожая хлеба и падежа скота», подавали «очень малую надежду на помощь к окончательному устройству церкви». (Там же. Л. 90 об.)

²⁴⁰ Историко-статистические сведения... Т. 9. С. 284.

²⁴¹ Там же. С. 250.

²⁴² Там же.

Колоколов»²⁴³. По его же инициативе было начато строительство каменной церкви. В течение 4 лет средства на устройство храма поступали от благотворителей, привлеченных священником. «Особенно усердствовали: генеральша Скворцова, академик Мельников», который составил план церкви и наблюдал за постройкой, «и Петербургские купцы Лесников и Петухов»²⁴⁴. В 1867 г. храм был освящен епископом Ладожским Палладием.

Постройка деревянной церкви в с. Мемине обошлась прихожанам в 1 ½ тыс. руб., поскольку «составлена была из трех, связанных железными скобами, частей: средняя — здание старой часовни, алтарь, пристроенный к восточной стене, и — колокольня в 4 окна»²⁴⁵.

На строительство сначала деревянной церкви, освященной в 1862 г, а затем каменного храма (освящен в 1868 г.) и на приобретение дома для причта в с. Пчеве было потрачено «до 93 тыс. руб. сер.»²⁴⁶.

В Лужском уезде деревянную церковь, разрешенную к перенесению из Новгородской губернии в д. М. Уторгощи, прихожане смогли начать устраивать только после пожертвования 3 дес. земли местным помещиком Н. Пантелеевым. В ноябре 1863 г. мировым посредником полковником А. Миллером было «сделано распоряжение о нарезке и нарезан» необходимый участок земли²⁴⁷. Уполномоченный от прихожан крестьянин Василий

---

²⁴³ Историко-статистические сведения... С. 252.

²⁴⁴ Там же. С. 253.

²⁴⁵ Иконостас и царские врата были пожертвованы из церкви в Лисине (Царскосельский уезд). (Там же. С. 262–263.)

²⁴⁶ Включая приобретение дома для причта (1000 руб.). (Там же. С. 211.) Источники этой суммы нам не известны. Только по справке Консистории (июль 1869 г.) значилось, что в 1867 г. из сумм Митрофановской кладбищенской церкви была выдана ссуда 2000 руб. «на издержки по построению церкви». (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 120. Д. 319. Л. 527.)

²⁴⁷ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 50. Д. 125. Л. 59.

Духовная консистория послала отношение в Лужский Земский суд вместе с письмом Н. Пантелеева (о пожертвовании им в пользу предполагаемой церкви 3 дес.) и просила Земский суд передать письмо к местному мировому посреднику «для зависящего с его стороны распоряжения: а, о надлежащем засвидетельствовании этого письма; б, нарезке 3-х десятин земли под церковь по оному письму...». (Там же. Л. 47–48 об.)

Яковлев собранные в марте — сентябре 1863 г. унтер офицером Х. Михайловым 120 руб. пожертвований не передал причту Вшельской церкви для сохранения, а сразу израсходовал. Он заплатил 18 руб. «за труды» упомянутого сборщика. А остальные удержал у себя «для необходимых расходов»: архитектору за снятие плана купленной церкви, рабочим за выкладку фундамента, землемеру «к обрезке земли под церковь», подрядчику в задаток и на построение сторожки и «найма караульного для присмотра за материалами»²⁴⁸. В конце года Василий Яковлев обратился с прошением в Консисторию разрешить «поставить храм Божий в первобытном виде без изменений», так как вновь образующийся приход составлялся «из недостаточных людей, на значительную жертву которых для храма Божия располагать вовсе нельзя»²⁴⁹. Но и на эти работы по смете архитектора П. Лукашевича необходимо было израсходовать 2528 руб. 40 коп. сер.²⁵⁰

Весной 1864 г. благочинный А. Ласкин, контролировавший устройство прихода и построение церкви, доносил Консистории, что по книге было собрано 413 руб. 44 коп. Помимо этого им, благочинным, а также священником Вшельской церкви Рыбыным и купцом И. Максимовым, которого прихожане избрали в церковные старосты, было собрано «от разных доброхотных дателей 276 руб. 15 коп., в том числе и самая ничтожная жертва прихожан нового прихода»²⁵¹. Из этих денег (689 руб. 59 коп.) было израсходовано 525 руб. 20 коп.²⁵² Работы уже начались, но С.-Петербургская губернская строительная комиссия уведомила Духовную консисторию, что возведение церкви в том виде,

---

²⁴⁸ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 50. Д. 125. Л. 58, 58 об.

²⁴⁹ Там же. Л. 60.

²⁵⁰ За все работы — 1516 руб. 65 коп., за все материалы — 1011 руб. 75 коп., всего 2528 руб. 40 коп. Цена за покупку самой церкви была еще 500 руб. сер. (Там же. Л. 61.)

²⁵¹ Там же. Л. 74, 74 об.

²⁵² «За купленную церковь задатку 200 руб., архитектору 69 руб., каменщику за бут 21 руб., ему же за известку 40 руб. и в задаток за работу фундамента 17 руб., за разборание церкви и в задаток плотникам 100 руб., за покупку избы для сторожки 12 руб. 20 коп., на покупку леса для церкви 24 руб., землемеру 6 руб. и сборщику за год жалованья 36 руб.». (Там же. Л. 74 об.)

как она существовала, «не может быть дозволено по безобразию фасада. Но дабы избавить строителей от излишних издержек... по новому проекту», поручала архитектору переделать проект, «применяясь к существующим образцовым чертежам»²⁵³.

Весной следующего, 1864 г. уже назначенный приходской священник Яков Яновский обратился с прошением к епископу Ревельскому Герасиму. Он писал, что «почти половина прихожан, волнуемая раскольническими мыслями», отличалась «холодностью к устрояемой церкви, чрез что остальная половина прихода не в состоянии в скором времени привести строящуюся церковь в законченный вид»²⁵⁴. Поэтому священник, «в уважение к бедности прихожан», просил разрешить столичным петербургским церквям пожертвовать «некоторые из вещей церковной утвари» и оказать денежное пособие «по 2 или 3 руб. сер., чрез что они, вероятно, не будут в обременении»²⁵⁵.

После освящения церкви в феврале 1865 г.²⁵⁶ долг составлял около 700 руб. сер., отсутствовала колокольня, не было богослужебных книг. Чтобы выплатить долги и сделать необходимые работы по церкви, священник Я. Яновский в своем обращении к митрополиту Исидору в марте 1865 г. спрашивал, «нельзя ли предложить церквям С.-Петербургской епархии... оказать единовременное посильное денежное пособие» для церкви в Уторгощах²⁵⁷. По резолюции митрополита для Уторгощской

---

²⁵³ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 50. Д. 125. Л. 82.

Епархиальный архитектор Карпов представил в Консисторию план, который был «благовиден» и имел сходство «с высочайше утвержденными чертежами». (Там же. Л. 84.)

²⁵⁴ Там же. Л. 89.

²⁵⁵ Указ о разрешении от 6 июня. (Там же. Л. 89 об.)

²⁵⁶ Церковь была куплена «с большею частию иконостаса, старая, стоявшая по преданию в означенном селе около 250 лет. Зимю 1863 г. оная церковь была зараз перевезена новыми прихожанами на место. При разборке оной церкви она оказалась рубленною в пашку из соснового леса, и вообще очень прочною...» (Там же. Л. 142.)

²⁵⁷ По словам священника, «многие церкви Лужского уезда изъявили готовность в посильном денежном пособии для нашей церкви, но без разрешения Духовного начальства учинить сего не могут». Он надеялся, «что подобное братское единение и взаимное вспоможение церквей изгнало бы скудость и нужду из бедных сельских церквей, водворило бы в них подобающее Храму Божию благолепие, так сильно действующее на сердца простого народа». (Там же. Л. 92.)

церкви причту с. Криц разрешалось «пожертвование ризницею», несколько богослужебных книг было послано митрополитом, а священнику Я. Яновскому предоставлялось право самому обратиться к причтам «достаточных С.-Петербургских церквей о пособии вещами и деньгами». Но: «циркулярно не запрашивать причты, неудобно, чтобы не подать повода ко многим подобным домогательствам»²⁵⁸. Еще одна просьба причта об освобождении на один год церкви в Уторгощах «от отсылки прибыльных денег от продажи свеч и огарочного воска, равно и от отсылки... пожертвований на вдов и сирот духовного звания, на улучшение быта православных поклонников в Палестине» осталась без удовлетворения²⁵⁹. Сборы пожертвований по книгам, выданным Духовной консисторией, продолжились. Помимо этого, из кошелевой суммы церкви в течение 1865–1868 гг. было израсходовано 529 руб. 62 коп. С прихожан по обязательству «внести по рублю пятьдесят копеек серебром с каждой рев. души» на построение храма церковным старостой в 1863–1867 гг. было собрано «душевых денег» 606 руб. 71 коп. сер.²⁶⁰ Всего «всей строительной суммы... на приходе было 2119 руб. 01 коп.»²⁶¹. К началу 1869 г. «долга за церковь» состояло 460 руб. 58 коп.²⁶²

Не последовало разрешения на подобную просьбу от члена строительной комиссии по сооружению храма в с. Хредино священника Павской церкви С. Рождественского. Он объяснял, что комиссия спешила с освящением храма, «чтобы иметь более средств к ее окончанию»²⁶³. Епископа Ревельского Герасима он осмеливался в октябре 1864 г. утруждать просьбой «приказать причту и церковному старосте... кошелевые, кружечные... и свечные деньги передавать в строительную

---

²⁵⁸ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 50. Д. 125. Л. 102.

²⁵⁹ Там же. Л. 94.

²⁶⁰ Там же. Л. 151.

²⁶¹ Там же. Л. 147 об.

²⁶² «...следует доплатить долга: по постройке церкви 205 руб. и по пристройке к ней в 1867 году колокольни 255 руб. 58 коп.» (Там же. Л. 153.)

²⁶³ Там же. Оп. 50. Д. 140. Л. 95.

комиссию» до тех пор, пока церковь не будет «приведена к окончанию во всех работах»²⁶⁴. Благочинный священник Ф. Добряков, которому Духовная консистория предписала разъяснить вопрос о церковных средствах, докладывал, что эта просьба не заслуживала уважения потому, что сборы в церкви были «весьма незначительны по малочисленности и бедности прихожан»²⁶⁵. В отношении свечных денег благочинный писал, что «примеров нет, чтобы [они] обращались» на постройки или починки церквей²⁶⁶. Он также сообщал, что в храме имелось только 19 руб. 67 коп. церковной суммы, и «по причине хозяйственных нужд в строительную комиссию быть отдана не может»²⁶⁷. Израсходовано на постройку церкви было к январю 1865 г. 2948 руб. 82 коп., но предстояло еще выполнить строительных работ на сумму 367 руб. 57 коп. сер.²⁶⁸ Учитывая стоимость необходимых работ, Духовная консистория выдала в мае 1865 г. сборную книгу временнообязанному крестьянину д. Залозы В. Лукину²⁶⁹. Из отчета строительной комиссии следовало, что к началу декабря 1865 г. было потрачено 3049 руб. 37 коп. сер. «Беспримерным усердием, старанием и жертвованиями споспешествовали постройке церкви» такие прихожане, как вдова штабс-капитана Е. А. Рoнова, пожертвовавшая деньгами 800 руб. сер. и «лесным материалом и другими предметами» до 400 руб. сер.; лужские 2-й гильдии купцы А. И. Собакин — 300 руб. сер. деньгами и материалами до 50 руб. сер. и М. А. Собакин — 105 руб. сер.; временнообязанные крестьяне

---

²⁶⁴ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 50. Д. 140. Л. 95.

²⁶⁵ Там же. Л. 113.

²⁶⁶ Там же.

Благочинный также разъяснил, что «целью подачи прошения одним священником Рождественским без участия прочих членов комиссии та, чтобы кто-нибудь из них не передал о сем причту, который, узнав, не допустит его быть по церкви самостоятельным и распорядителем, чего ему и хотелось достигнуть, равно как хотелось быть и местным священником означенной церкви, собственно для того и спешил с освящением оной». (Там же. Л. 113 об.)

²⁶⁷ Там же. Л. 116.

²⁶⁸ Там же. Л. 120, 121.

²⁶⁹ Там же. Л. 132.

М. Петров — 100 руб. сер. и С. Фролов — 50 руб. сер.²⁷⁰ По книге строительной комиссии²⁷¹ в 1863 г. значилось, что сборщик пожертвований внес 525 руб. сер., а из Павской церкви было «взаимообразно» взято 400 руб. сер.²⁷² Когда не хватало необходимых средств «для уплаты за производство по церкви работ», то у прихожан брали «взаимообразно без уплаты процентов», например: в сентябре 1863 г. у лужского 2-й гильдии купца А. И. Собакина 70 руб. сер., у лужской купеческой дочери А. А. Собакиной 90 руб. сер.²⁷³ Архитектору Павлу Петровичу Дейнеке «за присмотр за работами и составление рисунков для церкви» было выдано 100 руб. сер., «позолотчику за вызолотение и окраску» иконостаса — 85 руб. сер., подрядчику мещанину г. Валдая Н. Терентьеву было «выдано в задаток по условию на железные материалы, какие потребуются для церкви, 150 руб. сер. и ему же по контракту в счет работ по церкви 150 руб. сер.» (ранее было выдано 400 руб. сер., см. Приложение 5 - А)²⁷⁴. За строительные материалы было заплачено мещанину М. М. Шершневу «за 80 дерев соснового леса по 52 коп. от дерева» — 41 руб. 60 коп.; порховскому помещику В. Я. Мягкову за 150 «дерева соснового леса по 78 коп.» — 117 руб. сер. и ему же «в задаток на затоготовление им из своего собственного леса 1500 досок дюймовых и 300 половых досок 5-ти и 6-ти верш. ширины и 3-х сажень длины» — 330 руб. сер.²⁷⁵

---

²⁷⁰ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 50. Д. 109. Л. 8 об.

²⁷¹ Книга для записи прихода и расхода по строительным работам выдавалась из Духовной консистории. Формат «А4», листы в ней были прошнурованы и на последней странице концы шнуров были запечатаны сургучной печатью Духовной консистории. Книга для построения церкви в с. Хредино имела надпись: «№ 3784 Книга, данная от С.-Петербургской Духовной консистории Комиссии по постройке в селе Хредине новой деревянной церкви для записывания прихода и расхода строительных сумм. Августа 18 дня 1863 года. Член Консистории протоиерей Павел Белецкий, Секретарь Михаил Верещагин». (Там же. Л. 26.) После строительства и принятия по акту здания книга сдавалась в Консисторию для проверки.

²⁷² Там же. Л. 15 об.-16.

²⁷³ Там же. Л. 16 об.-17.

²⁷⁴ Там же. Лл. 16 об.-17, 17 об.-18.

²⁷⁵ Там же. Л. 15 об.-16, 16 об.-17.

Практика «взаимообразного» взятия у прихожан денег на оплату строительных работ привела к тому, что в 1867 г. на членов строительной комиссии были поданы жалобы мировому судье. Хотя долг был бессрочный, но «по случаю неурожайных годов» прихожане сами нуждались в деньгах. Строительная комиссия, которая отослала для проверки в Консисторию в ноябре 1866 г. свои отчеты, не была закрыта, поэтому долг не мог быть оплачен из церковных сумм. А между тем, как писали в прошении члены комиссии, «в церкви без всякой пользы» хранилась сборная сумма²⁷⁶. Чтобы не платить «долги из собственных капиталов», они просили митрополита Исидора защитить их «от напрасных убытков и приказать кому следует» уволить их от обязанности строителей, а также сделать распоряжение «об уплате долгов из церковных сумм»²⁷⁷ с. Хрединской церкви. Однако из рапорта церковного причта следовало, что со времени освящения храма (6 февраля 1864 г.) члены строительной комиссии не производили никаких работ, объявив, что дальнейшие заботы о благоустройстве храма должны быть возложены на причт и церковного старосту. Вследствие этого именно по просьбе последних выдавалась сборная книга, а необходимые работы проводились «попечением г-жи Роновой» и на собственные средства церкви²⁷⁸. Ходатайство же членов комиссии о передаче им сборных денег имело в виду не благоустройство храма, «а уплату долгов и притом некоторым из числа членов комиссии»²⁷⁹ (см. Приложение 5 – Б).

В указе о разрешении строительства приходской церкви в д. Смерди в январе 1859 г. Духовная консистория предписала помещице А. С. Степановой составить план участка земли,

²⁷⁶ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 50. Д. 109. Л. 57.

²⁷⁷ Там же. Л. 57 об.

²⁷⁸ Там же.

²⁷⁹ Там же. Кстати, после проверки отчетов строительной комиссии в Консистории оказалось, что «из числа 31 расходной статьи очищены расписками в получении денег только 9-ть на 1314 руб. 48 коп. сер, а... об остальных 1770 руб. 89 коп. отмечено, что расписки в получении при комиссии имеются, но их в Консистории не представлено». (Там же. Л. 60 об.)

пожертвованный ею под церковь и усадьбу для причта, а Лужскому Духовному правлению пригласить архитектора для составления проекта церкви и фасада и сметы. Относительно последнего поручения Духовное правление обращало внимание Консистории на тот факт, что «составляемые доселе таковыми архитекторами чертежи для церквей и даже часовен никогда не были утверждаемы губернской и прочими строительными комиссиями»²⁸⁰. Поэтому Правление просило Консистирию во избежание излишних затруднений и издержек назначить проект «из утвержденных по усмотрению епархиального начальства»²⁸¹. Составление проекта было поручено епархиальному архитектору Брандту. По смете постройка церкви на 300 прихожан стоила 4097 руб. 20 коп. сер.²⁸² Чертежи были посланы на утверждение в Главное управление путей сообщения и публичных зданий С.-Петербургской строительной и дорожной комиссии (одобрены в декабре 1859 г.). Со стороны Лужского Земского суда препятствий к построению храма и образованию нового прихода также не было.

Членами строительной комиссии были назначены священник Городецкой церкви В. Ильинский, помещик капитан-лейтенант А. И. Степанов (д. Смерди принадлежала его супруге А. С. Степановой) и два крестьянина д. Смерди. Однако главным и, можно сказать, единоличным распорядителем в деле построения церкви стал именно А. И. Степанов. Под его наблюдением и «известного ему архитектора» производились строительные работы. Он также вел приход и расход по сборным книгам, так как деньги «по этим книгам он лично и всегда получал от сборщиков»²⁸³. От своего имени он обращался

²⁸⁰ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 122. Д. 180. Л. 13.

²⁸¹ Там же.

Правление считало, что внешний вид будущей церкви имел важное значение, так как она строилась «близ железной дороги», и впечатление от нее «для путешествующих по железной оной дороге лиц, наипаче разных достоинств и исповеданий», должно быть «в пользу Церкви». (Там же.)

²⁸² Там же. Л. 27.

²⁸³ Там же. Оп. 50. Д. 138. Л. 19.

в Духовную консисторию для разрешения на выдачу новых сборных книг²⁸⁴.

Назначенный в начале 1863 г. к новому приходу священник Петр Силин застал новостроящуюся церковь в незаконченном виде: «...одни необчищенные стены с крышею, утвари церковной и прочего, что составляет принадлежность храма, решительно нет ничего»; наличных средств не было «ни одной копейки»²⁸⁵. Священник просил митрополита Исидора разрешить передать в церковь «из Петербургских церквей, Самсоновской и Глазной, что на Моховой улице», пожертвованные церковные вещи, иконостас и сосуды²⁸⁶. Однако из-за неустроенности быта причта^o священник в 1864 г. был переведен к другой церкви. И дальнейшее обустройство приходского храма вновь возглавил А. И. Степанов.

Отсутствие отчетных документов, игнорирование требований Духовной консистории побудили ее «в 1867 году удержаться выдачею новой сборной книги»²⁸⁷. Только перед освящением церкви в октябре 1868 г. благочинный священник Ф. Добряков «нашел, что церковь выстроена и украшена весьма благолепно и снабжена всеми необходимыми принадлежностями более, нежели в удовлетворительном виде»²⁸⁸. «По обревизовании прихода-расходной книги и документов» в 1870 г. оказалось, что всей суммы в приходе значилось: «а) собранной по всем... сборным книжками 293 руб. 65 коп., б) пожертвованных крестьянами 1040 руб. 69 коп. и в) пожертвованных самим строителем

---

²⁸⁴ Так, например, в марте 1861 г. он обращался с прошением к епископу Ревельскому Леонтию: «Приступая к построению церкви и нуждаясь в средствах по незначительности и недостаточности сбора и недостаточности в средствах будущих прихожан, я покорнейше прошу Ваше Преосвященство разрешить мне вновь выдать книгу для сбора добротных подаваний в пределах С.-Петербургской епархии на год на имя избранного мною сборщика лужского уезда Петровского погоста Воскресенской церкви заштатного дьячка Ивана Матвеева. В обязанности Попечителя капитан-лейтенант А. Степанов». (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 122. Д. 180.)

²⁸⁵ Там же. Л. 67.

²⁸⁶ Там же.

²⁸⁷ Там же. Оп. 50. Д. 138. Л. 53.

²⁸⁸ Там же.

и его семейством 2828 руб. 97 ½ коп., всего 6803 руб. 31 ½ коп.»²⁸⁹. В расходе была показана та же сумма, только в долгу на церкви числилось 411 руб. 40 коп., из которых 400 руб. следовало «уплатить подрядчику» за постройку домов для причта. Далеко не все расходы по построению церкви были «очищены» накладными, счетами и другими необходимыми документами (часть собранных ранее благочинным документов сгорела в апреле 1870 г. в пожаре в его доме). Но поскольку в правильности «приходо-расходования» сомнений не встретилось и церковь «на сумму расхода в 6803 руб. 31 ½ коп. не могла отстроиться и достаточно снабдиться всем необходимым... и обойтись без долгов», то со стороны Консистории не встретилось препятствия к «продолжению воспособления» церкви посредством выдачи вновь сборной книжки (сентябрь 1871 г.) для покрытия долга²⁹⁰. За постройкой наблюдал архитектор Ф. Б. Нагель²⁹¹.

Приходская церковь в Зачеренье того же Лужского уезда была построена в 1863 г. капитаном В. Н. Манкошевым. Иконостас был взят в бывшей приходской церкви Щирского погоста²⁹². Большую часть немногочисленного нового прихода составили крестьяне Ораниенбаумского дворцового правления (д. Вязка, в 1857 г. 346 чел.). В остальных близлежащих деревнях проживали бывшие помещичьи крестьяне.

Для построения церкви в д. М. Хвошне требовался капитал в количестве 3590 руб. В приходе проживали только два помещика — И. Спицын и капитан 1-го ранга Мендель. По словам И. Спицына, в округе не было богатых крестьян, поэтому помещик надеялся на сборщиков добродетельных пожертвований

---

²⁸⁹ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 50. Д. 138. Л. 54.

²⁹⁰ Там же. Л. 72.

²⁹¹ А. И. Степанов просил митрополита «через высшее духовное начальство... за бескорыстные труды на пользу Храма Божия» наградить архитектора Ф. Б. Нагель, «движимый чувством христианской любви к меньшим братьям — сельскому населению мызы Смерди и окрестных деревень, и вследствие крайней неимущности вообще целого прихода», несмотря на принадлежность к католическому вероисповеданию, безвозмездно составил план и чертежи для церкви, а также, «не щадя собственных средств», наблюдал в течение нескольких лет за постройкой храма. (Там же. Л. 50-50 об.)

²⁹² Историко-статистические сведения... Т. 10. Дополнения. С. 146.

по книгам, которые смогли бы помочь «в исполнении столь богоугодного предприятия»²⁹³. Он также обратился к благочинному А. Ласкину с просьбой «взять на себя труд доложить Епархиальному начальству о недостаточных средствах жителей, которые будут причислены ко вновь предполагаемому приходу», а также «испросить... вспомоществование от Правительства». Со своей стороны, И. Спицын надеялся о построении церкви объявить своим знакомым в надежде, что, «может быть, всякий принесет хотя небольшую лепту по силам своим»²⁹⁴. По сборной книге в 1861 г. было собрано 449 руб. сер., в 1863–1864 гг. — 490 руб. Освящена церковь была 7 октября 1866 г.

В Ямбургском уезде стоимость постройки деревянной церкви в д. Краколье оценивалась в 6350 руб. сер.²⁹⁵ По смете материалов необходимо было только «для рубки стен» заготовить 1234 сосновых бревна диаметром 6 вершков (27 см), из них 198 шт. длиной 13 аршин (9 м 36 см), 220 шт. — длиной 8 арш. (5 м 76 см) и 450 шт. длиной 4 арш. (2 м 88 см)²⁹⁶. Лес крестьяне обязались доставить на место из казенной дачи, а камень для фундамента привезти бесплатно. Обещали также из «мирского капитала» выделить 500 руб. сер, а остальные средства на постройку составить «из сборной и жертвованной суммы»²⁹⁷. Однако в августе 1869 г. Духовная консистория обратила внимание, что на представленном плане местности не было «означено, в чьем владении ныне это место», и отсутствовали границы отведенных прихожанами двух десятин. Из плана самой церкви не было ясно, на сколько человек рассчитана церковь²⁹⁸. Не было заверенного акта о ежегодном жалованье причту.

²⁹³ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 50. Д. 127. Л. 12 об.

²⁹⁴ Там же.

²⁹⁵ Там же. Оп. 56. Д. 39. Л. 59.

²⁹⁶ Там же. Л. 63.

Собственно на стены необходимо было 540 шт., остальные — для «распиловки планок и теса». (Там же. Л. 59.)

²⁹⁷ Там же. Л. 59.

²⁹⁸ И хотя план церкви должен был быть составлен на 465 чел., но по плану крестообразной деревянной церкви было видно, что «внутренность ее по продольной линии креста от притвора до солеи 13 саж. 2 арш. в длину (29 м 52 см) и 4 саж. 1 арш. (9 м 36 см),

Согласование проекта церкви было задержано в Строительном отделении С.-Петербургского губернского правления, поскольку не были «доставлены сведения о фундаменте и грунте предполагаемой к постройке церкви»²⁹⁹.

Пока шло согласование необходимых документов, по книге за год было собрано 526 руб. 50 коп. сер., «исключая 100 руб. сер. (!), взятых сборщиком Егором Никифоровым за труды». Священник Ямбургского собора, куда были переданы средства, в рапорте Духовной консистории спрашивал, как поступить с деньгами — «хранить в соборе или внести в Государственный банк на имя предполагаемой в дер. Краколье церкви?»³⁰⁰ Причту было предписано внести деньги в банк, а билет хранить в казначеище собора.

В августе 1871 г. крестьяне просили Консисторию о разрешении приступить к построению церкви. Для этого было собрано 726 руб. 50 коп. сер., обещано собрать с прихожан еще 500 руб. (по добровольной раскладке с души по 1 руб.), был заготовлен для фундамента бут, булыжный камень и 80 000 кирпичей. Предстоящей зимой прихожане обязались вывести пожертвованный купцом Байковым лес в необходимом для всей постройки количестве³⁰¹.

Церковь в Кракольском приходе была построена большой, вмещавшей до 1300 чел. Освящена была в августе 1874 г. На ее постройку израсходовали до 12 тыс. руб., «считая пожертвованные материалы, иконостас, священные сосуды и колокола»³⁰².

В этом же уезда Коложицкая Екатерининская церковь была построена местным помещиком Д. Н. Долгоруковым в 1859 г. За постройкой каменного храма наблюдал его управляющий

а поперечной — 9 саж. 1 арш. в длину и также 4 саж. и 1 арш. в ширину (20 м 88 см × 9 м 36 см), или около 85 кв. саж., а полагая 12 человек на квадратную сажень внутренность церкви может вместить до 1000 человек». А к приходу Кракольской церкви желали приписаться деревни, в которых было 1005 д. об. п. (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 56. Д. 39. Л. 64 об. — 65.)

²⁹⁹ Там же. Л. 76.

³⁰⁰ Там же. Л. 88.

³⁰¹ Там же. Л. 106.

³⁰² Историко-статистические сведения... Т. 10. С. 322.

Я. В. Крупеничин³⁰³. Сначала церковь была приписной к Ильешской церкви, в 10 верстах от которой находилось с. Коложицы (402 помещичьих крестьянина). В 1861 г. по указу Консистории церковь стала самостоятельной. В состав прихода вошли еще деревни из трех приходов: д. Хотыницы (государственные крестьяне, 478 чел.) из Ильешского прихода, от Врудской церкви — д. Молосковичи и Остроговицы (299 помещичьих крестьян) и от Ястребинской церкви — д. Загорицы (112 помещичьих крестьян)³⁰⁴.

2.3. Положение 16 апреля 1869 г. и его влияние на численность приходов и образование новых приходов в трех уездах епархии

В соответствии с предписаниями, которые были установлены в упомянутом Положении 1869 г., губернским присутствиям по обеспечению духовенства, прежде чем приступить к составлению нового расписания городских и сельских приходских церквей, необходимо было собрать нужные сведения³⁰⁵. Однако вопросы уравнивания приходов и упразднения малолюдных, не обеспечивавших достаточного содержания для причта, изначально решались не в губернских присутствиях, а на уровне общих собраний священнослужителей одного благочиния³⁰⁶. Вопросы объединения или сокращения приходов не были чем-то абсолютно новым в практике управления епархиями. Поэтому в Положении 1869 г. основания для упразднения прихода должны были указываться в соответствии со статьями Устава ДК³⁰⁷. Епархиальные архиереи,

---

³⁰³ Историко-статистические сведения... С. 362.

³⁰⁴ Там же. С. 363.

³⁰⁵ ПСЗ. 2-е собр. Т. XLIV. № 46974. С. 321-322.

³⁰⁶ С. В. Римский пишет, что «схема действий повсюду была примерно одинакова: благочиннические съезды вырабатывали предложения, а потом проекты дорабатывались под контролем архиереев, от позиции которых зависело очень многое». См.: Римский С. В. Российская Церковь в эпоху великих реформ... С. 525.

Благочиннические съезды — это решение вопроса в рамках одного, своего благочиния, куда входило для Петербургской епархии 10-15 или более церквей.

³⁰⁷ Статьи 46, 56 и особенно статьи 61-64 (Отд. III. О приписке и упразднении церквей) Устава ДК.

осуществлявшие подобные мероприятия в прошлом с большой осторожностью, в соответствии с местными условиями и учитывали (далеко не в последнюю очередь) интересы прихожан. Положение же 1869 г. имело всеобщий обязательный характер и проводилось в интересах — прежде всего материальных — священно- и церковнослужителей, хотя и с определенно просматривающейся задачей сокращения их штатов.

Как исполнялось Положение 1869 г. в исследуемых уездах?

С.-Петербургская духовная консистория 16 июля 1869 г. слушала не только высочайше утвержденное Положение от 16 апреля и указ Синода от 10 мая «о составлении нового расписания церквей и о составе при них причтов», но и мнение С.-Петербургского Губернского присутствия. Последнее сообщало Консistorии, что собрать все требуемые Положением сведения будет наиболее удобно «через ближайшее местное духовное начальство». Поэтому со стороны Консistorии следовало «учинить распоряжение... об истребовании от местных благочинных, при соучастии причтов церквей... епархии» сведений, необходимых для составления расписания приходов³⁰⁸. По указу Консistorии благочинным предписывалось «в общем собрании священнослужителей своего округа» составить описание каждой церкви³⁰⁹, указать количество церковной земли, какое было помещение для причта, сколько было причта, а также сколько деревень состояло в приходе, количество прихожан и расстояние до церкви. Затем «сделали бы по общему и беспристрастному соглашению, имея в виду удобства как для себя, так и для крестьянского населения, свои предположения» о самостоятельности или приписании церквей. Составленные новые расписания приходов должны были представляться в Консistorию³¹⁰.

Общее собрание священнослужителей под руководством благочинного протоиерея Ямбургского Екатерининского собора Василия Вознесенского 2 сентября составило расписание

³⁰⁸ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 120. Д. 59. Л. 52.

³⁰⁹ «Какая она, каменная или деревянная, крепкая или ветхая, и сколько может вместить в стенах своих приходских людей». (Там же.)

³¹⁰ Там же. Л. 52 об.

приходов³¹¹. По нему большинство приходов сохраняло свою самостоятельность. Однако несколько церквей, которые по близкому расстоянию к соседним храмам могли быть объединены с более многочисленным приходом, становились приписными. Так, к Ямбургскому собору (1288 прихожан)³¹² на правах приписного присоединялся приход Новопятницкой церкви, и количество прихожан должно было быть 1140 д. м. п. или примерно 2300 д. об. п.³¹³; к Ратчинской церкви присоединялась Удосольская с 473 д. м. п., общее число прихожан становилось 1180 д. м. п. или около 2400 д. об. п.³¹⁴ В состав Ильешского прихода включалась Чирковицкая церковь (296 д. м. п.) и приписанная к ней Раскулицкая церковь (124 д. м. п.), тогда количество прихожан этого прихода было бы 1375 д. м. п. или около 2800 д. об. п.³¹⁵ К Врудскому приходу присоединялась Ославская церковь (336 д. м. п.) и д. Молосковичи (54 д. м. п.) от Коложицкого прихода, общее количество прихожан — 965 д. м. п. или около 2000 д. об. п.³¹⁶

Для уравнивания приходов уезда к составу Яблонницкой церкви приписывалось несколько деревень: из Коложицкого (153 д. м. п.), Врудского и Ястребинского приходов, число прихожан — 873 д. м. п. или около 1800 чел.³¹⁷ Ястребинский приход увеличивался за счет присоединения Коложицкой церкви (203 д. м. п.), число прихожан — 1418 д. м. п. или около 2900 д. об. п., а к Керсовскому приходу присоединялись 3 деревни (260 д. м. п.) от Опольской церкви, число прихожан — 774 д. м. п. или около 1600 д. об. п.³¹⁸

В итоге по предложениям благочиннического съезда в уезде осталось бы 10 приходов (вместо 19). При этом количество прихожан на один приход значительно увеличивалось посредством «разбора» одного прихода между несколькими церквами, например как Коложицкой, так и посредством поглощения

³¹¹ Собрание состоялось 2 сентября. (ЦГИА СПб. Ф. 654. Оп. 1. Д. 59. Л. 115.)

³¹² См.: Приложение 1. Ямбургский уезд, 1867 г.

³¹³ ЦГИА СПб. Ф. 654. Оп. 1. Д. 59. Л. 117 об.-118.

³¹⁴ Там же. Л. 122 об.-123.

³¹⁵ ЦГИА СПб. Ф. 654. Оп. 1. Д. 59. Л. 119 об.-120.

³¹⁶ Там же. Л. 120 об.-121.

³¹⁷ Там же.

³¹⁸ Там же. Л. 119 об.-120.

целых приходов. А вот составы причтов подверглись сокращению: только в 4 многолюдных приходах причт должен был состоять из двоих священников и двоих причетников, в остальных — только священник и причетник³¹⁹.

Представленное расписание церквей не удовлетворило епархиальное начальство. Поэтому по указу Духовной консистории от 17 октября 1870 г. духовенству вновь было предписано составить новое расписание церквей (и причтов) по городу Ямбургу и Ямбургскому уезду с учетом «как прежде существовавших, так и вновь образуемых в деревнях Краколье и Валговицах»³²⁰. Более полугода, прошедшие с момента получения указа из Консистории, ушло на выработку решений и сбор мнений прихожан относительно будущих изменений в составе приходов. Согласно акту от 27 сентября 1871 г., принятому после обсуждения нового расписания, священнослужители предположили оставить без изменения 9 из 19 приходов³²¹. В большинстве этих 9 приходов численность прихожан составляла от 1100 до 1900 чел. (См. Приложение 1. Ямбургский уезд, 1867 г.). В целях уравнивания приходов было решено от Опольской церкви (3125 чел.) отчислить 2 деревни — Заполье (247 чел.)³²² и Горки (44 чел.) — и присоединить их к Керстовской церкви (1135 чел.). От Чирковицкой церкви (909 чел.) отчислились «по своему желанию» крестьяне д. Гакина Горка (12 д. об. п.)³²³, но «вследствие

³¹⁹ ЦГИА СПб. Ф. 654. Оп. 1. Д. 59. Л. 125 об.

³²⁰ Там же. Оп. 62. Д. 28. Л. 8.

³²¹ Обсуждались приходы почти всего уезда: 17 — существовавших, 2 — новых; приходы г. Нарвы (2) и Ивангородской крепости (1) не упоминались (Там же. Л. 10).

³²² Из приговора крестьян собственников: «быв на полном сельском сходе, посоватав и подумав, так как мы уже раньше имели согласие во приходе Керстовской Всескорбящей церкви, то по сему по согласию нас желаем все вообще, и по сему постановили на основании существующего узаконения, в чем подписуемся» (Там же. Л. 30).

Полный сельских сход Горок выразил мнением, что «все согласны Керстовскому приходу» (Там же. Л. 31).

³²³ Княжевское Волостное правление передало благочинному Вознесенскому приговор крестьян д. Гакина Горка, в котором говорилось, что они желали «...со своими семьями отписаться от Раскулицкого прихода... и вписаться в Ильешский приход». (Там же. Л. 29.)

изъявленного желания» присоединялись крестьяне от Бегуницкой церкви Петергофского уезда (151 чел.)³²⁴. В соседний Лужский уезд к Красногорской церкви были отчислены прихожане 3 деревень от Редкинской церкви (3988 чел.)³²⁵. В связи с образованием новых приходов от самого большого Сойкинского прихода (5928 чел.) к церкви в д. Краколье отходили 6 деревень (726 д. об. п.), а к Валговицкой церкви — 5 (746 д. об. п.); дополнительно от Кейкинской церкви (3163 чел.) в Кракольский приход перечислялись 616 чел. из 5 деревень и из Котловской церкви к Валговицкой — 747 д. об. п. из 8 деревень³²⁶.

Однако не всегда прихожане выражали готовность оставить свой приход. Так, крестьяне д. Устье (330 д. об. п.) Редкинской церкви заявили своему причту, что они «не намерены переходить к Яблоницкой церкви»³²⁷. Временнообязанные крестьяне Домашевского сельского общества (76 д. об. п., в 16 верстах от церкви), выслушав «заявление нашего приходского священника Ястребинской церкви Александра Дмитриевича Врудского о том, что при уравнивании приходов наша деревня должна отойти к Яблоницкому приходу», приговорили «покорнейше просить деревню нашу Домашева оставить... в Ястребинском приходе, потому что отчисление нашей деревни... для нас будет очень обременительно», поскольку они были причислены к Ястребинской волости и, отправляясь по делам в Волостное правление, могли «отправить дела, касающиеся для нас по церкви»³²⁸. По этой же причине отказались переходить

---

³²⁴ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 62. Д. 28. Л. 10 об.

Переход крестьян из соседнего Петергофского уезда проходил по согласованию с Духовной консисторией. От Чирковицкой церкви прихожане были всего в 2 ½ верстах. (Там же. Л. 14 об.-15.)

³²⁵ Крестьяне Старицкого сельского общества «при полном собрании составили... приговор в присутствии нашего местного священника Петра Иоанновича Быстреевского в том, что мы единогласно заявили... о приписке нас к Красногорскому приходу, на что и священник Красногорской церкви согласен приписать к своему приходу». (Там же. Л. 32.)

³²⁶ Там же. Л. 10 об.

³²⁷ Там же. Л. 34.

³²⁸ Там же. Л. 35.

из Ястребинского прихода государственные крестьяне Муликовского сельского общества (62 д. об. п., 15 верст от церкви)³²⁹. Крестьяне д. Загорицы (131 д. об. п., 9 верст от церкви), «несмотря ни на какие убеждения» как со стороны своего Ястребинского причта, так и священника Коложицкой церкви, не желали перейти к последней³³⁰.

Уже после решения съезда ямбургского духовенства причт Котловской церкви обращался к благочинному В. Вознесенскому «в видах собственного своего улучшения». Из-за отсутствия письменного заявления от прихожан деревень Глубоково, Савикино и Бабино их оставили в составе Котловской церкви. Однако причт этой церкви нашел необходимым отчислить эти деревни к вновь открывавшемуся Валговицкому приходу³³¹. Для Котловского причта «сии три деревни вместо пользы» служили «только одним обременением», так как находились на дальнем расстоянии (10, 13 и 25 верст) и крайне затрудняли отправление христианских треб (на всем промежутке до деревень не было ни одного жилья)³³². К приходу в д. Валговицы они были ближе, поэтому, как считал причт, присоединение их к новой церкви увеличивало сам приход, «населенный беднейшими обывателями», и увеличивало средства к содержанию причта.

Относительно состава причтов было решено, что только в Ямбургском соборе он останется без изменения (протоиерей, дьякон и 2 причетника)³³³. При церквях больших приходов, Сойкинского (4469 чел.) и Редкинского (3854 чел.), «по многочисленности и разбросанности приходов», оставляли по 2 священника и 2 причетника³³⁴. В остальных приходах,

---

³²⁹ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 62. Д. 28. Л. 36.

³³⁰ Там же. Л. 37.

³³¹ Там же. Л. 56.

³³² Там же. Л. 56 об.

³³³ На основании п. 9 II отд. Положения от 16 апреля: «Причты кафедральных и городских соборов... в отношении членов причта, — остаются на существующих основаниях». (ПСЗ. 2-е собр. Т. XLIV. № 46974. С. 322.)

³³⁴ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 62. Д. 28. Л. 11.

включая новые, определялось по одному священнику и одному причетнику³³⁵.

Однако со стороны священнослужителей Сойкинской Николаевской церкви в адрес благочинного поступил рапорт, в котором предлагалось «для устранения необеспеченности причта» назначить только одного настоятеля с псаломщиком, «если не навсегда, то, по крайней мере, для испытания на первый раз»³³⁶. По словам членов причта, «Сойкинское место не считалось лучшим местом по содержанию причта», а с отчислением к новым приходам нескольких деревень (1355 д. об. п.), половина из которых была лучшими из всего прихода, и назначение в штат двоих священников делало материальный быт причта бедственным³³⁷.

Не все благополучно было и в Редкинском приходе. По штату назначалось двое священников, «но в наличности только один», так как «определяемые в сей приход священники» старались при первой возможности выйти из него. В сентябре 1871 г. не было и желающих поступить на вакансию³³⁸. Причинами такого положения было, во-первых, отсутствие какого-либо помещения для проживания священников — а прихожане не давали от себя бесплатной квартиры — и, во-вторых, дальность расстояния до прихожан (от 25 до 30 верст).

Духовная консистория после рассмотрения нового расписания приходов Ямбургского уезда 1 ноября 1872 г. утвердила самостоятельность всех церквей, согласилась с мнением благочиннического съезда об открытии новых приходов в Краколье и Валговицах и определила, согласно расписанию, штаты

---

³³⁵ Так, на 2439 д. об. п. Котловской церкви вместо 2 священников, дьякона и 2 причетников был оставлен штат из священника и причетника; в Сойкинском приходе из 2 священников, дьякона и 3 причетников оставались только 2 священника и 2 причетника; большая часть прихожан Ястребинской церкви (2769 чел.) жили на расстоянии от 6 до 20 верст, но у них также должны были остаться только священник и причетник. (ЦГИА СПб. Ф. 62. Д. 28. Л. 15 об.-16, 21 об.-22.)

³³⁶ Там же. Л. 59.

³³⁷ По мнению священников и дьякона, «...лучшим для священника иметь труд, хотя и тяжелый, [но] по крайней мере, обеспечивающий его и его семейство, чем труд легкий и вместе с тем необеспеченный». (Там же. Л. 59 об.)

³³⁸ Там же. Л. 63.

большинства церквей³³⁹. В отношении состава Сойкинской церкви Консистория указала причту, что он «совершенно напрасно» посчитал себя обиженным «пред прочими причтами» уезда, поскольку и его штат также сокращался (закрывались дьяконская и одна причетническая вакансия). Приход по-прежнему оставался большим, а некоторые деревни были удалены на 6, 8 и 13 верст, что не могло «не затруднять одного священника относительно требоисправлений»³⁴⁰. Консистория также обратила внимание Сойкинского причта относительно их просьбы назначить «для испытания» по одному священнику и причетнику, что «дело идет не о каких-либо опытах, а об установлении нормального числа священно-церковнослужителей, потребных для Епархии, и определении им жалованья от казны»³⁴¹. Поэтому она оставила заявление причта без последствий.

Распределения прихожан к другим приходам утверждались только те, по которым были получены приговоры о полном согласии на перечисление. Тех же крестьян, «которых было предположено» перечислить к другой церкви как для удобства их самих, так и для уравнивания приходов, «но которые положительно заявили свое несогласие», было решено «оставить при настоящих их приходских церквях»³⁴².

В соответствии с разрешением Духовной консистории об образовании нового прихода в Валговицах крестьяне Валговицкого общества безвозмездно уступили «пять десятин земли для причта из своего надела», обязавшись «выкупные платежи и другие повинности за сию землю уплачивать обществом без всякого участия в оном причта»³⁴³. Поскольку старая

---

³³⁹ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 62. Д. 28. Л. 86 об., 87, 87 об., 89.

³⁴⁰ Там же. Л. 90 об., 91.

³⁴¹ Там же. Л. 91 об.

³⁴² Там же. Л. 94 об.

Решение Духовной консистории было согласовано с епископом Ладожским Тихоном (12 января 1873 г.) и утверждено митрополитом Исидором (13 января 1873 г.). (Там же. Л. 84, 88 об.)

³⁴³ В д. Большие Валговицы уже была небольшая деревянная часовня, построенная помещиком фон дер Флитом и которая в 1847 г. была обращена в церковь. В ней до 1870 г. служил Сойкинский причт.

церковь была «слишком мала для образовавшегося прихода», крестьяне «решили выстроить новую, теплую и деревянную в честь Вознесения Господня на сборные деньги». Чтобы построить дом для причта, обещали «потребную сумму... разложить на всех прихожан, которые обязаны внести ее» в строительную комиссию³⁴⁴. Жалованье от казны для причта просили выделить из освободившихся вакансий (священника и причетника) от Котловской церкви. В ноябре 1873 г. по решению Консистории после закрытия одной священнической вакансии Котловской церкви (священник выбыл на другое место) и одной пономарской освободившиеся оклады (200 и 60 руб. сер.) были назначены Валговицкому причту (160 руб. священнику, 80 руб. причетнику, оставшиеся 20 руб. были обращены на другие причты)³⁴⁵.

Четыре десятины земли под строительство новой церкви, домов причта и школы в декабре 1873 г. безвозмездно уступил помещик И. А. Тютчев³⁴⁶. Строительную комиссию возглавил петербургский купец Е. Н. Игумнов^р. Он пожертвовал из собственных средств 1000 руб.³⁴⁷ Строительный материал жертвовали прихожане. В 1876 г. священником был определен Александр Спасский, которому «много приходилось... просить и кланяться, чтобы достать денег на постройку». Главный престол был освящен 7 октября 1879 г. Вся постройка стоила 24 000 руб. сер.³⁴⁸

Указ Духовной консистории по благочинию священника Николая Сперанского (Городенского погоста Лужского уезда) дает представление о выработке решений не только со стороны благочиннического съезда, но и самой Консистории. Рапорт Н. Сперанского, в котором было представлено расписание приходов

---

³⁴⁴ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 62. Д. 28. Л. 110 об.

³⁴⁵ Там же. Л. 127.

³⁴⁶ Там же. Оп. 65. Д. 5. Л. 19 об.

³⁴⁷ Только в 1874 г. кроме упомянутых 1000 руб. было пожертвовано и собрано по книге еще 692 руб. (Там же. Л. 84.)

³⁴⁸ Историко-статистические сведения... Т. 9. С. 326, 327.

и причтов³⁴⁹ (по указу Консистории от 20 августа 1869 г.), рассматривался 8 марта 1871 г. Консистория, «принимая во внимание религиозные потребности местного православного населения и удобства сообщения», согласилась с мнением благочиннического съезда оставить все церкви самостоятельными³⁵⁰. Относительно состава причтов Духовная консистория на основании «высочайше утвержденного журнала Присутствия по делам православного духовенства и согласно предположению благочиннического съезда» назначила штат из одного священника и двоих псаломщиков только при двух церквях — Дмитриевской в Городенском погосте и Георгиевской в селе Георгиевском, поскольку они имели прихожан более 1000 душ мужского пола, в остальных — из настоятеля и псаломщика³⁵¹.

Что же касается распределения прихожан, то Духовная консистория не всегда утверждала предварительное решение благочиннического собрания. Так, к Успенской церкви в с. Смешине было предложено приписать от соседней Вычелобской церкви (благочиния протоиерея Ласкина) д. Подгорья (6 дворов, 11 д. м. п.) и д. Жеребуд (43 д. м. п.); кроме того, «причт Смешинской церкви заявил об удобстве присоединения к их приходу» еще д. Берега (54 д. м. п.) и д. Заполье (45 д. м. п.)³⁵². Это давало возможность увеличить приход до 1250 чел. По мнению Консистории, перечисление д. Подгорье имело «основательные причины», поскольку уменьшало расстояние прихожан до церкви (было 8 верст, до Смешина — 6 верст), при этом большая часть крестьян (13 дворов) «уже принадлежала к Смешинскому

---

³⁴⁹ ЦГИА СПб. Ф. 865. Оп. 1. Д. 21. Л. 39.

В состав благочиния Н. Сперанского входило 14 приходских церквей: Смешинская церковь (907 прихожан, см.: Приложение 1. Лужский уезд, 1867 г.), Романшинская церковь (710), церковь в д. Торошковици-Тырковы (1252), церковь в с. Чупрова Гора (1475), Мроткинская церковь (690), Городенского погоста (2697), церковь в с. Белом (1944), Георгиевская церковь (2426), Бутковская церковь (1302), Верхутинская церковь (1326), церковь в с. Перечицы (1792), Красногорская церковь (1708), церковь в с. Островне (560), Смердовская церковь (1188).

³⁵⁰ Там же. Л. 39 об.

³⁵¹ Там же.

³⁵² Там же.

приходу»³⁵³. Могла быть перечислена «в видах уравниения приходов» и д. Берг. Прихожане д. Жеребуд в своем прошении на имя митрополита выразили согласие на присоединение к Смешинскому приходу, а вот жители д. Заполье были ближе к своей Вычелобской церкви, и ее перечисление, которое «едва ли будет удобно», Консистория предписала согласовать с прихожанами и представить письменный отзыв³⁵⁴.

К Тихвинской церкви в с. Романшине предполагалось отчислить от Лужского Екатерининского собора д. Эстомичи (80 д. м. п.) и д. Наволок (220 д. м. п.) от Петровского погоста (обе церкви благочиния прот. Ласкина). Относительно первой Консистория заметила, «что она от Романшины в 5-ти верстах /по Географической карте несколько даже далее/, а от Луги в 4-х верстах, и препятствий в сообщении, как значится в клировой ведомости, никаких нет». Поэтому это отчисление «ничем не вынуждает». А вот отчисление от более многочисленного Петровского погоста д. Наволок, по мнению Консистории, имело «основание как в видах возможного уравниения приходов, так и в близости расстояния и удобстве сообщения»³⁵⁵.

Духовная консистория оставила «без последствий» заявление причта Николаевской Мроткинской церкви о присоединении к ним трех деревень от Чупровского прихода и трех из Городенского, а также д. Гусины из Новгородской губернии. Сверившись с географической картой, Консистория не увидела, что эти деревни «были ближе к Мроткину», чем к их приходским церквям. Утверждено было только предположенное благочинническим собранием присоединение других, более близких деревень Чупровского и Городенского приходов (189 д. м. п.)³⁵⁶.

Приход Георгиевской церкви с. Георгиевского благочинническим съездом предполагалось «оставить в настоящем его составе без изменения». Но местный священник Петр Молчанов

---

³⁵³ ЦГИА СПб. Ф. 865. Оп. 1. Д. 21. Л. 40.

³⁵⁴ Там же.

³⁵⁵ Там же. Л. 40, 40 об.

³⁵⁶ Там же. Л. 41 об.

заявил, что две деревни из Царскосельского уезда, которые принадлежали его приходу (67 и 41 д. м. п.) и находились на расстоянии 20 верст и 21 версты³⁵⁷, могли быть «с удобством отписаны к церкви учебного Лесничества в селе Лисине». Священник заметил, что эту церковь прихожане посещали охотнее «вследствие удобства сообщения... чем свою приходскую церковь». Консистория приказала «истребовать отзывы от причта церкви лисинского учебного Лесничества и от крестьян» о согласии на предполагаемое перечисление³⁵⁸.

По мнению Консистории, к Преображенской церкви в с. Островне, которую благочиннический съезд оставил самостоятельной и без изменений прихода, следовало бы приписать две деревни от Красногорской (64 и 26 д. м. п.) и две от Смешинской (74 и 26 д. м. п.) церквей. Так как приход Островской церкви насчитывал только 290 д. м. п., Консистория согласилась с предложением причта, что прихожанам будет ближе и удобней посещать их церковь³⁵⁹.

С учетом вышеизложенных и других замечаний Духовная консистория в своем указе предписала благочинному Н. Сперанскому составить со священниками своего округа новое расписание церквей приходов. От крестьян, которых предполагалось перечислить к другим приходам, необходимо было представить отзывы о согласии, причем благочинный и его помощники должны были «употребить и убеждение крестьян к соглашению их на общее решение духовенства в видах удобства для них самих и удобства для их пастырей»³⁶⁰.

Мы не располагаем подобными документами о приходах Новоладожского уезда. Однако вопрос о целесообразности организации прихода в д. Верховины решался через общее собрание священнослужителей. Благочинный священник Солецкого погоста С. Заборовский в своем рапорте от 28 апреля 1870 г.

---

³⁵⁷ На это Консистория уточнила: «по клировой ведомости и по карте ближе, на 16 и 15 верст». (ЦГИА СПб. Ф. 865. Оп. 1. Д. 21. Л. 42.)

³⁵⁸ Там же.

³⁵⁹ Там же. Л. 43 об.

³⁶⁰ Там же. Л. 44 об.

в Духовную консисторию ссылается на постановление благочиннического съезда своего округа. Съезд проходил 6 и 7 октября 1869 г. и, как мы уже упоминали выше, признал Верховинский приход самостоятельным³⁶¹.

2.4. Новые приходы в Ямбургском, Лужском и Новолодожском уездах, 1881–1900 гг.

И. В. Преображенский, исследовавший влияние Положения 16 апреля 1869 г. на епархии, отмечал, что «действие закона 1869 г. о сокращении приходов ослаблялось под неотразимым влиянием прироста православного русского народонаселения»³⁶². Согласно официальным статистическим данным, процентное отношение числа упраздненных (или приписных) церквей к их общему числу в 1880 г. по Петербургской епархии составляло 6,03 %³⁶³. К этому времени в епархии насчитывалось 464 церкви и только 29 были приписными³⁶⁴. В трех исследуемых уездах Петербургской епархии в обозначенный период не было сокращено (приписано) ни одной церкви. Все они остались самостоятельными, хотя по предварительным решениям общих собраний священнослужителей случаи сокращения приходов предусматривались. Так, недавно образованный приход в с. Мемине (Новолодожский уезд), насчитывавший 805 д. об. п. (на 1867 г.), «когда поднялся вопрос об уравнивании приходов», едва не упразднили. Благочиннический съезд от 6 октября 1869 г. постановил: «[д.] Сотово приписать к Оломенскому приходу, а остальные — к Хотовскому»³⁶⁵. Но поскольку прихожане «уже много сделали для образования своего

³⁶¹ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 58. Д. 26. Л. 96 об.

³⁶² Преображенский И. В. Отечественная церковь по статистическим данным с 1840–41 по 1890–91 гг. СПб., 1897. С. 24.

³⁶³ Там же. С. 24

³⁶⁴ В соседней Новгородской епархии — 25,10 % (всего церквей 992, приписных — 249); в Псковской епархии — 17,25 % (всего церквей 487, приписных — 84); в Олонецкой епархии — 51,42 % (всего 457 церквей, приписных — 235). (Преображенский И. В. Отечественная церковь... С. 24.)

³⁶⁵ Историко-статистические сведения... Т. 9. С. 275.

прихода»³⁶⁶, а также начали по разрешению Духовной консистории строительство каменного храма, истратив «до 5000 руб. на церковь» и взяв в долг ссуду 3000 руб.³⁶⁷, то по их просьбе «и по ходатайству преосвященного Павла, епископа Ладожского», их приход был оставлен самостоятельным³.

Указ 16 февраля 1885 г. дал возможность восстанавливать ранее сокращенные приходы и организовывать новые.

В сентябре 1889 г. к митрополиту Исидору поступило прошение от крестьянина Ямбургского уезда Редкинской волости Степана Антонова, в котором излагалась просьба разрешить организовать новый приход с построением церкви в д. Большой Хотнеже. Как писал С. Антонов, из-за отдаленности крестьян от своей приходской Редкинской церкви прихожане нескольких деревень «во всю свою жизнь» не могли присутствовать при церковном богослужении, «вследствие чего, хотя и православные», но за них становилось страшно, ибо они были «не просвещены духовно» и жили «в забвении спасения»³⁶⁸. В этих деревнях не существовало ни одной школы, ни часовни, «ничего такого, чтобы напоминало им некоторую святость»³⁶⁹. Средств на новую церковь не было. Но С. Антонов обещал в течение двух лет взять на себя труд сборщика средств и просил выдать ему из Консистории сборную книгу. После этого срока он надеялся, что отыщется земля под церковь или «можно будет просить казенную, которая находится тут же»³⁷⁰.

---

³⁶⁶ В приходе было много раскольников; так д. Лаховые (ок. 200 чел.) «почти вся состояла из раскольников, были раскольники и в Мемине». Историко-статистические сведения... Т. 9. С. 275.

³⁶⁷ Закладка церкви была совершена 19 июля 1867 г. Для материала нового здания «крестьяне испросили от Палаты государственных имуществ 3000 руб. в ссуду и казенный лес», так как большая часть прихода были крестьяне казенного ведомства. (Там же. С. 264.)

³⁶⁸ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 11. Д. 72. Л. 8.

³⁶⁹ Приход предполагалось составить из деревень: Большой и Малой Хотнежи, Лемовжи, Гостиатино, Твердяти, Старицы, Подледье, Мазаная Горка, мызы г-на Богданова и ближайших деревень Красногорского прихода (Лужского уезда). (Там же.)

³⁷⁰ Там же. 8 об.

После подписей сельских старост было написано, что «Большая Хотнежа жертвует под церковь 1 десятину земли... крестьянин дер. Гонкова Петр Петров жертвует 500 рублей, директор Нарвской суконной мануфактуры, бывшей барона Штиглица, жертвует 50 руб. (Г. Пельтцер)». (Там же. Л. 9.)

Это было не первое обращение крестьян. Благочинный священник Е. Яровлавский еще в 1884 г. просил Консисторию «повременить ответом», поскольку без средств, по его мнению, «начинать дело о церкви — неосновательно», тем более что владелец той местности г. Сахаров, обещавший помочь в постройке, скончался³⁷¹.

На этот раз (февраль 1890 г.) Духовная консистория предписала благочинному собрать необходимые сведения о прихожанах, будет ли обеспечено «безбедное содержание» причта бывшей приходской, во сколько обойдется постройка и будут ли согласны будущие прихожане «дать обязательство строить оную, не утруждая епархиального начальства, кроме просьб о выдаче сборных книжек, никакими другими просьбами о пособии», а также чем будет обеспечено содержание причта при новой церкви³⁷².

По отзыву причта Свято-Троицкой Редкинской церкви прихожане означенных деревень проживали на дальнем расстоянии от их церкви (от 14 до 35 верст). И они действительно нуждались в отдельном храме и самостоятельном причте, который мог бы оказывать на крестьян «свое непрерывно-нравственное влияние, сплочая их чаще и чаще в одно целое в Храме Божием»³⁷³. Эти крестьяне были чужды церкви, ибо бывали в ней, «ссылаясь на отдаленность, всего лишь два или три раза в год». Поэтому причт Редкинской церкви был согласен на разделение прихода и отчисления из своего состава одного священника (с окладом в 240 руб.) и псаломщика к новой церкви.

Полную пропорцию земли для причта предоставлял владелец Редкинской мызы А. Н. Богданов. Крестьяне обязались собирать через сельского старосту ежегодно по одному рублю «в продолжении десяти лет» (то есть по 378 руб. в год) и доставить к месту построения церкви необходимое количество камня, «определенное по подушной раскладке селения». Было даже оговорено участие в работах — в доставке дров, кирпича, бревен,

³⁷¹ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 11. Д. 72. Л. 6, 6 об.

³⁷² Там же. Л. 15, 15 об.

³⁷³ Там же. Л. 16, 16 об.

плиты известки и др. — «всего... необходимого для вышесказанного дела пешими днями „43“ и конными „43“»³⁷⁴.

Место под церковь было отведено около д. Малая Хотнежа. Председателем строительной комиссии изъявил желание быть инженер-полковник Криков. На строительство церкви необходимо было затратить 20–25 тыс. руб. В начале апреля 1891 г. строительство церкви по утвержденному «строительным начальством плану» было разрешено Духовной консисторией. Относительно организации прихода Консистория постановила «войти тогда, когда сия церковь и причтовый при ней дом будут совершенно отстроены и освидетельствованы»³⁷⁵. Пожертвованный А. Н. Богдановым участок земли для причта сначала прошел удостоверение нотариуса С.-Петербургского Окружного суда (от 10 мая 1891 г.) в том, «что на недвижимом имении... на имя его Богданова запрещений нет. Самое же имущество по крепостному реестру» не значилось. А затем через Духовную консисторию «от лица Его Высокопреосвященства в Святейший Синод» необходимо было войти с ходатайством «об испрошении Высочайшего соизволения на укрепление земель, жертвуемых г. Богдановым и крестьянами деревни Малой Хотнежи» (февраль 1892 г.)³⁷⁶. Указ из Синода был получен митрополитом 1 апреля 1892 г. Из него следовало, что «Государь Император, по всеподданейшему докладу его, Обер-прокурора, согласно определению Св. Синода, от 5/16 февраля сего года, в 7 день текущего марта Высочайше соизволили на укрепление за С.-Петербургским Епархиальным начальством участка земли, в количестве от 30 до 35 десятин... жертвуемого статским советником А. Богдановым для обеспечения причта церкви, предполагаемой

---

³⁷⁴ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 11. Д. 72. Л. 37, 37 об.

Это было обязательство крестьян д. Мазаная Гора. Жители д. Корячи обещали «пеших дней 41, конных 41», а д. Подледье — только по «20», д. Лемовжи — по «39», а д. Гостятин — по «35». (Там же. Л. 40, 42, 44, 46.)

³⁷⁵ Там же. Лл. 65, 65 об.

³⁷⁶ Там же. Л. 76, 77.

Со стороны Ямбургского уездного съезда по административному присутствию также не было препятствий к принятию пожертвованной земли. (Там же. Л. 88.)

к постройке в селении Малой Хотнежи»³⁷⁷. Но когда пришло разрешение «на укрепление» участка земли, А. Н. Богданов скончался (14 апреля). И теперь Духовной консистории предстояло выяснить вопрос: «намерены ли наследники Богданова продолжить начатое им дело постройки храма, и если намерены, то кого предполагают уполномочить на совершение документа на жертвуемый ими участок земли?» (июль 1892 г.). Новый председатель строительной комиссии почетный потомственный гражданин Ксенофонт Флегонтович Яковлев³⁷⁸ в сентябре того же года доложил в Консисторию, что для укрепления земли наследниками был уполномочен брат А. Н. Богданова коллежский советник Н. Н. Богданов³⁷⁹. Председатель также просил Консисторию о ходатайстве через Синод об отпуске на постройку бесплатного леса³⁸⁰. Не дожидаясь ответа из Консистории, К. Ф. Яковлев обращается к митрополиту Палладию с просьбой вернуть уже одобренный и утвержденный план построения церкви, поскольку Попечительство уже заготовило «200 тыс. кирпича и 60 кубов плиты для обжигания извести»³⁸¹, а крестьяне «камень для бута и дрова для обжигания извести»^г.

---

³⁷⁷ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 11. Д. 72. Л. 82.

По удостоверению нотариуса, выданному А. Н. Богданову в январе 1892 г., значилось, что на недвижимом имении... «в пределах Редкинской волости... всего 21 365 дес. 15 саж. — запрещений нет». (Там же. Л. 87.)

³⁷⁸ Он же был и председателем церковно-приходского попечительства при Троицкой Редкинской церкви.

³⁷⁹ По крепостной книге Ямбургского уезда за 1894 г. значилось, что безвозмездно уступленные «на вечные времена» С.-Петербургскому епархиальному ведомству для вновь строящейся церкви при деревне Хотнеже два участка земли «в обеспечение содержания церковного причта» включали «под пашней и перелогом» 25 дес. 304 саж., под хвойным и лиственным лесом 5 дес. 2156 саж., под дорогами и ручьями — 1154 саж., всего 31 дес. 1214 саж., под покосами — 3 дес. 968 кв. саж. Цена пожертвованным участкам земли была определена в 3000 рублей. (Там же. Л. 256, 256 об.)

³⁸⁰ Там же. Л. 95, 95 об.

³⁸¹ Яковлев спрашивал у Консистории о том, какие были уважительные затруднения в задержке утвержденных еще в мае 1890 г. планов построения церкви, что они не были выданы до октября 1892 г. Между тем будущие прихожане уже заготовили кирпич, плиту и пожертвовали часть дров для обжига извести, но все собранные на месте материалы гнили и портились от непогоды и снега. (Там же. Л. 108 об.)

Для усиления средств и для скорейшего окончания постройки церкви строительная комиссия напечатала воззвание к жертвователям о пособии на построение церкви³⁸². Однако в просьбе Попечительству о дозволении разослать его к благотворителям Духовная консистория отказала «в виду помещенных в воззвании не оправдывающихся ни обстоятельствами дела, ни имеющимися в Консистории сведениями выражений»³⁸³. Причем священнику Редкинской церкви пришлось писать в Консисторию объяснение о том, почему он подписывает эти воззвания (а их рассматривалось 6 вариантов) и почему допускаются непозволительные выражения. Но по словам священника П. Протопопова, написанные в воззвании выражения «дети наши долго остаются без крещения... и мы сидим во тьме и невежестве» отчасти были правдивы. И это было упущением не со стороны трудолюбивых священников, а «по множеству причин, препятствующих к сообщению с приходом на тридцативерстном расстоянии»³⁸⁴. Родители не извещали причт о рождении детей «недель до трех, ожидая или дороги хорошей, или накопят большее количество новорожденных, чтобы добыть общими силами священника к себе», так как одному крестьянину в распутицу было «трудно привести и обратно отправить священника»³⁸⁵. А народ, по мнению священника, действительно был «невежественный, бывающий в церкви раза 2-3 в год, а потому и не знающий Слова Божия»³⁸⁶.

---

³⁸² Из текста воззвания: «...желали бы и мы молиться и слушать Слово о спасении, но у нас нет храма: мы и в Пасху не всегда слышим радостную службу, не каждый год исповедуемся и причащаемся, дети наши долго остаются без крещения и усопшие без погребения. Слышим, что в приходских храмах ведутся беседы, проповедуется Слово Божие, везде устраиваются школы для детей; а мы сидим во тьме невежества и маловерия. Дайте возможность, добрые люди, и нам славить Бога в своем храме... помогите устроить свой приходский храм... Недостаток материальных средств останавливает привести в осуществление нашу заветную давнишнюю мечту. Крайняя гнетущая нужда заставляет нас смиреннейше обратиться к Вам, любящие благолепие дома Господня, с покорнейшею просьбою: окажите нам посильную помощь...» (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 11. Д. 72. Л. 111.)

³⁸³ Там же. Л. 135 об.

³⁸⁴ Там же. Л. 183.

³⁸⁵ Там же. Л. 183 об.

³⁸⁶ Там же.

Дело замедлялось еще и тем, что отведенные крестьянским обществом д. Малая Хотнежа две десятины земли под церковь и устройство домов для причта были из участков надельной земли. За них нужно было внести выкупные платежи по решению Губернского присутствия (см. Приложение 6) и высочайше утвердить³⁸⁷. «Высочайшее соизволение» последовало в марте 1892 г. Чтобы принять этот участок земли в С.-Петербургское епархиальное ведомство, Консистерия выдала в июне 1893 г. доверенность исполнявшему должность сто-лоначальника Ф. П. Альбинскому «на предмет совершения им, от имени С.-Петербургского епархиального начальства, дарственной записи»³⁸⁷. Это позволило начать строительство церкви, школы и домов для причта. Главный престол каменной церкви во имя Покрова Пресвятой Богородицы был освящен только 27 августа 1896 г.

Строительство деревянной церкви в д. Копаницы (Ямбургский уезд) и организация прихода были разрешены Духовной консисторией в 1889 г. Жители нескольких деревень находились в 18–20 верстах от Копорского Преображенского собора, поэтому они были «лишены возможности посещать храм». Даже бывали «прискорбные случаи», что крестьяне из-за дальности от храма и плохого пути умирали «без покаяния, а младенцы некрещеными»³⁸⁸. Признание со стороны Консистерии прошения крестьян об организации своего прихода «по местным условиям» «желательным и осуществимым» способствовало то обстоятельство, что в распоряжении прихожан была половина средств, необходимых на построение храма. 6000 руб. были завещаны на строительство мещанкой Лаврентьевой, 500 руб. — «нарощие на сей капитал проценты», 250 руб. были собраны по подписному листу; прихожане обещали ежегодно собирать 166 руб. 40 коп. (416 ревизских душ по 40 коп.) и помогать «исполнением строительных работ и поставкою для них подвод». Проект храма был утвержден Строительным отделением С.-Петербургского правления, и по смете необходимо было затратить

³⁸⁷ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 11. Д. 72. Л. 142.

³⁸⁸ Там же. Оп. 85. Д. 31. Л. 7, 7 об.

12 908 руб. (кроме иконостаса)³⁸⁹. Внесенные в Государственный банк 6000 руб. вынимались по мере необходимости по решению Консистории трижды (1 тыс. и 3 тыс. руб. в 1891 г., 3 тыс. руб. в 1892 г.). Недостаток средств на строительство восполнялся также сбором пожертвований по книжке, которые собирал отставной бомбардир Егор Антонов. Земля под строительство церкви — 3 дес. 400 кв. саж. — была отведена «крестьянами д. Копанец из принадлежащей им дачи... Александровка»³⁹⁰. Причту также было выделено крестьянами еще 3 дес. земли. По желанию прихожан священником к построенной к концу 1893 г. церкви во имя Покрова Пресвятой Богородицы был рукоположен дьякон Валговицкой церкви Николай Пашский³⁹¹. Жалованье от казны причту было назначено в марте 1894 г. (священнику — 300 руб., псаломщику — 100 руб.)³⁹².

Образованию нового прихода в Лужском уезде способствовало желание «религиозно-нравственного просвещения народа» со стороны петербургского купца Макара Тимофеевича Стрелина. В июне 1898 г. он обратился в Консисторию с прошением указать ему местность, в которой «настояла необходимость в устройстве церкви». Купец располагал необходимыми средствами и строительным материалом и просил разрешить ему построить церковь «без представления отчетных сведений по постройке, но с соблюдением технических правил»³⁹³.

Еще в 1896 г. Духовная консистория по ходатайству нескольких дворян-землевладельцев и крестьян Красногорского прихода разрешила постройку временной церкви в сельце Медвежьем в доме дворянина Рыбинского с тем, что «в последующем будут изысканы средства» для постройки постоянного храма и представлены документы на отведенную землю под церковь и для причта³⁹⁴. Тем не менее учрежденная строительная

---

³⁸⁹ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 85. Д. 31. Л. 8. об.

³⁹⁰ Там же. Ф. 256. Оп. 92. Д. 250. Л. 13 об.-14.

³⁹¹ Там же. Ф. 19. Оп. 85. Д. 31. Л. 3.

³⁹² Там же. Л. 27.

³⁹³ Там же. Оп. 90. Д. 1. Л. 1.

³⁹⁴ Там же. Л. 3 об.

комиссия из местного священника, дворян Рыбинского и Глотова и крестьян «по неимению средств» не смогла приступить к строительным работам и не представила документов на землю. В виду этих обстоятельств Консистория не усмотрела препятствий к разрешению купцу Стрелину построить в с. Медвежем церковь. Благочинному предписывалось без замедления употребить «все старания к тому, чтобы расположить Медвежских прихожан отвести для новой церкви удобное и приличное место» под строительство храма³⁹⁵. Однако М. Т. Стрелин не стал дожидаться необходимых действий от прихожан и 27 июня сам приобрел землю у крестьянина д. Брей Ивана Васильева в количестве 2 дес. 400 кв. саж³⁹⁶. По свидетельству благочинного, участок удобно располагался, а окрестные приходские деревни располагались не далее 4 ½ версты от будущей церкви³⁹⁷.

Уже 26 августа того же года проект был утвержден Строительным отделением С.-Петербургского Губернского правления. И хотя Высочайшее соизволение «на укрепление участка земли» последовало только 10 января 1899 г., закладка церкви произошла 20 сентября 1898 г.³⁹⁸ При этом прошение на имя митрополита Палладия о дате закладки храма именно 20 сентября благочинный Остроумов отправил 11 сентября, а положительный ответ был получен телеграммой 17 сентября: «Сообщите благословил вдалека закладку Медвежской церкви».

Уже к началу 1899 г. у строящейся Медвежской Казанской церкви был священник. Освящен храм был 20 апреля 1899 г.

---

³⁹⁵ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 90. Д. 1. Л. 3 об.

³⁹⁶ «Крестьянин Васильев продал купцу Стрелину выделенный из собственно ему, Васильеву, принадлежащей дачи под названием второй части сельца Медвежьего, с деревней Брейями, пустопорожный участок земли, состоящей С.-Петербургской губернии, Лужского уезда, Красногорской волости, мерою 2 дес. 400 кв. саж., в границах: с одной стороны часть дачи усадьбы Медвежьего, владения продавца Васильева, и с другой стороны — наделом крестьян деревни Брей». (Там же. Л. 13 об.-14.)

³⁹⁷ Там же. Л. 7, 8 об.

³⁹⁸ Место понравилось и прихожанам, поскольку, по докладу благочинного Анатолия Остроумова, «они, несмотря на горячую уборочную рабочую пору, 28 июля оставили свои работы и вывезли по найму в один день к месту постройки свыше 12 куб. камня». (Там же. Л. 8 об.)

По рапорту благочинного, который присутствовал при освидетельствовании храма 5 мая вместе с причтом, церковным старостой, архитектором Марковниковым и почетными прихожанами, церковь была построена согласно утвержденному плану «из новых, прочных и вполне доброкачественных материалов». На средства купца также был устроен иконостас, престолы, иконы св. Николая Чудотворца и муч. Царицы Александры и «полный звон в 5 колоколов». Благочинный спрашивал Консисторию, «не признает ли епархиальное начальство справедливым ходатайствовать о награждении купца Стрелина орденом св. Анны 3-й степени...»³⁹⁹. И действительно, 15 июня 1899 г. строитель церкви купец Стрелин был награжден упомянутым орденом.

В память императора Александра II были построены две церкви. Первая — в Ямбургском уезде в с. Криуши во имя св. благ. вел. кн. Александра Невского⁴⁰⁰. Храм был устроен на средства прихожан, освящен в 1888 г. Вторая — в Лужском уезде в с. Видони. Деревянный храм также во имя Александра Невского был построен прихожанами села⁴⁰¹ и освящен в марте 1884 г. Вначале он был приписан к приходской церкви в Боротинском погосте⁴⁰². С присоединением двух деревень, Учно и Покровско, приход стал самостоятельным (в 1899 г. было 940 прихожан)⁴⁰³.

Таким образом, во второй половине XIX в. в трех уездах Петербургской епархии продолжался процесс организации новых приходов.

В *Ямбургском уезде* за исследуемый период образовалось 6 приходов: Коложицкий, Кракольский, Валговицкий, Хотнежский, Копанецкий, Криушский. Однако в 1857 г. произошло

---

³⁹⁹ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 90. Д. 1. Л. 25 об.

⁴⁰⁰ Посвящен Александру Невскому «в память мученической кончины имп. Александра II». (Памятная книга по С.-Петербургской епархии. СПб., 1899. С. 263.)

⁴⁰¹ Крестьяне относились к Ориенинбаумскому дворцовому правлению, в 1857 г. их насчитывалось 347 чел.

⁴⁰² Историко-статистические сведения... Т. 10. С. 493.

⁴⁰³ Памятная книга по С.-Петербургской епархии... С. 463.

объединение двух приходов — к Чирковицкой церкви была приписана Раскулицкая. Поэтому к концу XIX в. православных приходов в уезде насчитывалось 25. В отношении численности жителей по-прежнему большинство ямбургских приходов относились к средним (13 + 8), объединявшим от 1000 до 3000 прихожан (см. График 4).

График 4

Сравнение приходов по количеству прихожан
Ямбургского уезда (д. об. п.)

1850 г.		Конец XIX в.	
(1)	▲ св. 4000	■	(1)
(3)	▲▲▲ 3000-4000	■	(1)
(4)	▲▲▲▲ 2000-3000	■■■■■■■■	(8)
(8)	▲▲▲▲▲▲▲▲ 1000-2000	■■■■■■■■■■■■■■■■	(13)
(2)	▲▲ 700-1000	■■	(2)
(2)	▲▲ до 700		—
<hr/>		<hr/>	
20		25	

Несмотря на отчисления жителей от Сойкинского прихода, он оставался самым многочисленным (в 1899 г. — 6729 жит.) (см. Приложение 1. Ямбургский уезд, 1899 г.). Приходы в большинстве своем образовывались из деревень, находившихся на отдаленном расстоянии от своего приходского храма. Но к началу XX в. в целом по уезду проблема значительных расстояний все же не была решена.

В Лужском уезде образовалось 9 новых приходов — в селах Уторгощах, Смердях, Хвошне, Хредине, Зачеренье, Медвежьем и Видони. А также 3 прихода единоверческих — в селах Болотском, Кубасове и Соседне⁴⁰⁴. К началу XX в. их было уже 51.

⁴⁰⁴ Единоверческий приход в с. Кубасове был организован в 1843 г. по указу Псковской духовной консистории. В 1866 г. был перечислен в Петербургскую епархию. В 1885 г.

По численности прихожан, как и в середине XIX в., основная часть приходов была средними, то есть включали от 1000 до 3000 жителей (см. График 5).

График 5

**Сравнение приходов по количеству прихожан
в Лужском уезде (д. об. п.)**

	1850 г.		Конец XIX в.	
(4)	▲▲▲▲	св. 4000	■□	(2)
(3)	▲▲▲	3000–4000	■■■■■■■■■■	(9)
(12)	▲▲▲▲▲▲▲...▲▲	2000–3000	■■■■■■■■■■■■■■■■■■■■	(15)
(14)	▲▲▲▲▲▲▲...▲▲	1000–2000	■■■■■■■■■■■■■■■■■■■■... ■■■	(17)
(4)	▲▲▲▲	700–1000	■■■■■	(5)
(5)	▲▲▲▲▲	до 700	■■■	(3)
<hr/>			<hr/>	
	42			51

Однако в Лужском уезде значительно увеличилось количество многочисленных приходов, насчитывавших 3000–4000 прихожан (9 против 3). Организация новых приходов полностью не решила вопроса сокращения расстояния до церкви. По-прежнему 6–8 и более верст отделяли прихожан от храма, особенно на севере и северо-западе уезда.

В *Новоладожском уезде* во второй половине XIX в. появилось 13 новых приходов — в селах Верховины, Большой Остров, Волькове, Заречье, Черенцове, Хотове, Мемине, Пчеве, Веготе, Шолтолы и Заневе. В 1858 г. образовался новый единоверческий

от этого прихода было отделено несколько деревень при образовании нового также единоверческого прихода в с. Соседне. (Историко-статистические сведения... Т. 9. С. 506.)

Храм в с. Соседне «построен тщанием и иждивением прихожан», которых к концу века было 400 чел. (Памятная книга по С.-Петербургской епархии... С. 472.)

Церковь в с. Болотске построена в 1867 г. прихожанами, обратившимися из раскола. В 1884 г. прихожан было 422 чел. (Историко-статистические сведения... Т. 9. С. 466.)

приход в с. Петропавловском⁴⁰⁵. К концу XIX в. в уезде сохранились малолюдные приходы, где прихожан было до 1000 чел. (19 против 18 в середине века, немногим более трети от общего числа приходов) (см. График 6).

График 6

**Сравнение приходов по количеству прихожан
в Новолодожском уезде (д. об. п.)**

1851 г.		Конец XIX в.	
(1)	▲ св. 4000	■ (1)	(1)
(1)	▲ 3000–4000	■ (1)	(1)
(9)	▲▲▲▲▲▲▲▲ 2000–3000	■■■■■■■■ (7)	(7)
(17)	▲▲▲▲▲▲▲...▲▲▲ 1000–2000	■■■■■■■■■■■■...■■■■ (31)	(31)
(7)	▲▲▲▲▲▲▲ 700–1000	■■■■■■■■■■■■ (11)	(11)
(11)	▲▲▲▲▲▲▲▲ до 700	■■■■■■■■■■ (8)	(8)
<hr/>		<hr/>	
46		59	

В отношении остальных приходов можно сказать, что они были по количеству прихожан средними (1000–3000 чел.), за незначительным исключением двух многолюдных приходов. В отношении труднодоступности и дальности местонахождения приходского храма проблема оставалась для уезда к началу XX в. далеко не разрешенной.

В целом по трем уездам Петербургской епархии мы можем отметить следующие особенности. Процесс организации новых приходов проходил в русле официальной политики и имел соответствующие периоды: 1850–1869 гг., 1869–1881 гг., 1881–1900 гг.

На протяжении первого периода как духовные власти в лице епархиального епископа Агафангела и членов Духовной

⁴⁰⁵ С 1840-го по 1858 г. церковь была приписной к Гостинопольскому приходу. В 1858 г. «при содействии помещиков Миллера и Чичерина сделана единоверческою самостоятельной». (Историко-статистические сведения... Дополнения. С. 144.)

консистории, так и государственные структуры в лице управляющих Палатою Государственных имуществ и окружных начальников губернии имели возможность выходить с инициативой построения новых церквей и образования вокруг них приходов. Легитимность подобных инициатив, а также непосредственное руководство и контроль в деле осуществления проектов были обеспечены общероссийскими законоположениями и ведомственными указами и распоряжениями. В сфере полномочий епархиального духовного начальства и Губернского управления Государственных имуществ находилось не только принятие ключевых решений в вопросах организации приходов и строительства церквей, но и ведение материальными и денежными средствами⁴⁰⁶. В этот период, на наш взгляд, имеет значение тот факт, что инициатива духовных и государственных властей встречала со стороны прихожан «единодушное одобрение» по причине справедливо учтенных условий их приходской действительности (дальности расстояния, многолюдности прихода) и прежде всего давала возможность просить денежные пособия для строительства приходской церкви и домов для причта. Ведь суммы, которые предстояло потратить на строительство, были очень значительными — 2, 3, 5, 6, 12 и более тысяч руб. сер. Их не было в распоряжении крестьян. А выдававшиеся, например, со стороны Министерства Государственных имуществ ссуды в количестве 2–3 тыс. руб. (опять же при казенном лесе, исчислявшемся сотнями штук) как раз требовались для начального обустройства храма — возведения здания. Так, по контракту прихожан с мещанином г. Валдая Н. Терентьевым за возведение здания деревянной церкви в с. Хредине (фундамент, «плотничная, столярная, железная и малярная работы») ему следовало заплатить 1100 руб. сер.⁴⁰⁷ В эту стоимость не входили строительные материалы и их доставка. Поэтому прихожанам, особенно тем, кто строили храм самостоятельно, без пособия

---

⁴⁰⁶ Безусловно, Палата Государственных имуществ принимала участие в строительстве церквей и образовании новых приходов там, где прихожанами были государственные крестьяне, хотя бы частично.

⁴⁰⁷ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 50. Д. 109. Л. 55, 56.

от государства или пожертвований благотворителей, крайне важно было получить разрешение на вырубку казенного леса. Без него устройство приходской церкви могло отодвинуться еще на несколько лет, которые потребовались бы для сбора и накопления нескольких тысяч рублей серебром.

Дальнейшее «доведение» здания храма, его внутреннее убранство и приобретение необходимых для богослужения предметов почти повсеместно осуществлялось на средства, собранные от «доброхотных дателей». Следует отметить, что сбор пожертвований, необходимых для строительства и последующего обустройства церквей, по губернии и в Петербурге проходил по разрешению Консистории одновременно для нескольких церквей. Но мы не встретили в документах жалобы сборщиков, что кто-то из них остался совершенно без пожертвований. Конечно же, количество собранных средств зависело от умения или способности просителя расположить благотворителей к пожертвованию. (Пример священника А. П. Колоколова, который умел всегда находить необходимые, порой очень значительные средства на строительство церквей.) Именно на ежегодно приносимые сборщиками суммы (от 100 до 600 и более руб. сер.) достраивались и приводились в «благотворительный вид» сельские приходские церкви. Ведь долги «по церкви» за предоставленную ссуду и выполненные подрядчиками работы выплачивались прихожанами в течение многих лет после освящения храма. Также не редки были случаи передачи лишних, оставшихся «без всякого употребления» церковных принадлежностей из других церквей епархии в новые. Так, прихожане освященной в ноябре 1868 г. Преображенской церкви в с. Пчеве (Новоладожский уезд) в связи с «неуплатой еще многих долгов», которые числились на церкви, и «по бедности прихожан от постоянных неурожаев» не имели возможности «обзавестись многими церковными принадлежностями»⁴⁰⁸. В феврале следующего, 1869 г. вместе с причтом они просили Консисторию о разрешении «уступить в пользу

---

⁴⁰⁸ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 120. Д. 61. Л. 117.

Пчевской церкви» лампы, подсвечники, люстры и другие необходимые предметы Воскресенской Малоколамской церкви Петербурга⁴⁰⁹. Поэтому не случайно при рассмотрении возможности образования нового прихода учитывалось не только наличие необходимого количества прихожан, но и их материальное положение. Получалось, что «бедносостоятельные» прихожане, особенно при их небольшой численности, без «сторонних пособий» от благотворителей или казны не могли рассчитывать на обустройство самостоятельного прихода.

Собственно, процесс образования нового прихода и строительство церкви в этот период занимал значительное количество лет. Так, с момента возникновения инициативы построения церкви в с. Верховины до ее закладки прошло 12 лет, с 1858-го до 1870 г. На согласование всех условий и выполнение необходимых требований различных инстанций уходили годы. Особое влияние имели отмеченные современниками *обстоятельства неопределенности* как в положении крестьян и помещиков, так и дальнейшей судьбы земельной собственности в предреформенное время. Для устройства сельского прихода эти вопросы имели основополагающее значение.

Однако, по нашему мнению, в указанный период прихожане в деле строительства приходских храмов порой опережали решения Консистории. Последней приходилось *подстраиваться* как под исполнение собственно инициативы епископа Агафангела, так и в разрешении проводить прихожанам уже совершенные ими действия. Это видно на примерах приготовления и сбора необходимых для строительства храмов материалов. Еще не были выработаны условия обеспечения будущего причта, неизвестны источники финансирования строительства, а прихожане уже просили разрешить поскорее вывезти лес из казенных дач и выдать сборщику книжку для записи пожертвований.

Основным мероприятием второго периода (1869–1881), оказавшего влияние на жизнедеятельность православных

---

⁴⁰⁹ Перечисленные предметы употреблялись во временной Воскресенской церкви, но после постройки нового каменного храма оставались без употребления. (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 120. Д. 61. Л. 117..)

приходов, было осуществление «уравнения приходов» в соответствии с Положением от 16 апреля 1869 г. Следует отметить, что приходские священнослужители исследуемых уездов епархии в своих решениях на благочиннических съездах относительно составления новых расписаний приходов, особенно в первоначальном виде, проявили излишнее *усердие*. Исполняя предписания Духовной консистории, они готовы были «перекроить» свои приходы и значительно изменить как их состав, так и причтов. Однако у Духовной консистории нашлись собственные доводы, чтобы предлагаемые уездным духовенством, на наш взгляд, резкие перемены свести к минимуму. Целесообразность каждого предложения благочиннических съездов была проверена Консисторией буквально «с географической картой в руках». Учитывая мнения прихожан и просьбы причтов, Консистория пошла путем не сокращения количества приходов в уездах, а уменьшения состава их причтов. Поэтому все приходы были оставлены самостоятельными. Ведь реформа 1869 г. прежде всего имела в виду улучшение материального благосостояния причтов. Сокращение численности православного клира в границах уже существовавших приходов епархии, пусть и с незначительными изменениями (направленными скорее на улучшение условий *службы* духовенства), позволяло надеяться на увеличение достатка причтов. На тот период времени это было важное решение, поскольку приходы трех уездов Петербургской епархии не отличались малолюдностью и близким расстоянием к храму, а дальнейшее «расползание» территорий приходов и увеличение численности прихожан на одну церковь имели бы в будущем скорее негативные последствия, чем положительные, что, впрочем, и было в последствии отмечено современниками.

На протяжении третьего периода (1881–1900), когда было разрешено вновь восстанавливать самостоятельность приписных церквей и при необходимости организовывать новые приходы, мы не наблюдаем какого-либо значимого, сравнимого с первым периодом увеличения количества приходов в трех уездах епархии. Более того, Духовная консистория не спешит

с разрешением открывать новые приходы. Строительство новой церкви не означало, что будет немедленно открыт новый приход. Уже требовались не только гарантии обеспечить причт, а непереносимое выполнение необходимых условий. Церковь могла быть приписной, а богослужение и исполнение треб по желанию крестьян мог проводить приходской причт. Актуальным оставался вопрос поиска средств на строительство храма. Поскольку епархиальное начальство запретило обращаться прихожанам с просьбами о пособии на строительство, кроме выдачи сборных книжек, только при наличии благотворителя, готового непосредственно участвовать в построении церкви, или необходимой суммы можно было рассчитывать на возможность устройства храма.

К концу XIX в. в трех исследуемых уездах православных приходов было недостаточно. Жители, которые из-за дальности расстояния от храма и природных препятствий могли посещать церковь только 2-3 раза в год, оставались вне сферы влияния приходского священника.

Примечания к Главе 2

^a В этом и в последующих примерах мы пользуемся текстом Устава Духовных консисторий 1883 г. Если в статьях ранее принятого Устава 1841 г. и Устава 1883 г. в редакции будут несовпадения, то различия будут особо оговорены.

^b Село-Заболотская Преображенская церковь состояла в 1-м классе, по штату полагалось 2 священника, диакон, 2 дьячка, пономарь и просвирня, с жалованьем всем 810 руб. сер. в год. По клировой ведомости за 1857 г. в приходе было 2592 муж. и 2881 женск. пола душ. В том числе в деревнях: Конец Верховин — 23 м. и 20 ж. п., раскольников — 38 м. и 45 ж. п.; в Средней Верховине — 39 м. и 38 ж. п., раскольников — 28 м. и 88 ж. п.; в Верховине за рекой — 13 м. и 18 ж. п., раскольников 59 м. и 71 ж. п.; всего — православных 75 м. и 75 ж. п., раскольников 125 м. и 204 ж. п. (всего 419 чел.). Расстояние от приходской церкви — 13 и 14 верст. (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 50. Д. 137. Л. 3.)

^c В данном случае Духовная консистория руководствовалась несколькими статьями, которые были выписаны из Свода Законов.

«Ст. 1118. Палата Государственных имуществ наблюдает, чтоб церковные здания в казенных селениях содержимы были в приличном виде; чтоб приходское духовенство было уважаемо от крестьян и получало все определенное по закону на его содержание; чтоб спокойствие веры не было нарушено расколами и ересями.

Ст. 1119. Палата Государственных имуществ содействует духовенству и окружному начальству в приглашении прихожан и прочих благотворительных лиц к добровольным пожертвованиям для возобновления старых и построения новых церквей в местах, где сие представится необходимым. При недостаточности сих пожертвований, Палата ходатайствует пред начальством об оказании на сей предмет вспомоществования или об учреждении особого с крестьян по добровольному их согласию сбора». (Там же. Л. 33-33 об.)

^d Несмотря на то, что от Вороновской церкви были отчислены 490 д. м. п. и 545 д. ж. п., при ней оставалось еще 1480 муж. и 1546 жен. пола душ. Духовная консистория посчитала, что «при таком количестве прихожан и при значимости в этом приходе раскола» не представлялось «удобным и полезным для Церкви» производить сокращение штата, тем более «что к нормальному его составу» не доставало только 20 душ муж. пола. (Там же. Ф. 266. Оп. 1. Д. 535. Л. 32 об.)

^e Благочинный священник Ф. Добряков представил в Духовную консисторию результаты опроса 38 крестьян в возрасте от 30 до 101 (большинству было от 60 и более лет). Именно старики показывали, что в Хредине есть церковная земля. В отношении прихода они показали: «Желаем же мы, чтобы церковь была выстроена в Хредине потому, что мы тогда будем ближе к Храму Божию и будем иметь возможность неопустительно ходить в Праздники в церковь и при всякой случившейся надобности иметь поблизости священника. Касательно же содержания новому причту, то мы обязуемся ежегодно выдавать по полмеры ржи с женатого крестьянина и это пожертвование

с нашей стороны на содержание причту не будет нам в тягость». (Там же. ЦГИА СПб. ф. 19. Оп. 50. Д. 140. Л. 8.)

^f Только в мае 1863 г. из Межевой канцелярии Министерства юстиции (Москва) по запросу Духовной консистории пришло разъяснение относительно спорной земли. «Из доставленных писцовым архивом дел» выяснилось, что «пустопорожная церковная земля» по прошению, поданному в 1775 г. В. Г. Елагиным в Межевую канцелярию, в количестве 45 дес. была продана «в вечное и потомственное владение» за 90 руб. Церковная земля была «прикосновенна» к д. Хредино, которой владел Елагин (По закону 1776 г. церковные земли, которые «за опустением церквей» лежали впусе, следовало утверждать за бывшими владельцами. Если прежних собственников земли пустых погостов не было, а земля числилась по писцовым книгам, то такие пашни и угодья следовало «продавать смежным владельцами по постановленным ценам». ПСПиР. Т. 5. 1776. № 312. С. 363).

^g По указу 1865 г. (от 24 сентября) проекты церковных построек, разрешенные епархиальным архиереем, из Духовной консистории передавались в местные строительные отделения при Губернских правлениях с тем, «чтобы последние в случаях, превышающих предоставленную им власть по утверждению проектов, сами представляли таковые в подлежащее министерство, и по утверждению в оном возвращали в консисторию для исполнения». (ПСЗ. 2-е собр. Т. XL. № 42348. С. 381.)

^h По мнению комиссии, место для церкви не имело «законного расстояния от жилых построек», здание храма было слишком обширным для 543 прихожан обоего пола, а изобилие украшений «потребует значительных издержек». При этом указывалось, что приговор подписали только 12 домохозяев из 32, поэтому, при таких условиях и при отказе участвовать в строительстве крестьян Большого и Малого Елешкова, возведение церкви, «не будучи обеспечено местными способами и добровольными приношениями прихожан, едва может иметь надлежащий успех». (Ф. 19. Оп. 50. Д. 137. Л. 50, 51.)

ⁱ Согласно распоряжению Министерства Государственных имуществ от 16 января 1858 г. по взаимному соглашению Синода и министерства было признано «на будущее время, для удовлетворения нуждам Православных прихожан, лучше строить небольшие, но приличные святыне церковные здания, где могло бы с удобством совершаться богослужение и проповедаться слово Божие, и что, сообразно простому быту и понятиям прихожан, в постройках сих надлежит отстранить всякие излишние украшения, а конструкцию оных до того упростить, чтобы как первоначальное возведение, так и последующие починки могли быть исполнены местными мастерами и самими крестьянами». См.: Журнал Министерства Государственных имуществ. 1858. Январь и февраль. С. 35-36.

^j По признанию современников, он был «одним из замечательнейших отечественных пастырей наших XIX века... Частная его благотворительность была весьма широка. Им были выстроены церкви в с. Хотове, Верховинах, Куйвози, Помялове и Прусыне». Сын священника с. Прусыни (Новоладожский уезд) Алексей Петрович Колоколов после окончания семинарии в 1858 г. был рукоположен в сан священника

к Хотовской церкви (Новоладожский уезд). В 1872 г., «вследствие отношения ее императорского высочества, Евгении Максимилиановны, принцессы Ольденбургской и согласно своему прошению» епархиальным начальством был перемещен к церкви Георгиевской общины сестер милосердия, где и прослужил до последнего момента своей жизни» (1902 г.). См.: *Никодим (Кононов)*. Памяти протоиерея Алексея Петровича Колоколова. СПб., 1902. С. 3–5.

Община сестер милосердия св. Георгия была открыта в 1870 г. по инициативе графини Е. Н. Гейден и состояла под покровительством цесаревны Марии Федоровны. Своей целью община ставила бесплатный уход за больными и ранеными. В освященную в 1874 г. в присутствии императорской семьи церковь императрица Мария Федоровна пожертвовала иконостас. См.: Святыни Санкт-Петербурга: историко-церковная энциклопедия: в 3 т. СПб., 1994. С. 232.

^к Из рапорта священника А. Колоколова в сентябре 1873 г. (как председателя строительной комиссии): несмотря на указ Духовной консистории остановить постройку церкви (от 13 февраля 1870 г.), строительство храма началось в мае 1870 г. «по разрешению... Его Высокопреосвященства», которое последовало 29 апреля 1870 г. «Комиссия так спешила начать и произвести постройку церкви в селе Верховине и испросила на эту поспешность благословения высокопреосвященнейшего Владыки по той крайней необходимости, что тогда весь материал к постройке был готов... благодетели усердно желали немедленного начатия дела, и присланы были от них в апреле того 1870 года рабочие силы; и к тому же самые раскольники деревни Верховин, для обращения в Православие коих и строится церковь, искренно просили немедленно начатия постройки церкви». (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 58. Д. 26. Л. 117 об., 188.)

^л Освидетельствование места под церковь в д. Вольково происходило в августе 1858 г. при участии благочинного И. Велитского, волостного головы Трофимова, назначенного по распоряжению Новоладожского окружного начальника, а также присутствовавших — полицейского заседателя Павлова и представителя от прихожан крестьянина д. Вольково С. Ефимова. Выбранное крестьянами место «близ деревни в 30 сажнях, с полуденной стороны по дороге в деревню Черенецко» оказалось более других безопасным на случай пожара «и приличное и совершенно к сему способное». (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 15. Д. 15. Л. 16.)

^м Лес необходимо было вывести зимой. Однако лесничий 2-го Новоладожского лесничества через волостного заседателя Хохлова передал крестьянам отношение, в котором было «изъяснено, что Палата Государственных имуществ на основании 608-й ст. VIII т. Уст. Лесн. не иначе может отпустить лес... как по предписанию министерства Государственных имуществ, основанному на требовании Духовного ведомства». Поэтому прихожанам пришлось вновь обратиться в Духовную консисторию и Палату за разрешением отпустить казенный лес.

^н В нем говорилось, что крестьянин «уволен мною в разные города и селения Российской империи от нижеписанного числа на один год для сбора добровольного

пожертвования на построение церкви...», а также указывались его приметы: «лет 50, росту 2–6½ вер. (1 м 73 см), волосы на голове и бровях светлорусые, глаза карие, нос прямой, лицо чистое, особых примет не имеется. К сему присовокупляю, что означенный Иван Иванов под судом следствием не был». (Там же. ЦГИА СПб. Ф. 266. Оп. 1. Д. 535. Л. 28.)

° Священник в прошении к митрополиту Исидору писал, что обещанной прихожанами руги не было, «как потому что почва земли здесь песчана и малоплодна, так и потому что руга обещана, как говорят они сами, без ведома их... Квартиру и дрова и насущный кусок хлеба нам приходится приобретать или за деньги или просить у прихожан чуть не именем Христовым. Обеспечивать себя одними доходами без земли, без руги в деревне, в новом приходе, где приходится еще только приучать к исправлению треб, — говорим по опыту, — это невозможно. Если прибавить к этому, что у нас нет еще и храма, что мы служим в убогой часовне... то совершенно понятно будет наше бедственное положение». (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 122. Д. 180. Л. 79–79 об.)

° Е. Н. Игумнов в письме от 11 февраля 1874 г. на имя митрополита Исидора просил разрешить ему на основании доверенности прихожан Валговицкой церкви устроить две сборных кружки для сбора средств на строительство «в двух моих лавках, находящихся на Васильевском острове, первой — по 7-й линии в доме Шульц № 10, и второй по той же линии в доме Бецце № 26». (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 65. Д. 5. Л. 12.)

В феврале 1877 г. члену строительной комиссии торгующему крестьянину Рязанской губернии, Зарайского уезда, села Протасова Петру Харламову было разрешено Консistorией «в своей торговой лавке в С.-Петербурге по Невскому проспекту в доме Мальцева № 75/1» устроить кружку с надписью: «На устройство нового храма в селе Валговицах Ямбургского уезда». (Там же. Л. 108, 110.)

° Церковь была освящена только в 1872 г. При строительстве в 1867 г., когда храм уже «был подведен под крышу и выложен большой каменный купол... 29-го сентября купол обвалился... и северная стена здания дала во всю свою высоту большую трещину». Новые средства на строительство поступили от благотворителей: петербургских купцов, графини Е. Е. Ламберт. За строительством наблюдал профессор архитектуры М. А. Шурупов. «Кроме жертв материалом и работами прихожан, вся постройка стоила около 30 тыс. руб. сер.». Новая церковь, помещения для причта, устройство школы и попечительства были обязаны «главным образом усердию отца Ужинского». В течение 16 лет он «перенес множество трудов, забот и огорчений». Во время строительства храма священник с членами строительной комиссии «ходил по селу и под окнами крестьян становился на колени и кланялся в землю, прося крестьян съездить за материалом». (Историко-статистические сведения... Т. 9. С. 270–271.)

° Гражданский инженер Янковский Палаты Государственных имуществ Олонечкой губернии на подобную скоротечность заготовки материалов при отсутствии необходимого капитала на строительство церкви писал: «Эта заготовка продолжается лет шесть, и когда получается разрешение приступить к постройке церкви, половина

заготовленных материалов портится и оказывается негодною... Крестьяне затевают постройки церкви не по своим средствам, почему и приходится по одному и тому же поручению составлять несколько проектов и смет». По его предложению, «для пользы самих крестьян необходимо предварительно собрать на постройку» более половины необходимых средств, «а потом уже заботиться и о составлении проекта и сметы». (НАРК. Ф. 2. Оп. 50. Д. 4/29. Л. 14, 15.)

⁵ Из журнала Духовной консистории: «Принимая во внимание 1) что по силе ст. 985 ч. 1. т. X Зак. Гражд. церкви могут приобретать недвижимые имущества не иначе, как по особому на то каждый раз Высочайшему соизволению, 2) что на основании ст. 689 того же тома и части право на имущества по духовному ведомству, кроме существующих церквей и монастырей, могут приобретать Епархиальные начальства, Консистория определяет: войти от лица Его Высокопреосвященства с представлением в Св. Синод об исходатайствовании Высочайшего соизволения на укрепление, установленным в законе порядком, за С.-Петербургским Епархиальным начальством участка земли в количестве двух десятин, жертвуемого крестьянами деревни Малые Хотнежи под постройку церкви и причтового дома». (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 11. Д. 72. Л. 154 об.)

Глава 3. Уездные приходы: взаимоотношения причта и прихожан

3.1. Финансовые и материальные средства функционирования приходских храмов в Новолadoжском, Лужском и Ямбургском уездах

Прихожане и приходской священник составляют основу православного прихода, и изучение их функциональных связей имеет важное значение. Мы не ошибемся, если скажем, что для современных исследователей приходской жизни одним из аспектов существования приходского храма является вопрос его материального положения.

В рамках исследования поставленных задач мы также привлекли данные, которые содержатся в приходо-расходных книгах приходских церквей трех уездов. Главным критерием выбора того или иного комплекса документов служил фактор полноты содержания необходимых сведений по одной церкви за определенное количество лет. Нами выбраны следующие приходы: 1) Троицкой церкви в с. Редкине в Ямбургском уезде (в 40 верстах от г. Ямбурга, в 1850 г. — 3595 прихожан), приходные и расходные книги за 43 года¹; 2) церкви Тихвинской Божией Матери в с. Романшине в Лужском уезде (в 2 верстах от г. Луги, в 1876 г. — 970 прихожан), приходные и расходные книги за 24 года²; 3) церкви Собора Пресвятой Богородицы в с. Рогоже в Новолadoжском уезде (в 12 верстах от г. Новой Лadoги, в 1867 г. — 827 прихожан), приходные и расходные книги за 30 лет³.

В 1850–1860-х гг. приходные и расходные книги были рукописными. С начала 1870-х гг. денежные средства приходских церквей записывались в специальные книги. Они состояли из нескольких десятков «графопечатных листов», которые брошюровались и переплетались. В таком готовом виде (35×22 см) они отсылались в Духовную консисторию, где вновь прошивались прочным

---

¹ С 1848-го по 1877 г., 1883–1894 гг. и 1901 г. (ЦГИА СПб. Ф. 653. Оп. 1.)

² С 1877-го по 1900 г. (Там же. Ф. 869. Оп. 1.)

³ С 1871 г. по 1900 г. (Там же. Ф. 691. Оп. 1.)

шнуром. На последней странице концы шнура закреплялись сургучной печатью Санкт-Петербургской духовной консистории, затем подписывались одним из членов Консистории, после этого делалась запись о количестве «пронумерованных и шнурозапечатанных» листов. Причем книги прихода и расхода велись раздельно. Название книги писалось на первом листе: «КНИГА на записку расхода денежных сумм и капиталов С.-Петербургской епархии, Богородицкой церкви села Рогожи, Новоладожского уезда, на 1892-1894 гг., выданная из С.-Петербургской духовной консистории октября 12 дня, 1891 года»⁴. Здесь же ставили подписи член Консистории, секретарь и столоначальник.

3.1.1. Основные статьи дохода приходских церквей

Денежные средства, которые поступали в приходскую церковь, согласно Уставу ДК и другим ведомственным распоряжениям записывались в приходо-расходные книги. В конце года причт предоставлял благочинному перечневые ведомости о доходах и расходах церкви.

Церковные суммы составляли:

- а) кружечный и кошелевый сборы;
- б) доходы от продажи церковных свечей, включая доходы от освещения церкви при венчании браков, отпевании усопших и др., и от продажи восковых огарков;
- в) доходы от оброчных статей, то есть средства, которые поступали «от отдачи в наем» принадлежащих церкви домов⁵, лавок и проч.;
- г) суммы, «поступающие за отпускаемые из церкви катафалк, покров и подсвечники на время панихид и отпевания усопших» и доходы по кладбищам;
- е) денежные пожертвования в пользу церкви на украшение храма, «на неугасаемую лампаду» и другие церковные потребности, «согласно воле жертвователей»;

---

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 691. Оп. 1. Д. 21. Л. 1.

⁵ К упомянутым домам не относились те, которые принадлежали церкви и в них проживали члены причта.

ж) проценты с капиталов, которые были пожертвованы в пользу церкви;

з) пожертвования или вклады «с определенным назначением», например на проведение необходимого ремонта в храме или на постройку новой церкви⁶.

Денежные суммы, вырученные за проданные церковные восковые свечи⁷, составляли главный и основной доход церквей. Как мы уже упоминали, по указу 1808 г. розничная продажа свечей предоставлялась исключительно церквам. Однако в связи с проводившейся реформой духовного образования весь доход от продажи не оставался в распоряжении самих церквей, а централизованно поступал на имя Комиссии духовных училищ. Для нас важен тот факт, что отсылались отнюдь не все вырученные ежегодные суммы свечного дохода, а только чистая прибыль. Средства, которые требовались на покупку необходимого, известного каждому причту и церковному старосте количества церковных свечей для богослужения и треб, никто не отбирал⁸. Например, по отчетам причта Удосольской Михайловской церкви (Ямбургский уезд, 1491 прихожанин) о свечном доходе за 1859 г. видно, что в этом году было куплено для церкви 3 пуда свечей (49,14 кг), на что истрачено 90 руб. сер. (остаток от прошлого, 1858 г. составлял 7 фунтов (2,8 кг)). Эти 3 пуда были полностью проданы. Свечной доход составил 130 руб. 76 коп. сер., включая деньги за проданные огарки. Прибыль, которую следовало отчислить от церкви, составила 40 руб. 76 коп. сер.⁸ Здесь же карандашом священником Стефаном Смирницким были сделаны записи на следующий, 1860 г.: куплено также 3 пуда свечей, однако уже было потрачено 96 руб. сер., доход составил 138 руб. 42 коп. сер., отчисленная прибыль — 42 руб. 42 коп.⁹

⁶ Циркулярные указы Святейшего Правительствующего Синода, 1867–1900. 1876. № 9 С. 163–164.

⁷ Церковные свечи отличались от других тем, что должны были изготавливаться из чистого пчелиного воска без каких-либо примесей и длина свечи превышала ее толщину по окружности не менее 6 раз.

⁸ ЦГИА СПб. Ф. 654. Оп. 1. Д. 36. Л. 46 об.-47.

⁹ Там же.

В этот же период в Шижнемской Крестовоздвиженской церкви (Новоладожский уезд, 1055 прихожан) ежегодно продавалось 2 пуда 16 фунтов (22 фунта) церковных свечей, доход составлял в 1850 г. 90 руб. 65 коп. сер., в 1860 г. 110 руб. 79 коп. сер., отчислявшаяся прибыль — в 1850 г. 38 руб. 78 коп., в 1860 г. 44 руб. 33 коп. сер.¹⁰ Для сравнения, например, в соседней Олонецкой епархии в этот же период мы можем отметить подобную закономерность — на протяжении 14 лет, с 1853-го по 1868 г., количество проданных за год свечей и их остатков по приходским церквям 4-го благочиннического округа Олонецкого уезда почти не изменялось. Лишь в некоторых храмах разница в итоговых данных составляла от ½ до 3 фунтов свечей¹¹.

Увеличение сумм, которые были употреблены на покупку новых свечей (32 руб. за пуд вместо 30 руб. в 1859 г.), согласуется с подобными затратами по расходным книгам Редкинской церкви. С 1848 г. по начало 1860 г. приобреталось и продавалось примерно одинаковое количество церковных свечей — 3 пуда 5 (или 10) фунтов в год. Свечной доход составлял в 1848 г. 140 руб. 75 коп., в 1860 г. 178 руб. 97 коп. сер., а «прибылых» — в 1848 г. 76 руб. 40 коп., в 1860 г. 79 руб. 97 коп.¹² Но и затраты на покупку 1 пуда свечей возросли — в 1848 г. они составляли 20 руб. сер., а в 1860 г. — 31 руб. сер.¹³

На изменение сумм свечного дохода влияло несколько факторов: увеличение численности населения, удешевление денег (как замечал И. В. Преображенский, «в начале 40вых годов денег было меньше, и они были значительно дороже»¹⁴), а также увеличение стоимости 1 пуда свечей при покупке для церковных нужд (с 1865 г. — 32–34 руб.) и соответственно роста цен при продаже. Не последним фактором, влиявшим на общее количество проданных свечей, являлось

¹⁰ ЦГИА СПб. Ф. 1811. Оп. 1. Д. 19. Л. 9 об., 62.

¹¹ ГАРК. Ф. 702. Оп. 1. Д. 6/46. Л. 54 об.-55, 83 об.-84.

¹² ЦГИА СПб. Ф. 653. Оп. 1. Д. 15. Л. 7 об., 82.

¹³ Там же. Д. 18. Л. 3, 74.

¹⁴ Преображенский И. В. Отечественная церковь... С. 231.

материальное положение прихожан. В том же упомянутом выше приходе Редкинской церкви в 1840 г. после проверки свечных ведомостей было обнаружено, что в 1838 г. свечной доход уменьшился на 29 руб. 60 к., а в 1839 г. — на 68 руб. 45 коп. При этом Консистория обратила внимание, что продавалось «крайне скудное» количество свечей — «три пуда с фунтами через весь год». Приход насчитывал «душ обоего пола 3481»¹⁵. Местному благочинному было приказано, чтобы «впредь отнюдь не допускать до уменьшения свечной прибыли» под его личную ответственность. А для «исследования» допущенных причтом Редкинской церкви уменьшения свечной прибыли пригласить «благонадежного из соседних священников». Следствие, проведенное благочинным Ямбургского Екатерининского собора протоиереем Романовским и Опольской церкви священником Копьевым, показало, что уменьшение «прибылой суммы» в 1837 и 1838 гг., по ответам причта, произошло в связи с переменой «серебра старого чекана на новый с ущербом, противу принимаемой старостою цене, а также и уменьшением курса на серебро. К тому же в 1838-м и 39-м годах, противу 1837-го года уменьшилась несколькими фунтами и продажа свечей»¹⁶. На вопрос благочинного, «почему мало производится в продаже свечей» при таком большом приходе, священник Редкинской церкви Иоанн Иосифов объяснил, что прихожане проживали на расстоянии «в две стороны по 35-ти версте. Следовательно, и богомольцев, кроме великого поста», бывало в церкви мало, «а которые и приходят, то по бедности своей многие свечей не покупают, а иные, имея свое пчеловодство, свечи приносят с домов своих». Диакон Ефим Парвицкий также показал, что прихожане «противу прежних годов сделались в самом беднейшем положении», а из 3481 души «более 600 душ живут в разных городах по фабрикам»¹⁷. Церковный староста крестьянин Егор Силин добавил, что «в весеннее и осеннее время за розлитием рек

¹⁵ ЦГИА СПб. Ф 19. Оп. 32. Д. 209. Л. 2.

¹⁶ Там же. Л. 5.

¹⁷ Там же. Л. 6.

и болот не токмо дальние прихожане не приходят в церковь, но и ближние в то самое время мало посещают Храм Божий», причем далеко живущие прихожане «ходят в другие церкви». Озвученные причтом причины уменьшения свечной прибыли из-за изменения курса серебра Духовная консистория «нашла... что она была общюю для всех церквей», а другие посчитала «не уважительными потому, что они существовали и прежде 1837 и 1838 гг.». В своей резолюции Консистория предупредила причт Редкинской церкви, что если не будет восстановлена в 1840 г. свечная прибыль, то ущерб будет взыскиваться с причта и церковного старосты, «яко нерадеющих о точном и правильном выполнении сделанных верховным правительством постановления по сему предмету»¹⁸.

Таким образом, можно констатировать, что в давно сложившихся приходах годами объем свечной торговли, а следовательно, и доходов от нее подвергался минимальным изменениям. Поскольку свечной доход перечислялся на нужды духовного образования, а общие сборы со всей Петербургской епархии могли изменяться только в сторону увеличения, потеря даже незначительных сумм становилась объектом пристального внимания со стороны духовных властей^b.

С другой стороны, возникает вопрос: действительно ли правы исследователи, которые считают, что причиной упомянутых незначительных изменений служило сокрытие истинных доходов от свечной продажи с целью сохранения средств в приходской церкви? Ведь именно стабильность общих сумм и постепенное, хотя бы на несколько копеек, увеличение дохода вызывало меньше нареканий у начальства. А накопленные излишки «всплывали» либо в виде пожертвований от неизвестных лиц, либо переводились в кошельковые и кружечные суммы, которые, в свою очередь, по всем епархиям по десятилетиям постоянно увеличивались¹⁹.

Ни в Редкинской, ни в Удосольской церкви кружечный и кошельковые сборы не превышали свечные доходы. Свечной

¹⁸ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 32. Д. 209. Л. 11.

¹⁹ Римский С. В. Российская Церковь в эпоху великих реформ... С. 132, 133.

доход Удосольской церкви в 1854 г. составлял 110 руб. 10 коп., кружечный и кошелевый — 28 руб. 22 коп. сер.; в 1859 г. — 130 руб. 76 коп. и 51 руб. 09 коп. сер. соответственно, в 1860 г. — 138 руб. 42 коп. и 41 руб. 25 коп. сер.²⁰

Как показывают приходо-расходные книги Редкинской церкви за период 1848–1870 гг.²¹ доходы от продажи церковных свечей также был выше сборов в кошелек и кружки церкви. В 1850 г. свечной доход составлял 149 руб. 98 коп., кружечный и кошелевый — 58 руб. 32 коп. сер., в 1856 г. — 145 руб. и 62 руб. 81 коп. соответственно, в 1860 г. — 178 руб. 97 коп. и 74 руб. 14 коп. сер.²²

Кружечный и кошелевый сборы в упомянутой Шиженской церкви в 1851–1867 гг. ненамного, но превышали свечной сбор. Объяснение этому было простое — прихожане копили на новую церковь. Деревянный храм, построенный в 1741 г. «тщанием дворянина Семена Апрелева с приходскими людьми»²³, был холодным, и богослужение проводилось в неотапливаемом помещении. В 1812 г. был пристроен «теплый придел Тихвинской Божией Матери»²⁴. Численность прихожан увеличивалась — в конце XVIII в. насчитывалось 728 чел., к 1851 г. — 1055²⁵. О построении каменного храма прихожане задумались еще с 1825 г., поскольку с этого года на излишки средств от кружечного и кошелевого сборов покупались на имя церкви «билеты сохранной казны». С 1825-го по 1838 г. в билетах числилось 7500 руб. асс. (или 2142 руб. сер.)²⁶. К 1855 г. было еще накоплено 7548 руб. сер.²⁷ Отметим,

²⁰ ЦГИА СПб. Ф. 654. Оп. 1. Д. 36. Л. 34 об.-36, 45 об.-48.

²¹ То есть до указа от 15 января 1871 г. о замене свечного сбора процентным с трех основных статей дохода приходских церквей, а также до изменения состава приходов по новым расписаниям начала 1870-х гг.

²² Итоговые суммы были получены путем сложения по упомянутым статьям доходов за указанные года. (Там же. Ф. 653. Оп. 1. Д. 15.)

²³ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 113. Д. 1322. Л. 206

²⁴ Историко-статистические сведения... Т. 9. С. 320.

²⁵ См.: Приложение 1. Новолодожский уезд, Воздвиженская церковь, с. Шиженмы (№ 53).

²⁶ ЦГИА СПб. Ф. 1811. Оп. 1. Д. 19. Л. 10.

²⁷ Там же.

что сравнительно небольшой приход, состоявший из крестьян различных помещиков, обеспечивал хорошее содержание причта. По отзыву священника, в 1851 г. «содержание их было порядочно» — чрезвычайно редко встречающаяся в клировых ведомостях характеристика своего благосостояния²⁸. Поэтому не удивительно, что прихожане имели возможность на протяжении более четверти века ежегодно вносить сильные пожертвования. Эти суммы складывались отнюдь не сотнями рублей, а нередко — единицами. Так, в 1851 г. самым «доходным» месяцем был апрель (праздник Пасхи), в который было собрано 21 руб. кружечного и кошелькового сборов, свечной доход составил 19 руб. 01 коп. (было продано 20 фунтов свечей, то есть 8,18 кг); самым «скромным» был август — в кошелек и кружки поступило только 2 руб. 25 коп., свечного дохода — 5 руб. 10 коп.²⁹ В дополнение к церковным доходам ежегодно собиралось от 30 до 70 руб. от сдачи в аренду 23 принадлежащих церкви лавок во время Воздвиженской ярмарки, которая продолжалась 5 дней. Праздник Воздвижения честного и животворящего креста Господня (14 сентября по ст. ст.) считался «великим праздником», и этот день в России был выходным. Помимо этого, для Шижнемской церкви это был *престольный праздник*, поскольку церковь была освящена во имя Воздвижения креста Господня³⁰. Поэтому кошелькового и кружечного сбора в сентябре в 1851 г. было собрано 15 руб. 50 коп., от аренды лавок поступило 30 руб. 15 коп., от продажи свечей 15 руб.³¹ В целом свечной доход составил 87 руб. 95 коп., а пожертвования прихожан — 125 руб. 76 коп. (без арендных денег — 95 руб. 61 коп.). В дальнейшем разница между свечным и кошельковым доходами держалась примерно на том же уровне: 1852 г. — 92 руб. 11 коп. и 114 руб.

---

²⁸ Причт 5-го класса состоял из священника, дьячка и пономаря. (ЦГИА СПб. Ф. 1811. Оп. 113. Д. 1322. Л. 206 об.)

²⁹ Там же. Оп. 1. Д. 19. Л. 12, 14.

³⁰ Престольный праздник — день памяти события или святого, во имя которого сооружен храм, отмечали особо торжественно.

³¹ Там же. Л. 14 об.

59 коп.³² соответственно, 1853 г. — 88 руб. 25 коп. и 114 руб. 94 коп., 1854 г. — 86 руб. 30 коп. и 116 руб. 75 коп.³³

Разрешение на постройку нового каменного храма последовало от Духовной консистории в декабре 1859 г. На постройку церкви было затрачено 12 514 руб. 55 коп.³⁴ Основную часть денег составляли накопленные церковные средства, которые к освящению храма 5 ноября 1867 г. были полностью потрачены. Средства поступали по сборной книжке³⁵ и непосредственно от благотворителей, например 5000 руб. от помещицы В. М. Харламовой, 800 руб. на иконостас от купца В. Ф. Громова³⁶. Заметим, что среди записей о пожертвованиях на строительство церкви в течение нескольких лет только одна не называет фамилии жертвователей: в феврале 1867 г. «прихожане и некоторые посторонние лица пожертвовали на иконостас 476 руб. 79 коп.»³⁷. Причем они названы «посторонние», а не «неизвестные», что дает возможность предположить, что они лично вносили пожертвования и были знакомы причту или церковному старосте. В остальных случаях — сколько бы не передали, они были обязательно названы. Например, 100 руб. от купца П. А. Турыгина также на иконостас, от крестьянина Якова Давыдова и его сестры Агафьи 9 руб., государственного крестьянина Ивана Аксенова 300 руб.³⁸ Со стороны церковного

³² Кошельковый и кружечный сборы указываем без арендных денег. (ЦГИА СПб. Ф. 1811. Оп. 1. Д. 19. Л. 21.)

³³ Там же. Л. 26 об., 32.

³⁴ Историко-статистические сведения... Т. 9. С. 320.

³⁵ Сборщик Макар Петров в 1862-1863 гг. собрал 248 руб. (ЦГИА СПб. Ф. 1811. Оп. 1. Д. 19. Л. 77.)

³⁶ Историко-статистические сведения... С. 321.

Примечательно, что иконостас в церкви был устроен особый — «столярной работы, в 3 яруса» с витыми колоннами «с резными золочеными капителями и карнизам». (Там же. С. 320.)

За написание 21-й иконы художнику А. А. Чочлокову было заплачено 750 руб., мастеру И. Е. Бросину «за столярную и резьбную работы» по иконостасу выдано 250 руб., «позолотных дел мастеру А. И. Колесову» за позолоту иконостаса уплачено 100 руб. (ЦГИА СПб. Ф. 1811. Оп. 1. Л. 18, 148 об., 150, 155, 159.)

³⁷ Там же. Д. 19. Л. 98 об.

³⁸ Там же. Л. 78, 89, 101.

старосты П. Н. Румянцева поступило 100 руб. на иконостас. Более того, он отказался от жалованья, которое ему назначило общество («по 11 ½ коп. с души») «за каждый год текущего трехлетия», и передал в храм 46 руб. 63 коп.³⁹ Как мы уже говорили, с освящением церкви ее дальнейшее устройство могло продолжаться не один год. В 1870 г. прихожанин крестьянин Иван Алексеев пожертвовал на ограду вокруг церкви 100 руб.⁴⁰

С 1871 г. свечной сбор был заменен процентным сбором уже с трех статей церковных доходов — свечного, кружечного и кошелькового (21 %, с 1878 г. — 25 %). Повлияло ли изменение в системе отчислений доходов на соотношение свечного и кошелькового доходов? Действительно ли утайка необходимых на содержание приходской церкви средств происходила путем перевода части денег из статьи свечного дохода в кошельковый, поэтому после 1871 г. количество кошелькового сбора должно было резко уменьшиться? Как показывают отчеты благочинных трех округов Новоладожского уезда и одного округа Лужского уезда за 1866 г. в сравнении с ведомостями о приходе и расходе денежных сумм этих же приходских церквей в 1883 г., безусловно, повлияло. Однако мы также можем констатировать, что по имеющимся у нас сведениям это влияние было не однозначно. Новоладожский уезд: в благочинии священника Ф. Боголюбова (10 церквей) в 1866 г. кошельковый и кружечный сборы (далее — кошельковый) составил 2523 руб. 57 коп. сер.⁴¹; в 1883 г. — 1534 руб. 16. коп.⁴² Заметно снизились показатели доходов Веготской Аннинской церкви. В 1866 г. кружечный сбор

---

³⁹ За 1866 г. было собрано 28 руб. 10 коп., за 1867 г. — 18 руб. 53 коп. (ЦГИА СПб. Ф. 1811. Оп. 1. Д. 19. Л. 104 об.).

В 1896 г. передано 35 руб. (Там же. Л. 111 об.)

Факты назначения обществом жалованья за прохождение службы церковному старосте очень редки. На момент написания главы монографии это первый встретившийся автору в документах подобный случай.

⁴⁰ Там же. Л. 118.

⁴¹ Это был рапорт с представлением сведений, следующих к отчету г. обер-прокурора Св. Синода. (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 58. Д. 35. Л. 92 об.-93.)

⁴² Сумма составлена путем сложения указанной статьи дохода церковью благочиннического округа по ведомостям прихода и расхода денежных сумм. (Там же. Оп. 120. Д. 979.)

составлял 31 руб. 10 коп., а кошельковый — 82 руб. 62 коп. (113 руб. 72 коп.), в 1883 г. было пожертвовано от прихожан только 50 руб.⁴³ Веготский приход был организован в середине 1860-х гг. Но уже в 1872 г. четыре деревни были от него отчислены к соседнему Теребужскому приходу. В 1883 г. прихожан числилось 1421 чел., из них 652 чел. были раскольники-федосеевцы (45 % населения прихода). Сообщение жителей с церковью было затруднено⁴⁴. И если по началу образования прихода, вероятнее всего, основным жертвователем в церковный кошелок была устроительница храма княгиня Волконская, то к 1883 г., как писал священник А. К. Колумбов, «в праздники многие прихожане» посещали соседние ближайшие приходы, а в своей церкви у службы бывали только «около 10-ти человек»⁴⁵.

Кошельковый сбор Песоцкой Феодоровской церкви в 1866 г. был 180 руб. 99 коп., в 1883 г. — 68 руб. 26 коп.⁴⁶ То, что молящихся в праздничные дни в церкви было к 1883 г. только от 50 до 100 человек (из 1286 прихожан), причт объяснял близостью Новой Ладogi, куда в праздники крестьяне ездили на базар⁴⁷.

С 1861 г. в Николаевской церкви в с. Кобоне производили ремонт обветшавшего каменного храма. Из почти 3 тыс. необходимых по смете архитектора Шурупова средств было собрано: по книжке — 613 руб. 50 коп., а остальные — от церкви⁴⁸. Поэтому часть кружечного и кошелькового сбора, который в 1866 г. составил 689 руб. 29 коп.⁴⁹, могла быть пожертвована прихожанами с целью вложения их в переустройство храма. В 1883 г. этот сбор составлял 317 руб. 33 коп.⁵⁰

Строительство нового храма в с. Черном благотворно сказалоcь на доходах этой церкви. В 1866 г. кружечный и кошельковый

⁴³ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 120. Д. 979. Л. 93 об.; Там же. Оп. 58. Д. 35. Л. 92 об.-93.

⁴⁴ Приход находился среди лесов и болот. Деревни находились на расстоянии от 3 до 10 верст. (Историко-статистические сведения... Т. 9. С. 188.)

⁴⁵ Там же. С. 189.

⁴⁶ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 58. Д. 35. Л. 92 об.-93; Оп. 120. Д. 979. Л. 95 об.

⁴⁷ Историко-статистические сведения... Т. 9. С. 193.

⁴⁸ Там же. С. 183.

⁴⁹ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 58. Д. 35. Л. 92 об.-93.

⁵⁰ Там же. Оп. 120. Д. 979. Л. 87 об.

сборы простирались до 99 руб.⁵¹ К 1871 г. ветхая деревянная церковь, построенная еще в 1763 г., «угрожала падением», поэтому было разрешено строить новую. Каменный храм смогли выстроить благодаря участию митрополита Исидора, который лично осмотрел старую церковь в 1871 г. Он передал в распоряжение крестьян пожертвованные А. И. Касаткиным, директором русского строительного общества, 15 тыс. руб. сер.⁵² Храм был освящен в сентябре 1879 г. И хотя священник отзывался, что прихожане «храм посещают не усердно», в обыкновенные праздники бывало в церкви не более 50–60 чел., а в большие — до 400⁵³, однако пожертвования в кружку и кошелек храма в 1883 г. составили 157 руб. 65 коп.⁵⁴

Не было резкого уменьшения кошелековых доходов в Веролькой Николаевской церкви (1866 г. — 171 руб. 17 коп., 1883 г. — 203 руб. 40 коп.) и в Покровской церкви в с. Дубне (1866 г. — 230 руб. 85 коп., 1883 г. — 181 руб. 82 коп.)⁵⁵. Священник Троицкой церкви с. Василькова обращал внимание, что в его приходе храм посещали, кроме больших праздников, «очень немногие и больше женский пол»⁵⁶. Бедные крестьяне небольшого прихода (497 д. об. п.) едва могли «нанять сторожа и отапливать церковь», а собираемого в церкви до 250 руб. в год дохода едва хватало на приобретение «необходимых для богослужения предметов»⁵⁷. Поэтому несостоятельность прихожан отражалась на уменьшении кошелекового дохода церкви — в 1866 г. 165 руб. 05 коп., в 1883 г. 144 руб. 50 коп.⁵⁸

В благочинии священника С. Заборовского (17 церквей) в новых приходах кошелековые доходы увеличивались: в с. Пчеве с 235 руб. 55. коп. в 1866 г. до 290 руб. в 1883 г.; в церкви с. Островна

⁵¹ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 58. Д. 35. Л. 92 об.-93.

⁵² Вся постройка стоила 19 тыс. руб. (Историко-статистические сведения... Т. 9. С. 177.)

⁵³ Прихожан в 1883 г. числилось 873 чел., из них 130 — были раскольниками. (Там же. С. 181.)

⁵⁴ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 120. Д. 979. Л. 85 об.

⁵⁵ Там же. Л. 84 об., 89 об. Там же. Оп. 58. Д. 35. Л. 92 об.-93.

⁵⁶ Историко-статистические сведения... Т. 9. С. 201.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 58. Д. 35. Л. 92 об.-93; Там же. Оп. 120. Д. 979. Л. 101 об.

(Посадников остров) с 81 руб. 80 коп. до 134 руб. 05 коп. соответственно; в с. Черенцове со 101 руб. 56 коп. до 126 руб. 64 коп.⁵⁹ Строительство нового храма в с. Мемине заметно увеличило пожертвования прихожан и богомольцев, приезжавших поклониться иконе Божией Матери «Достойно есть» — со 102 руб. 05 коп. в 1866 г. до 307 руб. 15 коп. в 1883 г.⁶⁰

Одной из причин снижения кошелевского сбора в приходе Троицкой Помяловской церкви священник называл «не особенно усердное» посещение храма прихожанами. Из 1436 чел. (1883 г., из них 307 раскольников) в праздничные и воскресные дни в церкви было только до 100 чел., а «летом, по его словам, — хоть запирай церковь»⁶¹. Такое положение приводило к уменьшению упомянутых сборов — в 1883 г. пожертвования в кошелек и кружку церкви составили всего 56 руб. 24 коп. против 196 руб. 58 коп. в 1866 г.⁶²

Летом 1866 г. был освящен новый храм в с. Мыслове. Постройка стоила 3000 руб. Церковных денег на строительство было истрачено 300 руб., а остальные собрали «с прихожан раскладкою по ревизским душам»⁶³. Поэтому не удивительно, что кошелевский сбор в 1866 г. составил 404 руб. 04 коп. Со временем кошелевский сбор уменьшился (в 1883 г. 191 руб. 50 коп.⁶⁴), при этом от прихожан дополнительно собирался в пользу церкви ежегодный взнос в количестве 150 руб.⁶⁵

При сопоставлении кошелевских сборов Тигодской церкви (в 1866 г. 106 руб. 58 коп. и в 1883 г. 52 руб. 85 коп.⁶⁶), на наш взгляд, следует учитывать, что из 1870 прихожан (1883 г.) 1132 д. об. п. принадлежали к раскольникам-федосеевцам, жившим как вблизи церкви, так и в деревнях на расстоянии 10–20 верст от храма. На богослужении в праздничные и воскресные дни, по словам

⁵⁹ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 58. Д. 35. Л. 81 об.–82, 9 об., 15 об., 21 об.

⁶⁰ Там же. Л. 81 об.–82, 14 об.

⁶¹ Историко-статистические сведения... Т. 9. С. 236.

⁶² ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 120. Д. 979. Л. 17 об.; Там же. Оп. 58. Д. 35. Л. 81 об.–82.

⁶³ Историко-статистические сведения... Т. 9. С. 205.

⁶⁴ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 58. Д. 35. Л. 81 об.–82.; Там же. Оп. 120. Д. 979. Л. 22 об.

⁶⁵ Историко-статистические сведения... Т. 9. С. 207.

⁶⁶ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 58. Д. 35. Л. 81 об.–82; Там же. Оп. 120. Д. 979. Л. 11 об.

священника, бывало до 150 чел., а это только пятая часть православных прихожан⁶⁷.

В большинстве приходов благочиния протоиерея Новоладожского Николаевского собора И. Велитского (в 9 из 14) кошелевые суммы либо увеличились, либо очень незначительно уменьшились, например: в Рогожской церкви кошелековый доход составлял в 1866 г. 176 руб. 96 коп., в 1883 г. 170 руб. 30 коп.; в приходе с. Креницы в 1866 г. было собрано 101 руб. 07 коп., в 1883 г. 109 руб. 12 коп.⁶⁸ В сокращении пожертвований в кружку и кошелек Васильевской церкви Васильевского погоста с 210 руб. 07 коп. в 1866 г. до 51 руб. 45 коп.⁶⁹, возможно, не последнее значение имел тот факт, что жители небольшого прихода (457 чел. в 1867 г.) собирали средства на строительство нового каменного храма, который был освящен в 1871 г. и строился «на скопленный летами капитал, а частью на благотворительные суммы»⁷⁰. К началу 1880-х гг. все необходимое в приходской церкви имелось, а излишние средства опять же копились, чему свидетельствует наличие церковного капитала — в 1883 г. он составлял 900 руб., из которых 500 руб. были пожертвованы в 1883 г., и причтового — 1400 руб.⁷¹

В ведомостях за 1883 г. о приходе и расходе денежных сумм церковей этого же благочинного округа мы обнаружили еще одну особенность — доходы от продажи свечей могли быть меньше кошелековых сборов и затраты на покупку необходимого количества свечей также были меньше тех, которые шли на приобретение ладана, церковного красного вина, деревянного масла и муки для просфор. Так, в Михайловской церкви (Михайловский погост) свечной доход равнялся 89 руб. 97 коп., а кошелековый — 116 руб. 25 коп., на покупку свечей было истрачено 67 руб. 20 коп., а на перечисленные выше предметы 100 руб. 25 коп.⁷² Никольский Сяьский погост — свечной доход

⁶⁷ Историко-статистические сведения... Т. 9. С. 289, 290.

⁶⁸ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 58. Д. 35. Л. 81 об.-82; Там же. Оп. 120. Д. 979. Л. 57 об., 64 об.

⁶⁹ Там же; Там же. Л. 72 об.

⁷⁰ Памятная книга по С.-Петербургской епархии... С. 387.

⁷¹ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 120. Д. 979. Л. 73.

⁷² Там же. Л. 76 об., 77.

133 руб. 91 коп., кошельковый — 291 руб. 72 коп.; Рождественский Сяьский погост — 281 руб. 96 коп. и 383 руб. 98 коп. соответственно⁷³. Поэтому безоговорочное суждение о том, что утаенные средства до указа 1871 г. (в целях сохранения для церкви) от свечного дохода переходили в кошельковые суммы, а позднее были «возвращены» к свечным, требуют корректировки. Мы далеки от мысли об *идеализации* поступков причтов приходских церквей в отношении распоряжения ими церковными суммами, вырученными и собранными от основных статей церковных доходов. Однако мы против той укоренившейся унификации, которая не учитывает многообразия форм составления, накопления и употребления средств приходских церквей.

В Лужском уезде также были церкви, в которых в 1883 г. кошельковый сбор превышал свечной: в Успенской церкви в с. Городце доходы от продажи свечей составляли 197 руб. 30 коп., а кошельковый — 608 руб. 04 коп.; в Лубинском погосте — 182 руб. 25 коп. и 280 руб. 63 коп. соответственно; в Покровской церкви в с. Югостицах — 124 руб. 36 коп. и 172 руб. 96 коп.⁷⁴

В благочинии священника Ф. Добрякова этого же уезда уменьшение прихода Вшельского погоста произошло дважды: сначала к Уторгоцкой церкви было отчислено 962 чел., а затем к Болотской церкви — 495 чел. При этом оставшимися прихожанами (ок. 4500 чел.) строился новый каменный храм. К 1877 г. было истрачено 14 468 руб., включая кружечные сборы⁷⁵. Пожертвования прихожан в 1866 г. в церковные кружку и кошелек составили 301 руб. 88 коп. и 400 руб. 38 коп. (702 руб. 26 коп.)⁷⁶. Однако предстояло еще истратить до 10 тыс. рублей. Несмотря на обрушение главного купола строящегося храма, прихожане продолжали строительство в том числе и на суммы, которые они обязались собирать «по 5 р. с души и по 20 к. с каждого проданного берковца льна»⁷⁷. К 1882 г.

⁷³ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 120. Д. 979. Л. 2 об, 67 об.

⁷⁴ Там же. Д. 980. Л. 64 об., 110 об., 126 об.

⁷⁵ Историко-статистические сведения... Т. 9. С. 439.

⁷⁶ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 58. Д. 35. Л. 201 об.-202.

⁷⁷ Историко-статистические сведения... Т. 9. С. 439.

церковь «в черне» была окончена, но предстояла еще отдела церкви. Кошельковый сбор в 1883 г. уменьшился и равнялся 344 руб. 49 коп. Но церковных сумм в билетах было накоплено 2000 руб., каковых в 1866 г. не было⁷⁸.

В 6 приходах этого благочиния кошельковые средства к 1883 г. по сравнению с 1866 г. либо возросли (Модолицкая и Лубинская церкви), либо очень незначительно сократились — в Знаменской Горской церкви со 101 руб 97 коп. в 1866 г. до 98 руб. 40 коп. в 1883 г. или в Петровском погосте со 117 руб. 14 коп. до 97 руб. 25 коп.⁷⁹

Не оправдалась надежда причта и благотворителей в отношении образования нового прихода в с. Уторгощи. Если в период «доведения до благолепного вида» новой церкви пожертвования благотворителей и прихожан в 1866 г. составили 191 руб. 72 коп., то к 1883 г. жители прихода, не исключая ближайших деревень, по замечанию священника, «кажется совсем отвыкли от церкви» и в воскресные дни бывало до 100 человек (в 1883 г. 2113 прихожан)⁸⁰. Кошельковая сумма в 1883 г. была очень незначительной — 29 руб. 57 коп.⁸¹

Мы уже упоминали, что свечные доходы к 1883 г. могли быть по-прежнему меньше собираемых в кружку и кошеллек. А какова была вообще разница между этими основными статьями доходов приходской церкви по трем исследуемым уездам? В Лужском уезде менее чем в половине приходов (в 18 из 44) свечной доход превышал кошельковый в 2–6 раз. Так, в Бутковской церкви свечной доход составлял 206 руб. 52 коп., кошельковый — 73 руб. 70 коп.; в Зачеренской церкви — 158 руб. 10 коп. и 24 руб. 74 коп. соответственно⁸². В 11 приходах свечной доход превышал кошельковый в 1,2–1,9 раз. В 15 приходах кошельковый сбор был больше или уступал свечному на 10–50 руб., например: в Боротинском погосте кошельковый

⁷⁸ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 120. Д. 980. Л. 128 об.

⁷⁹ Там же. Оп. 58. Д. 35. Л. 201 об.-202.; Там же. Оп. 120. Д. 980. Л. 112 об., 116 об.

⁸⁰ Историко-статистические сведения... Т. 9. С. 447.

⁸¹ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 120. Д. 980. Л. 120 об.

⁸² Там же. Л. 52 об., 87 об.

сбор составлял 274 руб. 99 коп., свечной — 277 руб. 10 коп., в Модолицкой церкви — 126 руб. 01 коп. и 140 руб. 60 коп. соответственно⁸³.

В Ямбургском уезде из 17 приходов в том же 1883 г. в 7 свечной доход более чем в 2 раза превышал кошелековый: в Ратчинской церкви за проданные свечи выручено было 486 руб. 10 коп., а собрано в кошелек 160 руб. 65 коп.; в небольшом Ославском приходе — 165 руб. 27 коп. и 64 руб. 38 коп. соответственно⁸⁴. Вновь обращает на себя внимание новый приход. В данном уезде — Валговицкий. Как и в случае Уторгоцкого прихода (Лужский уезд), свечной сбор значительно превышал кошелековый — 472 руб. 78 коп. и 51 руб. 44 коп. Возможно, что причиной столь большой разницы в доходах новых приходов служило то обстоятельство, что прихожане «выложились» в материальном плане на многолетнее строительство и обустройство своей приходской церкви и считали, что в дальнейшем их лепта может ограничиваться скудным подаяниями в пользу храма. В 6 других приходах кошелековые сборы и пожертвования в пользу церкви (в некоторых документах они указаны отдельной строкой) превышали свечные сборы или были чуть меньше их. В Новопятницкой церкви кошелековый сбор и пожертвования составляли 468 руб. 86 коп., а свечной доход — 205 руб. 49 коп.; в Котловской церкви — 199 руб. и 227 руб. 20 коп. соответственно⁸⁵. Сбор значительных пожертвований в Ильешском приходе осуществлялся благодаря иконе св. велмч. Параскевы, нареченной Пятницы, считавшейся чудотворной. В праздник 20 июля стекались в храм тысячи богомольцев. В 1883 г. сбор в церковные кружку и кошелек, а также пожертвования в пользу церкви доходили до 2043 руб. 85 коп., а церковной суммы «в билетах» к этому времени было накоплено 12 556 руб. 89 коп.⁸⁶ В остальных 4 приходах разница между свечным и кошелековым доходами не превышала 1,4–1,9 раз.

⁸³ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 120. Д. 980. Л. 41 об., 135 об.

⁸⁴ Там же. Д. 975. Л. 17 об., 27 об.

⁸⁵ Там же. Л. 36 об., 41 об.

⁸⁶ Там же. Л. 8 об.

В Новолadoжском уезде в большей половине приходов (в 35 из 55) кошельковый сбор превышал свечной либо незначительно (8–30 руб.) уступал ему. Причем основная часть таких приходов была расположена вдоль крупных рек уезда — Волхова, Сяси, а также каналов при Лadoжском озере, что предоставляло дополнительную возможность включения пожертвований от посторонних лиц. Например, в Успенской церкви Сяьского погоста (1023 прихожан), расположенной при впадении р. Сяси в Лadoжское озеро, а также при Сяьском и Свирском каналах, кошельковый сбор и пожертвования составил 909 руб. 78 коп., свечной — 460 руб. 95 коп.⁸⁷ При таком же количестве прихожан в отдаленном Городецком приходе (1094 чел.) пожертвования прихожан не превысили 43 руб. 17 коп., свечной доход — 146 руб. 53 коп.⁸⁸

В 7 приходах свечной доход превышал кошельковый в 2–3 раза. Например, в Теребужском приходе от продажи свечей было выручено 313 руб. 80 коп., а в кошелек собрано 182 руб. 32 коп.⁸⁹ В остальных приходах в 1,2–1,8 раз больше.

При рассмотрении приходо-расходных книг упомянутых трех уездных церквей за период 1870-х — 1900 г. выявлены следующие показатели в отношении свечного дохода и кошелькового сбора. В Редкинской церкви (Ямбургский уезд) свечной доход составлял с 1871-го по 1876 г. примерно одинаковую сумму — 308 руб., при этом в год покупалось 7 или чуть менее пудов (6 пуд. 33 фунтов) церковных свечей по 32 руб. за пуд; кошельковые сборы в этот же период составили в 1871 г. 126 руб. 59 коп., в 1876 г. 184 руб. (плюс пожертвования на предстоящий ремонт церкви: от прихожан — 560 руб., по сборной книжке — 125 руб.)⁹⁰. К концу 1880-х — началу 1890-х гг. разница в доходах становится существенной: в 1883 г. свечной доход 481 руб. 97 коп., в 1886 г. — 867 руб. 44 коп., ежегодно приобреталось уже от 8 до 11 пудов свечей по цене 28–30 руб. за пуд.

⁸⁷ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 120. Д. 975. Л. 60 об.

⁸⁸ Там же. Л. 1 об.

⁸⁹ Там же. Л. 97 об.

⁹⁰ Там же. Ф. 653. Оп. 1. Д. 16. Л. 59, 92 об.

Кошельковый сбор в 1883–1886 гг. был 140–150 руб., в 1888 г. — только 76 руб.⁹¹ В 1894 г. было 756 руб. 28 коп. свечного дохода и только 88 руб. 44 коп. кошелькового⁹².

Подобная ситуация складывалась в Романшинской церкви (Лужский уезд). В 1878 г. свечной доход был 106 руб. 45 коп., кошельковый — 98 руб., приобреталось в год на небольшой приход (970 д. об. п. в 1876 г.) 2 пуда свечей. С присоединением прихода Заозерской церкви доходы увеличились: в 1879 г. свечной составил 204 руб. 59 коп. (3 пуда), а кружечный — 191 руб. 48 коп.⁹³, в 1885 г. — 167 руб. 41 коп. (3 пуда 10 фунтов) и 54 руб. 10 коп. соответственно, в 1893 г. — 253 руб. 71 коп. за свечи (5 пудов), 71 руб. 03 коп. пожертвовано в церковный кошелек; в 1899 г. — 487 руб. 77 коп. (6 пудов 5 фунтов) и 122 руб. 20 коп. соответственно⁹⁴.

В Рогожской церкви (Новоладожский уезд) ситуация поначалу складывалась иначе. В течение десятилетия (1871–1880 гг.), как мы уже выше отмечали, удобное положение села приносило больше доходов в храмовую кружку и кошелек. Так, в 1873 г. свечной доход составил 275 руб. (5 пудов), кошельковый — 323 руб. 40 коп.; в 1880 г. — 373 руб. 84 коп. и 405 руб. 80 коп. соответственно⁹⁵. С начала 1880-х гг. и далее в 1890-е гг. положение меняется. В 1885 г. свечной доход составил 462 руб. 40 коп. (куплено 7 пудов 4 фунтов), кошельковый — 129 руб. 60 коп.; в 1899 г. — 748 руб. 97 коп. (куплено 11 пудов 20 фунтов) и 61 руб. 67 коп. соответственно⁹⁶.

По нашему мнению, в период 1870-х — 1900 гг. такая тенденция могла происходить под влиянием причин экономического характера. Поскольку подавляющая часть прихожан исследуемых приходов трех уездов Петербургской епархии были крестьянского сословия, финансовая и экономическая политика, проводимая правительством в аграрной России, не могла не отразиться на их

⁹¹ ЦГИА СПб. Ф. 653. Оп. 1. Д. 31. Л. 15 об.-16, 30 об.-31, 46 об.-47; Д. 48. Л. 48 об.-49.

⁹² Там же. Д. 23. Л. 51 об.

⁹³ Там же. Ф. 869. Оп. 1. Д. 74. Л. 19 об.-20, 32 об.-33.

⁹⁴ Там же. Д. 82. Л. 32 об.-33; Д. 92. Л. 26 об.-27; Д. 100. Л. 54 об.-55.

⁹⁵ Там же. Ф. 691. Оп. 1. Л. 44; Д. 11. Л. 14 об.-15.

⁹⁶ Там же. Д. 14. Л. 47; Д. 24. Л. 28 об.-29.

жизни и благосостояния. Материальное положение православной приходской церкви, особенно сельской, напрямую зависело не только от желания прихожан жертвовать средства в ее пользу, но и от их собственных материальных возможностей. Девальвация рубля^с, рост цен^д, влияние продолжавшегося отставания в развитии аграрного сектора на торговлю и промышленность^е, снижение доходов и размеров оплаты труда населения не способствовали накоплению свободных средств. Посещение приходской церкви требовало пусть небольших, но все же затрат — на свечу, в церковный кошелек, на молебн о здравии и др. Из количества оставленных в храме копеек составлялся церковный капитал. Один из корреспондентов Этнографического бюро кн. В. Н. Тенишева так описывает процедуру сбора подаяний: «С блюдом по церкви староста ходит во время пения Символа веры. Как только он пройдет с блюдом в алтарь за благословением священника, мужчины отворачивают правую полу, вынимают кошельки из кармана штанов, а женщины разворачивают платки, которые держали в правой руке. Староста идет с блюдом и постоянно твердит: „пожертвуйте, православные, ради праздничка Господня!“ Где староста проходит, слышно: „копеечку сдачи“ (значит, положено 2 к.), „две копеечки сдачи“ (положено 3 к.), „4 коп. сдачи“ (положено 5 к.). Каждый кладет копейку, так что по количеству собранных старостой копеек можно судить, сколько взрослых людей было у обедни»⁹⁷.

В указанный период также произошло изменение в свечной торговле. Как мы уже говорили, рост населения прихода влиял на возрастание потребности в количестве церковных свечей и отчасти на возвышение свечных доходов. Но был еще один аспект — увеличение (или снижение) покупной стоимости самих свечей и, следовательно, затрат на их приобретение. Приходо-расходные книги трех исследуемых церквей свидетельствуют, что в течение исследуемого времени причт и староста покупали свечи у тех продавцов, цены у которых были ниже и которые предоставляли определенные скидки. Так, на нужды

---

⁹⁷ Архив ГЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 809. Л. 18 об.

Рогожской церкви церковный староста покупал свечи с 1871 г. не в расположенном рядом г. Новой Ладоге (13 верст), а в Петербурге (175 верст) «в лавке А. Н. Виноградова»; в 1872-1879 гг. закупка производилась также и «в лавке Попова» по 33 руб. за пуд⁹⁸; в 1880-х г. цена снизилась до 30 руб. за пуд. Но причт воспользовался возможностью купить в январе 1883 г. 5 пудов свечей по более низкой цене «у торгующих крестьян Вельсегонского уезда братьев Смородиных» по 27 руб. за пуд. По этой же цене в апреле «у Виноградова» было приобретено еще 2 пуда. Однако братья Смородины «в Успенскую ярмарку в Новой Ладоге» (август) уступили церкви 5 пудов свечей уже по 25 руб. за пуд.⁹⁹ Та же ситуация повторилась и в 1884 г. В лавке Виноградова продолжали покупать свечи еще и потому, что здесь же у церкви приобретались огарки от свечей, так как у купца Виноградова в Петербурге был собственный завод. Вырученные от огарков деньги засчитывались в счет общей суммы (в этом случае надо было только доплатить необходимый остаток). Помимо мелких свечей в лавке Виноградова покупались «люстренные свечи», деревянное масло и ладан¹⁰⁰. В последующие годы цена оставалась та же — 28-30 руб. за пуд. В марте 1889 г. староста приобрел 1 пуд свечей по 23 руб. «у торговца Тверской губ. Юрасова»¹⁰¹. В начале 1890-х г. свечи приобретали также в Петербурге у купца В. М. Максимова¹⁰² по 26 руб. за пуд. Цены изменились в 1893 г. с началом функционирования епархиального свечного завода. Церковные свечи должны были покупаться только с его склада¹⁰³. По счетам свечного завода,

⁹⁸ ЦГИА СПб. Ф. 691. Оп. 1. Д. 7. Л. 2, 11 об.

⁹⁹ Там же. Д. 12. Л. 32 об.-33; Д. 13. Л. 1 об.-2, 5 об.-6, 10 об.-11.

¹⁰⁰ Там же. Д. 13. Л. 26 об.-27.

С 1885 г. формулировка меняется «куплено у С.-Петербургского купца Виноградова», так как на счете от 27 августа уже вписано: «г. Новая Ладога», где, видимо, открылась лавка купца. (Там же. Л. 40-а.)

¹⁰¹ Там же. Д. 18. Л. 2 об.-3.

¹⁰² Адрес на счете (апрель 1893 г.): «угол Садовой и Апраксина пер., д 32-1. Лавка № 11».

¹⁰³ Адрес на счете от 7 марта 1895 г.: «С.-Петербург, угол Гороховой и Садовой, д. Воденикова № 38». Адрес завода: «Петербург, Лиговская ул., д. Крестовоздвиженской церкви № 124-126». (Там же. Д. 19. Л. 2.)

которые подтверждали («очищали») расходы церковных сумм и сохранялись в книгах, следовало, что в 1895 г. было приобретено 10 пудов свечей белого воска и затраты составили 320 руб. Из них по 1 пуду свечей «2-х коп.»¹⁰⁴, «3-х коп.», 20-, 50-коп. и 1 руб.; по 2 пуда «5-ти коп.» и «10-ти», 10 фунтов «30-ти коп.» и 30 фунтов люстровых¹⁰⁵. В последующие годы свечи по 2 коп., а также дорогие по 50 коп. и 1 руб. исчезают, а основная масса из потребных 8–11 пудов приобретает для продажи по 3, 5, 10 коп.

Если сравнить соотношение ежегодного свечного дохода с затратами на приобретение церковных свечей с момента работы епархиального свечного дохода (и удорожания для церкви 1 пуда свечей), то получится, что в 1894–1899 гг. для Рогожской церкви общая сумма упомянутого дохода превосходила в 2–2,3 раза потраченные на свечи средства¹⁰⁶. Эти же цифры повторяются, например, в 1890 и 1892 гг., когда свечи приобретались церковью по цене 24 или 26 руб. за пуд у петербургских и новолadoжских купцов¹⁰⁷.

Для Романшинской церкви (Лужский уезд) в 1877–1878 гг. свечи приобретались «в лавке Усачевых» в г. Луге (10 верст от церкви) по 32 руб. за пуд. В 1880 г. формулировка записи в книге расходов изменилась: «В Лугский Екатерининский собор за ½ пуда восковых свечей уплачено 15 руб.»¹⁰⁸. Дело в том, что купец Н. Усачев с этого года становится церковным старостой Лужского собора. Для Романшинской церкви покупка свечей при соборе становится даже дешевле — уже 30 руб. за пуд (28 руб. в 1886 г.)¹⁰⁹. Поскольку ежемесячные средства, собиравшиеся в храме, составляли незначительные суммы — 10–28 руб.,

---

¹⁰⁴ В счете свечного завода стоимость 1 свечи стояла в графе «сорт свеч». (ЦГИА СПб. Ф. 691. Оп. 1. Д. 20. Л. 2.)

¹⁰⁵ Там же. Л. 6-а, 10-а.

¹⁰⁶ 1894 г. — свечной доход 621 р. 25 к., расход 260 р.; 1895 г. — 643 р. 51 к. и 320 р. соответственно; 1898 г. — 653 р. 28 к. и 280 р. (Там же. Д. 19. Л. 14 об.-15; Д. 20. Л. 41 об.-42; Д. 21. Л. 40 об.-41; Д. 22. Л. 12 об.-13; Д. 23. Л. 15 об.-16; Д. 24. Л. 14 об.-15.)

¹⁰⁷ Там же. Д. 17, 18, 20.

¹⁰⁸ Там же. Ф. 869. Оп. 1. Д. 79. Л. 1 об.-2.

¹⁰⁹ Там же. Д. 87. Л. 1 об.-2.

необходимые 2–3 пуда свечей покупались 5–7 раз в год по ½ пуда, в отличии, например, от упомянутой выше Рогожской церкви, где покупка восковых свечей происходила 2–3 раза в год на сумму до 200 руб. за один раз¹¹⁰.

До открытия епархиального завода традиция покупки свечей для Романшинской церкви в Екатерининском соборе сохранилась. Цена за пуд в 1887–1890 гг. была 26 руб., в последующие годы вплоть до мая 1893 г. — по 24 руб. А в феврале 1894 г. пришлось уже перечислять, как и всем церквям епархии, по расписке со склада завода 32 руб.¹¹¹ Общее количество продаваемых свечей с 2 пудов в 1878 г. постепенно возросло до 5 пудов к концу века. Соотношение же общей свечной суммы, поступавшей ежегодно в церковь, относительно потраченных средств на тот же предмет составляло 1,6–2,5 раз. Так, в 1880 г. свечной сбор составил 271 руб. 89 коп., а затраты — 90 руб.; в 1885 г. — 167 руб. 41 коп. и 97 руб. 50 коп. соответственно, в 1890 г. — 155 руб. 58 коп. и 92 руб. 50 коп., в 1899 г. — 487 руб. 77 коп. и 201 руб. 18 коп.¹¹² В отношении «сорта свечей» по счетам епархиального завода за 1900 г. значится, что в Романшинскую церковь приобретались свечи для продажи прихожанам по 3 коп. (2 пуда 5 фунтов), 5 коп. (1 пуд 10 фунтов) и 10 коп. (2 пуда 10 фунтов)¹¹³. Покупка необходимого количества свечей в течение указанного года произошла 5 раз, причем в 3 случаях в счет суммы платежей входили свечные огарки, которые завод покупал у церкви по 22 руб. за пуд. В январе 1900 г. было сдано огарков 2 пуда 2 фунта на сумму 45 руб. 10 коп. А за покупку 1 пуда 30 фунтов свечей (56 руб.), включая 10 фунтов люстровых, и 1 пуда деревянного масла (11 руб.) требовалось заплатить

¹¹⁰ Синод в 1860 г. подтверждал указ от 14 ноября 1810 г., что запас «воска и свечей» при столичных церквях не должен был превышать «более шестой части» годовой пропорции, а в церквях уездных и сельских «третьей части». (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 120. Д. 56. Л. 150 об.-151.)

¹¹¹ Там же. Ф. 869. Оп. 1. Д. 93. Л. 28 об.-29.

¹¹² Ф. 869. Оп. 1. Д. 78. Л. 12 об.-13; Д. 79. Л. 12 об.-13; Д. 82. Л. 33 об.-34; Д. 83. Л. 32 об.-33; Д. 88. Л. 25 об.-26; Д. 89. Л. 18 об.-19; Д. 100. Л. 54 об.-55; Д. 101. Л. 33 об.-34.

¹¹³ Там же. Д. 100.

67 руб. Однако наличной суммы потребовалось внести только 21 руб. 90 коп.¹¹⁴, что для небогатой Романшинской церкви было выгодно.

Причт Редкинской церкви (Ямбургский уезд, 140 верст от Петербурга) в 1870-х гг. также приобретал свечи в лавке петербургского купца А. Н. Виноградова по 33 руб. за пуд¹. С 1886 г. свечи 2–3 раза в год покупали в лавке братьев Мачихиных¹¹⁵. Туда же отдавались огарки, например в марте 1889 г. 30 ½ фунта (по 23 руб./пуд) на 17 руб. 54 коп.¹¹⁶ Остаток наличными, который следовало доплатить за проданные 3 пуда 25 фунтов «свечей белого воска» (по 28 руб./пуд, 101 руб. 50 коп.) и свечей для люстры (на 5 руб. 25 коп.), исчислялся 89 руб. 21 коп. Долг церкви не нужно было везти в Петербург, поскольку «на означенную сумму» был сделан перевод¹¹⁷. С декабря 1889 г. цена одного пуда в магазине Мачихиных составил уже 32 руб.¹¹⁸, поэтому переход на торговые операции с епархиальным свечным заводом с 1893 г. не повлек за собой увеличения расходов на приобретение свечей, как у Романшинской церкви.

По сравнению с 1870-ми гг., когда на Редкинский приход покупалось 7 пудов церковных свечей, в 1880-х — начале 1890-х гг. их приобреталось в среднем 8 пудов (бывали года и 9–11 пудов). Повышение цен, рост населения (в 1883 г. 3816 д. об. п.)¹¹⁹ способствовали постепенному увеличению свечного дохода. Так, в 1883 г. свечной доход составлял 481 руб. 79 коп., расходы на свечи — 256 руб. (кошелекoвый сбор — 141 руб. 19 коп.); в 1885 г. — 533 руб. 47 коп., расходы — 320 руб. (кошелекoвый сбор — 159 руб. 76 коп.), в 1888 г. — 867 руб. 44 коп., расходы — 254 руб.

¹¹⁴ ЦГИА СПб. Ф. 869. Оп. 1. Д. 100. Л. 36, 38.

¹¹⁵ В период с 1857-го по 1877 г. свечи покупались там же. С 1888 г. счета приходили из магазина «М. П. Мачихиной с сыном», адрес: угол Большой Садовой и Гороховой, д. Ольсона № 36. (Там же. Ф. 653. Оп. 1. Д. 22. Л. 4-а.)

¹¹⁶ Там же. Л. 4-б.

¹¹⁷ Там же. Л. 4-б.

¹¹⁸ Там же. Л. 14 об.-15.

¹¹⁹ Только в 1896 г. с образованием нового прихода в Хотнежах были отчислены дальние деревни Редкинского прихода.

50 коп. (кошельковый сбор — 76 руб.), в 1893 г. — 875 руб. 49 коп. (кошельковый сбор — 90 руб. 79 коп.)¹²⁰.

Столь подробное рассмотрение нами фактов формирования основных статей доходов приходских церквей и их изменения продиктовано тем, что исследователи, часто ссылаясь на данные, опубликованные И. В. Преображенским¹²¹ или извлеченные из всеподданейших докладов обер-прокурора Синода, используются для обозначения общих тенденций, протекавших внутри Православной Церкви. А разъяснение причин, влиявших на увеличение или уменьшение сумм как свечного дохода, так и сбора пожертвований, оставалось в стороне.

К концу века, на наш взгляд, сложилась такая ситуация, что крестьянин-прихожанин под влиянием упомянутых экономических причин при каждом посещении приходской церкви решал вопрос: на что следует потратить имевшиеся скромные средства? И получалось, что удорожание каких-либо предметов (свечей или листов разрешительной молитвы^е), необходимых при исполнении богослужения и треб, не оставляло им возможности сделать пожертвования на храм. В конце XIX в. корреспондент Этнографического бюро, живший в д. Максимова Гора соседнего Тихвинского уезда (Новгородской губернии), писал, в частности, о расходах зажиточной крестьянской семьи из 9 душ на церковь: «...когда говеют поочереди, тогда по 10 коп. каждый расходует — священнику 3 коп. за исповедь, дьячку за писанья 1 коп., на свечку 5 коп. и на блюдо 1 коп. ...В вербное воскресенье 5-ти человекам по свечке в руки 10-ти коп. и 3 коп. на свечку Богу» — всего истрачено было 1 руб. 43 коп.¹²² Таким образом, в первом случае из 90 коп., оставленных в храме, 36 коп. было отдано причту, 45 коп. потрачено на свечи и только 9 пожертвовано на блюдо (каждый член семьи положил по копеечке). А в Вербное воскресенье все 53 коп. на свечи. На свечи же на Страстной неделе ими истрачено 25 коп., «на Светлое

¹²⁰ ЦГИА СПб. Ф. 653. Оп. 1. Д. 20. Л. 16 об.-17, 50 об.-51; Д. 21. Л. 58 об.-59; Д. 23. Л. 36 об.-37; Д. 31. Л. 15 об.-16, 46 об.-47.

¹²¹ Преображенский И. В. Отечественная церковь...

¹²² Архив ГЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 747. Л. 1.

воскресенье на свечи и домой для икон и священнику и на блюдо 37 коп.», в праздник Николаю Чудотворцу (9 мая) заплачено священнику за крестный ход 25 коп., в июне «жене на богомолье» было дано 60 коп., в июле «на свечи в церкви и блюдо» 11 коп.¹²³ Там же семьей бедного крестьянина (муж, жена и пятеро детей), по сведениям корреспондента, в течение года в пользу храма пожертвовано еще меньше: «о Страстной и в церкви истрачено 75 коп. ... О Пасхе в церкви по 2 коп. всем — 12 коп. и священнику 10 коп.»¹²⁴. И больше записей о расходах на церковь нет. Что еще раз подтверждает как высказывания священнослужителей обозначенного периода, так и наши исследования, что приходской храм прихожане посещали 1–2 раза в год, поскольку за исполнением «долга исповеди» (как раз перед Пасхой) был строгий контроль^h и если не было необходимости в требах (свадьба, крещение и др.).

Примечательно решение Петербургской духовной консистории в апреле к 1864 г. С письмом к митрополиту обратился прихожанин Иван Александрович Жуков, который спрашивал, на чем был «основан обычай в Православных Церквях наших ходить по церкви за сбором во время литургии». По его словам, прислужники, «гоняясь за копейкою с колокольчиком в руках, топчут молящимся ноги, делают суету между нами и тем лишают всякого благоговения в молитве»¹²⁵. Он просил устранить такие неудобства и производить сбор внутри храма у его дверей, поскольку «молящийся, выходя из церкви, посоветился бы не дать лепты своей на поддержку и украшение Святилища»¹²⁶. Митрополит Исидор предписал «Консистории дать мнение». Своим мнением Консистория подтверждала, что кружечный и кошелековый сборы составляли «главное и почти единственное средство к поддержанию церковного благолепия» и прекратить этот сбор «при настоящих условиях церковного хозяйства» не признала возможным, как и заменить «хождение

¹²³ Архив ГЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 747. Л. 1 об., 2.

¹²⁴ Там же. Л. 6.

¹²⁵ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 120. Д. 56. Л. 244.

¹²⁶ Там же.

с кружками, как обычай древний и всеобщий, стоянием на месте, занимаемом нищими», так как это могло показаться «странным и неблагоприятным»¹²⁷. Благодичным было предписано, чтобы сборщики «при хождении с кружками соблюдали всевозможную осторожность», а во время «важнейших Священнодействий останавливались и не производили звона колокольчиком»¹²⁸.

3.1.2. Дополнительные средства доходов уездных приходских церквей

Церковные средства также пополнялись за счет доходов от «оброчных статей», особых пожертвований и ценных бумаг. О любых пожертвованиях, которые поступали в течение года в приходскую церковь, сообщалось через благодичного (при его ежегодных отчетах) в Духовную консисторию¹²⁹. Это могли быть наличные денежные средства, положенные в особые кружки, например, «на украшение храма», «на строительство новой колокольни», а также переданные от «доброхотных дателей» или перешедшие по чьему-либо завещанию. Движимое имущество, то есть вещи (иконы, оклады, ризница и др.), жертвуемые в пользу церкви, могли приниматься без всякого формального акта или свидетельства. Недвижимое имущество должно было быть закреплено не только надлежаще составленными письменными документами¹³⁰, но на его принятие приходской церковью надлежало через Синод «испросить высочайшее разрешение».

¹²⁷ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 120. Д. 56. Л. 244 об.

¹²⁸ Там же. (Употребление колокольчика отменено по решению Синода в 1890 г.)

¹²⁹ «О всяком пожертвовании в пользу церкви и на постоянное содержание причта, составляющем не менее ста рублей натурою или ценностью, причт с церковным старостою доносит епархиальному начальству, которое о всех пожертвованиях, поступивших в продолжении года в церкви... доносит Святейшему Синоду, в виде прибавления к годичному донесению Преосвященного о состоянии епархии». (Устав Духовных консисторий. СПб., 1883. С. 52-53.)

¹³⁰ Подлинное заявление жертвователя или наличие завещания (что, на какую сумму), подтверждение, что эта собственность была благоприобретенная, а не родовая; документы, подтверждавшие права владельца, свидетельства местных юридических инстанций о «чистоте» имущества (например, что не наложен иск или нет споров по владению).

Так, благочинный города Луги священник Екатеринбургского собора Петр Григорьев в своем рапорте митрополиту Григoрию доносил о том, что в 1857 г. «старанием и усердием прихожан» и особенно пожертвованиями церковного старосты крестьянина Егора Иванова «были устроены ризы» на несколько икон «село-Чупровской Параскевиенской церкви». На иконе Успения Божией Матери — медная риза, «посребренная, с позлащенными на оной венцами и вокруг всего образа надписями, ценою восемьдесят пять рублей серебром, в киоте корельской березы за стеклом»; на иконе Иоанна Богослова такая же риза «ценою тридцать пять рублей серебром»; в часовне д. Ивни усердием церковного старосты «устроена серебряная риза с позлащенным венцем, ценою полтора рубля серебром на икону св. влмч. Николая».¹³¹

Причт упраздненного Посолодина монастыря (Лужский уезд) докладывал в Духовную консисторию о пожертвовании 3-й гильдии лужского купеческого внука Николая Алексева Смурова в их церковь люстры «ценою в 60 руб. сер.» и всего священнического, дьяконского облачения и еще «воздухи, покров и для двух причетников стихари одинаковой парчи красной земли золотыми цветами в цену 115 рублей серебром»¹³². Устройство «плащаницы и хоругвий» стоимостью в 301 руб. сер. в Новоладожский Николаевский собор было сделано новоладожским купцом 3-й гильдии Егором Федоровым Нестеровым. Упомянутая сумма 301 руб. сер. были записаны «в приход в церковную книгу»¹³³.

Крестьянин соседнего Гдовского уезда Никифор Семенов оказал церкви Моложанского погоста (Лужский уезд) «немалую благотворительность». «Из усердия к церкви нашей и бедности состояния оной» он принял на себя не только «все хлопоты» в покупке и доставке к церкви нового колокола «в 26-ть пудов и 10 фунтов», но и сделал «немаловажное собственное от себя пожертвование 211 рублей и 40 копеек серебром»,

¹³¹ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 50. Д. 91. Л. 1 об.

¹³² Там же. Л. 61.

¹³³ Там же. Л. 26.

добавив означенную сумму к уже пожертвованным «на сей предмет» неизвестным лицом 200 руб.¹³⁴

Формулировка «пожертвовано неизвестным лицом», встречающаяся в документах церквей, чаще всего вызывает у исследователей негативное отношение в виду неоднократно высказанных мнений о сокрытии доходов. Почему православным прихожанам отказывают в возможности и в праве незаметно, по велению своей души или под влиянием каких-либо личных обстоятельств сделать приношение в церковь, не обозначая своей личности? Нам бы хотелось привести пример пожертвований, пусть не относящихся к церквям исследуемых уездов, но сделанных в оговоренный период. В 1858 г. благочинный Андреевского собора докладывал в Консисторию о том, что по почте «от неизвестного лица» в Кронштадтскую Троицкую (кладбищенскую) церковь был прислан «напрестольный серебряный 84-й пробы вызолоченный крест, с надписью на ящичке, что он стоит 155 рублей серебром, весом 2 фунта 62 золотника и изображением на финифти в середине Распятия Господня»¹³⁵. В конце века один крестьянин с. Антушева (Новгородская губерния) послал с незнакомым богомольцем, шедшим в Соловецкий монастырь, 25 рублей. Корреспондент Этнографического бюро, описавший этот лично им наблюдаемый случай, высказал сомнение крестьянину, «дойдут ли деньги по назначению». Однако крестьянин отвечал: «мне все равно, лишь бы я послал... Бог-то знает... А если странник присвоит их себе, на него и грех падет»¹³⁶. В Соловецком монастыре, получив эту сумму, безусловно, запишут: «...пожертвовано от неизвестного лица».

В приходо-расходных книгах трех уездных церквей также есть записи о пожертвованиях в пользу церкви. В Рогожскую церковь (Новоладожский уезд) на покупку деревянного масла для церкви жертвовали «гг. дровопромышленники Сясьской компании» (8 руб. в 1872 г., 29 р. в 1874 г.) и купчиха Анна

¹³⁴ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 50. Д. 91. Л. 103.

¹³⁵ Там же. Л. 59.

¹³⁶ Архив ГЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 676. Л. 11.

Луковичная (8 руб. 20 коп. в 1875 г.); в 1887 г. церковный староста купец Петр Дьяков передал в церковь «книгу Апостол в медно-позлащенном окладе и бархате» в 15 руб.; в декабре 1891 г. пожертвовано от неизвестного на украшение храма 25 руб.; опять же старостою Н. П. Дьяковым на постройку церковного дома было внесено 2327 руб. 49 коп. (в 1895 г.), 35 руб. на облачение священника (в 1896 г.), 60 р. на приобретение для церкви икон двенадесятих праздников (в 1897 г.) и «на благоуукрашение храма» 100 руб. (в 1898 г.); в 1900 г. им же дополнены средства (77 руб.), собранные «благотворителями на устройство деревянной ограды при Рогожском кладбище», — 751 руб. 82 коп.¹³⁷

На украшение Романшинской церкви (Лужский уезд) было пожертвовано: 16 руб. графиней М. А. Паткуль и помещицею А. Куликовой 27 руб. (в 1879 г.); «крестьянкою прихода» 15 руб. и неизвестными лицами по 20 руб. (в 1880 и 1884 гг.); 49 руб. полковником В. Ф. Энгельгардом (в 1881 г.) и по завещанию царскосельского мещанина Отта Карловича Абеля еще 100 руб. (в 1888 г.), 100 руб. было оставлено «проезжающим купцом» (в 1893 г.) и 40 р. «передано церковному старосте неизвестным» (в 1896 г.)¹³⁸. «На поправку церковной ограды» от Е. Ф. Муравьевой поступило 80 руб., а «на устройство церковных рам» — 60 руб. от неизвестного лица (в 1881 г.); «наружное украшение» осуществлялось на пожертвования от жены унтер-офицера А. А. Богдановой (200 руб., в 1885 г.), «петербургского купца» (100 руб., фамилии нет, в 1886 г.), а также лесничего В. Ефимова (20 руб., в 1887 г.), родственницы «доктора Жежиленки» (50 руб., в 1889 г.) и А. Ф. Энгельгард (50 руб., в 1895 г.)¹³⁹. Приобретение необходимых при богослужении вещей осуществилось на 200 руб., поданных «Новгородской губ. унтер-офицером Н. В. Богдановым» (в 1890 г.); 3 руб. поступили

¹³⁷ ЦГИА СПб. Ф. 869. Оп. 1. Д. 8. Л. 19, 45 об., 67 об.; Д. 15. Л. 11 об.-12; Д. 17. Л. 29 об.-30; Д. 22. Л. 2 об.-3, 16 об.-17, 37 об.-38; Д. 24. Л. 2 об.-3, 71 об.-72.

¹³⁸ Там же. Д. 74. Л. 25 об.-26, 31 об.-32; Д. 78. Л. 7 об.-8, 10 об.-11, 21 об.-22; Д. 82. Л. 13 об.-14; Д. 86. Л. 20 об.-30; Д. 92. Л. 20 об.-21; Д. 96. Л. 26 об.-26.

¹³⁹ Там же. Д. 78. Л. 34 об.-35, 38 об.-39; Д. 82. Л. 31 об.-32; Д. 86. Л. 3 об.-4, 13 об.-14; Д. 88. Л. 8 об.-9; Д. 96. Л. 11 об.-12.

от крестьянина д. Бор Василия Иванова «на переливку разбитого колокола» (в 1894 г.)¹⁴⁰.

Прихожане Редкинской церкви (Ямбургский уезд) в кружку и кошелек своего храма жертвовали скромные средства. Так, в 1850 г. кошелековый сбор в марте составил 12 руб. 41 коп., а в сентябре только 90 коп.; со временем взносы немного увеличились, но они по-прежнему были незначительными — в мае 1860 г. 34 руб. 92 коп., а в ноябре 7 руб. 60 коп.¹⁴¹ Также обстояло и с пожертвования в храм. В период с 1850-го по 1870 г. в приходных книгах упоминаются два вклада: 1865 г. — «71 руб. на устройство в церкви печей» и 100 руб. пожертвовано местным помещиком ротмистром А. И. Сахаровым «на сооружение ризы на иконе Св. Предтечи и крестителя Господня Иоанна» (1868)¹⁴².

Редкинская церковь, построенная в прошлом столетии (1786 г.), требовала ремонта. Духовная консистория разрешила начать работы с весны 1876 г. «на счет церковных способов»¹⁴³. Однако достаточных средств у церкви не было. Пожертвования прихожан с начала 1870-х гг., вносимые на «украшение храма», расходовались на нужды церкви. В 1871 г. было получено 10 руб. от «санктпетербургской повивальной бабки девицы М. И. Ивановой», в 1872 г. от крестьян В. Яковлева и Х. Петрова по 25 руб. и 2 руб. от Ф. Иванова, 40 руб. и 55 руб. (в 1873 г.) от неизвестного лица; в 1874 г. 5 руб. пожертвовано неизвестным, 3 руб. внесено «крестьянкою бобылкою Агафьею Андреевою Калининою», 1 руб. крестьянином П. Никифоровым, по 2 руб. «крестьянином Яковым Захаровым

¹⁴⁰ ЦГИА СПб. Ф. 869. Оп. 1. Д. 88. Л. 19 об.-20; Д. 92. Л. 36 об.-37.

¹⁴¹ Там же. Ф. 653. Оп. 1. Д. 15. Л. 16, 19 об., 78 об., 81 об.

В «Историко-статистических сведениях...» упоминаются еще пожертвования: «риза на храмовой иконе св. Троицы устроена в 1860 г. помещиком Сахаровым», «серебряная риза на Тайной Вечери, ценою в 215 р., пожертвованная в 1850 г. цер[ковным] старостою Иваном Фаддеевым», «образ св. Троицы в сребропозлащенной ризе, пожертв[ованный] в 1859 г. Мариєю Федоровною Сахаровой». Но этих пожертвований в приходной книге не отмечено. (Историко-статистические сведения... Т. 10. С. 371, 373.)

¹⁴² ЦГИА СПб. Ф. 869. Оп. 1. Д. 16. Л. 21, 37 об.

¹⁴³ Там же. Д. 41. Л. 7.

Кучкиным и матерью его Еленю Лонгиновою Кучкиною»¹⁴⁴. Только в конце 1875-го и в 1876 г. к накопленным церковным средствам (200 руб.), положенным на сберегательную книжку в Государственный банк, причт смог добавить на ремонт еще 600 руб. (300 + 300 руб.), поданные неизвестными лицами, и 50 руб. от петербургской мещанки Анны Ефимовой¹⁴⁵. По решению Консистории (от 27 мая 1876 г.), «дабы не вводить церковь на продолжительное время в долги», так как в приходе не было попечительства, которое могло бы озаботиться о сборе средств на починку храма, и «уклонения прихожан от пособия церкви на ее исправление», было разрешено выдать просимую сборную книжку «с правом сбора в столице в течение 6-ти месяцев, а остальное время... в других епархиях, где сие позволено будет местными начальствами»¹⁴⁶.

Ремонт купола и возобновление храма продолжились в 1883–1887 гг.: на восстановление иконостаса помещица Сахарова пожертвовала 1000 руб., «поступило на приход» от прихожан по приговору Волостного правления (от 28 марта 1884 г.) на ремонт церкви 500 руб.; от членов созданной при церкви комиссии по ремонту храма «на первом заседании» было собрано 173 руб. и еще представлено собранных членом комиссии крестьянином И. Григорьевым 60 руб.¹⁴⁷ От «разных лиц через церковного старосту» на этот же предмет поступило 99 руб., были внесены и личные вклады крестьянами прихода — Кузьмою и Демидом Морозовыми и Семеном Комисаровым 75 руб., церковных старостою 150 руб.¹⁴⁸ Летом 1887 г. прихожане Редкинской церкви собрали еще 300 руб. «на устройство заклиросного киота с образом св. Николая Чудотворца»; в следующем году «на устройство правого заклиросного киота с образом вмч. Дмитрия Солунского» прихожане пожертвовали 80 руб., от церковного старосты Никифора Чернышова 120 руб. и «от частных

¹⁴⁴ ЦГИА СПб. Ф. 869. Оп. 1. Д. 16. Л. 56 об., 60 об., 61 об., 63 об., 65 об., 71 об., 78, 79 об.

¹⁴⁵ Там же. Л. 85, 88 об.

¹⁴⁶ Там же. Д. 41. Л. 20.

¹⁴⁷ Там же. Ф. 653. Оп. 1. Д. 31. Л. 36 об.-38.

¹⁴⁸ Там же. Л. 37 об.-38.

лиц» на тот же предмет 150 руб.¹⁴⁹ А от лиц Редкинского прихода, занимавшихся «промыслом извоза в Петербурге», поступило 100 руб. пожертвований «на устройство двух аналоев»¹⁵⁰.

Таким образом, мы может отметить, что пожертвования прихожан и сторонних лиц, не всегда известных причту и церковному старосте, вносились как на украшение приходской церкви, так и на выполнение необходимых нужд по храму — на проведение строительных работ или ремонта, покупку необходимых предметов. Безусловно, чувства и возможности «доброхотных дателей» были различными. С одной стороны, крестьяне считали, что только их «гроши отдаются Богу без всякой цели», а более крупные пожертвования являлись «платою за содеянный грех», ведь если у крестьянина «заходятся какие-нибудь деньжонки, то можно быть вполне уверенным, что получились у него они уж никак не благодаря экономии»¹⁵¹. С другой — значительные пожертвования в церковь могли быть сделаны по воле случая, как, например, местным торговцем крестьянином Коложицкого прихода (Ямбургский уезд) Фомой Алексеевым. В 1882 г. на его средства две иконы в иконостасе были «обложены серебряными ризами работы петербургского мастера Яковлева», стоившими до 1226 руб. Причиной столь значительного вклада была совершенная, как он посчитал, кража его денег. Крестьянин не надеялся, что они отыщутся. Но деньги нашлись в Ревеле, и Алексеев «устроил на них ризы на иконах»¹⁵². На другие две иконы также дорогие ризы устроил церковный староста крестьянин Никандр Михайлов, «частью из соревнования Алексею, частью по усердию к храму», как заметил священник Иван Наговский¹⁵³.

В сентябре 1883 г. на имя Петербургского митрополита Исидора от обер-прокурора К. Победоносцева поступило письмо, в котором говорилось, что к отчетам обер-прокурора Синода

¹⁴⁹ ЦГИА СПб. Ф. 653. Оп. 1. Д. 48. Л. 21 об.-22, 38 об.-39.

¹⁵⁰ Там же. Л. 38 об.-39.

¹⁵¹ Архив ГЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 782. Л. 12 (Тихвинский уезд Новгородской губернии).

¹⁵² Историко-статистические сведения... Т. 10. С. 363.

¹⁵³ Там же.

«за каждый истекший год» представлялась ведомость о пожертвованиях, поступивших в церкви, «в которых в особой графе под названием „доходы с имений“ показывалась «известная сумма» по епархии¹⁵⁴. По отчету за 1881 г. по С.-Петербургской епархии эта сумма значилась 242 677 руб. 21 коп. Поскольку в «центральной администрации Св. Синода» не имели никаких сведений ни об имениях, ни о доходах, ни об их назначении и употреблении, обер-прокурор просил митрополита через Духовную консисторию по прилагавшейся ведомости доставить сведения о них в Хозяйственное управление при Синоде¹⁵⁵.

По сведениям, которые содержатся в ведомостях, составленных по указанию обер-прокурора Синода, мы можем судить о тех *дополнительных средствах*, которые поступали на счет приходских церквей трех исследуемых уездов.

В Ямбургском уезде из 22 приходов (на 1881 г.) доход получали только 6 — 4 городские церкви и 2 сельские. Нарвскому Преображенскому собору принадлежали 7 лавок, «построенные в разное время нарвскими купцами в пользу собора» и приносившие в год арендной платы 1200 руб. Из них 192 руб. шло на их содержание, а в пользу собора поступало 1008 руб.¹⁵⁶ «Рыбные ловли», пожертвованные также в пользу собора нарвским купцом Лаврецовым и сдававшиеся в аренду, добавляли в церковные суммы 350 руб. в год; аренда огородной земли (716 кв. саж.), переданной мещанином Кузьмою Пилонским, приносила еще 35 руб.¹⁵⁷

Аренда «сенных весов на церковной земле» Нарвской Знаменской церкви, установленных городским магистратом, приносила 41 руб. 66 коп. ежегодно; деревянный дом, «уступленный церкви магистратом», также отдавался в аренду с платой 96 руб.

¹⁵⁴ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 75. Д. 13. Л. 1.

¹⁵⁵ Там же.

В ведомости следовало указать: в чем заключались имение (дома, земля и пр.) и как оно было приобретено, сколько ежегодно приносило «валового дохода», сколько из получавшегося дохода расходовалось на содержание имения, на церковь, причт, церковно-приходские школы. (Там же. Л. 2.)

¹⁵⁶ Там же. Л. 39 об.-40.

¹⁵⁷ Там же.

(22 руб. 80 коп. шло на содержание дома, доход в 73 руб. 20 коп. поступал в пользу церкви)¹⁵⁸. Из 1964 руб. ежегодного дохода от 6 каменных лавок, «состоявших в г. Нарве на торговой площади Ивангородского форштадта на земле Высочайше пожалованной» Ивангородской Успенской церкви в 1845 г., 129 руб. 24 коп. шли на их содержание, 150 руб. передавалось в пользу причта, 50 руб. 64 коп. на духовно-учебные заведения¹⁵⁹, а остальные расходовали на церковь «по мере надобности и возможности»¹⁶⁰.

Ямбургский Екатерининский собор получал доходы от отдаваемой «в наем» квартиры (80 руб.), аренды лавки в доме, «завещанном мещанкою Заботиною» (124 руб.), и каменной лавки, завещанной купцом Тихомировым (87 руб.). На средства церкви в городе был построен дом «на месте, пожертвованном ктитором почетным гражданином Поляковым». Аренда дома прибавляла еще 180 руб.¹⁶¹

В Ильешскую Николаевскую церковь поступало 125 руб. за вычетом 5-процентного (6 руб. 50 коп.) взноса на духовное училище, за аренду дома, построенного на церковную сумму и отдаваемого в аренду «под мелочную лавку»¹⁶². В Опольском приходе при Крестовоздвиженской церкви в 1844 г. были выстроены иждивением ямбургского купца Косьмы Яковлева лавки, аренда которых приносила церкви дополнительно 120 руб.¹⁶³

В Новолодожском уезде только Воскресенская церковь Масьельгского погоста получала 10 руб. с аренды мукомольной мельницы, «устроенной крестьянином дер. Залужья Максимом

¹⁵⁸ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 75. Д. 13. Л. 40 об.-41

¹⁵⁹ 5-процентный взнос с арендных доходов производился по решению съезда епархиального духовенства. Он взимался дополнительно на содержание Александро-Невского духовного училища не зависимо от обязательного 10-процентного ежегодного отчисления. Так, по решению съезда 1873 г. по раскладке, «произведенной особой комиссией», были привлечены к такому 5-процентному взносу («в виду возвышающейся дороговизны на все предметы содержания») церкви Новолодожского уезда (см. далее в тексте). (Там же. Ф. 690. Оп. 1. Д. 26. Л. 122.)

¹⁶⁰ Там же. Ф. 19. Оп. 75. Д. 13. Л. 40 об.-41.

¹⁶¹ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 75. Д. 13. Л. 40 об.-41, 41 об.-42.

¹⁶² Там же. Л. 41 об.-42.

¹⁶³ Там же.

Ивановым»¹⁶⁴. Остальные 10 церквей уезда (из 57) получали деньги за аренду лавок, отдаваемых в наем для торговли чаще всего «на базарное время» или сезонные местные ярмарки. Самая большая сумма выручалась Пашской Христовоздвиженской церковью за аренду «в двух корпусах каменных лавок и двух корпусах деревянных лавок, приобретенных на церковные средства» — 467 руб. (с вычетом 5 %, 19 руб. 15 коп., на духовное училище); ежегодная торговля 8-10 сентября в выстроенных на церковные суммы 12 деревянных лавках церкви Солецкого погоста приносила 85 руб. 90 коп (18 руб. тратилось на содержание и страхование лавок, 1 руб. 50 коп. — 5-процентный взнос). На средства Лунгаческой Крестовоздвиженской церкви были устроены 8 деревянных лавок, за которые выручалось арендных 49 руб. (2 руб. 45 коп. — 5-процентный взнос)¹⁶⁵. Остальные 5 церквей получали за аренду 10–25 руб. (без вычета 5 %).

В Лужском уезде, по сведениям благочинных, таких арендных статей и вовсе не оказалось. Земли, числившиеся за церквями, обрабатывались священно- и церковнослужителями; дома были либо церковными, либо в собственности членов причта, в которых они сами проживали.

Чаще в дар церкви переходили уже построенные лавки, которые, в свою очередь, сдавались в аренду желающим, а оплату за нее контролировал церковный староста. Так, причт Михайловской Удосольской церкви (Ямбургский уезд) в 1861 г. обратился в Духовную консисторию за разрешением отдать в арендное содержание $\frac{1}{2}$ десятины сдворочной (усадебной) церковной земли в самом с. Удосоле «с выстройкою на оной из своего материала дома для мелочной торговли с деревянною крышею»¹⁶⁶. Консисторией было предписано, чтобы причтом был «произведен надлежащий торг на взятие $\frac{1}{2}$ дес. церковной земли в арендное содержание». На время торга уже было два претендента — временнообязанные крестьяне Сойкинского прихода Стефан Петров (со взносом в 25 руб. арендной платы)

¹⁶⁴ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 75. Д. 13. Л. 42 об.-43.

¹⁶⁵ Там же.

¹⁶⁶ Там же. Ф. 654. Оп. 1. Д. 59. Л. 96.

и Копорского прихода Николай Марков, «изъявивший желание платить в продолжении 10 лет по 50 руб. в год»¹⁶⁷. Однако Удосольский причт с церковным старостою обратился в соседние Копорский и Ратчинские приходы, чтобы в их церквях было объявлено 5, 6 и 7 января 1862 г.: «...не желает ли кто... 14 числа сего января быть на переторжке по предмету принятия на себя постройки дома под лавку... и взятия оной в аренду»¹⁶⁸. Николай Марков «по другим торговым делам» не смог присутствовать в Удосоле 14 января, но он через Копорское волостное правление подтвердил свое желание заключить договор с причтом Михайловской церкви. В назначенный день «после Божественной литургии» в присутствии благочинного и прихожан были объявлены указ Консистории и условия постройки лавки при церкви. Поскольку больше не нашлось других желающих ни в Удосольском приходе, ни в соседних, с Николаем Марковым был подписан акт об условиях аренды¹⁶⁹.

Церковные капиталы приходских храмов состояли из билетов (ценных или процентных бумаг) Государственного банка или других кредитных учреждений (в зависимости от того, кто их выпускал — правительство или частные общества), а также из денежных средств, внесенных в сберегательные кассы. Ценные бумаги приобретались на имя церкви на церковные доходы¹ или жертвовались от прихожан или сторонних лиц в пользу церкви. То же можно было сказать и в отношении средств в сберегательных кассах.

В начале 1850-х гг. не многие приходские храмы имели церковные капиталы в ценных бумагах. Так, по приходо-расходным книгам (с 1848 г.) известной нам Редкинской церкви (Ямбургский уезд) средств, вырученных от основных статей церковных доходов, хватало только на приобретение необходимых предметов (свечей, ладана и др.). В 1851 г. доход по трем

¹⁶⁷ ЦГИА СПб. Ф. 654. Оп. 1. Д. 59. Л. 96.

¹⁶⁸ Там же. Л. 98.

¹⁶⁹ Помимо выполнения условий аренды, Н. Макарову следовало представить в Консистирию план здания, а при строительстве лавки «покрыть тесом лицевое строение, а остальное здание — соломою». (Там же.)

статьям составил 190 руб. 86 коп., израсходовано 191 руб. 17 коп.; в 1859 г. выручено 247 руб. 48 коп., потрачено 232 руб. 05 коп.¹⁷⁰ Только пожертвования прихожан и неизвестных лиц, а также деньги по сборной книжке, выданной из Консistorии, позволили накопить средства, которых к маю 1876 г. было «по расчетной книжке Государственного банка 1873 г. за № 2971-м 500 руб. и в билетах... 50 руб.»¹⁷¹. Для данной церкви было действительно выгодно держать деньги в сберегательной кассе и получать проценты, нежели переводить их в ценные бумаги. Чтобы снять деньги с книжки, особенно с обозначением, на какие цели велся сбор средств, уже не требовалось разрешения Духовной консистории, как, например, в данном случае, при обновлении Редкинского храма. Если бы у Редкинской церкви были ценные бумаги, то при обмене их на деньги каждый раз причту пришлось бы добиваться разрешения Консistorии, указывая очень вескую причину такого обмена. После расхода всех денег по сберегательной книжке можно было открыть новую, как и поступил причт Редкинской церкви, когда в 1888 г. деньги «для приращения процентов в пользу церкви» были отосланы в сберегательную кассу Государственного банка на книжку № 392 (100 руб.)¹⁷². Такие действия причта, во-первых, давали возможность постепенно накапливать деньги «из числа собранных церковных доходов», увеличившихся к концу века (к 1892 г. по указанной книжке числилось уже 1000 руб. 72 коп.)¹⁷³. Во-вторых, просто сберегали средства, поскольку указы Синода и положения Устава ДК имели в виду прежде всего сохранение средств от нередко случавшихся краж. Что, кстати, и произошло в Редкинской церкви в 1890 г., когда было «похищено злоумышленниками из церковной выручки 40 руб.»¹⁷⁴.

---

¹⁷⁰ ЦГИА СПб. Ф. 653. Оп. 1. Д. 15. Л. 27 об., 76 об.; Д. 18. Л. 24, 72 об.

¹⁷¹ Там же. Д. 15. Л. 89

¹⁷² Там же. Д. 48. Л. 31 об.-32.

¹⁷³ Там же. Д. 23. Л. 1 об.-2.

Средства вновь были полностью потрачены. В 1901 г. заведена новая книжка «на нужды церкви», внесено 200 руб. (Там же. Д. 24. Л. 11 об.-12.)

¹⁷⁴ Там же. Д. 21. Л. 21 об.-22.

В Романшинской церкви (Лужский уезд) с 1870 г. числился билет «Лужского городского общественного банка» в 150 руб. сер.¹⁷⁵ Ежегодный доход составлял 7 руб. 50 коп. (5 %). Собираемые церковные средства храма были также незначительными. В 1878 г. доход составил 229 руб. 35 коп. (по трем статьям, свечной, кружечный и кошелевый сборы, — 204 руб. 45 коп.), расход — 203 руб. 75 коп.¹⁷⁶ В конце ноября 1878 г. на приход поступает новый священник Василий Беляев. Доходы Романшинской церкви (и приписной Заозерской) за 1879 г. сразу же повышаются — 432 руб. 64 коп. (по трем статьям — 399 руб. 04 коп.)¹⁷⁷. Возможно, молодой священник (26 лет), который после окончания Новгородской семинарии занимал должность «народного учителя» более двух лет¹⁷⁸, смог понравиться своим прихожанам и расположить их к чуть большим пожертвованиям. В результате после расходов церковных сумм в конце года осталось 107 руб. 14 коп., что позволило в начале 1880 г. купить на средства церкви «Государственный пятипроцентный банковый билет от 14 января за № 152808-м на имя село Романшинской Тихвинской церкви в сто рублей»¹⁷⁹. Начало было положено. 1882 г. — к концу октября месяца церковного дохода было получено 240 руб. 65 коп., и уже в ноябре куплены «5 % Государственного банка в пользу церкви два билета 5-го выпуска №№ 110914-й и 110915-й»¹⁸⁰. В следующем году, получив

¹⁷⁵ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 113. Д. 2907. Л. 11 об.

¹⁷⁶ Там же. Ф. 869. Оп. 1. Д. 74. Л. 19 об.-20; Д. 75. Л. 15 об.-16.

¹⁷⁷ Там же. Л. 32 об.-33.

¹⁷⁸ Прежний священник Федор Лавров (63 года) «за старостью лет и слабостью здоровья по своему прошению» был уволен за штат. Новый священник В. Беляев женился на его дочери Анне и жил в доме тестя. (Там же. Ф. 19. Оп. 113. Д. 2967. Л. 13 об.-14, 14 об.-13.)

¹⁷⁹ Там же. Ф. 869. Оп. 1. Д. 78. Л. 1 об.-2.

¹⁸⁰ Там же. Л. 24 об.-25, 25 об.-26.

«5 % банковые билеты 5-го выпуска, 1881 г., выпущены на основании Высочайшего указа от 22 сентября 1881 года на общую сумму Р. 100 000 000 для уплаты согласно Высочайшего указа от 1 января 1881 года Государственному Банку 50 миллионов руб. в счет долга по займам, сделанным из Банка во время турецкой войны, и для подкрепления средств Государственного Казначейства. Они реализованы по 92 ¼ %». (См.: Дегаю В. Русские ценные бумаги: сборник сведений о всех главнейших фондах, закладных листах, акциях и облигациях, котирующихся на русских биржах. СПб.; М., 1885. С. 6.)

прибыли 10 руб., эти два билета были проданы и с добавлением наличными еще 181 руб. церковных средств было «получено из Государственного банка второго выпуска в пользу церкви три билета: за № 10489 в 150 руб., за № 10490 в 150 руб. и за № 18885 в 100 руб.», то есть всего на сумму 400 руб.¹⁸¹ К началу 1885 г. билетов было на сумму 700 руб., а в конце года была заведена книжка «сберегательной кассы при Лужском уездном Казначействе за № 849-м на внесенные на хранение церковные деньги 250 руб. и для приращения»¹⁸². На книжку вносились не только доходы по церкви, но и пожертвования прихожан. Поступившие по заведению уже упоминавшиеся 100 руб. от мещанина О. К. Абеля с прибавленными 50 руб. от церкви были приняты на хранение в сберегательную кассу, и таким образом в этот год общую сумму церковного капитала составляли билеты на сумму в 700 руб. и по книжке 600 руб., что приносило в 1889 г. 32 руб. 45 коп. прибыли. К 1900 г. числилось билетами 1200 руб., по книжке — 784 руб. 34 коп. и приносило прибыли 56 руб. 51 коп.¹⁸³

Рогожская церковь (Новоладожский уезд) к началу 1870-х гг. имела три 4-процентных непрерывно-доходных билета¹⁸⁴ — с 1861 г. в 250 руб., с 1867 г. в 375 руб. и еще в билете в 285 руб. (1861), который был поделен на нужды церкви и причта, то есть по 142 руб. 50 коп.¹⁸⁵ Особенностью формирования капитала

¹⁸¹ ЦГИА СПб. Ф. 869. Оп. 1. Д. 78. Л. 40 об.-41.

«5 % банковые билеты 2-го выпуска, 1861 г., выпущены на основании Высочайше утвержденного 19 февраля 1861 г. положения о выкупе крестьян... Проценты, по пяти на сто в год, уплачиваются Государственным банком по полугодовым купонам на сроки 1 марта и 1 сентября... При каждом билете имеются купоны за 10 лет» (Дегио В. Русские ценные бумаги... С. 4.)

¹⁸² ЦГИА СПб. Ф. 869. Оп. 1. Д. 82. Л. 22 об.-23, 32 об.-33.

¹⁸³ Там же. Д. 86. Л. 32 об.-33; Д. 88. Л. 12 об.-13; Д. 100. Л. 55 об.-56, 65 об.-66.

На книжку были положены также пожертвования родственницы доктора Жежиленки (50 руб.), унтер-офицера Богданова (200 руб.).

¹⁸⁴ «Выпущены на основании Высочайше утвержденных 13 марта 1859 г. правил для заменения ими квитанций на вечные вклады в бывшие кредитные учреждения... при реализации по 100 %... Проценты, из 4 в год кредитных, уплачиваются при наложении штампов на сроки 1 мая и 1 ноября в Комиссии погашения долгов и в Губернских казначействах...» (Дегио В. Русские ценные бумаги... С. 19.)

¹⁸⁵ ЦГИА СПб. Ф. 691. Оп. 1. Д. 8. Л. 1.

Рогожской церкви являлось активное участие прихожан. Общих доходов, поступавших в храм, было достаточно, чтобы не только сделать необходимые расходы, но и приобрести на лишние средства ценные бумаги. Так, 1 мая 1872 г. церковным старостой И. И. Фадеевым на выданные ему 100 руб. «из сумм от подаяния в кошелек и кружку» был приобретен «5 % Государственного банка билет на имя церкви... второго выпуска 1861 г. за № 113960 во 100 руб. по курсу 94 руб. за 100 со всеми купонами, начиная с 1 сентября 1872 г. по 1 марта 1881 г.»¹⁸⁶ (то есть билет приносил прибыль уже через 4 месяца).¹⁸⁷ Такие же два банковых билета по 100 руб. были пожертвованы в храм «гг. дровопромышленниками Сясьской компании» (в 1872 и 1873 гг.). Прибыли по процентам было получено 45 руб. 70 коп.¹⁸⁷ К 1878 г. ушло три 4-процентных билета (по 250, 375 и 142 руб. 50 коп.) и семнадцать 5-процентных билетов, всего на сумму 2467 руб. 50 коп.¹⁸⁸ Прибыли от ценных бумаг в этом году было получено 115 руб. 70 коп., что, в свою очередь, позволяло только на эти дополнительные средства покупать новый билет.

При наличии такого большого количества ценных бумаг причту и церковному старосте следовало постоянно наблюдать «за выходом в тираж принадлежащих им процентных бумаг и своевременным получением капиталов» по таким билетам¹⁸⁹. Особенно это касалось билетов 1-го 5-процентного внутреннего с выигрышами займа (указ от 13 ноября 1864 г.). Погашение этого займа производилось в течение 60 лет посредством ежегодных тиражей 2 января и 1 июля, с прекращением процентов со дня тиража¹⁹⁰.

Конверсия внутренних займов, начавшаяся с 1891 г., «когда взамен 5 ½ % билетов Государственного банка был выпущен 2-ой 4 % внутренний заем», и продолжившаяся вплоть до 1899 г.,

¹⁸⁶ ЦГИА СПб. Ф. 691. Оп. 1. Д. 8. Л. 23.

¹⁸⁷ Там же. Л. 29, 31.

¹⁸⁸ Там же. Д. 9. Л. 11 об.-12.

¹⁸⁹ Циркулярные указы Святейшего Правительствующего Синода 1867-1900 гг. 1887 г. № 4. С. 242.

¹⁹⁰ Дегио В. Русские ценные бумаги... С. 21.

значительно понизила доходы держателей процентных бумаг¹⁹¹, в том числе и приходских церквей. Так, в 1894 г. в Государственный банк была «отослана расписка № 651466 для конверсии хранящихся на ней 5 % банковых билетов на сумму 700 руб. ... для обмена на 4 % ренту»¹⁹².

Причту и старосте Рогожской церкви при постепенном увеличении капитала в виде ценных бумаг, особенно многочисленных по 100 руб., приходилось совершать обмен на другие билеты — по 500 руб. и 1000 руб. В 1889 г. на имя церкви была заведена книжка Новоладожской сберегательной кассы со взносом в 100 р. В последующие годы на книжку поступали средства не только от кошелевского сбора, но и пожертвования прихожан, например: от церковного старосты на «устройство серебряной ризы на образ Рождества Богородицы» 100 руб., на тот же предмет от Е. П. Сухановой 25 руб. и прихожан 167 руб. 46 коп.¹⁹³ К началу 1900 г. на книжке было собрано 750 руб. Капитала в билетах к 1895 г. — 5092 руб. 50 коп. с прибылью по процентам 249 руб. 15 коп.¹⁹⁴

В уездном городе, в таком, например, как Новая Ладога, на долю городского сбора приходилось большое количество пожертвований, на которые приобретались процентные бумаги. В 1877 г. Новоладожский Николаевский собор владел «девятью 5 ½ % билетами по выкупу крестьянских земельных наделов» (1874 г.) в 300 руб., 200 руб. и 7-ю по 1000 руб.; двумя облигациями: С.-Петербургского городского кредитного общества в 100 руб. и Новоладожского городского банка в 200 руб. (1876 г.); и четвертой частью (из 100 руб.) 5 % билета, внесенного протоиереем

---

¹⁹¹ Никольский Б. А. Причины колебания курсов русских государственных бумаг в 1884–1904 гг. СПб., 1912. С. 63–64.

¹⁹² Сами билеты хранились в Государственном банке, а причту выдавала расписка в получении определенного количества ценных бумаг.

ЦГИА СПб. Ф. 691. Оп. 1. Д. 21. Л. 31 об.-32.

После конверсии 5 % билетов в 4 % Государственной ренты билеты были достоинством в 100, 500 и 3 билета по 1000 руб. (Там же. Д. 24. Л. 1 об.)

¹⁹³ Там же. Д. 24. Л. 18 об.-19.

¹⁹⁴ Там же. Д. 22. Л. 12 об.-13.

Иовлевым, т. е. в сумме — на 7525 руб.¹⁹⁵ После девальвации и обмена билетов в 1895 г. на имя церкви были внесены билеты: 4 % облигации 2-го внутреннего займа по 100 руб. (3 шт.), на 2000 и две по 500 руб.; 4 % непрерывно-доходных билета 1860/76 гг. в 1000 руб., 4 % билет Государственного банка в 200 руб., 4 % облигации 3-го внутреннего займа на 1000 руб. (4 шт.) и 6 % билет Новолодожского городского общественного банка в 200 руб.; две сберегательные книжки на 6 руб. 87 коп. и 284 руб. 62 коп., всего — 5991 руб. 49 коп.¹⁹⁶ К концу века количество билетов уменьшается, но суммы их стоимости увеличиваются: 4 % билеты в 1000 и 200 руб.; остался 6 % билет общественного банка в 200 руб., 4 % билеты государственной ренты в 5000 и два в 1000 руб.; на сберегательных книжках было 755 руб. 25 коп. и 404 руб. 07 коп., итого 7759 руб. 32 коп.¹⁹⁷

Синод неоднократно в своих указах предписывал покупать билеты только Государственного банка. Однако вклады, которые делали прихожане, могли поступать в билетах с большими процентами других кредитных учреждений. Например, как указано выше в отношении Новолодожского собора, 6-процентный билет или пожертвованный в 1873 г. купцом Иваном Сонцовым в пользу церкви Рождественского Сясьского погоста 7½ % билет Сельского общественного банка братьев Мошкиных в 150 руб.¹⁹⁸ В храме Никольского Сясьского погоста в 1882 г. были только два вклада в сберегательную кассу: по первой книжке (от 1 мая 1871 г.) числилось 922 руб. 03 коп., по второй (с 10 мая 1872 г.) — 698 руб. 94 коп.¹⁹⁹; в 1899 г. церковный капитал состоял из четырех временных свидетельств Государственной 4-процентной ренты на 400 руб. и вклада по книжке в 400 руб.²⁰⁰ В Рождественском Пашском приходе к 1 января 1881 г. было

¹⁹⁵ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 113. Д. 2909. Л. 3 об., 4.

¹⁹⁶ Там же. Д. 3744. Л. 4.

¹⁹⁷ Там же. Д. 3880. Л. 3.

¹⁹⁸ Остальные билеты были Государственного банка, всего билетов было на сумму 3350 руб. (Там же. Д. 3180. Л. 66.)

¹⁹⁹ Там же. Л. 73 об.

²⁰⁰ Там же. Д. 3880. Л. 61.

5-процентных билетов Государственного банка различного достоинства на сумму 10 250 руб. (процентов — 512 руб. 50 коп.), через два года уже на 13 850 руб. (процентов — 692 руб. 50 коп.)²⁰¹.

В Ямбургском уезде к началу XX в. значительные церковные капиталы процентными билетами имели городские церкви — Успенская Ивангородская церковь (9244 руб. 77 коп.), Преображенский собор в Нарве (18 060 руб.), Знаменская Нарвская церковь (14 231 руб. 89 коп.)²⁰². Сельских приходов, где билетами числилось от 1000 до 2000 руб., было семь, в остальных (в 14) — до 350 руб. или вовсе не было подобных накоплений и пожертвований.

В Лужском уезде церкви в с. Гагрино и в упраздненном Посолодином монастыре имели капитал более 5000 руб.²⁰³ При церкви Городенского погоста в 1878 г. было в непрерывно-доходных 4-процентных билетах 945 руб., к концу века — более 3000²⁰⁴. В 1868 г. Смешинская церковь имела «в книжке Государственного банка бессрочных вкладов... 311 руб. 53 коп.», в 1899 г. — более 2000²⁰⁵.

Когда речь заходит о процентных бумагах приходской церкви, то возникает вопрос: что было важнее — оставить собранные от прихожан деньги при церквях, ввести их в хозяйственный оборот храма^k или накапливать, сохранять, а пользоваться только небольшими суммами в виде процентов? На наш взгляд, можно просто посчитать: на 100 руб., вложенных в 5-процентные ценные бумаги или положенных на сберегательную книжку, получали ежегодный доход 5 руб. Государство (если билеты были государственными) через 20 лет полностью выплачивало, то есть

---

²⁰¹ ЦГИА СПб. Ф. 612. Оп. 1. Д. 3. Л. 2; Д. 2. Л. 2.

²⁰² Памятная книга по С.-Петербургской епархии... С. 254. 264.

Суммы церковных капиталов, указанные в Памятной книге на 1899 г., по нашему мнению, также включают наличные средства, оставшиеся в конце года (наличие копеек и цифр «1» и «4» в единицах рублей). Хотя суммы на сберегательных книжках, куда помимо определенных «круглых» сумм (100, 250 руб.), включались положенные проценты. В клировых ведомостях все суммы писались раздельно.

²⁰³ Там же. С. 456, 463.

²⁰⁴ Там же. С. 434; ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 113. Д. 2969. Л. 4.

²⁰⁵ Там же. Ф. 19. Оп. 113. Д. 2316. Л. 5 об.

возвращало эту сумму приходской церкви. В дальнейшем, выплачивая опять же по 5 руб., оно уже отдавало свои средства. Если, например, на церковный капитал в 1860 г. был приобретен билет в 100 руб., то с начала 1880-х гг. деньги получались сверх вложенных сумм. Имея билетов на 2000 руб. и получая ежегодно 100 руб. процентов, через 20 лет храм получал ежегодно по 100 руб. прибыли от государства. Вклады в сберегательные кассы Государственного банка были еще выгоднее, поскольку можно было не забирать начисленные проценты, а прибавлять их к основному капиталу, увеличивая сумму, при этом взять часть имевшейся на книжке суммы или весь вклад можно было в любое время. В таком случае в данной ситуации значение имела девальвация рубля, ибо слишком низкая ценность денег при получении небольших сумм по процентам, например всего 5 руб. в год, делала такие вклады нерентабельными. Поэтому для приходской церкви при возникновении возможности ежегодно вкладывать все новые суммы свободных денег и пожертвований от прихожан в ценные бумаги или на сберегательную книжку было действительно выгодным. Как и поступал причт Рогожской церкви, сумевший собрать значительные средства.

Если бы денежные средства оставались в церкви, то пришлось бы принимать меры для их сохранения, что потребовало бы еще больших затрат: круглосуточное дежурство уже не одного, а нескольких сторожей, обеспечение их жалованьем, жильем, дровами, оборудование надежных хранилищ в самом храме. При смене священника могли возникнуть конфликты в отношении наличных денег и произведенных предшественником трат, как это произошло в приходе Мотоховской церкви (Новоладожский уезд). В 1895 г. новый священник Андрей Лапшин доносил митрополиту Палладию, что пожертвованные в 1893 г. в церковь купцами — братьями Малышевыми 200 руб. «на вечное поминовение своих родителей... бесследно для Мотоховского храма и причта пропали» при бывшем священнике Скипетрове²⁰⁶. Расспросы священником Лапшиным псаломщика Ушакова ясности не внесли,

---

²⁰⁶ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 87. Д. 74. Л. 1.

так как последний «по свойственной ему хитрости и мужицкому лукавству» ничего не объяснил. Церковный староста Ефим Иванов отвечал уклончиво, «но с малограмотного и бесхарактерного мужика, писал священник, и того, полагаю, довольно»²⁰⁷. Такое отношение к церковным деньгам привело, по мнению А. К. Лапшина, к тому, что храм находился «в крайнем упадке и запустении». В ходе расследования дела благочинным протоиереем Д. Хованским было получено подтверждение как от купца Василия Малышева, так и бывшего священника В. Скипетрова, что 200 руб. были действительно переданы в церковь, но «не на вечное поминовение» родителей, «а в полное распоряжение» священника, «в смысле придания им того или другого назначения»²⁰⁸. Поэтому В. Скипетров выделил 100 руб. в пользу причта²⁰⁹, а другие 100 руб. «отделил на нужды церкви». В то время прихожане были «крайне озабочены неотложною ремонтною храма, исправление которого, за полным отсутствием церковных средств», было решено делать на средства благотворителей²¹⁰. 100 руб. из пожертвований Малышева не только «послужили... началом и основным фондом для производства ремонта храма, но окрылили» священника и прихожан и «вызвали соревнование в некоторых других лицах», благодаря чему давно беспокоившая их мысль «перешла в живое дело»²¹¹. Прихожане собрали 90 руб. (по 15 коп. с души), церковно-приходское попечительство «напрягло свои последние силы» и собрало еще около 100 руб.; священник, со своей стороны, присоединил оставшиеся 75 руб. и «вложил в это дело и все личные свои трудовые сбережения в сумме свыше 200 рублей»²¹². Прослышав «о напряженных заботах по исправлению храма», протоиерей Алексей Колоколов (не раз уже нами упоминавшийся) пришел к ним на помощь. Вопрос о ремонте со стороны

²⁰⁷ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 87. Д. 74. Л. 5.

²⁰⁸ Там же. Л. 11.

²⁰⁹ Псаломщику Ушакову «в виду бедственного положения» было выдано 25 руб. А 75 руб. священник оставил у себя «на неотложные нужды при предстоявшей тогда ремонтной Храма». (Там же. Л. 12.)

²¹⁰ Там же. Л. 12 об.

²¹¹ Там же.

²¹² Там же.

Консistorии возник еще и потому, что делался без разрешения от нее, так как благочинный Хованский посчитал, что не стоит беспокоить Духовную консисторию, в виду того что ремонт предстояло сделать только в части наружного и внутреннего обновления на средства «попечительские и... частных жертвователей»²¹³. Консistorия признала, что 200 руб. «употреблены согласно с их назначением»; но причт и староста, не записавшие в церковные прихода-расходные книги этих денег, «поступили незаконно», что и ставилось «им на вид»²¹⁴.

3.1.3. Расходы церковных средств уездных приходских храмов

Церковные доходы в первую очередь расходовались на покупку тех предметов, которые были необходимы для функционирования самой церкви — свечи, церковное вино, деревянное масло, ладан, мука для просфор. В приходах, где средства собирались только из основных статей доходов, на приобретение перечисленных выше предметов уходила большая часть средств. Например, в Тигодской церкви (Новоладожский уезд) в 1883 г. церковных сумм поступило 261 руб. 99 коп. — 52 руб. 85 коп. кошелькового сбора, 132 руб. 75 коп. свечного дохода, 76 руб. 39 коп. осталось от прошлого года; из 206 руб. 41 коп. израсходованных средств на свечи было потрачено 89 руб., на вино, ладан и пр. 31 руб. 05 коп., то есть более половины (120 руб. 05 коп.)²¹⁵. В Лубинском погосте (Лужский уезд) кошельковый доход был 280 руб., 63 коп., свечной доход — 182 руб. 25 коп., 4 руб. «мелочных и случайных доходов», от прошлого года осталось 33 руб. 22 коп.; за свечи отдано 128 руб., на покупку вина, ладана и пр. 72 руб., то есть 200 р. из 457 руб. 77 коп. расхода²¹⁶. В Ямбургском уезде в Сойкинском приходе от прошлого года осталось 13 руб. 53 коп., сборов в церковный кошелек было 509 руб. 50 коп., свечного дохода — 947 руб. 92 коп. и процентов с капитала 25 руб., всего 1499 руб. 95 коп.;

²¹³ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 87. Д. 74. Л. 13.

²¹⁴ Там же. Л. 20 об.

²¹⁵ Там же. Оп. 120. Д. 979. Л. 11, 35.

²¹⁶ Там же. Д. 980. Л. 126 об., 127

в расходе — из 1432 руб. 89 коп. на свечи ушло 858 руб. 45 коп., на ладан и пр. 177 руб. 50 коп. (1035 руб. 95 коп.)²¹⁷.

Следующей статьёй необходимых затрат были расходы «на заготовление метрических, клировых и других книг», то есть «графопечатных листов», которые необходимы были для ведения документации по приходу (учет населения) и делопроизводству (отчетность). Тигодская церковь (1870 чел., Приложение 1, 1883 г.) израсходовала на это в 1883 г. 6 руб. 80 коп., Лубинская церковь (3257 чел.) — 21 руб. 30 коп., Сойкинская церковь (4572 чел.) — 40 руб. 52 коп.²¹⁸

По приходо-расходным книгам:

Редкинская церковь:

Статьи дохода и расхода	1855 (3596 чел.) руб. коп.	1875 (3780 чел., 1876 г.) руб. коп.	1888 (3818 чел., 1883 г.) руб. коп.
<i>ПРИХОД:</i>			
свечной	145-50	308-66	867-44
кошельковый	77-51	182-00	76-00
пожертвований	—	—	450-00
остаток	23-17	71-18	—
Всего	246-18	561-84	943-44
<i>РАСХОД:</i>			
на свечи	68-75 (3 п. 5 ф.)	231-00 (7 п.)	254-50
на муку	9-00 (4 п. 20 ф.)	24-00 (6 п.)	} 82-34
на вино	8-50 (17 бут. ²¹⁹)	30-00 (3 ведра ²²⁰)	
на ладан и масло	5-70 (6 ф. и 11 ф.)	39-3 (15 ф. и 3 п.)	
на ведомости	18-25	9-00	33-67
Всего	110-20 (из 196-05) ²²¹	423-30 (из 814-14) ²²²	370-51 (из 201-25) ²²³

²¹⁷ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 120. Д. 975. Л. 29 об., 30.

²¹⁸ Там же. Д. 979. Л. 35; Д. 980. Л. 127; Д. 975. Л. 30.

²¹⁹ 17 бутылок = 1 ведро 1 бутылка (если считать, что 1 винная бутылка = 1/16 ведра).

²²⁰ 1 ведро = 12,2 л, 3 ведра = 36,6 л (48 бут.).

²²¹ Там же. Ф. 653. Оп. 1. Д. 15. Л. 52; Д. 18. Л. 47 об.

²²² Там же. Д. 15. Л. 86 об.; Д. 18. Л. 81 об.

²²³ Там же. Д. 48. Л. 48 об.-49; Д. 21. Л. 58 об.-59.

Из приведенных данных видно, что растут не только доходы Редкинской церкви, но и расходы. Однако постепенно доля затрат на необходимые предметы по сравнению с общей суммой годовых затрат уменьшается с двух третей до одной трети.

Рогожская церковь:

Статьи дохода и расхода	1872 (970 чел., 1876 г.) руб. коп.	1875 (1013 чел., 1883 г.) руб. коп.
ПРИХОД:		
свечной	250-00	523-80
кошельковый	260-52	202-09
доход от % бумаг	45-70	235-16
Всего	556-22	961-05
РАСХОД:		
на свечи	190-20 (5 п. 20 ф.)	253-43 (8 п. 36 ф.)
на муку	3-15 (3 п. 15 ф.)	
на вино	7-00 (7 бут.)	}199-50
на ладан и масло	31-15 (2 п. 8 ф. и 4 ¼ ф.)	
на ведомости	7-27	7-89
Всего	238-77	460-82 ²²⁴

За отмеченные периоды доходы Рогожской церкви выросли, как и расходы на основные предметы для богослужения и треб, при этом соотношение затрат к доходам осталось примерно на одном уровне (1:2).

К обязательным расходам относились также отчисления по указам правительства (свечная прибыль, затем процентный сбор) и решениям съездов местного духовенства (взносы в пользу местного духовенства и учебных заведений).

До 1871 г. свечная прибыль, как мы уже отмечали, отчислялась в Комиссию духовных училищ. Так, Редкинская церковь (Ямбургский уезд) в 1848 г. отчисляла свечной прибыли 76 руб. 40 коп. (свечного дохода в церкви осталось 140 руб. 75 коп.)²²⁵. В последующие годы этот сбор увеличивался

²²⁴ ЦГИА СПб. Ф. 691. Оп. 1. Д. 8. Л. 30; Д. 7. Л. 17; Д. 94. Л. 12 об.-13; Д. 21. Л. 12 об.-13.

²²⁵ Там же. Ф. 653. Оп. 1. Д. 13. Л. 36.

на 3–5 коп.: в 1858 г. — 76 руб. 90 коп. (свечной доход — 151 руб. 30 коп.); в 1868 г. — 77 руб. 54 коп. (свечной доход — 301 руб. 94 коп.)²²⁶. В Шижемской церкви (Новоладожский уезд) в 1852 г. было «внесено на хранение и приращение на пользу церкви прибылых от продажи свечей» 36 руб. 11 коп. (свечной доход — 163 руб. 23 коп.); в 1858 г. прибылых 36 руб. 38 коп. (свечной доход — 96 руб. 38 коп.), в 1868 г. — 36 руб. 59 коп. (свечной доход — 116 руб. 59 коп.)²²⁷.

В 1868 г. были собраны сведения о средствах всех церквей епархии. Синодом была определена общая сумма, которую необходимо было предоставить в Комиссию духовных училищ. От Петербургской епархии 21-процентный сбор должен был составлять сумму в 58 950 руб. ежегодных отчислений. Руководствуясь этой суммой, епархиальная комиссия по раскладке 21-процентного сбора учитывала средние доходы церквей от свечного (только чистая прибыль от продаж), кошелькового и кружечного сборов за последние 3 года. Поэтому взносы для каждой церкви были различными, соразмерно получаемым доходам.

Еще 10 % отчислялось с церквей на нужды епархиального Александро-Невского духовного училища. По решению епархиального съезда (июль 1869 г.) этот сбор отсылался «пополугодно в два срока» не позднее 1 августа и 1 февраля непосредственно в Правление училища (через благочинных), причем плата за пересылку по почте относилась на церковный счет²²⁸. В 1871 г. депутаты очередного съезда заявили, что сумма 10-процентного сбора не требовала увеличения, «как вполне соответствующая потребностям Училища», однако саму раскладку сбора «признали не соразмерною со средствами многих церквей»²²⁹. Поэтому благочинническим советам вместе с депутатами съезда предстояло собрать необходимые сведения по приходо-расходным книгам церквей и «с соблюдением полной справедливости...

²²⁶ ЦГИА СПб. Ф. 653. Оп. 1. Д. 13. Л. 66; Д. 19. Л. 33.

²²⁷ Там же. Ф. 1811. Оп. 1. Д. 19. Л. 21, 51, 110; Д. 18. Л. 160 об.

²²⁸ Там же. Ф. 690. Оп. 1. Д. 26. Л. 95 об.

²²⁹ Там же.

без утайки, под опасением ревизии и штрафа с виновных» и представить новое расписание в Консисторию²³⁰. При этом в данный сбор включались и деньги, «поступающие за покровы и подсвечники при отпевании... за освещение церкви при бракосочетаниях»²³¹, но не облагались средства, которые копили на церковное строительство. В 1873 г. также по решению епархиального съезда дополнительно к уже отчислявшемуся 10-процентному сбору были привлечены некоторые церкви с добавочным 5-процентным взносом с арендных доходов. В частности, по благочинию священника Льва Быстреевского (Новоладожский уезд) с Вороновской церкви этот сбор составил 1 руб. 81 коп., с Лунгачской — 50 коп., с Пашской — 12 руб. 15 коп., с Шижнемской — 1 руб. 40 коп. и с Масельской — 2 руб. 50 коп.²³²

Отчисления по указанным взносам могли быть трудны для уездных церквей. Тогда причты этих приходов обращались к епархиальному съезду. В 1874 г. священник Югостицкой церкви (Лужский уезд) А. Тихомиров просил освободить их церковь от 21-процентного и от 10-процентного взносов, так как «по случаю капитальной ремонтровки» храма у них не было «в полном количестве потребной суммы» для уплаты взноса. Однако съезд просьбу не удовлетворил²³³. Причт и староста Солецкой церкви (Новоладожский уезд) просил «о перечислении части лежащих на их церкви % взносов на церковь Пчевскую», к которой отошла четвертая часть всего их прихода, включая три деревни с населением в 300 д. об. п. Съезд разрешил уменьшить с Солецкой церкви четвертую часть взносов: 21-процентный — с 85 руб. 96 коп. до 64 руб. 47 коп., 10-процентный — с 44 руб. 17 коп. до 33 руб. 12 коп.²³⁴ В связи с открытием новых приходов в Валговицах и Краколье (Ямбургский уезд)

²³⁰ ЦГИА СПб. Ф. 690. Оп. 1. Д. 26. Л. 110 об., 111.

²³¹ Там же. Л. 111.

²³² Там же. Л. 122.

²³³ Отчет о действиях епархиального съезда духовенства, бывшего в С.-Петербурге в 1874 г. СПб., [1874]. С. 17.

²³⁴ Пчевской церкви взнос соответственно увеличили 21-процентный до 71 руб. 58 коп, 10-процентный до 34 руб. 89 коп. (Там же. С. 17, 18.)

на съезде было решено эти церкви также привлечь к «обложению % взносами», рассчитав на благочинническом совете сообразно с доходами церквей размер их взносов.

В 1878 г. сумма процентного сбора была увеличена до 25 % в связи с возрастанием общего от Петербургской епархии обязательного отчисления — 70 182 руб. Сумма была вновь рассчитана по каждой церкви. В этом же году на епархиальном съезде был поднят вопрос «о химическом количественном и качественном анализе» употреблявшихся в епархии свечей (по цене 32 руб. за пуд). Анализ показал, что во всех церковных свечах существовало «громадное количество примеси японской смолы (ценою от 3 руб. 50 коп. до 5 руб./пуд.)», начиная с 20 % в мелких сортах свечей, а в крупных — до 80 %²³⁵. Поэтому съезд продолжил обсуждение вопроса об организации собственного епархиального свечного завода²³⁶. На его устройство требовались средства. И вновь, как и в прежние времена, эти средства должны были предоставить церкви. Только на этот раз речь зашла «о запасных церковных капиталах», из которых, по мнению комиссии по организации завода, можно было «без стеснения церквей» отделить до 70 000 руб.²³⁷ Помимо этого, следовало сделать «единовременные взносы» от церквей наличными деньгами при устройстве завода «с возвратом ссуженной суммы свечами»²³⁸.

По книгам расхода Редкинской церкви (Ямбургский уезд) в 1867 г. помимо отосланной свечной прибыли (77 руб. 50 коп.) в июле «на дополнительное содержание наставников семинарии и училища за две половины сего года» было передано

---

²³⁵ Отчет о действиях епархиального съезда духовенства, бывшего в С.-Петербурге в 1878 г. СПб., 1878. С. 11.

²³⁶ По указу Синода 1870 г. строительство свечных заводов можно было производить на епархиальные средства.

²³⁷ По сведениям комиссии, в церквях было 4-процентных билетов на сумму 242 000 руб., 5-процентных билетов более 142 000 руб., «денег, находящихся на текущем счету в государственном банке и в С.-Петербургском обществе взаимного кредита... более 522 000 руб.». Некоторым церквям принадлежали значительные суммы — от 12-15 тыс. до 40-90 тыс. руб. (Отчет о действиях епархиального съезда... в 1878 г. С. 11.)

²³⁸ Там же. С. 12.

о. Благочинному 20 руб.²³⁹ В 1871 г. добавочный сбор из 4 % (8 руб. 85 коп.) перерастает в 10 %, и уже церковь отчисляет 17 руб. 79 коп. (по полугодиям)²⁴⁰; 21-процентный взнос — 15 руб. 50 коп.²⁴¹, 1-процентный с кошелькового сбора на лечение бедных духовного звания — 71 коп.²⁴²; на метрические и другие листы — 16 руб. 90 коп., на содержание Александро-Невского дома призрения бедных духовного звания — 1 руб., пожертвований на вдов и сирот духовного звания от церкви — 2 руб.; всего 53 руб.²⁴³ Таким образом, из 435 руб. 19 коп. на обязательные расходы было потрачено 53 руб. 81 коп. (то есть 12,3 %).

В 1883 г. расход: 25 % — 56 руб. 35 коп., 10 % — на епархиальное духовное училище 11 руб. 26 коп.; взнос за Опольскую церковь — 4 руб. (по распоряжению Консистории); 3 % — взнос на пособие эмеритальной кассы духовенства 7 руб. 50 коп., 1 % — на больничные учреждения 1 руб. 40 коп.¹, на бедных духовного звания — 2 руб., на Александро-Невскую богадельню — 1 руб., на уездную богадельню в с. Ильеши — 3 руб., на выпуск графопечатных листов — 13 руб. 25 коп.²⁴⁴ Всего — 96 руб. 76 коп. из общего дохода в 723 руб. 29 коп. (то есть 13,3 %). Еще сборов в обязательные кружки в церквях собрано 7 руб. 09 коп.²⁴⁵

В 1888 г. расход: 25 % — 56 руб. 35 коп., 10 % — на училище 20 руб. 04 коп.^м, 3 % — «на эмеритуру» 6 руб. 41 коп., на больничные учреждения — 3 руб. 30 коп., на бедных духовного звания — 6 руб., на содержание Александро-Невской богадельни и Исидоровского епархиального женского училища —

---

²³⁹ ЦГИА СПб. Ф. 653. Оп. 1. Д. 19. Л. 24 об., 27.

²⁴⁰ Там же. Л. 37, 46, 49.

²⁴¹ «21 % из бывших в 1868 г. доходов: кошелькового — 89 руб. 82 коп., кружечного — 58 руб. 01 коп. и свечного — 77 руб. 54 коп., всего 225 руб. 37 коп.» (Там же. Л. 51 об.)

²⁴² Этот сбор отчислялся на больницы Приказа общественного призрения.

²⁴³ Там же. Л. 46 об., 51 об.

²⁴⁴ Там же. Ф. 653. Оп. 1. Д. 20. Л. 15 об.-16.

²⁴⁵ Там же. Кружки: «В пользу православных церквей и школ в Западном крае», «на восстановление Православия на Кавказе», «на распространение Православия между язычниками империи», «в пользу церкви Св. Гроба Господня», «на улучшение быта Православных поклонников в Палестине».

4 руб. 27 коп.²⁴⁶, на Ильешскую богадельню — 6 руб., на церковно-приходские школы «из валового дохода за 1888 г.» — 7 руб. 35 коп., на выписку графопечатных листов — 33 руб. 67 коп., на выписку венчиков и разрешительных молитв — 8 руб.²⁴⁷ Всего 151 руб. 39 коп. из 1058 руб. 63 коп. доходов церкви (14,3 %). Кружечный сбор: помимо основных кружек, «на распространение Православия между язычниками» было дополнительно собрано «на блюдо в неделю Православия» 4 руб. 43 коп. и на церковно-приходские школы «на блюдо... в день Благовещения Пресвятой Богородицы» 4 руб. 81 коп. В новую кружку «на нужды славян» 1 руб., «в пользу общества Красного Креста» 1 руб., всего 18 руб. 57 коп.

Был введен также новый сбор в пользу уволенных учеников (2 руб.)^п. Депутатам епархиальных съездов от церквей также выдавались средства (от Редкинской церкви — 2 руб.). Выделяется отдельно сбор на епархиальное женское училище (4 ½ %) — от церкви 21 руб. 67 коп.²⁴⁸

В Рогожской церкви (Новоладожский уезд) в 1871 г. 21-процентный взнос составил 74 руб. 36 коп. (из суммы 354 руб.); на бедных духовного звания — 3 руб., отослано на улучшение училища и семинарии 8 руб. 30 коп., на венчики и разрешительные молитвы — 6 руб., в пользу Александро-Невской богадельни — 2 руб., на больничные учреждения — 1 руб., в пользу бедных духовного звания — 3 руб., на выписку прихода-расходных книг и графопечатных листов — 38 руб. 62 коп. Общий доход — 680 руб. 99 коп., расходы — 211 руб. 94 коп. (то есть 31,1 %) ²⁴⁹.

С 1874 г. 21-процентный взнос установился в размере 64 руб. 23 коп. В 1880 г.: 25 % — 76 руб. 46 коп., 10 % — 28 руб. 28 коп.,

---

²⁴⁶ В следующем году был добавлен 5-процентный сбор с чистой свечной прибыли за 1887 г. на потребности Александро-Невского дома призрения бедных духовного звания и Исидоровское епархиальное женское училище 12 руб. 04 коп. (ЦГИА СПб. Ф. 653. Оп. 1. Д. 21. Л. 58 об.-59.)

²⁴⁷ Там же. Д. 21. Л. 42 об.-43, 44 об.-45, 58 об.-59.

²⁴⁸ Там же. Л. 36 об.-37.

²⁴⁹ Там же. Ф. 961. Оп. 1. Д. 7. Л. 7, 8.

в пользу эмеритальной кассы 3 % — 22 руб. 64 коп., на бедных духовного звания — 5 руб., на Александро-Невскую богадельню — 2 руб., больничных — 2 руб. Отослано о. Благодичному «на составление капитала в память 25-летнего царствования Государя императора 10 %, всего 28 руб. 29 коп.»²⁵⁰. За венчики и графопечатные листы — 10 руб. Депутату (на епархиальный съезд) — 1 руб. По указу Консистории отослано «добавочного 4 % сбора» — 12 руб. 23 коп. Всего 186 руб. 90 коп. (16 %) из 1158 руб. 01 коп.²⁵⁰

1899 г.: 25 % — 76 руб. 46 коп., на содержание местных духовных училищ — 64 руб. 84 коп., на бедных духовного звания — 16 руб., 3 % — 14 руб. 37 коп., на больницы — 50 коп., выписка метрических и других листов — 13 руб. 84 коп. Всего 186 руб. 01 коп. из 1567 руб. 34 коп. (11 %)²⁵¹.

Помимо ежегодных обязательных взносов и отчислений, расход церковных средств осуществлялся на цели, которые были определены указами Духовной консистории. В 1869 г. благочинным было предписано во исполнение указа Консистории объявить в каждом из подчиненных им приходов об открытии подписки на единовременный взнос и ежегодные отчисления «на содержание С.-Петербургского Александро-Невского дома призрения бедных духовного звания». То количество денег, которое указывалось для ежегодного взноса, церкви должны были представлять в конце года через благочинных в Консисторию²⁵².

От церквей в 1870 г. были собраны средства на издание 2-го выпуска Историко-статистических сведений о С.-Петербургской епархии. В частности, от церквей Ямбургского, Лужского и Новолодожского уездов требовалось внести по 1 руб.²⁵³ В местные казначейства следовало также препроводить собранные по приходам средства «на памятник в Киеве Богдану Хмельницкому»²⁵⁴.

²⁵⁰ ЦГИА СПб. Ф. 691. Оп. 1. Д. 12. Л. 2 об.-3, 3 об.-4, 4 об.-5, 12 об.-13.

²⁵¹ Там же. Д. 24. Л. 28 об.-29.

²⁵² Там же. Ф. 690. Оп. 1. Д. 26. Л. 87 об.

²⁵³ Там же. Ф. 19. оп. 120. Д. 61. Л. 137 об.

²⁵⁴ Там же. Л. 142.

В сентябре 1870 г. из Синода было объявлено приглашение «к пожертвованиям на построение в Нью-Йорке постоянного храма»²⁵⁵.

В апреле 1875 г. следовало «немедленно учинить подписку для сбора добровольных пожертвований» как от своей церкви, так и от членoв своего причта и посторонних благотворителей «на призрение и пристроение имеющих быть ныне исключенными из Александрo-Невского училища учеников»²⁵⁶.

После войны 1877–1878 гг. был организован сбор в кружки Красного Креста в пользу «призреваемых семейств убитых и раненых воинов». Однако на эти же цели сбор пожертвований производили также еще несколько «окружных» попечительств, расположенных в Петербурге. В декабре 1878 г. Консistorии пришлось разбирать конфликт между Шестым Петербургским попечительством и настоятелями некоторых церквей, которые не разрешали в церквях устраивать новые кружки по требованию Шестого попечительства²⁵⁷. Консistorия посчитала, что «устанавливать очередь» для сбора пожертвований «неудобно и могло бы приводить к столкновениям и пререканиям» как между попечительствами, так и с причтами церквей. Поэтому было разрешено каждому из местных Попечительств производить сбор средств только в тех церквях, «на приходе которых распространяется благотворительная деятельность его», но только «по прекращении сбора в пользу Общества Красного Креста»²⁵⁸.

В Романшинской церкви (Лужский уезд) в 1878 г. 21-процентный сбор составлял 9 руб. 31 коп., 10-процентный — 4 руб. 10 коп.; израсходовано на венчики, графопечатные и другие листы 14 руб. 30 коп., «в училищное попечительство» — 2 руб., «на устройство военных крейсеров пожертвовано»²⁵⁹ 3 руб. 80 коп.,

²⁵⁵ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 122. Д. 314. Л. 23.

²⁵⁶ Там же. Ф. 690. Оп. 1. Д. 26. Л. 125 об.

²⁵⁷ Там же. Ф. 19. Оп. 122. Д. 314. Лл. 77, 77 об.

²⁵⁸ Там же. Л. 78.

²⁵⁹ По указу Консistorии: «Согласно предложению Его Преосвященства Гермогена Епископа Ладожского от 12 сего мая [1878 г.] ... предписать духовенству С.-Петербургской

«на военные потребности от церкви» — 3 руб., на бедных духовного звания — 3 руб., «на воспособление Попечительству приходского училища» — 2 руб. 50 коп., депутату епархиального съезда — 2 руб., на Красный Крест — 5 руб. 50 коп. Всего 49 руб. 51 коп. (21 %) из общего дохода 229 руб. 35 коп.²⁶⁰ В 1880 г. 25-процентный сбор составлял 11 руб. 15 коп. За прошлый год была выплачена недостающая сумма 25-процентного сбора 1 руб. 77 коп., 10-процентного — 4 руб. 89 коп. Пожертвовано от церкви на духовные училища 5 руб., депутату — 2 р., на бедных духовного звания — 2 руб. 05 коп., «на вдов и сирот» — 1 руб., на Александро-Невскую богадельню — 2 руб., на училищное Попечительство — 2 руб., на графопечатные листы — 5 руб. 60 коп., на Красный Крест — 1 руб. Израсходовано 38 руб. 46 коп. (10 %) из общего дохода 383 руб. 33 коп.²⁶¹ В 1883 г. от церкви «на мануент Екатерине 2-й» было пожертвовано 1 руб.²⁶² В 1889 г. «на постройку собора в г. Риге» передан 1 руб., пожертвовано от церкви «в память чудесного спасения Императорских величеств и Царственной семьи 17 октября 1888 г.» 3 руб.²⁶³

1898 г.: 25 % — 11 руб. 15 коп., 10 % — 12 руб., на епархиальное женское училище — 2 руб. 63 коп., 3 % — на эмеритальную кассу 4 руб. 70 коп., 1 % — на церковно-приходские школы 4 руб. 31 коп., 1 ½ % — 3 руб. 67 коп., ½ % — на больницы 58 коп., «в Попечительство о бедных духовного звания» — 2 руб., «в пользу Попечительства об уволенных учениках» — 1 руб., на бедных духовного звания — 3 руб., на графопечатные и другие листы — 6 руб., «на канцелярские расходы и проезд о. Благодичному» — 10 руб. Итого 55 руб. 04 коп. (7 %) из дохода 706 руб. 92 коп.²⁶⁴

епархии чрез благочинных, а монашеству чрез настоятелей монастырей о необходимости сбора пожертвований от церквей, монастырей с братиею, причтов, церковных старост и прихожан на приобретение морских судов добровольного флота ...» (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 120. Д. 59. Л. 124 об.)

²⁶⁰ Там же. Ф. 869. Оп. 1. Д. 75. Л. 10 об.-11, 13 об.-14, 15 об.-16.

²⁶¹ Там же. Д. 79. Л. 2 об.-3, 7 об.-8, 12 об.-13.

²⁶² Там же. Д. 83. Л. 5 об.-6.

²⁶³ Там же. Д. 89 Л. 6 об.-7.

²⁶⁴ Там же. Д. 101. Л. 9 об.-10, 19 об.-20, 21 об.-22.

Остальные средства в зависимости от доходов шли на нужды церкви. Пожалуй, именно через расходы остаточных сумм, которые шли на поддержание благолепия и ремонт храма, можно понять, достаточно ли было средств у приходской церкви.

В течение 1878 г. расходы собственно на Романшинскую церковь (Лужский уезд) были следующими: 19 руб. на покупку и вывоз 2,5 саж. березовых дров для церкви, 7 руб. 20 коп. за годовую подписку «Церковного вестника», 4 руб. 20 коп. «страхового платежа» церковного здания; «на хозяйство» (шелковые шнуры, веревки для колоколов, половые щетки, «чугунная вьюшка для церковной печи», починка «выносного фонаря») еще 4 руб. 15 коп.; за «посеребрение мирницы» 2 руб. 50 коп., за новую жестяную купель 5 руб. 50 коп.²⁶⁵ В конце ноября на приход был назначен новый священник Василий Иоаннов Беляев. Поэтому скорее всего для него было куплено «8 аршин каленкору... для нового подризника»²⁶⁶ на 1 руб. 35 коп. и заплачено за шитье 1 руб. 50 коп.²⁶⁷, а всего израсходовано 45 руб. 40 коп. В дальнейшем в разные годы производился ремонт печей, дверей, вставка стекол и покраска рам, пола и крыши, постройка навеса для дров, починка заборов, приобретались недорогие предметы для хозяйства, подновлялась или покупалась новая церковная утварь и ризница. На это не требовалось значительных средств — в 1884 г. на содержание и ремонт церковного дома заплачено 31 руб. 35 коп и на ремонт ризницы и церковной утвари 27 руб. 34 коп.; на содержание церкви в 1885 г. — 52 руб., а в 1890 г. — 37 руб. 25 коп.²⁶⁸ За более дорогие работы и покупки по церкви было израсходовано: по 40 руб. сер. уплачено лужскому мещанину Ф. Гнездову «за крашение пола в церкви» и также мещанину В. Любимцеву «за серебрение двух подсвечников и пяти паникадил» (1879); 30 руб. крестьянину д. Петровки Егору

²⁶⁵ ЦГИА СПб. Ф. 869. Оп. 1. Д. 74. Л. 8 об.-9, 10 об.-11, 12 об.-13, 14 об.-15.

²⁶⁶ Подризник — богослужебное облачение священника, надевается священником при совершении литургии.

Каленкор (коленкор) — тонкая бумажная ткань, она же ситец.

²⁶⁷ ЦГИА СПб. Ф. 869. Оп. 1. Д. 74. Л. 14 об.-15.

²⁶⁸ Там же. Д. 83. Л. 22 об.-23; Д. 89. Л. 18 об.-19.

Дмитриеву «за 50 дерев для церковного дома» (1881); столяру мещанину д. Заполье Василию Архипову «за устройство 18-ти рам для церкви» 25 руб., а за их окраску и вставку стекол тому же мещанину Ф. Гнездову 45 руб. (1882)²⁶⁹. С 1884 г. «за годичное печение просфор для церкви из ее муки» платили жене заштатного священника Анне Антоновой Лавровой 20–14 руб. в год²⁷⁰. В течение некоторых лет, кроме как на дрова, страховой взнос, выписку журналов и чистку печных труб (1 руб.), церковных средств не тратилось. За счет такой экономии и целевых пожертвований прихожан копились церковные средства. Это позволило истратить в 1893 г. полученные по книжке 225 руб. 50 коп. на ремонт церковного дома, а в 1894 г. на ремонт внутренней части церкви 300 руб. и ремонт иконостаса еще 363 руб.²⁷¹ Только после 30-летней службы (1899 г.) священник В. И. Беляев позволил себе купить «в магазине Жевержеева» за 30 руб. ризу, епитрахиль, пояс, поручи и набедренник «из белой парчи»²⁷².

Церковных средств Рогожской церкви (Новоладожский уезд) не только хватало на приобретение необходимых предметов для функционирования храма и богослужения — дрова, хозяйственные покупки, журналы, переплет церковных документов, но и позволяло постоянно выполнять значительные ремонтные работы в храме. Произведены ремонт колокольни (перекрытие железом крыши и побелка внешних стен), замена кирпичных труб, установка в стенах церкви двух медных вентиляторов (1873); в 1875 г. не просто устраивается навес для дров,

²⁶⁹ ЦГИА СПб. Ф. 869. Оп. 1. Д. 75. Л. 22 об.-23; Д. 79. Л. 15 об.-16, 34 об.-35.

²⁷⁰ Там же. Д. 83. Л. 20 об.-21.

²⁷¹ Там же. Д. 93. Л. 27 об.-28, 34 об.-35.

²⁷² Там же. Д. 101. Л. 27 об.-28.

Риза — верхнее облачение священника при богослужении.

После шитья в 1878 г. нового подризника только в 1884 г. было куплено «12 аршин черного каленкору» за 7 руб. 20 коп. и 10 аршин «маншестера» за 10 руб., за шитье ризы и поправку старых риз было уплачено портному А. Владимирову 5 руб. [манчестер — хлопчатобумажная ткань с ворсом наподобие бархата, называется также плимсом]. (Там же. Д. 83 Л. 13 об.-14.) Этому же портному в 1887 г. «за поправку риз и подризников» заплачено 2 руб. 50 коп. и в 1890 г. еще 5 руб. 50 коп. (Там же. Д. 87. Л. 15 об.-16; Д. 89. Л. 16 об.-17.)

как в Романшинской церкви, а строится из бревен деревянной сарай («3 саж. в длину и 3 саж. с аршином в ширину») и покрывается тесом; в 1878 г. были оштукатурены и отбелены стены каменного храма; в следующие два года были устроены хоры; на пожертвованные 200 руб. в 1885 г. был сделан «плитный пол»; с начала 1890-х гг. начинает строиться новый церковный дом, на строительство которого были получены деньги со сберегательной книжки и 1500 руб. от банковских билетов²⁷³. Даже произвели в 1893 г. «золочение шаров у крестов» на куполе церкви²⁷⁴. Ризница не только постоянно пополняется новыми подризниками и ризами, но и на их шитье приобретает атлас «на рукава черного подризника», золотая парча «с букетом для оплечья двух риз» и «20 аршин шотландки для подкладки двух подручников ризы, епитрахили, набедренника...», «9 аршин гасов широких... и 10 аршин гасов средних», бархатный стихарь и орарь, «24 аршина золотого бархата, 32 аршина широкого золотого гаса и 26 аршин мелкого демикатону»²⁷⁵. Церковная утварь также отличалась богатством и красотой: Евангелие, «обложенное бархатом с серебряною лицевою доскою, с такими же застежками... и золотыми кистями», «парчовый покров, обложенный золотым гасом с четырьмя золотыми кистями». В 1885 г. было заплачено 35 руб. мастеру золотых и серебряных дел Г. Н. Боскову за «золочение полного комплекта церковной посуды» и 45 руб. за «посеребрение 13 висячих лампад с цепями»²⁷⁶. Из церковных сумм выплачивалось пособие 5 руб. в год «сироте дочери умершего священника сей церкви девице Евфимии Тимофеевой»; выделялись средства на поездки церковного старосты

---

²⁷³ ЦГИА СПб. Ф. 691. Оп. 1. Д. 7. Л. 21 об., 41; Д. 10. Л. 3 об.-4, 24 об.-25, 36 об.-37, 42 об.-43; Д. 13. Л. 41 об.-42; Д. 18. Л. 17 об.-18.

²⁷⁴ Там же. Д. 21. Л. 18 об.-19.

²⁷⁵ Там же. Д. 7. Л. 18, 51; Д. 10. Л. 1 об.-2.; Д. 12. Л. 19 об.-20.

Газ — легкая прозрачная ткань особого, газового переплетения. За счет пространства между нитями газ вырабатывался нежным и полупрозрачным. Для подкладки под газ покупался демикотон — плотная бумажная ткань.

²⁷⁶ Там же. Д. 12. Л. 40 об.-41; Д. 13. Л. 43 об.-44, 44 об.-45.

и священника²⁷⁷; для мытья полов не только покупались мыло и щетки, но крестьянка д. Подрябинье Евдокия Васильева получала ежегодно плату за «мытье церкви в количестве четырех раз 1 руб. сер.», а с 1879 г. уже 5 руб. за «ежемесячное мытье»²⁷⁸. Сторожу И. И. Малахаеву было выделено 10 руб. добавочного жалованья, ему же ежегодно оплачивали «распиловку» церковных дров; крестьянину д. Подрябинье Петру Федорову выдали в 1882 г. 10 руб. за «исправление должности дьячка в течение первой половины сего года»²⁷⁹. Благочинному «за подводу и на канцелярию» ежегодно 5 руб., или, как написано в книге расходов за 1891 г., «благочинному в карман пять рублей»; просфирне «сясьско-рядковской дьяческой вдове Краснопевковой» за просфоры 24 руб. 15 коп., за помещение школы «крестьянке дер. Подрябинье Зиновии Евфимовой» 10 руб., а учительнице Подборовского училища С. Грузинской «вспомоществования от церкви» 5 руб.²⁸⁰

Расходы на хозяйственные нужды Редкинской церкви (Ямбургский уезд) в 1850-е гг. были более чем скромными: 1851 г. — только 1 руб. 10 коп. на «канат для привязки колокола»; 1852 г. — 60 коп. на железные петли к дверям храма и 30 коп. на лак для киота; 1854 г. — 8 руб. «за переправку Св. Евангелия»; 2 руб. «за починку стихаря и подризника» (1855) и 1 руб. «за починку ризницы» (1856); 6 руб. 60 коп. «за войлок и клеенку для обивки дверей в Храм» (1858)²⁸¹. Богослужебные книги чаще чинились, а новые покупались за 30 коп. (Великий канон Андрея Критского) или 80 коп. (книга Канонник)²⁸². С 1862 г. выписываются три журнала: «Воскресное чтение» (5 руб. 50 коп.), «Духовный вестник» (7 руб.) и «Руководство для сельских пастырей»

²⁷⁷ «Дорожных расходов сделано старостою по делам церкви на 8 руб. 50 коп.», «на разъезды по делам церкви священника и церковного старосты употреблено 3 руб.». (ЦГИА СПб. Ф. 691. Д. 13. Л. 22 об.-23, 29 об.-30.)

²⁷⁸ Там же. Д. 7. Л. 5 об., 49 об.; Д. 10. Л. 45 об.-46.

²⁷⁹ Там же. Д. 7. Л. 47 об.-48; Д. 12. Л. 37 об.-38.

²⁸⁰ Там же. Ф. 961. Д. 10. Л. 47 об.-48; Д. 18. Л. 1 об.-2, 20 об.-21; Д. 23. Л. 23 об.-24, 26 об.-27.

²⁸¹ Там же. Ф. 653. Оп. 1. Д. 18. Л. 21 об., 27, 40 об., 44 об., 50, 60 об., 61 об.

²⁸² Там же. Л. 62.

(5 руб.)²⁸³. Частые расходы в храме — «поправка печей» (2 руб. в 1863 г.)²⁸⁴. В 1863 г. была куплена «ризница в полном комплекте для священников и дьякона из парчи»²⁸⁵. Ежегодно с 1864 г. из церковных средств выдавались «почтарю крестьянину дер. Мышкина Михаилу Артемьеву» 4 руб., а с 1867 г. — 6 руб. в год²⁸⁶, за наем квартиры церковного сторожа еще 10 руб., просфирне «священнической вдове Клавдии Михайловой Сильницкой» 12 руб. в год.²⁸⁷ Кроме необходимых покупок, на хозяйственные нужды по церкви в некоторые годы не было никакого расхода средств (например, в 1869 и 1870 гг.). Экономия позволяла понемногу накапливать деньги на сберегательной книжке. Так в начале 1874 г. было положено 200 руб.²⁸⁸

Эти средства были необходимы для постройки церковного дома²⁸⁹. Из-за отсутствия в приходе помещения для священников они старались «при первой возможности выйти из оногo», причем приход был «слишком многолюден» (4140 д. об. п. в 1871 г.), «расположен на болотистой и обширной местности, так что 881 д. об. п.» находились на расстоянии от 20 до 35 верст от храма²⁹⁰. Помещик Редкинской мызы А. И. Сахаров отказался дать необходимое количество леса, а на 350 руб., которые обещали пожертвовать крестьяне, по мнению причта, «нельзя построить и самого скромного помещения для одного самого

---

²⁸³ ЦГИА СПб. Ф. 653. Оп. 1. Д. 18. Л. 86.

²⁸⁴ Там же. Д. 19. Л. 5 об.

²⁸⁵ Там же. Л. 3 об.

Священник Озеров был «рукоположен к сей церкви» в мае 1857 г., второй священник, Славницкий, — в ноябре 1860-го, дьякон Положенский — в мае 1860 г. (Там же. Оп. 113. Д. 1810. Л. 182 об.-183, 183 об.-184.)

²⁸⁶ Там же. Ф. 653. Оп. 1. Д. 19. Л. 10 об., 27.

²⁸⁷ Там же. Л. 33, 52.

²⁸⁸ Там же. Л. 73 об.

²⁸⁹ По клировым ведомостям 1860 г. священник Озеров нанимал дом в деревне, находившейся в 2 ½ версте от церкви; священник Славнитский жил в помещицьем доме, у дьякона не было никакого, у дьячка Янусова и просфирни были собственные, но стояли также на помещицьеи земле, пономарь Приморский нанимал квартиру, где и священник Озеров. (Там же. Ф. 19. Оп. 113. Д. 1810. Л. 181 об.)

²⁹⁰ Там же. Ф. 653. Оп. 1. Д. 41. Л. 60.

младшего члена причта»²⁹¹. Сама церковь, писал в Консисторию священник Зотиков в 1871 г., «бедная... и не в состоянии помочь» причту «при скудости и ограниченных средствах к своему существованию» построить церковный дом. И если бы имелось «хотя бы какое собственное состояние для подобной постройки», то причт не стал бы «утруждать и беспокоить редкинских прихожан»²⁹². Поступивший на приход в конце 1875 г. новый священник Пелушский «по недостатку своих средств» просил Духовную консисторию «о разрешении найма на церковный счет помещений для него и дьячка, с употреблением на сей предмет 70 руб. в год»²⁹³. Однако Консистория ответила, что «недостаточность средств к жизни присуща не одному только Редкинскому приходу, но и другим сельским приходам» Петербургской епархии. А по количеству прихожан и церковной земли (66 дес.), «по сравнению с другими, не может быть отнесен к числу бедных приходов», тем более что имевшиеся у церкви средства были «не столь значительными», чтобы из них можно было ежегодно выделять по 70 руб. квартирных денег²⁹⁴. В начале 1880-х гг. начался ремонт в храме²⁹⁵ и одновременно строительство церковного дома²⁹⁶. В декабре 1885 г. было внесено за страхование церковного дома 46 руб. 80 коп. (из расчета стоимости в 4000 руб.)²⁹⁷. В 1887 г. прихожанином д. Сабска Косьмою Морозовым было пожертвовано 140 руб. на покупку «траурного священнического облачения со светлым покровом для усопших». Эти предметы были приобретены «в магазине Заозерского в Апраксином дворе № 51 и Жевержеева в Гостином дворе по Перинной линии № 5»²⁹⁸. Придворному мастеру

²⁹¹ ЦГИА СПб. Ф. 653. Оп. 1. Д. 41. Л. 64 об.

²⁹² Там же. Л. 70.

²⁹³ Там же. Л. 22.

²⁹⁴ Там же.

²⁹⁵ Только в июне 1885 г. поступило пожертвований на 2278 руб. 74 коп. (Там же. Д. 31. Л. 36 об.-37.)

²⁹⁶ В 1883 г. потрачено церковных средств 218 руб. 80 коп., в 1884 г. — 221 руб. 17 коп., в 1885 г. — 75 руб. (Там же. Д. 20. Л. 16 об.-17, 32 об.-33, 50 об.-51.)

²⁹⁷ Там же. Л. 46 об.-47.

²⁹⁸ Там же. Д. 21. Л. 24 об.-25.

«иконостасных и позолотных дел Тимофею Данилову Тихонову» было заплачено собранных прихожанами 350 руб. за устройство образа святителя Николая Чудотворца²⁹⁹. Последовавшая в 1890 г. кража 40 руб. церковных средств повлекла за собой расходы — пришлось купить «1 пуд 31 ½ фунт железа разного сорта для решеток» на церковные окна. К началу 1890-х гг. из церковных средств служащим уже выдавалось 82 руб., псаломщику «квартирных» 48 руб.³⁰⁰

Таким образом, на расход церковных средств в означенных приходах влияло нескольких факторов. Прежде всего — общее количество денег, которые поступали в храм посредством сборов и пожертвований от прихожан и других благодетелей. Как мы видели на примере Редкинской церкви, значительное количество прихожан не означало, что церковь будет располагать большими средствами. И наоборот, удобное положение Рогожской церкви способствовало притоку дополнительных пожертвований в кошелек церкви. Во-вторых, обязательность отчисления определенных сумм для общецерковных и епархиальных нужд (в соответствии с обусловленными процентами от определенных сумм и материальными возможностями храмов). В-третьих, для функционирования приходского храма необходимо наличие определенных для богослужения и исполнения треб предметов.

3.2. Материальное обеспечение приходского духовенства Ямбургского, Лужского и Новолодожского уездов

Способы, посредством которых обеспечивалось приходское духовенство России во второй половине XIX в., можно разделить на два вида — жалованье от казны и местные средства.

В Петербургской епархии *казенное жалованье* выплачивалось с 1843 г.³⁰¹ По мнению Новолодожского уездного предводителя

---

²⁹⁹ ЦГИА СПб. Ф. 653. Оп. 1. Д. 21. Л. 24 об.-25.

³⁰⁰ Там же. Л. 36 об.-37.

³⁰¹ Приходы были разделены на 6 классов: 1-й класс — 2 священника (по 240 руб.), дьякон (100 руб.), 2 дьячка (по 70 руб.), пономарь (60 руб.) и просфирня (30 руб.), всего

дворянства, который в 1845 г. давал ответ гражданскому губернатору о возможности ввести в Петербургской губернии Положения от 20 июня 1842 г.³⁰², те священно- и церковнослужители, которые ранее не получали денежного жалованья, теперь были «значительно обеспечены»³⁰³. Однако Д. И. Ростиславов, в середине 1860-х гг. рассматривавший вопрос об обеспечении православного духовенства, писал, что по России в среднем получалось 212 руб. 45 коп. на причт, из которых 106 руб. 22 ½ коп. следовало священнику, а это было меньше, «нежели [получали] хорошие писцы в губернских присутственных местах; дьякон — 53 руб. 11 коп. — за эту сумму невозможно найти прислуги в Петербурге; причетнику — 26 руб. 54 ½ коп., за эти деньги и в провинции не наймешь порядочного человека»³⁰⁴. Оклад в 200 руб. священника Петербургской епархии, по замечанию автора, «почти сравнялся с писцами первого разряда при министерских департаментах»³⁰⁵.

К середине XIX в. жалованье от казны в трех исследуемых уездах получало большинство причтов. Однако правительство, назначая жалованье, учитывало дополнительные местные способы обеспечения причта. При наличии таких средств положенное жалованье уменьшалось или вовсе не назначалось. В Ямбургском уезде Яблонницкая церковь, которая в 1850 г. относилась к 3-му классу, должна была получать на причт оклад в 460 руб. Но священнику выплачивалось 170 руб., дьякону 85 руб., дьячку 60 руб., пономарю 50 руб., просфирне 30 руб., то есть на 60 руб.

---

810 руб. сер. в год; 2-й класс — 2 священника (по 200 руб.), дьякон (100), дьячок (70), пономарь (60), просфирня (30), всего 660 руб. в год; 3-й класс — священник (200), дьякон (100), дьячок (70), пономарь (60), просфирня (30), всего 460 руб.; 4-й класс — священник (180), дьячок (70), пономарь (60), просфирня (30), всего 340 руб.; 5-й класс — священник (180), дьячок (70), пономарь (60), всего 220 руб.; 6-й класс — священник (150), дьячок (70), всего 220 руб. (ПСЗ. 2-е собр. Т. XVIII. № 16852. Штаты и табели. С. 231).

³⁰² Положение о обеспечении сельских причтов землями, домами и единовременными пособиями в Западных губерниях

³⁰³ ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 9. Д. 2620. Л. 34 об.

³⁰⁴ Ростиславов Д. И. О православном белом и черном духовенстве в России. Лейпциг, 1866. Т. 1. С. 288.

³⁰⁵ Там же.

меньше, поскольку причт получал дополнительно от местных помещиков с 1833 г. «разного хлеба 36 четвертей и 100 руб. асс.», что и было «вменено по штату в собственные способы содержания церкви»³⁰⁶. Причт Знаменской церкви в Нарве не получал выплат из казны, поскольку на его содержание прихожанами были внесены «в Государственный Заемный банк 2 тыс. руб.», что составляло 80 руб. сер. в год на клир (священник и два причетника), а также из кошелековых сумм церкви выдавались 50 руб. на отопление домов³⁰⁷.

В Лужском уезде причт Екатерининского собора г. Луги – протоиерей, священник, дьякон, дьячок, пономарь и просфирня получали из лужского уездного казначейства 110 руб. асс., а по «утвержденному нормальному штату сельского духовенства» священнику выплачивали только 150 руб. и дьячку 70 руб. сер., «которые деньги» обращались «в общий раздел всего соборного причта»³⁰⁸. К 1-му классу был отнесен приход Воскресенской церкви Передольского погоста. Казенного жалованья по штату полагалось 810 руб. Но при его назначении были учтены проценты в 268 руб. сер., которые получал причт с 1831 г. с капитала в 7142 руб., положенного в Сохранную казну по духовному завещанию «действительного тайного советника Николая Игнатьевича Калинина за вечное его поминовение»³⁰⁹. Именно эти 268 руб. были вычтены из казенного жалованья (получали 542 руб.). Также вычитались 43 руб. процентов (с капитала в 1400 руб.) из полагавшегося по штату 3-го класса жалованья в 430 руб. причта Николаевской церкви в с. Крицы; 52 руб. «за собственные способы церкви» из жалованья причта Успенской церкви Феофиловой пустыни (из 310 руб.)³¹⁰.

Причт Новоладожского Николаевского собора (двое священников, дьякон, черверо причетников и просфирня) не имел казенного жалованья, а лишь проценты «по билету 1842 г. сохранной

³⁰⁶ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 113. Д. 1285. Л. 84 об.

³⁰⁷ Там же. Л. 20 об.

³⁰⁸ Там же. Д. 1273. Л. 1.

³⁰⁹ Там же. Л. 20 об.

³¹⁰ Там же. Л. 158 об., 165 об.

казны в 500 руб. асс.» за поминовение купца Григория Максимова³¹¹. Не производился оклад и причту церкви св. Климента в Новой Ладогe, поскольку он пользовался процентами с билетов в 142 руб. сер. и в 175 руб. сер.; священник и дьячок Подбережской церкви получали штатного содержания только 110 руб. сер., поскольку процентов с капитала 8000 руб. асс. ежегодно приходилось 320 руб. асс.³¹² За пользование участком земли приписной церкви Староженского монастыря из жалованья причта Загубской церкви (310 руб. сер.) вычитались 80 руб. сер.³¹³

Местные средства содержания приходского духовенства в Петербургской епархии были традиционными, как и по всей России: 1) «доброхотные даяния» прихожан за исполнение для них церковных и приходских треб; 2) церковная земля или довольствие (руга), которое производилось причту прихожанами вместо отвода узаконенного количества земли; 3) проценты с предназначенных в пользу причтов «вечных вкладов»; 4) доходы с церковных оброчных статей, также предназначенных в пользу причта.

Одна из целей, которые преследовало правительство, начиная выплаты казенного жалованья белому духовенству, было прекращение взаимных обид и жалоб причтов и прихожан. Вымогательство, с точки зрения прихожан, или заслуженная плата, с точки зрения клира, за исполнение треб служили источником бесчисленных конфликтов во внутрприходских отношениях, обсуждение и расследование которых занимало сплошь и рядом многие годы. Приходы изучаемых уездов Петербургской епархии не были исключением из сложившейся ситуации. Даже последовательное расширение круга получателей жалованья от казны и увеличение размеров самого жалованья не устраняли поводов для конфликтов.

Чтобы исключить возможности возникновения разногласий при взаимных расчетах за исполнение треб, дворяне

³¹¹ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 113. Д. 1322. Л. 56 об.

³¹² Там же. Л. 65, 255.

³¹³ Там же. Л. 15.

Ямбургского уезда в 1845 г. уже после утверждения штатов сельских приходов епархии и начала выплат жалованья, которое было даровано священно- и церковнослужителям «с целью прекратить всякое требование платы за требы», своим постановлением ввели «уравнительную плату» за разные требы и церковные службы. В частности, по «Расписанию платы» за крестины полагалось 30 коп. сер., за свадьбу — 1 руб. 40 коп. сер., за отпевание с проводом — 1 руб. сер., за панихиду — 3 коп. сер., за молебен «обще на полях» — 3 руб. сер.³¹⁴ (Этот тариф был выше, чем в других епархиях.) Ссылаясь на это решение, местный помещик мызы Раскулицы Н. Вахтин обвинял в 1850 г. приходского священника Светлова в чрезмерных поборах за свадьбу. Однако священник в своем объяснении в Консistorию писал, что «крестьянин Алексей Петров... действительно доставил мне, вместо одного рубля сорока копеек серебром /:следуемые «за венчание» по Расписанию, составленному дворянством Ямбургского уезда... и засвидетельствованному г. уездным предводителем дворянства/, три рубли серебром... чтобы я распорядился... пригласить священника села Ильеш... и озаботился приисканием на сии деньги для него подвод»³¹⁵. За общественный молебен для крестьян мызы Раскулицы «в день Первоверховных апп. Петра и Павла» управляющий имением (мещанин Матизен) передал священнику от Н. Вахтина положенные 3 руб. сер.³¹⁶

Общие суммы годового дохода за исполнение треб в трех уездах были различными. На количество собиравшихся средств влияла численность прихожан и их потребность (традиции) в исправлении тех или иных личных или общественных треб. Поскольку упомянутое выше решение дворянства, какое было принято в Ямбургском уезде, в других двух исследуемых уездах епархии принято не было, то благосостояние крестьян сельских причтов напрямую влияло на материальное положение

³¹⁴ ЦГИА СПб. Ф. 654. Оп. 1. Д. 59. Л. 37, 38.

³¹⁵ Там же. Ф. 19. Оп. 42. Д. 105. Л. 93.

Другой священник потребовался в связи с расследованием дела по жалобе Н. Вахтина и отстранением священника Светлова от богослужения (о конфликте см. далее).

³¹⁶ Там же. Л. 79.

клира. Как отзывался священник Городищенского прихода (Новолодожский уезд), «по удобству сообщения с Петербургом и по близости к реке Волхову» приход мог бы считаться «одним из лучших... здешнего края, если бы постоянные неурожаи и часто повторяющиеся падежи скота от сибирской язвы не вводили крестьян в недоимки и не предавали бы многих из них полному разорению»³¹⁷. Немаловажное значение имела религиозность прихожан. Так, религиозное состояние прихожан Валговицкой церкви (Ямбургский уезд), по отзыву священника, было «достойно всякой похвалы», они усердно ходили в церковь, соблюдали посты и праздники, часто служили молебны. А хорошее отношение прихожан к священнику выражалось в том, что «в семейных распрях слово священника» становилось решающим³¹⁸.

Доходы за исполнение треб разделялись на *общие*, которые принадлежали всему причту (служение литургии, за молебны, панихиды, венчание браков, освящение икон, плата за посещение причтом домов прихожан в праздники и др.), и *частные*, или поручные, которые обращались в пользу лица, совершившего требу (наречение младенца, за отметку бывших на исповеди, чтение псалтири и пр.). Общие денежные доходы в Петербургской епархии по сведениям, которые предоставили в 1855 г. благочинные епархии на запрос Архангелькой Духовной консистории, делились между членами причта на основе обычая, который не везде был одинаков. Например, в Лужском уезде, исходя из 1 руб., священник получал 50 коп., а псаломщики по 25 коп., или священник брал себе 70 коп., а псаломщику оставалось 30 коп.; при четырех членах причта священник оставлял себе 50 коп., дьякон — 17, а псаломщики — по 11 коп.³¹⁹ В Ямбургском уезде причт 2-го класса исходил из суммы в 3 руб. 20 коп. — двум священникам по 1 руб., дьякону 60 коп., причетникам по 30 коп.; по штату 3-го класса³²⁰ — исходя

³¹⁷ Историко-статистические сведения... Т. 9. С. 218.

³¹⁸ Там же. Т. 10. С. 334.

³¹⁹ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 47. Д. 21. Лл. 46, 46 об.

³²⁰ Там же. Л. 51, 51 об.

из 1 руб. 10 коп. — доля священника составляла 50 коп., дьякона — 30 коп., а причетников — по 15 коп.³²¹

Уточненные правила для Петербургской епархии были утверждены митрополитом Исидором 22 августа 1878 г.³²¹ Само соотношение получаемых частей было следующим: исходя из 1 руб., священник получал 75 коп., псаломщик — 25; если причт состоял из священника и двоих псаломщиков, то 60:20:20; если из двоих священников и двоих псаломщиков, то, исходя из 98 коп., — 42:28:14:14; если причт включал двоих священников, дьякона и двоих псаломщиков, то, исходя из 1 руб. 2 коп., — 36:24:18:12:12.

Годовая сумма от требоисправлений могла быть выше, чем получаемое жалованье от казны, и, следовательно, была действительно основным видом получения доходов причтов. По данным, которые опубликованы в «Историко-статистических сведениях...», такое положение было, например, в церквях Лужского уезда: в Поддубской церкви (2608 прихожан) — при разделе 800 руб. сер. дохода священник получал 600 руб., причетник 200 руб., а их жалованье в тоже время (1883) составляло 220 и 70 руб. соответственно³²²; в Успенской церкви в с. Гагрине (1585 прихожан) от 400–450 руб. дохода священнику полагалось 300 руб. (жалованье 220 руб.), псаломщику 100 руб. (70 руб.)³²³. В Новоладожском уезде в Ильинском погосте (762 прихожанина) те же 400 руб. разделялись между священником (300 руб.) и псаломщиком (100 руб.); в праздники в Георгиевской церкви в с. Оломна (1234 прихожанина) бывало до 500 чел., а дохода за требы причт получал до 500 руб., то есть священнику дополнительно к его жалованью в 180 руб. прибавлялось еще 375 руб., псаломщику — 125 руб.; священник Шижнемской церкви (1198 прихожан) также получал из 500 руб. к своему окладу от казны в 240 руб. еще 375 руб. доходов за требы, а псаломщик к 80 руб. — 125 руб.³²⁴ В Николаевской церкви

³²¹ Руководственные для Православного духовенства указы... С. 192–193.

³²² Историко-статистические сведения... Т. 9. С. 450.

³²³ Там же. С. 471.

³²⁴ Там же. С. 150, 282, 321.

в Мемино (920 прихожан), как мы уже отмечали, значительные доходы накапливались за счет сторонних жертвователей, в большом количестве приходивших поклониться иконе Божией Матери, именованной «Достойно есть». В первые годы после принесения иконы, как писал священник, доход от нее «простирался до полуторых тысяч», а к 1883 г. собирался до 800 руб. сер. На долю священника «всего дохода и жалованья» получалось до 1100 руб. (в том числе 240 руб. от казны), причетнику — до 280 руб.³²⁵

Вместе с тем, доход за требы некоторых причтов не превышал 200 руб., как, например, в Керстовской церкви (Ямбургский уезд), причем на причт, состоявший из священника и двоих причетников (то есть 120 и 40 + 40 руб.)³²⁶.

Частные доходы от требоисправления, о которых упоминалось выше, не учитывались. Они оставались в полном распоряжении получивших их лиц, поэтому немаловажным было расположение прихожан к члену причта, который был заинтересован в более *весомой* благодарности своих жертвователей.

Земля издавна была источником доходов для церковного клира. Она разделялась на усадебную, то есть участки земли, на которых находились собственно церковь, дома причта, сады и огороды, и полевую, к которой относились пашня и сенокосы, отведенные к церквам для продовольственного обеспечения причта. В трех исследуемых уездах в обозначенный период более половины имевшихся церковных наделов в сельских приходах имели размер в пределах узаконенной пропорции — от 30 до 45 дес. В Ямбургском уезде из 16 сельских приходов — в 10³²⁷, при 5 церквах надел был менее, чем предусматривалось законом. В Лужском уезде такая же пропорция были в 26 из 41 прихода, при 6 церквах — от 45 до 75 дес. В Новолодожском уезде 22 прихода из 31 имели необходимый надел, в 4 приходах он был меньше, а в 3 — от 75 до 100 дес.

³²⁵ Историко-статистические сведения... Т. 9. Л. 274.

³²⁶ Там же. Т. 10. С. 384.

³²⁷ Учитывая данные, указанные в «Историко-статистических сведениях...».

Количество предоставленной причту земли само по себе еще не говорит о степени ее влияния на обеспеченность клира³²⁸. Священник С. Смирницкий характеризовал следующим образом этот вид материального обеспечения причта: «Земли при Удосольской церкви... удобной и неудобной в 7 участках значится 39 дес. 100 кв. саж., вся неподручна и при недостатке материальных средств к обрабатыванию ее лежит большею частью без обработки, а потому не приносит существенной пользы. Главное — недостаток средств на обрабатывание ее, а второе — неподручность делает ее для причта малополезною и служит лишь упреком как средство к содержанию»³²⁸. В ведомости об имениях, принадлежащих церкви, и доходах с них священник указывает, что с церковной земли в год можно было получить 100 руб. сер., но «на содержание имения расходуется до 35 руб.», а в пользу всего причта поступало только 65 руб.³²⁹ Значит, священник получал 48 руб. 75 коп., а псаломщик 16 руб. 25 коп. дохода от земли³³⁰. В этом же Ямбургском уезде Спасская церковь в с. Чирковицы с 30 дес. также имела доход в 100 руб. Доходной земли из общего количества в 150 дес. у Димитриевской церкви в Бельском погосте (Лужский уезд) было только 40 дес.³³¹, но приносила она «священнику до 150 руб., диакону до 75 руб. и причетнику до 37 руб.»³.

Церковная земля в трех исследуемых уезда обрабатывалась в большинстве своем самими членами причта. Случаи обработки церковной земли сторонними работниками или крестьянами вместо причта в трех исследуемых уездах единичны. Например, причтом Георгиевской Вшельской церкви (Лужский

³²⁸ ЦГИА СПб. Ф. 654. Оп. 1. Д. 59. Л. 40 об.-41.

³²⁹ Там же. Л. 82.

³³⁰ Если сравнить приведенные выше наделы членов причта с крестьянскими общинными наделами в трех уездах, то средний размер поземельной собственности на 1 ревизскую д. м. п. в 1877-1878 гг. приходилось в Ямбургском уезде — 4,8 дес., в Новоладожском уезде — 8,1 дес., в Лужском уезде — 6,5 дес. (Ершов Г. Поземельная собственность Европейской России, 1877-78 гг. СПб., 1868. Картограмма № 6, Отношения, изображенные на картограммах 1-7. С. 140.)

³³¹ Историко-статистические сведения... Т. 9. С. 457-458.

уезд) в 1880-х гг. нанимался работник «часто за дорогую цену, или брали „пашильца“, то есть крестьянина, который за 30 руб. или менее вспахивал и засеивал поля, а весь доход с земли получал причт. Покося делали большей частью «помощью»³³², то есть прихожане работали в воскресные дни за угощение от членов причта. Также поступал и причт Николаевской Ястребинской церкви (Ямбургский уезд). Церковная земля Покровской Югостицкой церкви (Лужский уезд) обрабатывалась частью причтом, а частью отдавалась крестьянам «в напах», получая «один сноп с 5-го»³³³.

Крайне редко в этот же период в изучаемых уездах церковная земля отдавалась в аренду. При этом значительная, по мнению церковных властей, сумма полученных от аренды доходов могла повлиять, как мы отмечали выше, на уменьшение жалованья от казны. Так, причту Георгиевской церкви в Старой Ладоге в 1851 г. было уменьшено жалованье от казны «по мере собственных способов содержания» — 35 дес. пахотной и 15 дес. сенокоса, находившихся в 35 верстах от церкви, сдавали в «арендное содержание» крестьянам д. Тобин. Одна половина отдавалась священником «крестьянину Егору Семенову Бычкову за 21 руб. 42 ½ коп. сер.»; принадлежавшая причетникам другая половина надела делилась на две части, «из коих дьячечская часть» отдавалась «крестьянину Федору Иванову за 10 руб. сер.», а пономарская часть — «крестьянину Стефану Иванову за 7 руб. 14 ¼ коп. сер.»³³⁴. Причту Сяберской церкви (Лужский уезд) принадлежало 340 дес. земли (317 дес. под лесом), которая находилась в 6 и 8 верстах. Сам клир «не владел пахотной землею», а отдавал ее в 1850 г. «крестьянам кому угодно с пятины», которой доставалось каждому из причта «по самой малейшей частице», остальная земля находилась «праздно»³³⁵.

³³² Историко-статистические сведения... Т. 9. С. 440-441.

³³³ Там же. С. 411.

³³⁴ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 113. Д. 1322. Л. 121 об.

³³⁵ Там же. Д. 1273. Л. 66 об.

Аренда пахотной земли (18 дес.) продолжалась и в 1883 г. (Историко-статистические сведения... Т. 9. С. 463.)

К Успенской церкви Городецкого монастыря (Лужский уезд) был приписан Дремяцкий приход вместе с принадлежавшей ей пахотной землей в количестве 103 ½ дес. В 1850 г. причт этой землей «владел сам»³³⁶. В 1883 г. этот участок уже отдавался в аренду крестьянам «с правом получать один сноп из 5-ти»³³⁷. В Новоладожском уезде причт Городищенской церкви до 1866 г. владел 36 дес. пахотной и сенокосной земли сам. Затем по соглашению причта и прихожан земля отдавалась в аренду крестьянам с. Городища, за что причт получал «по четвертке ржи и по четвертке овса с каждой ревизской души» (с 277 душ)³³⁸.

В исследуемых уездах Петербургской губернии во второй половине XIX в. духовенство в подавляющем большинстве своем не располагало ни качественными землями, дающими хороший урожай и приносящими достаточный доход, ни средствами, которые можно было бы вложить в земледелие, чтобы обеспечить своим семействам безбедное существование. Нанять работника, как мы уже отмечали, могли только немногие священнослужители, в распоряжении которых был значительный надел. По расчету автора брошюры «Об улучшении быта православного духовенства собственными средствами Духовного ведомства» с участка в 16 ½ дес. и при урожае сам-шесть «едва можно вознаградить издержки обработки»³³⁹, а плата в размере половины

---

³³⁶ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 113. Д. 1273. Л. 135.

³³⁷ Историко-статистические сведения... Т. 9. С. 499.

³³⁸ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 133. Д. 1322. Л. 169; Историко-статистические сведения... Т. 9. С. 216.

³³⁹ [Ушинский] Об улучшении быта православного духовенства собственными средствами Духовного ведомства. СПб., 1863. С. 4.

Автор писал, что земледелие в России, за исключением немногих плодородных местностей, при вольнонаемной обработке земли в большинстве случаев было непроизводительно, так как «оплачивается только при урожае сам-пять», но поскольку в России средний урожай сам-четыре и даже сам-три (а в Петербургской губернии и меньше), то получить доход можно, только затратив большой капитал на удобрения. Поэтому для священников, «обрабатывающих землю вольнонаемными рабочими, земледелие положительно убыточно и ведется только по укорененному издавна обычаю, поддерживаемое кое-как бесплатной мирской работою прихожан в воскресные и праздничные дни. (Там же. С. 2-3.)

годового казенного жалования «пашильцу» для причетника была просто недоступна.

Еще одним из местных способов содержания приходского духовенства были проценты с вкладов, которые помещались в кредитные учреждения и предназначались для причта. Такие денежные капиталы могли быть двух видов: первый — проценты шли на нужды причта в дополнение к уже имевшимся доходам, второй — *вечные вклады*, проценты от которых шли на вознаграждение причта за помин души. Денежные средства, которые предназначались для причта, могли перейти в его пользование посредством завещания или личной передачи. Разница между этими двумя вкладами заключалась в том, что вечный вклад нельзя было востребовать и потратить на церковные нужды, какими бы неотложными они не были, причт пользовался только процентами. На средства вечных вкладов приобретались государственные 4- и 5-процентные билеты³⁴⁰. Например, причт Пашского погоста к 1880 г. получал проценты с непрерывно-доходных билетов 4 % за № 7610 на 143 руб. («положенного в 1841 г. коллежским асессором Иваном Мордвиновым... на вечное поминовение его родителей, и по смерти — его самого») и № 111338 в 100 руб. («пожертвованного вдовою действительного статского советника Анною Мордвиновою» в 1868 г.); в билете 5 % Государственного банка за № 251273 на 100 руб. (пожертвованного в 1878 г. «причетником сей церкви Павлом Покровским... на вечное поминовение жены его»)³⁴⁰. Всего на 343 руб. Из них настоятелю полагалось 5 руб. 65 коп., его помощнику 4 руб. 52 коп. и двоим псаломщикам по 2 руб. 26 коп. К концу 1882 г. были пожертвованы билеты: 5% «девицею Матроной Ивановой во 100 руб.», Государственной комиссии погашения долгов 2-го 5-процентного займа «наследниками г. Мордвиновыми в 200 руб.»; и пожертвованного действительным статским советником Владимиром Павловичем Мордвиным 5-процентный билет в 200 руб. «на вечное поминовение его сестры Мирии Павловны Мордвиновой»³⁴¹. Всего

³⁴⁰ ЦГИА СПб. Ф. 612. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

³⁴¹ Там же. Д. 2. Л. 1 об.

на 843 руб., процентов — 39 руб. 72 коп. Церковный капитал в билетах в это же время составлял 13 850 руб.

Обозначив основные источники доходов священно- и церковнослужителей, следует выяснить вопрос о том, как происходило обеспечение духовенства и назначалось жалование во вновь образованных приходах и повлияло ли составление новых штатов и в связи с этим предполагаемое сокращение численности священно- и церковнослужителей на суммы окладов казенного жалования?

Прихожане будущего Уторгоцкого прихода (Лужский уезд), «чтобы дело устроения церкви шло успешнее», пожелали «иметь для себя сряду же священника и церковного старосту» для участия в сборе средств на строительство и для наблюдения за работой³⁴². Вместо узаконенной пропорции земли они согласились выдавать причту с каждой ревизской души «по половине четверика ржи», но «лишь до назначения жалования от казны»³⁴³. В отношении «вознаграждения по требоисправлению» жители признали, что это «есть дело случайное, а потому неопределительное». Духовную консисторию не удовлетворило такое обязательство крестьян. Она потребовала от прихожан составить акт о нарезке земли либо «положить ругу озимого по два и ярового по два гарнца хлеба, сена 300 пудов и соломы 200 пудов», построить дома для причта³⁴⁴. В апреле 1865 г., после года служения при церкви, причт жаловался митрополиту Исидору, что обязательства со стороны прихожан не выполняются: ругу выдавали «неаккуратно и неохотно», поэтому священнику приходилось «ездить по приходу и под каждым окном крестьянина, как бы из милости, выпрашивать должного»³⁴⁵. А жители д. Большие Березицы (136 душ) «прямо отозвались»,

³⁴² ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 50. Д. 125. Л. 44 об.

³⁴³ Там же. Л. 70 об.

Получетверик = 4 гарнцам = 13,118 л.

³⁴⁴ Там же. Л. 71 об.

2 гарнца = 6,559 л.

³⁴⁵ Там же. Л. 96 об.

что они не давали обещания производить ругу, «а если и дают, то единственно из милости и сострадания к бедности причта». Плата за требы отдавалась «половину должного», а нередко и вовсе не платили³⁴⁶. Обещанных квартир не было. Священнику пришлось «взойти в долги», чтобы построить дом, двое причетников жили «из милости» в сельской школе («с закрытием занятий»). Нанять для жительства деревенскую избу стоило не менее 25 руб. сер. в год, а «таковая сумма добывалась причетником» в Уторгоцком приходе не менее года. По мнению священника, соблюдение обязательств для крестьян было «необременительно», а происходило «единственно от нерадения прихожан», так как если становой пристав приезжал «в деревню для взысканий за долги, сряду же являются деньги и очищаются недоимки»³⁴⁷.

Не дождавшись решения Консистории, причт в марте 1866 г. вновь обратился к митрополиту, но уже с предложением. По штату Уторгоцкой церкви полагалось двое причетников, клир просил упразднить одного из них. Соседний Вшельский приход, от которого отошли деревни для составления Уторгоцкого прихода, следовало перевести из 1-го класса во 2-й, и освободившиеся средства от жалованья священников 80 руб. и 60 руб. от сокращения причетника «в видах улучшения» предать причту Уторгоц. Такое решение для священников Вшельского прихода, по мнению священника Я. Яновского, было бы незаметным, потому что их приход считался «первым в уезде, при богатых прихожанах и хорошей земле»³⁴⁸. Консистория признала, что производство дела «касательно ходатайства» перед Синодом о назначении Уторгоцкому причту казенного жалованья не возникало в виду того, что «подобные ходатайства, по неимению в Святейшем Синоде потребных сумм, оставались без удовлетворения». По ее решению Вшельский приход был переведен во 2-й класс (двоим священникам по 200 руб., дьякону 100 руб., дьячку 70 руб., пономарю 60 руб.,

³⁴⁶ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 50. Д. 125. Л. 96 об.

³⁴⁷ Там же. Л. 97 об.

³⁴⁸ Там же. Л. 110 об.

просфирне 30 руб. — 660 руб.)³⁴⁹. А из остатка штатного жалованья — 150 руб. (40 + 40 + 70 руб.) — производить причту Уторгошской церкви, переведенного в 6-й класс, священнику 100 руб., дьячку 50 руб. в год³⁵⁰. Но до нарезки законного количества земли причту следовало по-прежнему пользоваться положенной от прихожан ругою.

Это назначение не осталось «без внимания» крестьян. Они перестали платить ругу клиру, объясняя это тем, что в 1862 г. давали обязательства «только до положения причту жалованья». А так как со второй половины 1866 г. священнику и дьячку выплачивались средства от казны, «то в силу сего обязательства причт должен остаться без земли, руги и готовых квартир от прихожан»³⁵¹.

В том же уезде при организации прихода в с. Хредине выяснилось, что церковной землей, которая когда-то была при церкви, на законных основаниях владел помещик Г. А. Сорокин. Еще в 1858 г. Консистория рассматривала вопрос о переводе Павской церкви из 2-го класса в 4-й в связи с отчислением более 1000 прихожан к Хрединской церкви, а освободившиеся средства направить новому причту «с добавлением по полумере ржи от женатого крестьянина согласно их желанию»³⁵².

Но при разрешении на освящение Хрединской церкви в декабре 1863 г. говорилось только о переводе дьячка Павской церкви Петра Соколова, «как опытного и знающего Устав церковный»³⁵³. Это повлекло за собой обращение Павской церкви к митрополиту (май 1864 г.) об уменьшении состава причта. До отчисления прихожан их материальное положение «было безбедное», после открытия прихода в Хредине, когда они лишились более

---

³⁴⁹ Второго дьячка следовало переместить на другое «праздное место, при открытии вакансии, а до перемещения пользоваться ему своим участком земли». (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 50. Д. 125. Л. 119.)

³⁵⁰ Там же.

³⁵¹ Там же. Л. 134.

³⁵² Там же. Д. 140. Л. 15.

³⁵³ Там же. Л. 91

«чем половинной части доходов — они совершенно не могли существовать»³⁵⁴.

В этом же году выяснились условия перехода в Хредино священника Михаила Лебедева. Обращаясь к митрополиту Исидору в 1864 г. с просьбой, священник писал, что при переводе его из Гдовского уезда с него взяли подписку о том, что свое жалованье он должен отдавать священнику Павского прихода Стефану Рождественскому³⁵⁵. М. Лебедев согласился на том «предположении, что доходы Хрединского прихода будут одинаковы с доходами на родине» в с. Осьмине (Гдовский уезд), при котором «можно было жить безбедно». Однако он «опытом убедился в ошибочности своих предположений». Прихожане, «истощившие немало своих капиталов» на устройство церкви, за требоисправление платили «весьма скудно», при церкви не было кладбища, через что причт лишался «немалых выгод»³⁵⁶. В свою очередь, священник С. Рождественский, помимо жалованья, в своем приходе пользовался «сдворком и пахотною землею», имел свой дом и свое хозяйство³⁵⁷. Поэтому «тяжкая нужда» вынудила священника М. Лебедева обратиться к митрополиту освободить его «от такого выдела» и разрешить пользоваться штатным окладом. Но священнику было отказано. Единственное, чего добилась Консистория, так эта обязательства прихожан вместо положенной земли «производить в течение трех лет по два гарнца ржи и по одному овса с каждой ревизской души» (декабрь 1864 г.)³⁵⁸.

Прихожане, включая местных помещиков и купцов, видели, что причт, пользуясь «доброхотным возмездием» за его труды,

---

³⁵⁴ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 50. Д. 140. Л. 98.

³⁵⁵ Там же. Л. 104.

³⁵⁶ Там же. Л. 104 об.

³⁵⁷ Священник С. Рождественский был «запрещенным» «за неумышленное убийство с ружья женщины». После расследования дела ему было запрещено «всякое священнослужение и употребление священных одежд», следовало определить «на нескудное причтническое место для исправления чтения и пения с назначением покаяния сообразно с 5 правилом Св. Григория Нисского». «Священнический участок земли» так же остался в его пользовании. (Там же. Л. 157 об.)

³⁵⁸ Там же. Л. 112.

жил «весьма бедно». Они обеспечивали клир «по силе возможности», но как приход состоял из 475 ревизских душ, то при всем их усердии «содержать прилично причт» для них было трудно. Прихожане, опасаясь, что необеспеченность причта приведет к тому, что их новый приход сделают приписным к Павской церкви, обратились в марте 1865 г. с прошением к митрополиту «положить штатное жалованье» их причту, как это было в других приходах³⁵⁹. По определению Консистории от 22 января 1866 г. Павский приход был «низведен» в 4-й класс (закрывались вакансии священника и диакона), освободившееся жалованье передавалось Хрединской церкви по 5-му классу. Но из-за недостатка средств (только 300 руб. вместо 310 руб.) священнику назначалось 175 руб., дьячку 67 руб., пономарю 58 руб. сер.³⁶⁰ Прихожане и в этом приходе отреагировали на решение Консистории. Сославшись на «свою несостоятельность», они не выплатили обещанной руги, тем самым поставив причт «в крайне стеснительное положение», так как на содержание «с семействами осталось одно скудное жалованье»³⁶¹. Клир просил Консисторию «приказать... чрез сношение с кем следует понудить Хрединских прихожан к выполнению данного ими в пользу причта обязательства», а в случае «уклонения от сего» приписать приход к Павской церкви³⁶². Духовная консистория определила «сообщить в С.-Петербургское Губернское правление» о просьбе причта и «просить, чтобы оное благоволило сделать зависящее распоряжение к выполнению» обязательств. Благочинному было предписано «сделать увещание» прихожанам также к выполнению положенных сборов³⁶³. В июле 1867 г. становой пристав 3-го стана Лужского уезда явился в Волостное правление, куда были собраны прихожане. Он постарался «вменить им в обязанность» выполнение ими же данных обещаний. Но крестьяне «при понуждении их к выдаче хлеба... от всего

³⁵⁹ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 50. Д. 140. Л. 146 об.

³⁶⁰ Там же. Д. 109. Л. 7.

³⁶¹ Там же. Л. 67.

³⁶² Там же. Л. 67 об.

³⁶³ Там же. Л. 68 об.

совершенно отказались» на том основании, что обязывались выдавать причту только 3 года, «а постоянного обязательства на себя никогда не принимали»³⁶⁴. Причем в мае 1871 г. прихожане на новый указ Консistorии о ежегодной выдаче причту хлеба повторили свой отказ. Они приговорили, что «производство ружного положения» для них крайне тягостно и невозможно, особенно в наступившее неурожайное время, тем более что многие из крестьян, «не получив полного надела земли по узаконению», сами терпели «бедность и нужду»³⁶⁵.

При образовании прихода в с. Смерди все попытки Консistorии определить конкретные способы обеспечения будущего причта оставались без должного внимания со стороны прихожан. Главный устроитель и распорядитель по строительству церкви помещик А. И. Степанов, ведя переписку с Консistorией от своего лица, не предоставлял каких-либо конкретных обязательств крестьян. Последние, в свою очередь, обещали содержать новый причт «по силе возможностей», или вовсе некоторые старосты не давали отзывов «по сему предмету за неимением доверенностей от своих владельцев»³⁶⁶. А в феврале 1861 г. вместо отзывов представили благочинному акт, что «до введения в действие Высочайшего положения... 19 февраля 1861 г. о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, обеспечением, предназначаемым для будущего Смердовского причта... обязаться не могут»³⁶⁷. Консistorия, возвращая упомянутый акт, в мае 1862 г. требовала отведения узаконенной пропорции земли или ружного содержания, «без чего... церковь, хотя бы и была построена», не могла оставаться самостоятельной³⁶⁸. Церковь еще строили, но уже в марте 1863 г. у нее был причт. Летом того же года священник П. Силин писал митрополиту, что у них не было земли, а обещанной руги (по 2 гарнца ржи и овса) прихожане не желали давать, потому что «почва земли здесь песчана

³⁶⁴ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 50. Д. 109. Л. 72 об., 73.

³⁶⁵ Там же. Л. 86

³⁶⁶ Там же. Д. 138. Л. 30, 46.

³⁶⁷ Там же. Л. 62.

³⁶⁸ Там же. Л. 66.

и малоплодна», да и руга обещана, по словам крестьян, «без ведома их»³⁶⁹. Квартиру, дрова и «насущенный кусок хлеба» причту приходилось приобретать за деньги или «просить у прихожан чуть не именем Христовым». При таком положении, по опыту священника, в новом приходе, где приходилось прихожан «еще только приучать к исправлению треб», невозможно было себя обеспечивать. Не было еще храма, служили «в убогой часовне», поскольку не было необходимой суммы для продолжения строительства³⁷⁰. Поэтому причт просил митрополита назначить штатное жалованье.

Церковь была освящена только в октябре 1868 г. В клировых ведомостях за 1868 г. уже новый священник, Николай Верховский (25 лет), назначенный в феврале к церкви, указывал, что «для причту штата не положено», узаконенной пропорции земли по-прежнему не было, только усадебной 598 кв. саж. Домов также не было, жили в «наемных квартирах». Ружное положение производилось «по гарнцу овса и... ржи» только от 180 душ³⁷¹.

В Ямбургском уезде начатое по инициативе епископа Агафангела дело об организации нового прихода в с. Краколье затянулось в связи с переходным положением бывших помещичьих крестьян и Ораниенбаумского дворцового правления. Только в марте 1869 г. будущие прихожане обещали «устроить дом для причта» и выдавать ругу, но от данного ранее обязательства платить причту 200 руб. сер.³⁷² в год «по неимению никаких средств» отказались³⁷³. Поэтому они просили митрополита назначить жалованье от казны. Но Духовная консистория, разрешив строительство церкви, объяснила, что жалованье

---

³⁶⁹ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 50. Д. 138. Л. 79.

³⁷⁰ Там же. Л. 79 об.

³⁷¹ Там же. Оп. 113. Д. 2316. Л. 114.

³⁷² По приговору от 5 мая 1865 г. крестьяне обязались «уплачивать жалованье причту по двести рублей серебром ежегодно... производить причту ругу, по-прежнему, по одному четверику овса с женатого». (Там же. Л. 108.)

³⁷³ Там же. Оп. 56. Д. 39. Л. 55 об.

причту может отпускаться только в том случае, «если число прихожан вновь составляющегося прихода будет простираться до 1000 душ», а в Кракольском приходе их было только 700³⁷⁴. Священник Сойкинского прихода, от которого отделялись прихожане, высказывая «свои соображения», отметил, что крестьяне были убеждены, что от них особенных жертв для содержания причта не потребуется, что «Правительство, устроив церковь», само обеспечит причт, почему они легко могут отказаться от исполнения данных обязательств», как уже отказались платить 200 руб.³⁷⁵ Церковь была освящена в 1874 г. И все же прихожане добились жалованья от казны: 120 руб. священнику и 50 руб. псаломщику.

В том же уезде при строительстве церкви в с. Валговицы крестьяне, давшие по общему приговору в 1871 г. обязательство давать причту руги «по гарнцу ржи и жита и в Петровский сбор маслом и яйцами, за требоисправления и молебны платить по существовавшим обычаям», в 1874 г. при начатом строительстве «за крайнюю затруднительность» отказались от обеспечения уже служившего у них причта³⁷⁶. При этом большинство прихожан мотивировали свой отказ тем, что «они никогда не обещали особого содержания для Валговицкого причта» и удивлялись составлению «сказанных приговоров»³⁷⁷. Храм был освящен в 1879 г. В 1883 г. причт получал казенного жалованья священник 240 руб., псаломщик 80 руб. Церковной земли не было. И в 1884 г. священник А. Спасский обращался в Консistorию с просьбой выслать причту «копии с тех условий и обязательств, какие при формировании Валговицкого Вознесенского прихода были приняты на себя прихожанами» в отношении обеспечения, так как причт встречал «иногда необходимость формально требовать от прихожан исполнения сих условий»³⁷⁸.

³⁷⁴ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 56. Д. 39. Л. 84.

³⁷⁵ Там же. Л. 86 об.

³⁷⁶ Там же. Оп. 65. Д. 5. Л. 49. (В приходе уже была старая деревянная часовня, обращенная в церковь в 1847 г.)

³⁷⁷ Там же. Л. 73.

³⁷⁸ Там же. Л. 127.

В Новоладожском уезде крестьяне Верховинского прихода согласны были выделить «землю для огородов и хлебопашества... сколько следует уравнительно со всех крестьян», но для строительства церковных домов просили «начальство... отпустить безденежно потребное количество леса и дать штатное от казны жалованье»³⁷⁹. В состав будущего прихода вошли деревни крестьян государственного ведомства, и по своей малочисленности «дать жалованье причту они не в состоянии». Палата Государственных имуществ поддержала идею обеспечения причта и обещала выделить причту земли. Однако строительство церкви затянулось из-за отсутствия необходимых средств. Поэтому вопрос об открытии нового прихода уже решался на благотворительном съезде в октябре 1870 г. Положительно решение съезда повлияло на возможность получения причтом жалованья от казны, так как «по журналу Высочайше утвержденного Присутствия по делам духовенства» оно началось «причтам самостоятельных церквей»³⁸⁰. Благотворительный съезд также заявил о необходимости иметь при церкви «настоятелем миссионера с приличным содержанием», ведь церковь устраивалась «в средоточии раскольнических селений» (из 377 д. м. п. к расколу принадлежало 241)³⁸¹. Причт к церкви был уже в начале 1873 г. Строительная комиссия, докладывая об окончании постройки храма в октябре 1874 г., просила Консисторию сделать необходимые распоряжения о нарезке усадебной земли для причта. Но управляющий Государственным имуществом поставил в известность Консисторию, что с 1871 г. «на основании 462 ст. X т. Зак. Межев., церковным причтам должна быть отведена узаконенная пропорция земли из угодий местных прихожан», а само дело передано в Петербургское Губернское правление³⁸². Консистория вынуждена была в декабре 1875 г. предупредить прихожан, что, в случае их «решительного отказа от уступки пахотной и сенокосной земли для причта,

³⁷⁹ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 50. Д. 137. Л. 9.

³⁸⁰ Там же. Оп. 58. Д. 26. Л. 90 об., 96 об.

³⁸¹ Там же. Л. 119, 119 об.

³⁸² Там же. Л. 132.

избрать и уступить хотя бы усадебную землю... и назначить определенный сбор... хлебом или деньгами». Если от них не последует согласия, то Консистория обратиться «к гражданскому [начальству] о надлежащем распоряжении и побуждении прихожан к отводу земли»³⁸³. Однако прихожане «вновь выстроенной, но еще не освященной церкви» в мае 1876 г. ответили благочинному «о совершенном несогласии» их уступить какую-либо землю или определить сбор, хотя церковные дома были уже выстроены на уступленной ими усадебной земле³⁸⁴. Церковь была освящена 9 июля 1876 г. Жалованье по клировым ведомостям у причта уже было в 1877 г. — священник получал 240 руб., псаломщик 80 руб., то есть на тот момент оно было действительно выше, чем у других церквей 6-го класса. Причем настоятелем церкви (июнь 1876 г.) был определен архимандрит Иннокентий (67 лет), который после окончания Петербургской духовной академии и пострижения в монашество в 1839 г. был назначен в Пекинскую императорскую миссию, с 1851-го по 1866 г. неоднократно определялся настоятелем монастырей. Назначался председателем временного совещательно комитета об улучшении быта духовенства, смотрителем Петербургского Александро-Невского духовного училища. Был отмечен наградами³⁸⁵.

Прихожане Вольковского прихода — государственные крестьяне — сразу же оговорили условия обеспечения причта: отвести земли они не могли «за малым количеством» у них самих, «не в состоянии» также дать жалованье причту, а жертвовали только усадебную и сбор «по два гарнца ржи и овса с каждой тягольной души»³⁸⁶. Параллельно с контролем над строительством церкви в Вольково Консистория в 1860 г. предполагала сделать представление в Синод о назначении жалованья будущему причту, священнику и псаломщику,

³⁸³ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 58. Д. 26. Л. 142 об.

³⁸⁴ Там же. Л. 144, 145.

³⁸⁵ Там же. Оп. 113. Д. 2909. Л. 172, 173 об.-174, 174 об.-175, 176 об.-177.

В 1883 г. он продолжал возглавлять приход.

³⁸⁶ Там же. Оп. 51. Д. 15. Л. 13.

по 5-му классу (310 руб.)³⁸⁷. В декабре 1862 г. к церкви был назначен священник А. Щедров, который «согласился довольствоваться одними доходами от прихода» до назначения ему штатного жалованья³⁸⁸. Храм освящен в сентябре 1863 г. Однако в мае 1864 г. причт Вольковской церкви обращался к митрополиту Исидору с просьбой о назначении жалованья, поскольку «несостоятельная бедность и скудость средств от малочисленного и несостоятельного прихода» поставила их семьи в крайне бедное положение. Соглашаясь при поступлении на доходы от прихода и земли, священник и дьячок не имели сведений «о достаточности для жизни» и не предполагали, что так долго не будут обеспечены жалованьем от казны. Получаемых причтом дохода в 200 руб. сер. в год «решительно недостаточно не только для семейств, но даже и для одного человека»³⁸⁹. Такая «скудость средств к жизни» вовлекла причт «в нищету и неизбежные долги», а надежда на ожидавшееся жалованье со дня освящения церкви не осуществилось. Священник и дьячок просили митрополита за прослуженное ими время выдать жалованье и избавить тем самым от стеснительного положения³⁹⁰.

По указу Синода (июнь 1864 г.) в виду отсутствия «возможности назначить штатный оклад жалованья причту» Вольковской церкви предлагалось «ближайшему усмотрению» митрополита или уменьшить состав Михайловской церкви, от которой отошли прихожане, из 3-го класса в 4-й, и освободившиеся 100 руб. передать Вольковскому причту, или если «мера эта будет признана неудобною», то отнести содержание причта «на одни местные способы прихода»³⁹¹. По свидетельству

³⁸⁷ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 51. Д. 15. Л. 73 об.

³⁸⁸ Там же. Д. 16. Л. 32.

³⁸⁹ Там же. Д. 17. Л. 3.

³⁹⁰ Там же. Л. 3 об.

В резолюции митрополита на прошении написано: «Объявить, что Епархиальное начальство не имеет никакой суммы на удовлетворение просителей за прошедшее время службы их. А между тем представить Св. Синоду о назначении им жалованья».

(Там же. Л. 3.)

³⁹¹ Там же. Л. 14 об.

благочинного И. Велитского, доход в 200 руб.³⁹² и руга, которой причт получал вместо следуемых 96 четвериков ржи и столько же овса «немного более половины сего положения», были скудными и неопределенными доходами, особенно «когда все жизненные потребности дорожали»³⁹³. Но и закрыть должность дьякона Михайловского причта также не следовало, поскольку он был «помощником священнику как по училищу, так и по приходу в деле обращения раскольников»³⁹⁴. Обращение Консистории к Петербургскому Губернскому Присутствию по обеспечению сельского духовенства найти средства для Вольковской церкви остались без внимания. Повторное обращение в Синод также не было удовлетворено. Не дождавшись жалованья, священник Щедров в октябре 1870 г. «выбыл в Успенский Староженский монастырь».

Только в январе 1872 г. определением Консистории было «положено из свободных окладов от закрытия вакансий со второй половины 1871 г.» настоятелю 160 руб., а псаломщику 70 руб.³⁹⁵ Кроме этого, прихожане «положили еще денежную плату настоятелю 45 руб., псаломщику 30 руб.» и взамен земли ругу с каждой ревизской души по два с половиной гарнца ржи и овса, «а взамен покоса по двести пудов сена хорошего достоинства для прокормления двух коров у каждого члена причта»³⁹⁶.

После организации нового прихода в с. Большой Остров причт Солецкого погоста, от которого отошли прихожане, сам просил Консистирию сократить их состав, переведя из 3-го в 4-й класс. Солецкий клир был недоволен еще и тем, что ранее дважды отказывавшиеся от причисления к Островской церкви

---

³⁹² В октябре 1866 г. причт вновь обращался к митрополиту: «...бедность и нужда нередко едва не доводит нас до унижения пред прихожанами, дабы не остаться на день без насущного хлеба. Примите во внимание, что очень часто в недели не бывает ни одной требы, а следовательно, и дохода; а если в воскресный день и получим от 50 коп. сер. до 1 руб., то сим приходится жить неделю двум семействам семи человекам». (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 51. Д. 17. Л. 52.)

³⁹³ Там же. Л. 19.

³⁹⁴ Там же. Л. 19 об.

³⁹⁵ Там же. Оп. 113. Д. 2909. Л. 148.

³⁹⁶ Там же. Л. 148 об.

прихожане д. Драчево захотели также перейти в новый приход. Что, по мнению причта Солецкой церкви, было несправедливо, поскольку прихожане Островской церкви «почти все довольно прижиточные», дома и дрова у причта были готовые, была «достаточная руга», сено и солома. У Солецкого причта этого ничего не было, а «все собственное, покупное», и при 750 прихожанах имели очень недостаточные средства к жизни³⁹⁷. Консистерия в июле 1864 г. удовлетворила просьбу Солецкого причта, упразднила вакансию дьякона. Сам дьякон Добронравин был оставлен «в сем звании на вакансии пономаря с присвоением ему жалованья 60 руб.»; а пономарю Грузинскому предоставлялось «искать другое место, где его иметь пожелают»³⁹⁸. Островскую церковь предписано было «почислить в 5 класс» (священник, дьячок, пономарь) с жалованьем в год всем 310 руб. Освободившиеся 100 рублей от упразднения дьякона зачислялись в это жалованье, «а о производстве недостающих 210 рублей» следовало ходатайствовать перед Синодом³⁹⁹. С 1 сентября 1864 г. причт Солецкой церкви по штату получал 340 руб.; освободившиеся 20 руб. от жалованья священника Солецкой церкви и 100 руб. от дьяконского, «по неимению... свободной суммы» для назначения Островскому причту полного оклада по 5-му классу, предоставлены были «в виде вспомогательного оклада к средствам содержания, получаемых от прихода..., до возможности назначить... полный штатный оклад жалованья»⁴⁰⁰.

Обеспечение, которого добивались священно- и церковнослужители епархии, было традиционным. Тогда возникает вопрос: существовал ли какой-либо один универсальный, приемлемых для большинства сельского духовенства способ их содержания?

³⁹⁷ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 51. Д. 37. Л. 4.

³⁹⁸ При назначении членов причта сказался «личностный» фактор. Дьякон Добронравин, состоявший на службе с 1829 г., был «поведения одобрительного и многосемейный». Пономарь Грузинский состоял под судом и «ныне в поведении не совсем одобряется». (Там же. Л. 28 об.)

³⁹⁹ Там же. Л. 31.

⁴⁰⁰ Там же. Л. 41 об.

Выяснением подобного вопроса озаботилось Присутствие по делам православного духовенства. Весной 1863 г. по епархиям было разослано «Извлечение из программы», которое, в свою очередь, «без малейшего промедления» по указу Духовной консистории передавалось благочинным с целью получения от причтов сведений и мнений относительно материального обеспечения духовенства. Следовало ответить на вопросы о видах и размерах получаемого содержания, охарактеризовать приход, а также указать, в чем именно признавалось «неудовлетворительность нынешних средств содержания» и какие есть местные способы к его улучшению⁴⁰¹.

Священник Удосольской церкви Стефан Смирницкий в своих ответах писал о казенном жаловании причта в 340 руб. и о доходе, который причт получал в праздники Св. Пасхи и Рождества Христова. В первый праздник причт получал не свыше 37 руб. сер. (священнику 22 руб. 20 коп., двоим причетникам по 7 руб. 40 коп.), а во второй — «за славлень» собиралось овса со всего прихода до 5 четвертей (священнику — 3, причетникам — по 1)⁴⁰². Сверх этого «причт от прихожан отнюдь не получал ничего». Земля, как мы уже отмечали, не приносила существенной пользы. По мнению священника, «постройка домов... по дороговизне материалов крайне обременительна и даже невозможна без посторонней помощи»; лесов при селениях не было, вследствие этого причт находился «в крайности выпрашивать часть отопления у гг. владельцев, а две других покупать», каждая кубическая сажень стоила 10 руб. сер., для священника требовалось в год дров 5 куб. саж., для причетников — 4 куб. саж., для просфирни — 2 куб. саж., поэтому причт на одни дрова тратил 110 руб. сер.⁴⁰³ В отношении руги священник отвечал, что она «хотя и была некоторым пособием лучшего нашего быта», но со времени освобождения крестьян из крепостного состояния и это средство уменьшилось. И если от крестьян с. Удосоле причт не получал руги уже 2 года, то в будущем ожидал «лишиться и всей», следовательно,

⁴⁰¹ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 120. Д. 56. Л. 227.

⁴⁰² Там же. Ф. 654. Оп. 1. Д. 59. Л. 39 об.

⁴⁰³ Там же. Л. 41.

это средство к содержанию «неверное». «Петровщина же, — продолжал С. Смирницкий, — в отношении к духовенству пособие к содержанию самое унизительное»⁴⁰⁴. Какие причины неудовлетворительного быта были названы? Во-первых, обязательность священно- и церковнослужительских мест; во-вторых, «необеспечение духовенства квартирами и поддержкою строений и отоплением», поэтому необходимо было дать средства к поддержанию собственных домов и на отопление; в-третьих, «небезуплатное воспитание детей духовенства обоего пола»; а чтобы земля приносила пользу, необходимо было по примеру пастырей других исповеданий дать средства к ее обработке, поскольку при средствах причта и наемных рабочих силах ее обработка обходилась «весьма дорого» и приносила «один процент пользы». В конце священник Смирницкий подвел итог, что местных способов к улучшению содержания причта «никаких нет»⁴⁰⁵.

В целом по епархии Консистерия, собрав мнения причтов, была вынуждена констатировать, что духовенство дало «ответы различные и даже противоречащие одни другим»: одни главным способом к улучшению содержания признавали землю, но с особыми необходимыми привилегиями — «чтобы обработку земли и доставку дров возложить на прихожан»; другие отвергли землю как бесполезную и «часто вредную статью дохода сельских причтов», ее следовало продать и устроить на эти деньги «казенные дома для причта»; а третьи выразили желание, чтобы жалованье от казны было «увеличено в 3 ½ раза»⁴⁰⁶. Консистерия считала, что такое противоречие исходило из того, что составлявшие отзывы священники «рассматривали предложенный... предмет каждый особо с своей единичной точки зрения», а не вместе и со всех сторон. Было предписано вновь обсудить вопросы совместно по благочинным округам⁴⁰⁷.

Несогласованность во взглядах, которая выяснилась при обсуждении, казалось бы, очевидных вопросов обеспечения

---

⁴⁰⁴ ЦГИА СПб. Ф. 654. Оп. 1. Д. 59. Л. 41 об.

⁴⁰⁵ Там же. Л. 50.

⁴⁰⁶ Там же. Ф. 690. Оп. 1. Д. 26. Л. 55.

⁴⁰⁷ Там же. Л. 55 об.

причтов, на наш взгляд, могла повлиять на действия священнослужителей при составлении новых расписаний приходов. Возможно, что духовенство решило укрепить уже имевшиеся средства своего обеспечения путем объединения приходов и их «унификации» (если можно так сказать). При условии включения либо части новых деревень из различных приходов, либо поглощением целых соседних приходов можно было не только умножить доходы от возросшего количества прихожан, но и увеличить количество и качество земли, часть ее отдавать в аренду, а там, где нельзя было рассчитывать на ругу, можно было собирать деньги с крестьян, занимавшихся промыслом.

Однако Консистория, не приняв такого резкого сокращения приходов, все же вынуждена была пойти по пути сокращения численности причтов, а освободившиеся средства направлять на повышение окладов духовенства епархии. На примере трех исследуемых уездов прослеживается такая политика.

Благочиннический округ в Новоладожском уезде: причт Креницкой церкви с 1841 г. получал 142 руб. 83 коп., «из коих за вычетом двух коп. с рубля» священнику 97 руб. 97 коп., дьячку 42 руб. в год. С 1872 г. по указу Консистории «из сумм, образовавшихся от закрытия священно- и церковнослужительских вакансий», был перечислен «дополнительный оклад в 87 руб. 17 коп.», что составило с прежними 230 руб. (священнику 160 руб., дьячку 70 руб.). В 1874 г. оклад священника «возвышен на 20 руб.», со второй половины 1875 г. — еще на 20 руб. Таким образом, настоятель получал 200 руб. в год.⁴⁰⁸ Причем прихожане, «в виду оставления их церкви самостоятельную» засвидетельствованным приговором постановили выделять три доли из весеннего и осеннего улова, одна должна была поступать в пользу церкви, а две — «на увеличение средств содержания причта», и, смотря по улову, причт получал от 20 до 100 руб. в год.⁴⁰⁹

Рогожская церковь: штатное жалованье было у священника 100 руб., у дьячка 50 руб.; по указу Консистории прибавочного жалованья с 1872 г. священнику 60 руб., дьячку 20 руб.; с 1874 г.

⁴⁰⁸ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 113. Д. 2909. Л. 31 об.

⁴⁰⁹ Там же.

еще добавочных священнику 20 руб., а также «вменено в штат от прихожан священнику 100 руб., дьячку 20 руб.»⁴¹⁰.

Вольковская церковь: со второй половины 1871 г. выплачивалось священнику 160 руб., псаломщику 70 руб., со второй половины 1876 г. — настоятелю добавочных 40 руб. (с 1882 г. — священнику 240, псаломщику 80 руб.)⁴¹¹

В Лужском уезде при Георгиевской церкви в 1870 г. «дьяконская штатная вакансия» была закрыта, а содержание по определению Синода поступило «на содержание причта Зачеренской церкви»⁴¹².

Городенский погост: в 1857 г. в штате состояли священник, дьякон, дьячок, пономарь и просфирня. По новому штату 1878 г. — настоятель и двое псаломщика с окладами в 240 руб. и по 80 руб. соответственно⁴¹³.

Смешинская церковь: в 1868 г. «по нормальному штату» священник получал жалованья 180 руб., дьячок 70 руб., псаломщик 60 руб. С 1 января 1875 г. священнику полагалось 200 руб., а пономарю — 60 руб.⁴¹⁴

Смердовская церковь: причт нового прихода в 1868 г. еще не получал жалованья, в 1878 г. священник получал 200 руб., псаломщик — 70 руб.⁴¹⁵

Сокращение штатов происходило постепенно. Никто из священно- и церковнослужителей, получив указ из Консistorии о сокращении численности клира, не оказывался «на улице». Во-первых, на уменьшении причта могли настаивать сами причты⁴¹⁶. Во-вторых, вследствие смерти одного из членов причта,

---

⁴¹⁰ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 113. Д. 2909. Л. 57.

⁴¹¹ Там же. Л. 148.

⁴¹² Там же. Д. 2969. Л. 60 об.

⁴¹³ Там же. Л. 44.

⁴¹⁴ Там же. Л. 2 об.

⁴¹⁵ Там же. Л. 116.

⁴¹⁶ Пример из Петергофского уезда: поскольку Дилицкий приход был крайне беден и мог «доставить священнику дохода не более 30-40 руб. в год, а причетникам еще меньше», причт просил закрыть одну вакансию причетника, а жалованье предоставить в пользу священника и одного штатного причетника. (Там же. Оп. 120. Д. 319. Л. 445.)

как произошло в Редкинском приходе (Ямбургский уезд) в 1873 г. По случаю смерти дьякона П. Николаевского вакансия была закрыта, а свободный оклад был обращен на увеличение содержания других причтов, которые особенно нуждались «в таком увеличении»⁴¹⁷. В-третьих, если по новому расписанию причт сокращали, но не было вакантных мест, то члены причта продолжали служить при своем храме. Так, в Перечицком приходе (Лужский уезд) штат должен был состоять из священника и псаломщика, но на 1878 г. «настоящий состав» включал священника, двоих причетников и просфирню⁴¹⁸. В-четвертых, при сокращении дьяконской вакансии дьякон оставался при церкви и переводился на должность псаломщика с положенным уменьшенным окладом — «дьякон на причетнической должности», или «и. д. причетника дьякон...».

К началу 1890-х гг. в правительстве вновь поднимается вопрос о повышении роли жалованья в обеспечении приходского духовенства. С 1893 г. в России возросло общее количество причтов, которые получали денежное жалованье от казны, происходит увеличение уже имевшихся окладов. В исследуемых уездах Петербургской епархии к 1899 г. происходит относительное *уравнивание* как должностных окладов приходского духовенства, так и состава причтов, даже при разнице в количестве прихожан в 1000 человек.

По высочайше утвержденному мнению Государственного совета с 1900 г. предстояло увеличить на 500 000 рублей кредит на содержание духовенства. В основу расчетов был положен одноклировый причт (священник и двое псаломщиков), которых было всего 43 500 и 15 674 из которых еще не получали жалованье⁴¹⁹.

---

⁴¹⁷ ЦГИА СПб. Ф. 653. Оп. 1. Д. 41. Л. 71 об.

⁴¹⁸ Там же. Ф. 19. Оп. 113. Д. 2969. Л. 82.

Священник Николай Сперанский служил при церкви с 1855 г., псаломщик И. Щеглов — с 1852 г., псаломщик Я. Барсов (26 лет) был перемещен к церкви в 1877 г., просфирня вдова дьякона М. Федорова служила с 1856 г.

⁴¹⁹ Подробные сведения о положении дела по обеспечению содержанием городского и сельского духовенства в Империи. СПб., 1900. С. 2.

Гoсудaрствeнный сoвет признaл, чтo нeобхoдимo былo бы нaзнaчить сoдeржaниe в рaзмeрe: свящeннику дo 600 руб., дьякoну дo 300 руб., псалoмщику дo 200 руб. Нo oгрaничeннoсть гoсудaрствeнных срeдств пoзвoлилa нaзнaчaть в блжaйшeм будущeм сущeствeннo мeньшe oклaды в срeднeм рaзмeрe: свящeннику пo 300 руб., дьякoнaм пo 150 руб., псалoмщикaм пo 100 руб. Срeднья цифрa сoдeржaния духoвeнствa oднoклирнoгo прихoдa для Пeтeрбургскoй eпaрхии сoстaвлялa 266 руб.⁴²⁰ Oднaкo в eпaрхии к кoнцу вeкa прихoдскoe духoвeнствo в oснoвнoм ужe имeлo этoт нeобхoдимый, пo мнeнию прaвительствa, срeдний урoвeнь.

Тaким oбрaзoм, уeзднoe прихoдскoe духoвeнствo Пeтeрбургскoй eпaрхии, с oднoй стoрoны, имeлo бoлee выгoднoe пoлoжeниe в чaсти пoлучeния кaзeннoгo жалoвaнья, пoскoльку нaзнaчeниe oклaдoв прoисхoдилo с 1843 г. и суммa жалoвaнья былa, хoтя и нeзнaчитeльнo, нo вышe, чeм в другиях eпaрхиях. К кoнцу ХIХ в. в исслeдуeмых уeздaх пoчти все причты⁴²¹ дaжe внoвь oргaнизoвaнных прихoдoв были oбeспeчeны жалoвaньeм oт кaзны. Oднaкo сaмa суммa жалoвaнья дaжe в Пeтeрбургскoй eпaрхии в кoличeствeннoм oтнoшeнии oстaвaлaсь лишь сoстaвнoй и пoдчaс дaлeкo нe сaмoй вeсoмoй чaстью дoхoдoв причтa. С другoй стoрoны, кaжущeся нa пeрвый взгляд нeзнaчитeльным влияниe цeркoвных рeфoрм 1860–1870-х гг. нa уeздныe прихoды Пeтeрбургскoй eпaрхии (в oтнoшeнии рeшeния вoпрoсoв улoжeния блaгoсoстoяния прихoдскoгo духoвeнствa зa счeт увeличeния прихoдoв и сoкрaщeния причтoв) нa сaмoм дeлe привeлo хoтя и нe к рeзкoму, нo сoкрaщeнию числeннoсти прихoдскoгo клирa. При этoм удaлoсь избeжaть дaльнeйшeгo увeличeния ужe имeвшихся знaчитeльных прихoдoв (свышe 3000 чел.) и сoхрaнить сaмoстoятeльнoсть нeбoльших (дo 700 чел.).

---

⁴²⁰ Пoдрoбныe свeдeния o пoлoжeнии дeлa пo oбeспeчeнию... С. 5.

⁴²¹ Причт Нoвoлaдoжскoгo Никoлaeвскoгo сoбoрa тaк и нe пoлучил жалoвaнья, нo пoльзoвaлся прoцeнтaми с кaпитaлa в 11 686 руб. 39 кoп. (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 113. Д. 3880. Л. 2 oб.)

3.3. Священник и прихожане: о некоторых этических аспектах взаимоотношений

Изучение истории православных приходов XIX в. непосредственно связано с решением общей задачи о роли и значении прихода в жизни Православной Церкви и Российского государства. Исследование церковных реформ второй половины XIX в., их реализации и результатов также невозможно без понимания взаимоотношений внутри прихода. Сегодня активно изучается формирование и развитие приходской структуры в отдельных регионах, социальное и материальное положение белого духовенства, особое внимание уделяется истории церковно-приходских школ. Но в то же время такая важная проблема, как этические взаимоотношения священника и прихожан, остается не раскрытой.

Один из корреспондентов, приславший ответы на вопросы «крестьянской» программы Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева, пишет: «В священнике признают сан и почитают его, а личность в нем пользуется авторитетом настолько, насколько он сам заслуживает этого»⁴²². Оскорбления священно- и церковнослужителей при исполнении треб случались очень редко. Однако в обыкновенной жизни «при столкновениях, особенно имущественных», они не были застрахованы от оскорблений, «но все же им спускают гораздо больше, чем другим смертным»⁴²³. Какие причины или события внутрприходской жизни, а возможно, и поступки самого пастыря приводили к столкновениям?

Для ответа на поставленный вопрос нами изучены материалы расследований по жалобам прихожан, которые проводились по указу Духовной консистории. Наиболее ярко нравственная сторона конфликта прослеживается по ряду дел за 1850—1860-е гг. Ямбургского и Лужского уездов Петербургской епархии.

Так, в июле 1850 г. артиллерии генерал-майор Н. В. Вахтин подал прошение Петербургскому митрополиту Никанору

⁴²² Архив РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 796. Л. 12 об.-13.

⁴²³ Там же.

о смене в его имени Раскулицы (Ямбургского уезда) села Преображенского священника Иоанна Светлова. По словам обратившегося, его крестьяне страдали в нравственном отношении, так как священник являл собой «пример невоздержания, грубого обхождения, алчности, лености и нерадения к исполнению положенных... обязанностей»⁴²⁴. Как помещик, он «по совести и долгу христианскому» был обязан иметь попечение о благе вверенных ему Богом крестьян, поэтому считал «великим грехом терпеть далее богомерзкое поведение» священника⁴²⁵. Н. В. Вахтин обвинял его в пьянстве, уходе из храма до окончания службы, в частом отсутствии самой службы в церкви, а также в возбуждении к неповиновению крестьян — «одним словом, это не пастырь, полагающий душу свою за овцы, но наемник, лютейший зверя, ибо зверь, пожирая тело, не касается души»⁴²⁶.

По Уставу Духовных консисторий дела о проступках и преступлениях священнослужителей «против должности, благочиния и благоповедения» могли начинаться не только по донесениям благочинных, членов причта, но и по прошениям прихожан и жалобам духовных или светских лиц⁴²⁷. Поэтому по резолюции митрополита было назначено немедленное расследование дела, а священнику И. Светлову было запрещено священнослужение⁴²⁸. Временная следственная комиссия состояла из двух священников — с. Керстова Павла Федорова и с. Сойкина Михаила Верольского, а с «гражданской стороны» была представлена приставом Петерсоном.

Не дожидаясь итогов расследования, в ноябре того же 1850 г. Н. В. Вахтин вторично обращается к владыке, уверяя его, что в этом деле им руководит «совесть, долг чести, а наипаче

---

⁴²⁴ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 42. Д. 105. Л. 1.

⁴²⁵ Там же. Л. 1 об.

⁴²⁶ Там же. Л. 3

⁴²⁷ Устав Духовных консисторий. СПб., 1883. Раздел III. Епархиальный суд. С. 60.

⁴²⁸ «Духовному лицу, оговоренному в преступлении, запрещается священнослужение, смотря по обстоятельствам, какие помещены в самом оговоре и какие открываются при следствии, и смотря по прежнему поведению подсудимого». (Устав ДК... С. 62).

желание добра и мира крестьянам моим»⁴²⁹. При этом он обратил внимание митрополита, что сама церковь была выстроена его дедом, но нынешнее содержание храма, его служителей и их жилищ лежало на его обязанности. По утверждению генерала, следователи, которые были в мызе Раскулицы, не опросили ни его «уполномоченного арендатора Матизена», ни его крестьян (более 100 д. м. п.). Поэтому он предложил своим крестьянам «в доказательство их неудовольствия сделать от себя справедливое показание»⁴³⁰, каковое и было приложено к письму.

Однако в ходе следствия, продолжавшегося под контролем Ямбургского Духовного правления до мая 1852 г., выяснилась другая сторона дела. По объяснениям священника, «причиною домогательства» со стороны помещика и арендатора имения о его смене было начатое Иоанном Светловым дело о нарезке земли к Раскулицкой церкви. В клировой ведомости за 1850 г. показано, что деревянная Преображенская церковь была «построена в 1778 году тщанием надворного советника Федора Григорьева Вахтина вместо бывшей прежде в 3-х верстах от Раскулиц в деревне Черенковицах»⁴³¹. Ни пашенной, ни «здворочной» земли при новом храме не было. Взамен прежнего надела, который был в Черенковицах и взятого себе «ныне внуком Вахтиным», до 1833 г. производилось священнику в год денежное и ружное содержание⁴³². С 1833 г. Н. В. Вахтин прекратил денежные выплаты, а с 1841 г. уменьшил и ружное содержание. Иоанн Светлов, служивший в приходе с 1845 г.⁴³³, добился того, что дело

---

⁴²⁹ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 42. Д. 105. Л. 14.

⁴³⁰ Там же. Л. 13 об.

⁴³¹ Там же. Оп. 113. Д. 1285. Л. 117 об.

⁴³² «Священнику в год 220 руб. асс., хлеба ржи 6 четвертей, овса столько же, ячменю 3 четверти, соли 2 ½ пуда, дров 12 саж., сена 100 пудов». (Там же.)

⁴³³ Священник Иоанн Никитин Светлов, 52 лет, из духовного звания, был исключен из низшего отделения Новгородской духовной семинарии и в 1816 г. определен дьячком в г. Белоозерск, в 1823 г. перемещен в г. Павловск С.-Петербургской епархии к церкви Св. Марии Магдалины дьячком, в 1827 г. «рукоположен к той же церкви во диакона», в 1845 г. рукоположен к Чирковицкой церкви «во священника». В семье у него были жена, две дочери (13 и 9 лет) и его мать Параскева Иванова (85 лет). (Там же. Л. 118 об.-119.)

о нарезке земли к Преображенской церкви в июле 1849 г. было назначено к передаче во вторую степень суда⁴³⁴. В ответ помещик приказал арендатору сначала «отпускать священнику солдатский паек», а затем с октября 1850 г. и вовсе прекратить обеспечение священника⁴³⁵. Также «стало тяжело» владельцу имения выдавать ежегодные (со дня устройства храма) взносы на церковные расходы — 14 руб. 28 ½ коп⁴³⁶. Эти деньги были важны еще и потому, что церковный доход, по словам священника, собираемый от немногочисленных бедных прихожан, так мал, что «не имеется суммы на покупку муки, вина красного и проч.», а свечной прибыли «едва-едва скопится до шести рублей в год»⁴³⁷.

Следственную комиссию, проводившую опрос «повально обыскных свидетелей» — крестьян Н. В. Вахтина и других помещиков, интересовали прежде всего служебные проступки священника. Несмотря на то что каждый свидетель давал «клятвенное обещание» «показать самую сущую правду... со всею чистосердечностью и явностью открыть, как пред Богом на страшном и праведном суде», следователи пришли к выводу, что крестьяне генерала, зная «о неудовольствиях» между их помещиком и И. Светловым, могли свидетельствовать против священника «из страха к помещику». Это подтверждалось тем, что, во-первых, черновик «справедливых показаний» был прислан Н. В. Вахтиным из Петербурга с требованием, чтобы его донос был поддержан крестьянами (иначе он грозился их продать). Во-вторых, на протяжении своей 30-летней службы И. Светлов «никогда ни в чем предосудительном замечаем не был... всегда рекомендован по поведению хорошим»⁴³⁸.

⁴³⁴ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 113. Д. 1285. Л. 117 об.

⁴³⁵ «По табелю Петра I» с 1720 г. на полное продовольствие одного человека в год полагалось: муки 3 четверти, круп 1 ½ четверика, соли 24 фунта. См.: *Газенкаумпф М.* Продовольствие войск в мирное и военное время в русской и иностранных армиях. СПб., 1876. С. 10. Обеспечение по «солдатскому пайку» было значительно ниже, чем установленное священнику до 1833 г.

⁴³⁶ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 42. Д. 105. Л. 42 об.

⁴³⁷ Там же. Л. 64 об.

⁴³⁸ Там же. Л. 27 об.

Выяснилось также, что подписавших или поставивших «своеручно» крест под «справедливыми показаниями» крестьян других помещиков дворовые люди Н. В. Вахтина обманом требовали прийти «именем суда» или «именем пристава». При этом неграмотным прихожанам сам текст не показывали, а говорили на словах, что давно не было службы в церкви и надо назначить священника⁴³⁹.

В ходе следствия все обвинения, выдвигавшиеся против Иоанна Светлова, не подтвердились. Однако по решению Духовной консистории в связи с тем, что «настоящим следопроизводством» священник «огласил себя пред прихожанами с невыгодной стороны» и мог потерять в них уважение и доверенность к себе, то в предотвращении в будущем подобных столкновений «представить самому священнику Светлову приискывать себе священническое место в течение четырех месяцев»⁴⁴⁰. Так как само дело возникло из-за процесса причта с помещиком о нарезке земли и об удовлетворении причта положенной вместо земли ругой, то по рекомендации Ямбургского Духовного правления, чтобы «однажды и навсегда» прекратить подобные столкновения, по указу Духовной консистории Раскулицкая церковь перестала быть самостоятельной и была приписана к ближайшей Спасской Чирковицкой церкви (в 1857 г.).

Спустя десятилетие в этом же уезде произвести «строгое расследование» противозаконных проступков священника ямбургского городского собора Иоанна Аландского предстояло благочинному Гдовского уезда, с. Осьмине священнику Александру Троицкому и с. Чирковицы священнику Иоанну Любимову вместе с депутатом с гражданской стороны титулярным советником Павлом Ландсбергом. Что послужило причиной обращения ямбургских прихожан к митрополиту Исидору с прошением «отчислить» священника от Екатерининского собора?

---

⁴³⁹ Священник Никольской церкви в Ильешах передавал слова крестьянина д. Черенковицы Якова Николаева о том, что «он грамотен и разобрался, что в приложении крестьян несправедливый оговор священника, а другие, не зная содержания, дали согласие за них подписаться». (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 42. Д. 105. Л. 87 об.)

⁴⁴⁰ Там же. Л. 214.

Всего годичное служение при соборе привело, по выражению самого И. Аландского, к «восстанию» прихожан⁴⁴¹.

Городское общество жаловалось на строптивый характер священника, гордое обращение с прихожанами, неуважение к ним, на «крайне неуместные стеснения при совершении треб», а также на неоднократные публичные замечания присутствовавшим в храме⁴⁴². Так, при выборе городского головы, когда общество купцов и мещан находилось для принятия присяги в соборе, купец Егор Гласфелт (52 года) не был допущен священником «к целованию Креста и Евангелия», как того требовало «самое клятвенное обещание», по той лишь причине, что он по слабому здоровью во время литургии облокотился на решетку перед Царскими вратами.

В день св. Победоносца Георгия 23 апреля «по принятому обыкновению» служился молебен и окроплялось священной водой городское стадо. Прихожане жаловались, что священник накануне праздника вместо традиционного сбора добротных пожертвований, которые собирались в запечатанную кружку, 22 апреля послал церковного сторожа к гражданам для того, чтобы «каждый из обывателей написал на этом листе сумму, какую он обязан заплатить причту за молебен». «В самый день св. Георгия» только после уговоров церковного старосты согласился исполнить просьбу граждан и совершить молебен⁴⁴³. Священник также устанавливает цену за каждую «литу по умершем 1 руб., за отпевание 8 руб. сер.». И если кто по бедности был не в состоянии заплатить этой суммы, тому И. Аландский «прямо отказывает, и этим... вынуждает бедного гражданина лишаться последнего, что он имеет для того только, чтобы уплатить причту определенную

⁴⁴¹ Священник Иоанн Аландский после окончания Петербургской семинарии с 1843-го по 1859 г. возглавлял приход Михаило-Архангельской церкви в с. Новопятницком (в 2 верстах от г. Ямбурга). Одновременно с 1844-го по 1854 г. был членом Ябургского Духовного правления, в 1853-1858 гг. исправлял должность благочинного. 30 ноября 1859 г. был переведен к ябургскому Екатерининскому собору. В 1860 г. ему было 40 лет. (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 113. Д. 1810. Л. 118 об.-119, 119 об.-120.)

⁴⁴² Там же. Оп. 53. Д. 54. Л. 55.

⁴⁴³ Там же. Л. 56-56 об.

сумму»⁴⁴⁴. Так же и в родительские субботы, когда прихожане подавали в церковь «поминания и просфоры», «каждый... прилагал к этому сумму, какую может по своему состоянию». Но и здесь священник назначил цену, а «те усопшие, за которых заплачено менее установленного священником, остаются без поминовения»⁴⁴⁵.

Следующим поводом возмущения прихожан «в великий пяток страстной недели» была проповедь священника, произнесенная «без помощи листка»⁴⁴⁶ и выслушанная прихожанами «с тяжкою для всех обидою», и особенно прибавленные после нее слова: «Жители града сего живут порочно, незаконно, развратно». Горожане негодовали, что проповедь была произнесена «с явною самонадеянностью на свое самостоятельное и самовластное достоинство и в укоризну всех предстоявших в Храме»⁴⁴⁷.

Чаша терпения ябургского общества переполнилась 1 января 1861 г., когда священник «дозволил себе неуместный и самовольный поступок» — по окончании Божественной литургии без ведома церковного старосты И. Спиридонова и прихожан «самовольно запечатал церковную кладовую, где хранятся суммы и имущество церковное, а выручку ежедневной продажи свеч перевязал веревкою и приложил печать, без всякого основания... и тем нанес тяжкую обиду не только г. Спиридонову, заклеив его позором бесчестия, но и прихожанам, привыкшим смотреть на него и его благоразумные действия с особенным почтением и уважением»⁴⁴⁸. Церковный староста ябургский купец И. И. Спиридонов составил о случившемся акт и обратился с официальным предложением к Городской думе (как городской голова) пригласить членов городского

⁴⁴⁴ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 53. Д. 54. Л. 56 об.

⁴⁴⁵ Там же.

⁴⁴⁶ Возможно, прихожане здесь посчитали, что проповедь «без листа» — это самостоятельно сочиненный текст, который не прошел необходимую предварительную цензуру, а значит, не известный духовным властям. Следовательно, было еще одно «опущение по службе».

⁴⁴⁷ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 53. Д. 54. Л. 59.

⁴⁴⁸ Там же. Л. 57.

общества в собор для «засвидетельствования... поступка священника Аландского» и пригласить в Присутствие думы отца благочинного. Общество, со своей стороны, понимая, что действия священника произвели «подозрение на церковного старосту в отношении исполнения его обязанностей», было вынуждено наложить уже городские печати на церковную кладовую и выручку, чтобы в присутствии о. благочинного, причта и граждан «поверить церковные суммы и имущество противу книг»⁴⁴⁹.

После ревизии книг 3 января, по словам прихожан, как имущество собора, так и сумма, которая числилась по приходо-расходным книгам, «оказалась не только на лицо, но даже с избытком». «Восстание» не заставило себя ждать. Общество считало распоряжения священника в отношении церковного старосты «неправильными и несообразными с совестью христианина и с саном служителя алтаря Господня», поскольку совершенно невинно обесчестили «не только человека труженика», но и в его лице унизили все общество города. В своем обращении к архипастырю граждане просили «во избежание дальнейших неприятностей» на место И. Аландского назначить другое духовное лицо, к которому бы они могли «во всякое время предстать с полною доверенностью, сыновним уважением и тою откровенностью, которая требуется Святою Церковью от всякого кающегося грешника»⁴⁵⁰.

Подписавшие прошение⁴⁵¹ тридцать шесть прихожан собора не случайно говорили об откровенности при покаянии. Современник описываемых событий епископ Антоний

---

⁴⁴⁹ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 53. Д. 54. Л. 57 об.

Приход благочинного священника Федора Орлова находился на расстоянии 35 верст от ямбургского собора.

⁴⁵⁰ Там же. Л. 53.

⁴⁵¹ Прощение подписали: коллежский ассессор, губернский секретарь, дворянин, 14 купцов и 19 мешан, то есть только пятая часть прихожан мужского пола. По клировой ведомости 1860 г. прихожанами ямбургского Екатерининского собора числились (мужского пола): в городе — военных 9, статских 32, купцов и мешан 143 (всего — 184 д. м. п.); в мызах дворовых и в деревнях крестьян — 420 д. м. п. Всего прихожан обоего пола — 1323. (Там же. Оп. 113. Д. 1810. Л. 124 об.)

(Мартыновский, 1790–1872) в своей брошюре, адресованной православным прихожанам, пишет о том, что Бог «по неистощимой благодати своей даровал грешнику благонадежный якорь спасения» — таинство покаяния. Он не только «поставил пастырей Церкви для подаяния помощи утопающим в пучине страстей и соблазнов мира сего», но и вручил служителям алтарей на время суд, «по которому то, что они прощают», прощает и Господь, то, что «они разрешают», разрешает и Он⁴⁵². Безусловно, для верующих XIX в. приведенные высказывания были знакомы с детства. Поэтому ябургские обыватели после исповеди весной 1860 г. ждали от своего священника «спасительные советы к исправлению» их жизни, «истребление соблазнов», наставлений. Тем более что священник И. Аландский, как свидетельствует запись, сделанная благочинным в клировой ведомости, «к проповеданию Слова Божия в храме и к назиданию прихожан беседами в домах неленостен и способен»⁴⁵³. Однако в проповеди, произнесенной священником «в великий пяток», копия которой присутствует в деле, прозвучали совсем другие оценки грехов и поступков прихожан.

Вначале священник говорил о том, что, когда царь земной останавливается в каком-либо городе, счастлив тот начальник, который может представить царю «особенные подвиги и занятия города для пользы общественной». Священнику же как смиренному служителю Царя Небесного и посреднику между Богом и прихожанами «должно предстать» перед Господом «с отчетом о благосостоянии паствы»⁴⁵⁴. Казалось, что этот отчет можно легко составить, особенно «теперь, когда совесть весьма многих... пасомых раскрыта» перед пастырем. Но священник был обеспокоен тем, что он находился в положении того градоначальника, который при встрече земного царя не только «не может сказать, что „все обстоит благополучно“, но должен представить дела, которые могут прогневать царя».

⁴⁵² Антоний (Мартыновский А. В.) Покаянные воздыхания для говеющих. Киев, 1844. С. 7–8.

⁴⁵³ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 113. Д. 1810. Л. 118 об.-119.

⁴⁵⁴ Там же. Оп. 53. Д. 54. Л. 61.

По мнению И. Аландского, его прихожане говорили о грехах, «о которых между христианами по учению апостольскому и вспомину не должно быть», но они «явно и бесстыдно господствуют в юношах и невеждах». Они также исповедуются в таких грехах, о которых «срамно и говорить», но «делаются без срамления, и к крайнему несчастью» подобные грехи прихожане «называют обыкновенными и говорят, что без них жить не могут»⁴⁵⁵. И вот с таким отчетом должен священник предстать перед Царем Небесным...

В отношении резкого высказывания, которое «возбудило общий ропот в присутствовавших»: «Жители града сего живут порочно, незаконно и развратно», проведенная в ходе следствия очная ставка не дала ясного результата. Шестнадцать горожан, присутствовавшие при показаниях и прежде подписавших прошение к митрополиту, «уличали священника, что он, стоя на катафалке пред Плащаницею... произнося проповедь, сказал слова». Однако И. Аландский «решительно отвергал этот извет»⁴⁵⁶. Очная ставка была проведена 24 февраля. Не получив подтверждения справедливости обвинений, горожане на следующий день вновь обратились к митрополиту с прошением удалить И. Аландского. По их словам, священник лишил их доверия к себе и возможности обращаться к нему для требоисправлений. Он совершенно не расположил к себе прихожан, поэтому никто из них «не желал бы в предстоящий Великий пост предстать пред сим пастырем с христианскою исповедью», которая требует «от грешника полного раскрытия совести и очищения ее»⁴⁵⁷.

Расследование обвинений показало, что в основе конфликта было недовольство священника ведением отчетности церковным старостой. В письме от 30 декабря 1860 г. к И. Спиридонову он вызывал старосту «на откровенность относительно дел по собору»⁴⁵⁸. По своему семнадцатилетнему опыту служения

⁴⁵⁵ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 53. Д. 54. Л. 61 об.

⁴⁵⁶ Там же. Л. 6, 92.

⁴⁵⁷ Там же. Л. 2, 2-б.

⁴⁵⁸ Там же. Л. 63.

И. Аландский предположил, что приход и расход денег «кажется не очень точным»⁴⁵⁹. Из показаний священника уже в ходе следствия выяснилось, что счет церковных сумм производился иногда через полтора и два месяца. Это происходило потому, что так было заведено предшественниками И. Аландского. Церковный староста «не желал поверки и счета не только своевременно, но даже и вовсе»⁴⁶⁰. Причиной же, по которой И. Аландский 31 декабря опечатал казнохранилище, послужило то, что в тот день «оказалось не вписанных в приход денег монетою серебра 20 руб., меди старого чекана 1 пуд 7 фунтов, нового чекана 2 пуда 14 фунтов»⁴⁶¹. Причем «медь находилась в кладовой, а серебро оказалось на руках церковного старосты». Не было в кладовой и свечей, которые, по мнению священника, он видел еще 22 декабря⁴⁶².

Прежде чем опрашивать прихожан, в том числе из ближайших деревень и помещичьих мыз, относительно «упущений по исправлению должности» священника и платы за требы, следователи просили подтвердить священника: была ли определена «непременная цена» за требы? И. Аландский показал,

---

⁴⁵⁹ Свои сомнения относительно правильности записи церковных сумм священник И. Аландский так объяснил следователям: «Предлагал же старосте лично и потом вызывал письмом на откровенное объяснение с тем намерением, чтобы не оскорбить самолюбие его, если бы я прямо и законно при причте потребовал от него документов, которых прежде у него никогда никто не спрашивал. Приход и расход церковных сумм не очень точным представлялся мне потому, что, судя по семнадцатилетнему моему наблюдению при сельской церкви, продажа свечей в соборе должна быть значительнее, нежели как она показывалась, что в последствии ясно и обнаружилось...» (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 53. Д. 54. Л. 65 об.)

⁴⁶⁰ Там же. Л. 64.

⁴⁶¹ На вопрос следователей, почему медные монеты были взвешены, а не сосчитаны, церковный староста И. Спиридонов показал: «...церковные суммы все, какими бы деньгами не поступали, всегда велись счетом, так и записывались на приход по книгам, кроме разных старых монет, которые с давнего времени копятся для обмена. Взвешены же медные деньги, а не сосчитаны только ныне священником Аландским те, которые остались не записанными на приход и старая монета... без моего участия». См.: Там же. Л. 73, 73 об. (Зная вес медных денег, можно было установить общую сумму, которую следовало записать в приходную книгу.)

⁴⁶² Там же. Л. 64.

что за некоторые причт «довольствовался добровольными приношениями, без всякого вымогательства». Но если кто-либо из прихожан захотел бы, например, совершить до погребения умершего родственника несколько панихид сначала в доме, а затем «и нарочитую литургию», то цена возрастала до 7-8 руб. Так поступать «побуждало священника не корыстолюбие, а крайность, ибо в противном случае, при жалованье 126 рублей в год и семействе 8 душ⁴⁶³ и при желании граждан соблюдать при таких случаях всякую церковную церемонию без привычного вознаграждения... все 18 душ в причте находящиеся были бы буквально голодны и холодны»⁴⁶⁴.

В заключительном рапорте следователи отметили, что все опрошенные лица с уважением отозвались о службе священника и его поведении, а также о своевременном и точном исполнении христианских треб. Обвинения в вымогательстве были только в тех случаях, «когда люди не богатые требуют... все те церемонии, какие могут позволить себе только достаточные... и за это желают, чтобы священник довольствовался тем, что дадут». Плата за требы оказалась «нисколько не выше существующих в соседних приходах, и нигде они никогда не возбуждали жалоб». И только «общий взрыв негодования граждан, последовавший за запечатанием священником церковной кладовой, дал повод и крестьянам прихожанам присоединить и свои жалобы, и, может быть, не без постороннего влияния»⁴⁶⁵. По мнению следователей, священник, опечатав «кассовый сундук и саму кладовую», этим оскорбил самолюбие церковного старосты «и был причиною как неуместного вмешательства Городской думы, так и общего неудовольствия граждан». Церковный староста И. Спиридонов, одновременно и городской

⁴⁶³ Причт собора в 1860 г. состоял из священника, диакона, дьячка, пономаря и просфирни. В семье священника И. Аландского были жена, старший сын Павел, 16 лет, обучался в Петербургской семинарии «на содержании отца», младший Стефан, 12 лет, обучался при отце, дочь Екатерина, 15 лет, обучалась в Нарвском девичьем училище при лютеранской церкви св. Иоанна, младшие три дочери были также при отце. (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 113. Д. 1810. Л. 119 об.-120.)

⁴⁶⁴ Там же. Оп. 53. Д. 54. Л. 65 об.

⁴⁶⁵ Там же. Л. 5, 5 об.

голова, был человеком богатым, пользовался «большим сочувствием граждан как торгового сословия, так и общества чиновников». Поэтому комиссия посчитала, что «никак нельзя допустить мысли», что староста не записал деньги в медной монете с умыслом, а был это «скорее недосмотр»⁴⁶⁶. Однако *следствием проявления* «столь решительно общего неудовольствия прихожан против священника, при его неукоризненном поведении и усердном, точном и строгом исполнении обязанностей» комиссия посчитала характер самого И. Аландского, «которым он имел несчастье возбудить неудовольствие», а столкновение с церковным старостой «послужило только предлогом выразить оное в общем прощении»⁴⁶⁷. В следующем году по решению Духовной консистории священник Иоанн Аландский был переведен в г. Тосно⁴⁶⁸.

В приходе Успенской церкви с. Гагринского Лужского уезда в 1863–1864 гг. решался принципиальный вопрос: действительно ли нравственность есть «вещь неудобоприложимая к жизни»?⁴⁶⁹

Местный помещик гвардии Преображенского полка поручик граф Сергей Дмитриевич Татищев, вернувшись в имение в мае 1863 г., был вынужден разбирать жалобу своего поверенного «Курляндского уроженца Крюгера». Управляющий жаловался не только на работницу священника Николая Папоротского, но и на самого пастыря. По словам Крюгера, дворовая девушка Анна Агафонова нанесла ему «побой коромыслом по голове и ногам». После этого происшествия священник «пришел к нему, ругал его самыми дурными словами и сказал, что он готов заказать дубовый коромысел всем тем, которые его хорошенько бы били»⁴⁷⁰. С. Д. Татищев, приняв сторону «полного доверителя» своих дел, приказал девушке немедленно удалиться с его земли. Однако Н. Папоротский, в свою очередь, объявил ему,

⁴⁶⁶ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 53. Д. 54. Л. 5 об., 6.

⁴⁶⁷ Там же. Л. 6.

⁴⁶⁸ Прослужив в г. Тосно только три года, в 1865 г. в возрасте 45 лет священник И. Аландский скончался. См.: Историко-статистические сведения... Т. 10. С. 308.

⁴⁶⁹ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 55. Д. 46. Л. 12.

⁴⁷⁰ Там же. Л. 1-1 об.

что отпустит работницу только после того, как сам помещик выгонит поверенного. Такого неповиновения своим законным требованиям и нарушения права собственности землевладелец без «исследования... и взыскания с виновного по закону» оставить не мог. (Нарушение же права собственности происходило потому, что священник с семьей жил в доме, который принадлежал помещику и стоял на господской земле⁴⁷¹.) Поэтому в прощении на имя митрополита Исидора С. Д. Татищев не только излагал свою точку зрения на поведение священника, но и обращал внимание владыки на то, что Н. Папоротский «неисполнением духовных обязанностей и законов гражданских» приносил вред «большинству людей, имеющих с ним столкновения»⁴⁷².

Однако *большинства недовольных людей*, как показало расследование жалобы, не оказалось. Еще до начала следствия помещик отклонил предложение пастыря «окончить дело миром», поскольку ожидал от священника извинений, а не милости. Более того, он был удивлен тем, почему священника беспокоит «такое обыкновенное и естественное явление в жизни», как безнравственное поведение Крюгера: «Ведь он еще не стар, а потому не может жить без женщины»⁴⁷³. То, что управляющий за подобное поведение не раз был бит крестьянами и в других имениях, самого С. Д. Татищева не смущало. По замечанию священника это происходило потому, что сам граф имел «слабость... покровительствовать разврату». Так, в начале 1864 г. священник крестил «незаконноприжитую дочь» графа и солдатской дочери Нионилы Никифоровой, которая находилась у него в услужении⁴⁷⁴. Но простить священника Николая Папоротского и его жену, которые научили работницу Анну Агафонову,

---

⁴⁷¹ До 1858 г. в Гагринском приходе священствовал Георгий Воинов. У него был собственный дом на церковной земле. После его смерти в 1858 г. в нем остались жить вдова и сын. Дом для семьи священника Н. Папоротского, поступившего на службу в 1859 г., предоставила мать С. Д. Татищева, графиня Серафима Ивановна Татищева, жившая тогда в имении.

⁴⁷² ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 55. Д. 46. Л. 3

⁴⁷³ Там же. Л. 19.

⁴⁷⁴ Там же. Л. 28.

как защитить свою честь от «старого волокиты», не захотел⁴⁷⁵. Также отказался исполнить поданное священником прошение, как владельцу и мировому посреднику, об удалении «повесы и развратника» из имения. Николай Папоротский, будучи православным священником, не имел пастырского влияния на Крюгера-лютеранина. Поэтому он просил землевладельца «отослать этого человека и тем исполнить долг честного и благородного помещика, жертвующего своими интересами пользе общественной... и долг Мирового посредника, заботящегося о поддержании нравственности в его участке»⁴⁷⁶.

Священник не роптал, когда недовольство помещика тем, что приходской пастырь часто напоминал ему о том, «о чем ему меньше всего хотелось слышать», привело к лишению семьи Н. Папоротского квартиры, которой они пользовались в усадьбе⁴⁷⁷. Не отказался священник от своих нравственных убеждений и тогда, когда на его прошение об обеспечении его квартирой от Духовной консистория получил отказ. В резолюции говорилось: «Так как священник Папоротский имел уже готовую квартиру от помещика, но лишил себя таковой вследствие неблагоразумного вмешательства в распоряжения помещика, и по сему предназначено ему приискывать себе другое место»⁴⁷⁸. Но разум и сердце пастыря поразились, когда после следствия депутат с гражданской стороны помещик Скрыдлов при «серьезном молчании благочинного» заметил, что если бы священник, «отложив в сторону нравственность»,

---

⁴⁷⁵ На жалобы работницы Анны Агафоновой, что Крюгер делал ей «безнравственные предложения и склонял к разврату», жена священника ответила, «что каждая женщина может избавиться, когда захочет, от подобных нахалов... поставила бы ведра на землю и преспокойно проводила бы коромыслом непрошеного любезника». (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 55. Д. 46. Л. 20.)

⁴⁷⁶ Там же. Л. 21 об.

⁴⁷⁷ Там же. Л. 28.

⁴⁷⁸ Там же. Л. 28 об.

Священник настаивал, «что может быть переведен на другое место только тогда, когда на него жалуется большая часть его прихожан, хотя бы жалоба и не была с законною ясностью доказана. (Устав Духовной консистории. Ст. 202), а здесь жалоба принесена одним лицом, и очень далеко еще не доказанная» (Там же. Л. 29).

взглянул на дело с точки зрения гражданских законов, то увидел бы, что виноват он. «Ужели в самом деле законы гражданские безнравственны? — обращался в письме к митрополиту Николай Папоротский. — Ужели самая нравственность — вещь неудобоприложимая к жизни?»⁴⁷⁹ Ведь священник всегда считал, «что человек без нравственности ничем не отличается от животного, и в простоте сердечной благодарил Бога», что Он создал его человеком. Если бы священник исполнил желания помещика, то его дом «сделался домом разврата и порока в глазах других». И неужели он должен был согласиться только для того, «чтобы оберечь себе убогий угол, данный... из жалости, как голодной собаке заплеснелый кусок черствого хлеба?»⁴⁸⁰ Н. Папоротский обращал внимание архиерея на его положение: «...у меня ничего нет, что мир дает своим любимцам... был душевный покой, но и тот унесли, осталась вера в живую добродетель — и той позавидовали». И просил митрополита оградить его от покушений помещика, желающего «ради детской прихоти разбить и уничтожить» его последнее достояние, с которым священник желал бы жить и умереть⁴⁸¹.

Представленные материалы говорят о том, что в основе внутриприходских конфликтов между священником и прихожанами могли быть нравственные противоречия. Преследуя свои интересы, прихожане просто оговаривали своего пастыря. При этом Духовная консистория принимала решения не в пользу священника даже при полном отсутствии злоупотреблений с его стороны. Как ни парадоксально звучит,

---

⁴⁷⁹ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 55. Д. 46. Л. 12 об.

⁴⁸⁰ Там же. Л. 33.

⁴⁸¹ Там же.

Возможно, именно эти события повлияли на дальнейшую судьбу священника. В 1863 г. ему было 27 лет, это было его первое место служения после окончания Новгородской духовной семинарии. В «Историко-статистических сведениях...» о причтах Никольской церкви в с. Крицы говорится: «С 1846 г. священствовал Никифор Верольский, перешедший в 1871 г. в Новую Ладугу. После него служил Николай Иванов Папоротский, сложивший сан». См.: Историко-статистические сведения... СПб., 1884. Т. 9. С. 475.

но, чтобы бороться за нравственность прихожан, священник должен был не только сам являть пример безукоризненной христианской жизни, но и быть материально независимым. У тех, кто нарушал общепринятые нравственные нормы, не должно было быть против приходского священника таких «аргументов», как *вымогательство, сребролюбие, алчность* и тому подобных, которые перечеркивали двадцати-, а то и тридцатилетний безупречный труд пастыря, унижали его в глазах всего прихода, вгоняли в нужду. От реформ середины XIX в. простой сельский священник ждал не столько разрешения извечной проблемы бедности, сколько жизненно необходимой материальной независимости. Авторитет пастыря, живущего бок о бок десятилетиями со своими прихожанами, не должен был *спотыкаться* о копейку, поданную за его труд.

3.4. Религиозность прихожан Ямбургского, Лужского и Новолодожского уездов в оценке епископов Санкт-Петербургской епархии

Исследование жизни православного прихода есть важнейший аспект в раскрытии проблемы глубины и характера религиозности населения России, и прежде всего крестьян. Эта проблема приобрела особую значимость и политическую заостренность еще во второй четверти XIX в. Общеизвестно, что православие выступало одним из трех элементов сформулированной С. С. Уваровым «теории официальной народности». Важно подчеркнуть, что православие должно было выступать как характерная черта образа жизни народа. Именно это было почувствовано и представлено Н. В. Гоголем в его знаменитых «Избранных местах из переписки с друзьями». Тогда же в еще более знаменитом письме Н. В. Гоголю В. Г. Белинский высказал прямо противоположную оценку религиозности русского крестьянства, его отношений к православию и православному духовенству. По его мнению, русский народ «по натуре своей глубоко атеистический народ. В нем еще много суеверия, но нет

и следа религиозности»⁴⁸². Сегодня уже нет априорных оснований с презрением отбрасывать суждения С. С. Уварова и Н. В. Гоголя и видеть в гневных утверждениях великого критика истину в последней инстанции. Если обратиться к статистике, то в России во второй половине XIX в. виден неуклонный рост общего числа православных храмов. Так, в 1840 г. соборов и церквей числилось 34 049, в 1860-м — 37 381, в 1890-м — 47 429⁴⁸³.

Однако для нас наибольший интерес представляют не столько высказывания общественно-политических деятелей или литераторов, сколько факты, которые мы можем почерпнуть из документов. Обратимся к отчетам епископов Петербургской епархии, которые были направлены ими митрополиту Петербургскому и Новгородскому после инспекционных поездок по уездным приходам епархии. К сожалению, сохранились далеко не все «Дела об обозрении» преосвященными церковью и монастырей епархии, о которых упоминается в переписке епископов. Мы располагаем отчетами за 1870, 1871, 1872, 1899-й и как итоговый — за 1901 г. Какова репрезентативность перечисленных документов? На наш взгляд, эти отчеты как внутриведомственные документы, не предназначенные для отсылки обер-прокурору или публикации, содержат в себе такие данные, которые в других случаях просто были бы смягчены или скрыты. После ознакомления с отчетами митрополита они направлялись в Духовную консисторию епархии, где на основе изложенных в донесениях фактов и рекомендаций вырабатывались дальнейшие

---

⁴⁸² Чтобы оценить всю глубину расхождений между полемистами, приведем слова В. Г. Белинского, несмотря на то что еще несколько лет назад они были хрестоматийными и воспринимались как абсолютно достоверные: «По-Вашему, русский народ — самый религиозный в мире: ложь! Основа религиозности есть пиетизм, благоговение, страх божий. А русский человек произносит имя божие, почесывая задницу. Он говорит об образе: годится — молиться, не годится — горшки покрывать. Приглядитесь пристальнее, и Вы увидите, что это по натуре своей глубоко атеистический народ. В нем еще много суеверия, но нет и следа религиозности». См.: *Белинский В. Г. Письмо к Н. В. Гоголю // Русская эстетика и критика 40-50-х годов XIX в. М., 1982. С. 195-196.*

⁴⁸³ *Отечественная Церковь по статистическим данным всеподданнейших отчетов за 1841, 1851, 1861, 1871, 1881 и 1890-91 годы // Церковные ведомости. 1894. № 7. С. 217.*

распоряжения духовных властей. Указы касались либо поощрения отличившихся священно- и церковнослужителей (благотворителей, церковных старост, попечителей и устроителей церквей), либо содержали строгое предостережение (предупреждение или даже наказание) относительно обнаруженных архиереем недостатков в профессиональной службе местного духовенства.

Конечно же, появление в сельском приходе архиерея такого ранга считалось для прихожан выдающимся событием епархиальной жизни, а для некоторых из них, как писал епископ Нарвский Никон, составляло «даже эпоху»⁴⁸⁴. И поскольку некоторые села до этого никогда не посещались представителями высшего духовенства, то прихожане, заранее извещенные о маршруте архиерея, старались побывать в церкви даже «в будничные дни самого дорогого рабочего времени, сенокоса», как отмечал епископ Никон в августе 1899 г. Они оставляли работу и в большом количестве приходили в церковь для встречи и богослужения, причем многие «приходили из других приходов, не обращая внимание ни на дальность расстояния их жилищ от храма, ни на свою усталость»⁴⁸⁵. Однако, несмотря на торжественность визита, ограниченность во времени (в день епископ и его свита посещали 2-3 церкви, расстояние между которыми были десятки верст) и большое число прихожан, присутствовавших в храмах на литургии или молебне, архиереи обязательно знакомились с деталями жизни подчиненных приходов.

Какие стороны жизни уездных приходов интересовали преосвященных и как они оценивали религиозность прихожан уездов Петербургской епархии?

Епископ Выборгский, обзревая церкви Ямбургского и Петергофского уездов в 1870 г., в своем отчете подробно докладывал о состоянии городских и сельских храмов, дал характеристику местным причтам в служебном отношении. В своем

⁴⁸⁴ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 91. Д. 18. Л. 28 об.

Преосвященный Вениамин, епископ Гдовский, и Никон, епископ Нарвский, побывали в 1899 г. в Шлиссельбургском, Новолодожском, Гдовском, Лужском и Ямбургском уездах.

⁴⁸⁵ Там же. Л. 49 об.

донесении архиерей также уделил много внимания описанию материального положения местных причтов. В 1860-х гг. вышел ряд правительственных указов, целью которых было улучшение материального обеспечения белого духовенства, поэтому выяснение способов обеспечения клиров обозреваемых приходов было одним из насущных вопросов поездок архиереев по епархии. Отношение же прихожан к своим храмам, по словам епископа, «повсюду более или менее благоприятно». А построение каменных храмов в городах Нарве и Ямбурге и в с. Керстове и одного деревянного в с. Меркулях, «а равно отсутствие недостатка во всех церковных принадлежностях» свидетельствовало «о значительном добродетельстве в пользу церкви»⁴⁸⁶. В отчете нет личного впечатления епископа о религиозности прихожан; в данном случае архиерей положился на мнения опрошенного духовенства: «По отзывам местных причтов, прихожане к своим храмам усердны, во все воскресные и праздничные дни посещают их неленостно; в посты Великий и Успенский говеют, исповедуются и приобщаются Св. Христовых Таин»⁴⁸⁷. Однако уровень нравственного состояния в приходах местными пастырями был оценен невысоко: «...пьянство, разгул и сквернословие... составляют господствующие пороки, особенно в среде сельского и фабричного люда, коснеющего в невежестве»⁴⁸⁸; поэтому в своем заключении викарий настоятельно рекомендовал, чтобы причты сельских церквей «прилежали обучению детей крестьянских».

В 1871 г. епископ Ладожский Павел посетил 2 монастыря, 28 церквей и 40 часовен Новоладожского уезда. Во время своей поездки он не только участвовал в богослужении, освящал церкви и проверял документы обозреваемых (и близлежащих) приходов, но и сумел разрешить несколько внутрприходских конфликтов. Его точные замечания и высказанные предложения касались многих обстоятельств жизни уездных приходов: это и обсуждение возможности предоставить ссуду из средств

---

⁴⁸⁶ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 62. Д. 19. Л. 9.

⁴⁸⁷ Там же.

⁴⁸⁸ Там же.

какой-либо «достаточной церкви» для построения нового храма в с. Гавсары и раскрытие причин медлительности работы Консистерии; спор между причтом и прихожанами с. Помялова о месте построения новой каменной церкви; решение вопроса о перемещении не пользовавшегося уважением и доверием прихожан священника Песоцкого погоста и резкая критика действий мирового посредника вице-адмирала Моллера за его недоброжелательное отношение к православному духовенству.

О состоянии веры и благочестия в народе епископ Павел высказал следующее мнение: «За исключением приходов, в которых много раскольников, во всех вообще приходах народ отличается любовью к Православной Церкви, Вере, к святым храмам и богослужению, в них совершаемых, и к достойным пастырям Церкви... В некоторых селах из крестьян и крестьянских мальчиков заведены очень хорошие хоры; читают в церкви крестьяне; прислуживают в алтаре или взрослые крестьяне, или крестьянские мальчики»⁴⁸⁹. Архиерей замечает, что «там, где прихожане живут близ храма и где богослужение совершается хорошо и слышится нередко пастырское слово — там заметна в народе несравненно лучшая настроенность религиозная, там больше религиозного знания, честности, трезвости»⁴⁹⁰. По его убеждению, «жажда знания истин Веры и нравственности христианской в народе велика, и там, где раздается слово назидания, церкви переполнены народом», потому и «священников-проповедников любят чрезвычайно, ради их... отдаленные деревни не хотят отчисляться от своих церквей и причисляться к церквям ближайшим»⁴⁹¹.

Важным шагом в деле оживления жизнедеятельности прихода по замыслу правительства должны были стать церковно-приходские попечительства, положение о которых было утверждено еще в 1864 г. Предполагалось, что их деятельность будет направлена на благоустройство приходской церкви и улучшение благосостояния причта в хозяйственном отношении, а также

⁴⁸⁹ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 63. Д. 8. Л. 17.

⁴⁹⁰ Там же. Л. 17 об.

⁴⁹¹ Там же.

на организацию первоначального обучения детей и благотворительные цели. Однако в Петербургской епархии только жесткая мера со стороны духовной власти способствовала решению вопроса организации таких попечительств. Если в 1870 г. епископ Тихон в целом уезде обнаружил только два попечительства, то епископ Павел уже констатировал, что почти во всех приходах открылись и начали действовать церковные попечительства. Но положительный результат был достигнут отнюдь не по инициативе самих прихожан. Оказывается, что только «настоятельное, с угрозой штрафа, требование епархиального начальства, чтобы к 1872 году при всех приходах были открыты попечительства, имело полный успех, побудило священников принять должные меры» к их открытию⁴⁹². Таким образом, с одной стороны, в лице прихожан преосвященный Павел видел «восприимчивую, прекрасную почву» для посева на ней «семени слова Божия» и для всемерных наставлений христианских истин и христианских законов, а с другой — христианские поступки и заботы о своем храме и клире начинали претворяться в жизнь только после *подстегивания* этих же прихожан со стороны высшего духовенства.

Епископ Ладожский Тихон, совершая поездку по Лужскому и Гдовскому уездам (1872), прежде всего старался «вникнуть во внутреннюю сторону церковно-общественной жизни в приходах... не оставляя без должного внимания и внешней стороны». Его личные наблюдения, беседы с благочинными, членами причтов и прихожанами «служили... способами к приобретению потребных сведений касательно обеих сторон»⁴⁹³. Сведения о внутренней стороне жизни православных приходов касались религиозно-умственного и нравственного состояния приходского духовенства и прихожан, а также взаимоотношений между клиром и прихожанами. Церковное хозяйство и церковное пismoводство относились к внешней стороне.

По мнению архиерея Тихона, религиозное сознание прихожан Лужского и Гдовского уездов, «как и везде, весьма слабо

⁴⁹² ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 63. Д. 8. Л. 36 об.

⁴⁹³ Там же. Оп. 64. Д. 23. Л. 7, 7 об.

развито, народ коснеет в своем вековом невежестве, не зная даже самых главных основ истин православной веры»⁴⁹⁴. Он также был убежден, что «богослужение церковное, без живой проповеди или с проповедью, но не удобопонятной для простого народа, действуя на чувство, мало озаряет сознание народное». При этом, если бы потребовалось определить хотя бы приблизительно, «как велика эта облегчающая наших безграмотных простолюдинов тьма: то стоит только причтам приходских церквей собрать о всех поверьях, суеверьях и предрассудках сведения по их приходам», то из этих темных понятий народа, «наверное, составился бы не тощий и не безыntересный сборник»⁴⁹⁵.

Общественная нравственность в обозреваемых уездах также не представляла «собой отрадного явления». Епископ Тихон отмечает, «где бы и с кем бы ни пришлось завести речь о народной нравственности, везде и от всякого степенного человека вы услышите, что простой народ день ото дня все более и более погружается в грубую чувственность, что проистекающее из глубокого невежества неуважение к закону, необузданный произвол, пьянство и разгул составляют самые крупные черты в характере современного русского простолюдина»⁴⁹⁶. Однако эти же простолюдины, как мог наблюдать епископ, охотно посещали храмы в праздничные дни и слушали поучения своих пастырей, хотя часто и не понимали смысла проповеди. Говоря о взаимоотношениях причта и прихожан, преосвященный отметил, что ни в одном приходе ему никто не пожаловался ни на неисполнительность, ни на притязательность со стороны своего приходского духовенства при требоисправлениях. Уважительные отзывы прихожан о своих священниках архиерей Тихон так прокомментировал: «Замечательно, что эти отзывы не совпадают с ходячим мнением, что будто бы крестьяне любят и уважают только тех священников, которые не отказываются от их угощений... Русский простолюдин не имеет

---

⁴⁹⁴ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 64. Д. 23. Л. 10 об.

⁴⁹⁵ Там же. Л. 11.

⁴⁹⁶ Там же.

расположения не к непыющему, а только к гордому и высокомерному священнику»⁴⁹⁷.

И еще одну грань внутренней жизни приходов ярко очертил в своем отчете епископ Тихон. Материальное благосостояние подчиненных причтов по-прежнему было в поле зрения епархиальных властей. Одной из составных частей доходов приходского духовенства была плата за исполнение треб и добротные пожертвования в пользу причта. Однако собранные сведения не порадовали епископа: «Прихожане церквей... не очень щедро воздают своему духовенству за его более или менее ревностное служение их духовным интересам. Духовенство собирает с прихожан деньги грошами, а зерновой хлеб горстями; да и эти мелкие, можно сказать, нищенские подаяния делают неохотно». Недостаток усердия прихожан к духовенству, как заявляли сами члены причтов, во многом зависел от бедности самих крестьян как вследствие их переходного положения, так и длительных неурожаев. На что преосвященный Тихон с сожалением констатировал: «Но и то можно сказать, что вообще русский простолюдин, при готовности жертвовать на нужды церкви, холоден к нуждам духовенства; платя мелочью за труды, ради его нужд духовных, он не стыдится иногда сказать с каким-то озлоблением, что поп и с живого, и с мертвого дерет»⁴⁹⁸. Такое отношение к духовенству отражалось и в деятельности приходских попечительств, чьи ограниченные материальные ресурсы тратились на «построение, возобновление или украшение храмов или на заведение, открытие и поддержание открытых школ», и только очень немногие из попечительств обращали внимание «на нужды духовенства, нередко вопиющие»⁴⁹⁹.

Цели своих двух обозрений уездных приходов Петербургской епархии наиболее полно были изложены преосвященным Никоном, который посетил в 1899 г. Новоладожский и Шлиссельбургский уезды (всего 70 церквей), а в 1901 г. — Лужский и Царскосельский. Они были следующими: «1. возбуждение

⁴⁹⁷ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 64. Д. 23. Л. 15 об.

⁴⁹⁸ Там же. Л. 16, 16 об.

⁴⁹⁹ Там же. Л. 16 об., 17.

религиозной жизни пастырей и пасомых, 2. уяснение тех средств, какими пастыри пользуются к насаждению и развитию религиозной жизни в своих прихожанах, 3. уяснение состояния и проявлений религиозно-нравственной жизни прихожан»⁵⁰⁰. Для выполнения первой из вышеперечисленных целей епископ Никон совершал в каждой церкви торжественное архиерейское богослужение или литургию, «проповедовал слово Божие на разные темы, сообразуясь с днем, местом, особенностями прихода», а также производил тщательный экзамен «из закона Божия всем ученикам школ», причем архиерей непременно спрашивал учеников историю тех событий, которые были изображены в церквях на иконах и стенах, чтобы богомольцы, которые смотрели на эти изображения, при посещении своего храма «сознательно созерцали их и молились пред ними»⁵⁰¹. Для второй цели архипастырь обращал внимание на то, как содержались храмы, как совершалось богослужение, как часто звучали проповеди. Проявление же религиозно-нравственной жизни прихожан оценивалось по тому, какое было состояние зданий храмов и часовен, церковной утвари и ризницы, как посещали прихожане храм в праздники, каково было число заказных литургий, крестных ходов, поминовений усопших, молебнов, сколько горело свечей в церкви, а также каково состояние церковно-приходского попечительства и благотворительных учреждений. Таким образом, можно сказать, что в основе критериев оценки религиозности прихожан лежали не столько отвлеченные этико-нравственные понятия, сколько конкретные дела и материальное участие самих прихожан.

В целом отчет преосвященного Никона за 1899 г. передает далеко не оптимистическую картину жизнедеятельности приходов Петербургской епархии. По внешнему виду и внутреннему убранству церкви резко различались между собой: «Особым благолепием отличаются церкви в Новоладожском уезде те, в приходе которых живут крупные лесопромышленники... большинство же церквей бедные... Многие из деревянных церквей внутри

⁵⁰⁰ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 91. Д. 18. Л. 29 об.

⁵⁰¹ Там же. Л. 30.

представляют совершенно голые стены: нет не только никакой живописи на стенах и в куполе, ни одного клейма, нет даже никакой уборки». Так, стены храма в с. Масельге «настолько голы, что если стоять затылком к алтарю, а лицом к западным дверям, то, глядя на стены и потолок, трудно узнать, что стоишь в храме»⁵⁰². Прихожане по своей бедности не могли содержать приходской церкви, и по своей ветхости некоторые из них пришли в такое состояние, «каковое совершенно неприлично храму Божию». При очень плохих дорогах в Ладожском уезде, как замечает архиерей, «жители отдаленных деревень в весеннее и осеннее время лишены возможности посещать храм, а дети новорожденные, кроме того, и старые люди в сильные морозы по долгу остаются не приобщенными, а первые даже умирают без приобщения Святых Таин»⁵⁰³. Кладбища содержались везде «в простоте природной: если природа родит хорошую траву, то растет хорошая трава; если природа родит репейник или бурьян, то покрывают кладбища сии растения», а некоторые кладбища вообще казались сухими кочковатыми болотами.

Во многих церквях отсутствовали книги братских доходов, в которые должны были записываться доходы причта от требоисправлений. Эти записи денежных поступлений показывали бы, по мнению архиерея, не только средства содержания причтов «со стороны доходов от требоисправлений и были бы оправдательными документами правильности раздела доходов между членами причтов», но и документальными свидетельствами того, «в чем и насколько проявляется религиозность прихожан», поскольку, как пишет епископ Никон, «видно было бы, как усердно они поминают на проскомидии, как часто заказывают сорокоусты, заупокойные и заздравные литургии, как часто поют в церкви и на домах молебны»⁵⁰⁴.

Религиозность прихожан обоих уездов оценивалась епископом Никоном неоднозначно: «Народ... религиозен, но не в одинаковой степени. Те приходы, которые дальше отстоят от городов,

---

⁵⁰² ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 91. Д. 18. Л. 34.

⁵⁰³ Там же. Л. 35.

⁵⁰⁴ Там же. Л. 44.

от центров торговой и промышленной жизни сплавных больших рек... отличаются, хотя большею бедностью, но вместе и большей религиозностью»⁵⁰⁵. Религиозность проявлялась главным образом в посещении храмов в праздничные дни и выражалась в том, что почти в каждой деревне имелась часовня, в которой совершались общественные молебны. Ежегодное исполнение прихожанами христианского долга исповеди и св. причастия, совершение молебнов, поминовения усопших на проскомидии и в родительские субботы, возжжение свечей и пожертвования на блюдо на церковные потребности также учитывались епископом как выражения религиозности. Однако преосвященный Никон обратил внимание на то, что «сорокоустов по умершим почти никогда не служится... по дороговизне их... Просфор и поминальников подается на проскомидию в самом ничтожном количестве... Равным образом свечи покупаются и ставятся к иконам... в малом количестве». Не было и щедрых подаваний на блюдо во время сборов. Когда епископ обратил внимание прихожан в разных приходах «на скудость ризницы, утвари, на недостаток благолепия в церкви», то он нигде не услышал, чтобы прихожане «пообещались поусердствовать к храму Божию и на свои средства восполнить скудость ризницы или утвари... а всюду слышал одно и тоже заявление прихожан об их бедности и отсутствии хорошего благодетеля, или же надежды их на какое-либо богатое лицо, которое, может быть, порадует о церкви». Примечателен вывод архипастыря после увиденного им состояния приходских церквей: «Не развито в народе сознание необходимости поминовения усопших их родственников; не проявляется любви к Богу, к храму в материальных жертвах по недостатку сознания необходимости выражать свою любовь к Богу не одними словами, но делами»⁵⁰⁶.

Вновь архиерей обращает внимание на недостаток воспитания народа «в самой, так сказать, азбуке религиозной жизни». У многих прихожан была «неправильность в изображении крестного знамения», почти во всех сельских приходах прихожане не умели подходить к благословению. Особую невежественность

⁵⁰⁵ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 91. Д. 18. Л. 49.

⁵⁰⁶ Там же. Л. 51.

отметил епископ у молодежи до 18 лет, которые почти никогда не целовали руку благословляющего их архиерея, несмотря на то что получили образование в церковно-приходских школах.

Отметим, что подобное наблюдение мы находим в отчете епископа Гдовского Вениамина, который одновременно с епископом Никоном в 1899 г. совершал инспекционные поездки, но по Гдовскому уезду. Религиозно-нравственное состояние паствы в общем он признавал очень удовлетворительным: «Народ — православный, добрый, набожный, любит посещать храмы Божи... В летнее время, по случаю полевых работ, храмы посещаются прихожанами менее, но в Успенском посту большая часть говеет, исповедуется и приобщается Св. Таин»⁵⁰⁷. Однако далее епископ Вениамин пишет, что, при набожности и видимом благочестии православного народа, «в нем еще довольно широко распространены и глубоко коренятся разные заблуждения, суеверия и предрассудки, как остатки темной старины и язычества, а также различные пороки и недостатки в нравственной жизни». Как объяснили архиерею приходские священники, отсутствием чистоты нравов страдало по преимуществу молодое поколение, которое уходило на заработки в столицу и оставалось там на всю осень, зиму и весну: «Возвращаясь на летние работы домой — в села и деревни, испорченные в столице молодые люди вносят заразу пороков и в свое родное деревенское население»⁵⁰⁸.

---

⁵⁰⁷ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 91. Д. 18. Л. 82.

⁵⁰⁸ Там же. Л. 82 об.

Епископ Вениамин в своем отчете приводит пример непочтительного поведения учителей Лядского министерского училища (Гдовский уезд): «Старший, он же и заведующий училищем, кончил полный курс в Гатчинской учительской семинарии и, насколько я заметил, отличается либеральным направлением и вообще неблаговоспитанностью: так он не подошел ко мне под благословение, а намеревался мне пожать руку, как мирянину, что меня крайне поразило, так что я его спросил: русский ли и православный ли он? Получив положительный ответ, я ему при всех сделал должное внушение, которое, кажется, на него не произвело никакого впечатления, и он даже не попросил у меня извинения. Младший учитель во время завтрака у Веригиной (попечительницы школы и местной помещицы) держал себя до нахальства развязно: сидел развалившись и ел один мясное, несмотря на то, что в то время был Успенский пост». (Там же. Л. 75.)

Но религиозность православных прихожан зависела не только от самого народа, но и от местных пастырей. После посещения 64 приходов Лужского и Царскосельского уездов в 1901 г. епископ Никон «на основании личного наблюдения и некоторых документальных данных» подтвердил, «что народ к храму Божию усерден и религиозен», хотя «проявление и выражение религиозности народа не везде одинаковы по своей силе и внешним формам»⁵⁰⁹. Неумение прихожан подходить к благословию, почти повсеместное закрытие церковно-приходских попечительств, дороговизна заупокойных литургий (надо было заплатить причту 3 руб. и в церковь 1 руб. за просфоры, вино, свечи, ладан), отсутствие «внебогослужбных бесед» (как одного из видов учительства священнослужителей) — эти и другие упущения, по мнению архиерея Никона, заключались «в недостатке энергии у местных священников и в неумении их поставить дело возможно лучшим образом применительно к местным условиям»⁵¹⁰.

Таким образом, отметим, что при изучении религиозности православного населения России необходимо учитывать те смысловые критерии, которые вкладывали современники в само понятие «религиозность». С одной стороны, это могли быть нравственно-этические нормы поведения, с другой — набожность и благочестие, а с третьей стороны, как мы видели на примере отчетов архиереев Петербургской епархии, материальное выражение любви к Богу.

В целом мы можем отметить, что церковные суммы уездных приходских церквей трех исследуемых уездов складывались из традиционных статей дохода, а также денежных и материальных пожертвований прихожан. В основе ежегодных общих сумм церковных средств лежали доходы от *прогнозируемого* каждым причтом количества свечных продаж. Десятилетиями складывавшиеся традиции церковной жизни в приходе позволяли также рассчитывать на определенные

⁵⁰⁹ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 93. Д. 17. Л. 58 об., 59.

⁵¹⁰ Там же. Л. 62 об.

средства от добротных подаваний на церковь. На увеличение или уменьшение церковных сборов влияло несколько факторов. И главным, как показывают документы, было не только количество прихожан и частота потребности в совершении какой-либо требы, но и религиозность как отдельных прихожан, так и приходского общества в целом, их личное отношение к своему храму и причту. Однако средства, которые прихожане могли пожертвовать при каждом посещении храма, и вклады, которые бывали очень значительными, зависели от их материального благосостояния. А оно, в свою очередь, находилось под влиянием объективных изменений, которые произошли в социальной и экономической жизни России во второй половине XIX в.

Еще один аспект, который имел значение в формировании церковных средств. Это религиозное паломничество православных жителей России. Как мы уже отмечали, в исследуемых уездах было несколько храмов, в которых находились особо почитаемые иконы. Посещение паломниками и богомольцами такой церкви, особенно в праздничные дни, способствовало сбору в пользу храма значительных средств. Общественные и церковные деятели не раз положительно отзывались о тех, кто совершал путешествие для поклонения святым местам⁵¹¹. Но была и другая сторона этого религиозного обычая. По мнению священника Тихвинского уезда (Новгородская епархия) А. Веригина, «страсть... простонародия к посещению пустынных мест» приносила ущерб своей церкви. Ему не однократно приходилось наблюдать, «как толпа богомольцев идет (мимо своей церкви, в которой в это время и служба совершается) в какое-либо пустынное место для поклонения одиноко поставленному деревянному Кресту». Они несут туда свои копейки, «которые неизвестно кто пользуется, только не церковь». Приходская

---

⁵¹¹ «Русский народ был глубоко убежден, что молитва в святом месте служит одним из самых действительных средств испросить милость, помощь у Бога и его Святых. Молитва угодна Богу. Молитвой можно спастись. „Молитва — все и богатство наше“, — говорил И. Шмелеву один из валаамских монахов». Цит. по: Третьякова С. Н. Религиозное паломничество как отражение повседневной жизни русских людей // Ежегодник историко-антропологических исследований. 2006/2007. М., 2007. С. 209.

церковь оставалась без посещения, а «пустое место» постоянно имело поклонников. «Оттого то церкви и бедны, — писал священник, — оттого то и улучшения по духовному ведомству очень трудны»⁵¹².

Собранные в церкви средства расходовались прежде всего на приобретение необходимых для богослужения и требоисправления предметов. Те обязательные отчисления, которые вносились от приходских церквей в соответствии с доходами, шли на нужды духовного ведомства: свечной доход — на духовно-учебные заведения, где учились священники, в том числе и на полном казенном обеспечении; процентный сбор — на местные духовные училища и женские духовные учебные заведения, в которых учились их дети, причем второй и третий сыновья за казенный счет, а дочери, получившие образование, становились учительницами в сельских земских и приходских школах. Сбор средств на «бедных духовного знания, вдов и сирот» епархии позволял получать пособия из Попечительства, когда сами же священно и церковнослужители становились «заштатными», а члены их семей оставались без кормильца и содержания.

Таким образом, пожертвования прихожан не только обеспечивали функционирование своего приходского храма, но и вносили свой вклад на развитие образования духовенства и его социальную поддержку.

Безусловно, любые средства, оставшиеся в распоряжении приходской церкви, только бы улучшили ее не только материальное положение, но внешний и внутренний вид. Ведь нехватка денег, особенно в бедных приходах, сказывалась буквально на всех сторонах функционирования храма — от облачения причта до провалов в церковном полу и протечках крыши.

---

⁵¹² Прихожане нескольких деревень Тихвинского и Новолодожского уездов, находившихся вблизи друг от друга, под влиянием переяславского мещанина С. А. Буланова задумали в 1866 г. организовать самостоятельный приход в упраздненной Троицкой Сарепской пустыни. Священнику А. Веригину пришлось объяснять Духовной консистории, что это дело «есть спекуляция на легкие хлеба». (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 50. Д. 131. Л. 49.)

При этом состоятельные прихожане, имевшие возможность сделать взносы, которые могли равняться сумме годовых сборов храма, предпочитали украсить икону серебряной или золотой дорогостоящей ризой, а не обратить эти средства на нужды своей же церкви⁵¹³.

Материальное обеспечение приходского духовенства трех уездов епархии строилось также на традиционных доходах — казенное жалование, церковная земля, руга, проценты с «вечных вкладов». В отличие от других епархий, Петербургская с самого начала введения казенного жалования причтам была включена в сферу действия указа 1842 г. При этом сами штаты церквей в эти годы подверглись сокращению только в незначительной части приходов. При назначении жалования учитывались местные дополнительные доходы причта, что могло привести к уменьшению положенных по штату окладов. Церковные реформы 1860–1870-х гг., направленные на повышение материального уровня клира за счет сокращения штатов церквей и объединения приходов, в трех уездах епархии не привели к закрытию ни одного прихода, сохранили свою самостоятельность приходы даже с меньшим законодательно установленным количеством прихожан. Территориальное переустройство самих приходов в ходе строительства церквей и образования новых приходов, по отзывам священников, приводило к сокращению доходов церквей и причтов. Несмотря на указы Синода 1860–1870-х гг. о том, что причты вновь открывавшихся приходов не будут обеспечиваться жалованием от казны, прихожане в своих приговорах продолжали обращаться к духовным властям с просьбами о назначении

---

⁵¹³ Корреспондент Этнографического бюро (Тихвинский уезд) писал: «К церкви крестьяне относятся довольно равнодушно и церковными делами мало интересуются. Радеют о церкви и жертвуют в нее только разбогатевшие крестьяне», которые для очищения совести «часть своей наживы отдают в церковь». Иногда пожертвования делались «из чувства тщеславия. Ведь жертвы не пройдут незамеченными», так как священник «для поощрения жертвователей» донесет «кому следует» и попросит награды. (Архив ГЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 782. Л. 11, 12.)

таковых причтам. В пореформенное время, когда переустройство земельных отношений отрицательно влияло на возможность будущих прихожан выделить узаконенную пропорцию земли для причта, получаемое клиром казенное жалование как бы «сняло» с них обязанность и ответственность в отношении обеспечения причта. Изменение материального положения самих прихожан отражалось на благосостоянии причта. Так, Веготский приход (Новоладожский уезд) в период реформ подлежал закрытию «по недостаточности средств содержания причта», но был оставлен самостоятельным в виду того, что на его содержание было «получено пособие от Правительства» и местные прихожане согласились, со своей стороны, «приплачивать на сей же предмет около 66 руб. ежегодно» (по 15 и 10 коп. с ревизской души)⁵¹⁴. Но с 1894 г. выплаты прекратились. Причем в официальном ответе на письмо митрополита в декабре 1895 г. Петербургский губернатор граф Толь обратил внимание на решение Сената от 10 февраля 1883 г., «по коему назначение сборов на содержание духовенства» не относилось к числу предметов «ведомства сельских сходов», поэтому приговор прихожан обязателен лишь для лиц, «объявивших на то свое согласие»⁵¹⁵. Это и было разъяснено священнику А. Соколову, когда он обратился к земскому начальнику «с просьбой о взыскании административным порядком со всех крестьян, приписанных к Веготскому приходу, в том числе раскольников»⁵¹⁶. Волостное правление на запрос Консистории объяснило, что содержание не производилось «в виду их несостоятельности», поскольку в 1896 г. «остались даже не засеяны яровые поля». Приговор об отмене был составлен в 1894 г. только на один год, но с тех пор «в раскладку» не был положен и платежа не производилось⁵¹⁷.

Подобный случай произошел в Ямбургском уезде. Причт Георгиевской церкви с. Ратчина обратился в 1871 г.

⁵¹⁴ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 87. Д. 62. Л. 10 об.

⁵¹⁵ Там же. Л. 12 об.

⁵¹⁶ Там же. Л. 12.

⁵¹⁷ Там же. Л. 15.

к благочинническому съезду в связи с тем, что после отмены крепостного права прихожане посчитали выплату руги необязательной⁵¹⁸. Членам причта пришлось собирать хлеб «в своих приходских деревнях самим лично, при посредстве сельских старост». Сбор руги для причта был сопряжен с большими расходами на разъезды и унижениями перед своими прихожанами, причем получаемый ружный хлеб был «самый маловесный, т. е. худшего сорта». Священник отмечал, что при «нынешней свободе» прихожан большинство из них проживали в разных городах на заработках и промыслах, мало видели «нужды наши и нашей церкви». Причем крестьяне д. Систы объясняли прекращение выплаты руги причту на том основании, что мировой посредник Вернандер «объявил их сельскому старосте, что руга для православного духовенства есть дело их произвола». Причт Ратчинской церкви просил «Епархиальное начальство сделать распоряжение, чтобы руга хлебом... была обязательна для наших прихожан и производилась ими более удовлетворительно»⁵¹⁹.

Не оправдали надежд правительства церковно-приходские попечительства. По замыслу правительства их организация должна была способствовать не только нравственному сплочению прихожан вокруг своего храма, но и поддержанию их активности в деле содержания храма и изыскания новых местных способов содержания белого духовенства. В Петербургской епархии прихожане не спешили с реализацией положения 1864 г. Пришлось вновь «жесткими мерами» через священников с большим трудом открывать попечительства. Но существовавшие за счет одного-двух благотворителей или на весьма скудные сборные средства, попечительства в лучшем случае помогали в деле устройства и работы церковно-приходских и земских школ.

Приходское духовенство, встроенное в систему государственной власти, скорее зависело от прихожан, если они были

---

⁵¹⁸ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 62. Д. 28. Л. 61.

Руга — по 2 гарнца озимого и ярового хлеба — была учреждена дворянством Ямбургского уезда для обеспечения местного духовенства в 1845 г.

⁵¹⁹ Там же. Л. 62.

состоятельными или же в силу социальных обстоятельств щедрее оплачивали требы и давали пожертвования причту. Напротив, в бедных приходах для причтов казенное жалованье играло главенствующую роль и, казалось бы, могло сделать его независимым в материальном отношении от паствы, но, недостаточное по размеру, оно вынуждало клир по-прежнему заниматься земледелием, а значит, и в этом случае социально сближаться с прихожанами. Однако незначительные в сравнении даже с жалованьем мелких чиновников доходы приходских священно- и церковнослужителей были существенно выше и к тому же стабильнее благодаря казенным выплатам, чем те средства к существованию, которыми располагала основная часть прихожан.

Примечания к Главе 3

^a Христорождественская церковь на Песках (Санкт-Петербург, сейчас на этом месте сквер на пересечении 6-й Советской ул. и Красноборского переулка. В XIX в. это был окраинный район, населенный ремесленниками, отставными военными и мелкими чиновниками). Причт в 1858 г. в письме в Духовную консисторию докладывал, что после продажи свечей деньги опускались в «свечной» ящик. По окончании месяца этот ящик отпирали и деньги считали и записывали в выданные Конситорией книги: «При записи берется во внимание вес проданных за месяц свечей, и по мере оного, а равно и по существующей на свечи цене, отчисляется из высыпанной за месяц свечной суммы такое количество денег, чего стоили проданные свечи в покупке, а остающаяся за тем сумма из свечного ящика отписывается на прибыль. К свечной прибыли причисляются деньги за собранные и перевешанные от мелочной продажи огарки, которые отсылаются свечнику вместо денег. Так, например, в январе месяце 1858 г. мелких свечей продано 5 пудов 30 фунтов по 24 руб. за пуд, а из свечного ящика по окончании сего месяца высыпано 203 руб. 80 коп. Но сумма эта записана в приход таким образом: продано мелких свечей 5 пудов 30 фунтов по 24 руб. за пуд и получено 138 руб. — сумма сверх, то есть 65 руб. 80 коп., записывается на приход прибылью от продажи мелких свечей. Затем записывается сумма за огарки. И так как за тот месяц огарков накопилось 3 пуда 5 фунтов и как цена на оные существует 20 руб., то за огарки, которые отсылаются свечнику с удержанием за оные денег, записано 62 руб. 50 коп. Таким образом, от продажи 5 пудов 30 фунтов свечей общей прибыли за январь составилось 128 руб. 30 коп.

^b Так, в 1840 г. епископ Ревельский Венедикт после просмотра отчетов обратился в Духовную консисторию с предписанием немедленно отправить в Лугу Черемнецкого монастыря строителя Серафима и иеромонаха Антония, чтобы они «исследовали обнаруженное ... уменьшение свечной прибыли» по Лужскому Екатерининскому собору в 1838 г.». В 1838 г. свечной прибыли по собору было представлено 451 руб. 69 коп., а в 1839 г. — только 392 руб. 53 коп. После проверки в Духовную консисторию поступил рапорт строителя Серафима и иеромонаха Антония, согласно которому причт собора и церковный староста лужский купец Иван Сарин «показали, что несоответственность суммы одного года против другого произошла от совмещения с Лужским Екатерининским собором церкви резервной Бригады 2-й пехотной дивизии», поскольку бригадная церковь также производила свою продажу свечей. Такой ответ причта собора Консисторию не удовлетворил. Было вновь предписано «на месте точнейшим образом» исследовать причины уменьшения свечной продажи, а также представить справку, с какого времени существует бригадная церковь. Из дальнейших объяснений причта собора оказалось, что бригадная церковь находилась при Екатерининском соборе с декабря 1838 г. и производила «торг свой свечами до выступления бригады в лагерь» до 1 мая 1839 г. и вновь с октября по июнь 1840 г. Поэтому «от совмещения такого двойного торга» по собору уменьшилась свечная прибыль. Однако проверка отчетов представленных за прежние года других церковных сумм по лужскому

Екатерининскому собору показала, что кошелевый сбор в то же время вырос в два раза (1838 г. — 1360 руб. 40 коп., 1839 г. — 2769 руб. 14 коп), «а свечной упал». По мнению Консисории, «это обстоятельство таково, что им опровергаются все объяснения причта на счет допущенной ими убыли». И в дальнейшем для более тщательной проверки церковных сумм Консисория затребовала полные копии приходо-расходных книг. (См.: ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 32. Д. 204.)

с «Еще в 1890 г. в России число кредитных билетов в обращении превышало миллиард рублей при разменном фонде в 211 500,000 р., а обложение страны и ее задолженность достигли, казалось, своего высшего предельного размера... После 1890 г. платежные силы населения подвергались еще большей степени напряжения... Бедность русского народа, отсутствие у него серьезных сбережений не дает возможности всем облигациям наших государственных займов разместиться в России, и мы состоим должными по этим займам иностранным капиталистам до двух миллиардов металлических рублей». (См.: *Евреинов Г.А.* Реформа денежного обращения. СПб., 1896. С. 5, 40.)

д Петербургская губерния полностью не обеспечивала себя необходимых количество хлеба, поэтому его приходилось ввозить (исключение — небольшой Ямбургский уезд, где по примеру ближайших Остзейских земель перешли на многополье, что позволило обеспечить население уезда хлебом). В целом в губернии цены на рожь (в номин. коп. за пуд) были следующие: в 1860 г. — 75 коп., в 1865 г. — 51 коп., в 1870 г. — 80 коп., в 1875 г. — 83 коп., в 1880 г. — 1 руб. 38 коп., в 1892 г. — 1 руб. 28 коп., в 1899 г. — 97 коп. Цены на овес: в 1965 г. — 62 коп., в 1870 г. — 83 коп., в 1880 г. — 98 коп., в 1885 г. — 89 коп., в 1899 г. — 81 коп. (См.: *Миронов Б.Н.* Хлебные цены в России за два столетия (XVIII–XIX вв.). Л., 1985. Приложение. Табл. 11. Петербургская губерния, Табл.14. Петербургская губерния.)

е «Крестьяне составляют у нас до 90 процентов всего населения и главную массу потребителей произведений обрабатывающей промышленности, — между тем бедность, неприхотливость всей обстановки их домашнего быта и хозяйственного обзаведения такова, что удовлетворение потребностей внутреннего рынка в изделиях не может вызвать сколько-нибудь значительного развития фабричной и заводской промышленности». (См.: *Евреинов Г.А.* Реформа денежного обращения... С. 40.)

ф Подтверждением тому, что церковные старосты ездили более чем за 100 верст в Петербург за церковными свечами, служит дело о краже свечей у старосты Удольской Михайловской церкви Ямбургского уезда. В марте 1852 г. церковный староста крестьянин помещика Блока Василий Михайлов возвращался из Петербурга «с купленными для церкви восковыми свечами 30 фунт. желтых и 10 фунт. белых». Вечером он остановился в Ропшинской харчевне (Петергофский уезд). Утром, «желая ехать в свое село», он обнаружил, что корзинка с 1 пудом свечей, $\frac{1}{4}$ фунт. горчицы и $\frac{1}{4}$ фунт. сандала похищены. При посредничестве управляющего Ропшинской бумажной фабрики пропавшие свечи нашлись в сенном сарае при харчевне, хотя частично и переломанные. Кражу совершил мастерской бумажной фабрики Хабенский, которого по решению

Петергофского земского суда «за дурное поведение, кражу и пьянство» вместе с другими участниками кражи мастеровыми Исааком Осиповым и Александром Миккелевым после наказания розгами отправили в «Кронштадские арестантские роты Гражданского ведомства сроком на год». (Ф. 654. Оп. 1. Д. 59. Л. 164, 166 об., 167.)

^к По определению Синода, 21 декабря 1870 г. доход от продажи венчиков и листов разрешительной молитвы предоставлялся в распоряжение «Окружного местного духовенства... исключительно на содержание бедных учеников в духовных училищах». Поэтому Хозяйственным управлением при Синоде было положено «удешевить цены венчиков и листов разрешительной молитвы... по которым духовенство будет приобретать их из Синодальной типографии», но «возвысить... цены для продажи в церквах». За 1000 экземпляров «раскрашенных венчиков» церковь платила 1 руб. 25 коп., а продавала «вместо 1 ½ коп. по 2 коп.»; «раззолоченные низшего сорта» покупались по 3 руб. (вместо 5 руб.) за 1000, продавались вместо 3 коп. по 5 коп. Также и других сортов. (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 120. Д. 59. Л. 75, 75 об.)

^л Так, по указу Духовной консистории от 31 октября 1858 г. («с прописанием» указа Синода от 24 сентября 1858 г.) говорилось, что священник «должен как возможно чаще напоминать нерадивым об исполнении существенной христианской обязанности исповеди и святого причастия», а постоянных исполнителей «сего христианского долга» убеждать «в спасительности Св. Таинств, чтобы они не только сами продолжали исполнять сей долг, но всемерно старались внушать нерадивым соседям своим, какой страшной опасности вечной гибели подвергается душа, коснящая в нерадении». В конце года священник должен был составлять «реестр небывших у исповеди». (ЦГИА СПб. Ф. 690. Оп. 1. Д. 26. Л. 36 об.)

Согласно отчету о состоянии Петербургской епархии за 1861 г. в епархии было всего 428 церквей (соборных, приходских и домовых). По исповедным ведомостям в епархии числилось 661 535 д. об. п. Из них «исполнили христианский долг исповеди и Св. Причастия 552 012; исповедались, но не приобщились 7835; приобщились без исповеди по малолетству 65 061; не исповедывались и не приобщились по отлучкам и другим препятствиям 11 533, по опущению 18 234 и по расколу 6860». (Там же. Ф. 19. Оп. 53. Д. 29. Л. 341–341 об.)

^м Статья 32 Устава ДК: «Если церковной суммы накопится значительное количество, а по церкви никаких нужд в виду не будет, то церковный причт со старостою отсылают излишние суммы в государственные кредитные учреждения для приращения процентами, на имя церкви; причем поставляется причтам и старостам в непрременную обязанность не оставлять при церкви без надобности более ста рублей. Билеты на внесенные в кредитные учреждения деньги хранятся при церквах, и получаемые проценты обращаются в церковную сумму». (Устав Духовных консисторий... С. 52.)

^н «Чем больше купонов — тем бумага выгоднее, так как тем быстрее получаемая от бумаги прибыль снова поступает в оборот. Например, при 4 купонах в год, — первый купон оплачивается через 3 месяца и вырученные от этого купона деньги будут пушены в оборот на 9 месяцев; второй купон будет в обороте 6 месяцев...». (См.:

Никольский Б. А. Причины колебания курсов русских государственных бумаг в 1884–1904 гг. Спб., 1912. С. 80.)

«Купоны — продолговатые четырехугольники, из которых на каждом отпечатано, что купон принадлежит к такой-то облигации или акции и что его предъявитель в такой-то срок... получит проценты, следующие на капитал. Купоны служат для кассы не только доказательством права предъявителя на получение процентов, но и квитанцией в уплате... Купон... избавляет владельцев билетов... от необходимости каждый раз для получения процентов предъявлять сам облигации». (Гейлер И. К. Сборник сведений о процентных бумагах (фондах, акциях и облигациях) России. Спб., 1871. С. XXIV.)

^к «[Церковь]... испытывала серьезные материальные затруднения, и к началу 60-х гг. XIX в. ее финансовая зависимость от государства усилилась. Продолжалось и ограбление Церкви властью: она вынуждена была отдавать в казну «живые» деньги, получая взамен ничего не стоившие, да еще и с каждым годом обесценивавшиеся из-за девальвации рубля, обязательства». (Римский С. В. Российская Церковь в эпоху великих реформ... С. 137.)

^l По указу Синода от 30 сентября 1865 г. (указ Консистории 1869 г.), чтобы избежать в дальнейшем затруднений в отношении платежа денег «за пользование в подведомых приказах общественного призрения больничных заведениях бедных духовного звания лиц», следовало образовать «через ежегодное отчисление от кошельковых сумм по 1 % с рубля» особый капитал на покрытие означенных расходов. (Там же. Ф. 19. Оп. 120. Д. 59. Л. 47.)

^м На епархиальном съезде 1881 г. обсуждался вопрос о том, что уже из запасного капитала («28 тыс. руб. % билетами восточного займа и случайные остатки от прошлых лет») было назначено 3600 руб. «на покрытие по смете училища дефицита, ожидаемого по причине возвышения цен до 10 % на все съестные продукты» и 3500 руб. «на содержание параллельных классов при семинарии». Обложение церковью епархии новым налогом, «хотя бы единовременным», съезд посчитал «решительно невозможным, в виду крайнего стеснения церковью и от существующих сборов». Но позже раскладка была увеличена.

^н В 1874 г. епархиальный съезд, «принимая во внимание безысходное положение учеников, увольняемых из училища», а также окончивших курс в оном, но не поступивших в семинарию, образовал «временную комиссию по устройству увольняемых учеников». Комиссии необходимо было изучить опыт других епархий, «заняться изысканием средств» и представить проект об устройстве Попечительства об уволенных учениках. В результате церкви были обложены новым сбором. (Отчет о действиях епархиального съезда духовенства, бывшего в С.-Петербурге в 1874 г. Спб., 1874. С. 24, 26.)

^о Митрополит Исидор «по случаю приближения высокаторжественного дня восшествия на... престол Государя Императора Александра Николаевича» предложил Духовной консистории объявить «духовенству искони верно-преданному престолу ознаменовать это... торжество пожертвованиями в пособие на содержание сирот в семинариях и в училищах мужских и женских». Консистория предложила «пожертвовать

в ознаменованиe сказанного» с церквей сумму, «равную 10 % взносу на духовные училища», а личные пожертвования представлялись «усмотрению каждого». (ЦГИА СПб. Ф. 865. Оп. 1. Д. 21. Л. 19, 19 об.)

^Р Однако «принятый издавна порядок» зачастую приводил к многочисленным конфликтам между членами клира, поэтому духовные власти, со своей стороны, стремились не только ликвидировать причины недовольств внутри причтов, унифицировав раздел общих доходов, но и установить контроль за поступающими средствами. В параграфе 14 «Правил о местных средствах содержания православного приходского духовенства» 1873 г. раздел между членами причта должен был производиться следующим образом: «настоятель получает три части, помощник настоятеля [второй священник] две части и псаломщик одну часть, то есть помощник настоятеля получает менее на одну треть часть, а псаломщик менее на две трети части против настоятеля». (Завьялов А. Циркулярные указы Святейшего Правительствующего Синода 1867 – 1900 гг. СПб, 1901. С. 141).

^q Только в Ямбургском уезде земледелие в хорошие урожайные годы приносило результаты, и уезд мог прокормиться собственным хлебом. В Новолодожском уезде было мало удобной земли. По отзыву благочинного, «климат здесь в городе и уезде холодный и сырой сколько от озера Ладожского и значительного количества рек в уезде, столько же вероятно по причине болотных на большом пространстве мест; почва земли церковной различна, но больше глинистая или песчаная, к плодородию посредственно или неудобна». В Лужском уезде «почва земли» была разного качества: равнины и низменные места, имелись «земли черноземные». (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 24. Д. 47. Л. 198, 313.)

^r Общее количество отведенной церковной земли подлежало разделу между членами причта также, как и остальные доходы. Если за основу взять установленную пропорцию земли в 30 дес. пахотной и 3 дес. сенокосной, то между причтом, состоявшим из священника и двух причетников, надел разделится в соотношении 3:1:1, то есть священнику предназначалось почти 20 дес. (19,8), а остальные 13 делили между собой два причетника; если причт был *полным* (священник, дьякон, 2 причетника), то соотношение 4:2:1:1 выражалось в 16,5 дес. для священника, 8,25 дес. для дьякона и причетникам по 4,1 дес. Надел псаломщика равнялся 1/10 надела из доли священника. При этом предписывалось, чтобы раздел земель разного качества был произведен так, чтобы по возможности всем членам причта доставались части из лучшей, средней и худшей земли в причтавшейся каждому из них пропорции.

^s В 1872 г. Синод разъяснял относительно 5-процентных билетов Государственного банка: «...во-первых, на деньги, жертвуемые в церкви на вечное поминовение, должны быть приобретаемы банковые билеты на имя церкви, с означением, что проценты с капитала подлежат выдаче церковному причту; во-вторых, билеты... должны быть записываемы вместе с прочими церковными суммами... в приходо-расходных книгах». (Циркулярные указы Святейшего Правительствующего Синода 1867-1900 гг. ...1872. № 52. С. 128.)

Заключение

На протяжении более двух веков государство выработало целый ряд законоположений, которые регламентировали различные стороны организации, жизнедеятельности прихода и функционирования храма. Можно с определенностью сказать, что эта деятельность имела общую тенденцию — увеличение количества прихожан на одну церковь, уменьшение численности клира и стремление улучшить обеспеченность причтов. Однако не было определено само понятие «приход».

Установленный в XVIII в. минимум для открытия нового прихода (700 д. м. п.) оставался действенным и в XIX в. Общие условия образования прихода, также сформулированные в XVIII в., с внесенными уточнениями в следующем столетии продолжали существовать и в последующее время. Контроль за численностью приходского духовенства в XVIII в. осуществлялся с помощью «разборов». В XIX в. влияние оказывало повышение требований к образовательному уровню священнослужителей и окончательное закрепление права назначения на места членов клира епархиальными архиереями. Во второй половине XIX в. количество священно- и церковнослужителей подверглось своеобразному «разбору» в связи с реформой 1869 г. Объединение приходов, приписка церквей, прихожане которых были не в состоянии обеспечить средствами храм и содержать причт, происходили и в XVIII в., и в дореформенный период XIX в. Но только в 1870-х гг. начинается санкционированный правительством пересмотр границ приходов епархий, который связывался с вопросом усиления материального обеспечения приходского духовенства.

На основе рассмотренных нами документов Петербургской епархии мы можем констатировать, что проводившаяся в России общецерковная политика влияла на процессы образования и функционирования уездных приходов. Инициатива в деле строительства церквей, увеличения количества новых приходов принадлежала как духовным властям и государственным структурам, так и прихожанам. Тем не менее осуществление

намеченных планов зависело от возможности прихожан обеспечить строительство и благоустройство храма, а также от последующего содержания причта.

В ходе реформ 1870-х гг. в исследуемых уездах в соответствии с предписаниями Синода и Духовной консистории проводились благочиннические съезды. На них местными священнослужителями были выработаны радикальные предложения по уравниванию приходов и сокращению численности причтов. Однако Консистория не согласилась с выдвинутыми духовенством проектами по значительному сокращению уездных приходов, а провела переустройство приходской системы посредством отделения и перечисления к другим, ближе расположенным храмам только тех деревень, крестьяне которых выразили на это свое желание.

Сокращение священно- и церковнослужительских вакансий проходило постепенно. Члены причта по возрасту выходили «в заштат», переходили на другие места, дьяконов переводили на причетнические должности. Такой процесс привел к концу XIX в. к тому, что в трех уездах епархии действительно произошло существенное сокращение клира.

Строительство приходских церквей в уездах епархии сопровождалось составлением и утверждением необходимой технической документации. Надзор за возведением здания храма должен был осуществляться специалистами, знавшими строительное дело. Но ограниченность имевшихся в распоряжении прихожан денежных средств приводила к тому, что надзор проходил от случая к случаю и не всегда квалифицированными служащими. Такое невыполнение установленных требований приводило к случаям обрушения недостроенных или уже возведенных конструкций.

Возведение новой приходской церкви требовало значительных материальных и денежных средств. Под церковь следовало отвести удобный участок земли, обеспечить в соответствии с утвержденным проектом «потребное количество» строительного материала, найти опытных мастеров. Поэтому наличие государственной земли или безвозмездно пожертвованного

участка от благотворителей или прихожан, казенного леса, который вывозили сами прихожане, денежных вкладов от «доброхотных дателей» не только значительно удешевляли строительство, но и сокращали сроки устройства храма. Духовная консистория, со своей стороны, принимая во внимание ограниченность материальных возможностей прихожан, разрешала на протяжении нескольких лет, а то и десятилетий, производить сбор доброхотных пожертвований в Петербурге и по уездам епархии.

Обеспечение причтов в трех уездах осуществлялось традиционными способами. Во-первых, казенное жалованье, которое в середине века выдавалось не всем причтам уездов и с учетом местных способов обеспечения. При организации новых приходов, особенно в период 1860–1870-х гг., прихожане рассчитывали, что их причты также будут получать жалованье от казны. Требования Консистории об удовлетворении обеспечения причтов за счет обещанных прихожанами сборов хлебной руги или денежных средств в большинстве случаев остались без ответа. Поэтому в сложившихся условиях уездные причты Петербургской епархии получили возможность усиления материального благополучия как за счет дополнительных денежных пособий после закрытия освободившихся вакансий, так и назначения оклада жалованья от казны.

Во-вторых, узаконенная пропорция земли. Однако географическое и климатическое расположение епархии не способствовали успешному земледелию. Необходимо было постоянно вкладывать значительные средства, чтобы повысить доходность земли. Но этих средств в подавляющем большинстве случаев у причтов не было.

Ежегодные проценты с «вечных вкладов» могли бы служить значительным дополнением обеспечения причта. Но экономические процессы, влиявшие на материальное благополучие крестьян-прихожан, не способствовали накоплению свободных средств, которые прихожане могли бы пожертвовать на причт.

Также напрямую от благосостояния прихожан зависели сборы и пожертвования приходского храма. Безусловно,

большое количество прихожан, проживавших вблизи церкви и имевших возможность чаще посещать богослужения, положительно влияло на доходы церкви и способствовало большому рвению о своем храме, ведь чем чаще прихожанин видел насущные нужды, тем скорее могла прийти помощь. Но как свидетельствуют документы, богатый крестьянин или купец скорее сделает дорогостоящий, видимый всем прихожанами оклад на икону, чем пожертвует на ремонт крыши или в пользу причта.

**Количество прихожан по приходам трех исследуемых уездов,
конец XVIII – конец XIX в.**

Наименование церквей	Г о д ы						
	1773	1785	1850	1867	1876	1883	1899
Ямбургский уезд							
1. Екатерининский собор, г. Ямбург	1447	1164	1261	1288	1000	2284	2002
2. Успенская церковь, Ивангородская креп.	1000	849	—	1449	1400	1909	1145
3. Знаменская церковь, г. Нарва	1596	1273	721	1798	1600	1079	1145
4. Преображенский собор, г. Нарва	1143	—	1311	1902	1820	3315	3769
5. Михаило-Архангельская церковь, с. Новопятница	—	852	1250	1375	1260	1238	1264
6. Петропавловская церковь, с. Кейкино	1458	1925	2488	3163	2450	2559	—
7. Николаевская церковь с. Котлы	—	2789	3188	3534	2300	2588	2639
8. Николаевская церковь, с. Сойкино	3193	3257	5416	5928	4870	4572	6729
9. Николаевская церковь, с. Краколье	—	—	—	—	1230	2144	2654
10. Вознесенская церковь, с. Валговицы	—	—	—	—	2060	1695	2214
11. Николаевская церковь, с. Керстово	2096	2307	1401	1135	1200	1105	1305
12. Покровская церковь, с. Копанец	—	—	—	—	—	—	1118
13. Крестовоздвиженская церковь, с. Ополье	2267	2653	3565	3125	2330	2415	2598

Наименование церквей	Г о д ы						
	1773	1785	1850	1867	1876	1883	1899
14. Спасская церковь, с. Чирковицы, Преображенская церковь, с. Раскулицы	—	779 479	579 312	909	1000	1060	1037
15. Николаевская церковь, с. Ястребино	1994	2504	2425	2586	2530	2694	2856
16. Екатерининская церковь, с. Коложицы	—	—	—	1224	1230	1314	1181
17. Успенская церковь, с. Вруды	1378	1737	1593	1313	1260	1438	1528
18. Троицкая церковь, с. Редкино	—	1825	3595	3988	3780	3816	2217
19. Михаило-Архангельская церковь, с. Удосола	1355	1627	1491	1158	1120	1290	1432
20. Георгиевская церковь, с. Ратчино	1759	2287	2015	1979	1600	1843	1651
21. Николаевская церковь, с. Ильеши	2774	2565	2390	1198	1290	1338	—
22. Покровская церковь, с. Хотнежи	—	—	—	—	—	—	1575
23. кн. Александро-Невского церковь, с. Криуши	—	—	—	—	—	—	757
24. Казанская церковь, с. Ославье	—	906	802	815	840	728	941
25. Воскресенская церковь, с. Яблоницы		1111	1635	1756	1450	1378	1590

Наименование церквей	Г о д ы						
	1786	1791	1850	1867	1876	1883	1899
Лужский уезд							
1. Екатерининский собор, г. Луга	405	561	1720	1798	1460	1680	
2. Успенская церковь, с. Смешино	589	753	1010	907	820	1014	1224

Наименование церквей	Г о д ы						
	1786	1791	1850	1867	1876	1883	1899
3. Тихвинская церковь, с. Ромашино	499	593	562	710	970	1013	1066
4. Преображенская церковь, с. Торошковичи-Тырковы	—	680	844	1252	1600	1319	1482
5. Дмитриевская церковь, Городенский погост	910	894	2511	2697	2620	2313	3489
6. Христорождественская церковь, с. Белое	1064	1266	1743	1944	1970	2266	2680
7. Георгиевская церковь, с. Георгиевское	1313	1349	2155	2426	2480	2748	3154
8. Покровская церковь, с. Бутково	869	1141	1354	1302	1630	1852	2874
9. Троицкая церковь, с. Верхутино	765	638	1252	1326	1300	1483	1845
10. Знаменская церковь, с. Красные Горы	1007	931	1544	1708	1760	1483	1845
11. Преображенская церковь, с. Островно	316	337	567	560	540	488	1034
12. Казанская церковь, с. Смерди	—	—	—	1108 ¹	1270	1519	1663
13. Покровская церковь, с. Вычелобки	1264	816	1637	1743	1420	1489	1624
14. Воскресенская церковь, с. Торошковичи-Синявины	1208	1217	1597	1315	1380	1282	—
15. Покровская церковь, с. Югостицы	432	494	710	1249	1180	1101	1146
16. Воскресенская церковь, Петровский погост	1515	—	2314	2105	1760	1910	2048
17. Знаменская церковь, с. Горки	612	634	1731	2009	1600	1716	1803
18. Воскресенская церковь, Передольский погост	1300	1840	4163	1782	2960	3018	3207
19. Входаиерусалимская церковь в упраздненном Посолодином монастыре	1151	1235	2157	2497	2270	2549	2786

¹ По клировой ведомости 1863 г. ЦГИА СПб., Ф. 19. Оп. 113. Д. 1941. Л. 4 об.

Наименование церквей	Г о д ы						
	1786	1791	1850	1867	1876	1883	1899
20. Михайловская церковь, Лубинский погост	1225	1406	2679	2838	2790	3257	3903
21. Георгиевская церковь, Вшельский погост	2468	3029	4123		4140	4522	4013
22. Покровская церковь, с. Уторгощи	—	—	—	1814	1680	2113	2545
23. Церковь Иоанна Предтечи, с. Поддубье	1050	1233	2353	2134	2420	2606	2857
24. Николаевская церковь, с. Модолицы	926	969	1727	1934	1920	2261	2518
25. Дмитриевская церковь, Бельский погост	1900	2048	2358	2800	2680	3074	4239
26. Спасская церковь, с. Сяберо	355	621	1089	1319	1332	1514	1865
27. Покровская церковь, Хмерский погост	1824	—	1834	2094	1800	1892	2300
28. Успенская церковь, с. Гагрино	622	610	1047	1035	1380	1585	1516
29. Никольская церковь, с. Крицы	1755	1864	2232	2153	1780	1857	2101
30. Георгиевская церковь, с. Заполье	3045	3219	4625	2683	2670	2622	—
31. Успенская церковь в упраздненной Феофиловой пустыне	—	**2	804	1425	1690	1743	1845
32. Покровская церковь, Боротинский погост	885	1034	2250	2613	2600	2657	2006
33. Покровская церковь, Павский погост	1360	1766	3066	2167	2120	2480	2513
34. Церковь свв. Флора и Лавра, с. Хредино	—	—	—	1239	1200	1542	1780

² Отмечены двумя звездочками: при составлении сравнительных таблиц численность прихожан в приходах, существовавших в XVIII в., но не найденных в клировых ведомостях, взята немного меньшая, чем в 1850 г.

Наименование церквей	Г о д ы						
	1786	1791	1850	1867	1876	1883	1899
35. Успенская церковь, с. Городце	420	542	4704	4489	3260	—	3977
36. Знаменская церковь, с. Велени	1325	1383	2205	2348	2290	2670	3490
37. Покровская церковь, Заклинский погост	—	357	849	1204	1490	1785	2130
38. Дмитриевская церковь, Моложанский погост	—	924	2175	1906	1920	2242	2755
39. Георгиевская церковь, с. Перечицы	1156	968	2021	1792	1860	1809	3007
40. Казанская церковь, с. Медвежье	—	—	—	—	—	—	801
41. Николаевская церковь, с. Мроткино	272	260	676	690	650	657	782
42. Покровская церковь, с. Мелковичи	318	277	569	882	1360	1633	1868
43. Спасопреображенская церковь, Турский погост	1826	1983	3121	2648	2380	2692	3070
44. Дмитриевская церковь, с. Хвошня	395	402	при- хода не было	660	630	653	783
45. Церковь св. кн. Александра Невского, с. Видони	—	—	—	—	—	—	940
46. Николаевская церковь, с. Зачеренье	—	—	—	788	690	733	954
47. Воскресенская церковь, Щирский погост	2124	2261	3530	3342	3390	3888	3907
48. Церковь св. Параскевы, с. Чупрова Гора	—	1171	1414	1475	1400	1586	—
49. Георгиевская церковь, с. Болотское (единоверческая)	—	—	—	—	—	422	—
50. Николаевская церковь, с. Кубасово (единоверческая)	—	—	—	—	—	—	282
51. Введенская церковь, с. Соседно (единоверческая)	—	—	—	—	—	—	400

Наименование церквей	Г о д ы						
	1773	1785	1851	1867	1876	1883	1899
Новоладожский уезд							
1. Николаевский собор, г. Новая Ладога	602	568	897	1004	1000	1306	1610
2. Церковь св. Климента, г. Новая Ладога	304	431	601	672	779	855	864
3. Петропавловская церковь, с. Креницы	375	418	412	399	500	398	425
4. Успенская церковь, Сясьский погост	—	680	748	844	820	1023	1199
5. Церковь Рождества Богородицы, с. Рогожи	—	320	654	827	970	1088	1159
6. Церковь Тихвинской иконы Божией Матери, Рождественский Сясьский погост	—	919	1654	1904	1800	2426	2868
7. Троицкая церковь, Никольский Сясьский погост	—	1309	2196	2136	2150	2373	2509
8. Покровская церковь, с. Подбережье		286 ³	386	350	—	360	443
9. Церковь Василия Вели- кого, Васильевский погост		385 ⁴	472	457	—	461	423
10. Георгиевская церковь и Димитриевская церковь, г. Старая Ладога	368	400	1530	373	350	348	394
11. Успенская церковь, Староладожский Успен- ский женский монастырь	622	583	1078 ⁵	1098	1050	1091	1237
12. Покровская церковь, Ильинский погост	472	550	668	696	720	762	750
13. Церковь Архангела Михаила, Михайловский погост	2123	2413	2719	1454	1980	1946	2333

³ По клировой ведомости за 1793 г. ЦГИА СПб., Ф. 19. Оп. 113. Д. 25. Л. 313 об.-314.

⁴ По клировой ведомости за 1786 г. Там же. Д. 18. Л. 38 об.-39.

⁵ По Росписи приходов за 1857 г. Там же. Оп. 48. Д. 30. Л. 152 об.

Наименование церквей	Г о д ы						
	1773	1785	1851	1867	1876	1883	1899
14. Покровская церковь, с. Вольково	—	—	—	824	860	944	920
15. Преображенская цер- ковь, с. Заболотье	—	3910	5340	4607	4500	4429	4603
16. Церковь св. Параскевы, с. Верховины	—	—	—	—	760	664	1041
17. Христовоздвиженская церковь, Пашский погост	—	**	2881	3176	2760	3078	3285
18. Ильинская церковь, с. Черное	208	252	794	1020	910	873	963
19. Николаевская церковь, с. Кобоны	567	902	1562	1905	1700	1893	1975
20. Николаевская церковь, с. Веролы	431	616	1194	1421	1420	1610	1410
21. Церковь Пророчицы Анны, с. Вегота	—	—	—	1967	1270	1421	1231
22. Церковь св. Феодора Стратилата, Песочкий погост	921	1165	1819	1194	1200	1286	1251
23. Успенская церковь, Теребужский погост	1376	1566	2753	1776	2080	2566	2715
24. Святотроицкая церковь, с. Васильково	306	349	568	557	460	497	628
25. Покровская церковь, с. Сари	592	663	1217	1365	1370	1465	1649
26. Тихвинская церковь, с. Мыслово	—	817	1152	870	1105	1333	1628
27. Николаевская церковь, с. Немятово (единоверческая)	—	—	—	641	—	709	736
28. Преображенская церковь, с. Пчево	—	**	—	795	1100	1244	1170
29. Николаевская церковь, с. Городище	—	842	1337	836	930	1130	1310
30. Церковь св. Иоанна Предтечи, с. Мотохово	—	922	1766	1876	1645	1578	1718

Наименование церквей	Г о д ы						
	1773	1785	1851	1867	1876	1883	1899
31. Введенская церковь, с. Заречье	—	—	—	741	880	941	932
32. Церковь св. Иона Предтечи, с. Прусынь	—	1461	1675	1038	1095	1228	1122
33. Троицкая церковь, с. Помялово	1703	1858	2194	1649	1910	1436	1248
34. Покровская церковь, с. Дубна	495	710	849	622	540	558	525
35. Флоро-Лаврская церковь, с. Гавсары	555	650	923	779	815	—	915
36. Николаевская церковь упраздненного Гостино- польского монастыря	—	450	1515	1131	1030	1066	960
37. Церковь Рождества Богородицы, с. Черенцово	—	—	—	487	700	735	924
38. Введенская церковь, с. Хотово	—	—	—	760	800	898	1002
39. Владимирская церковь, с. Глажево	1269	1447	2039	1055	1130	1277	1398
40. Николаевская церковь, с. Мемино	—	—	—	805	830	920	1037
41. Георгиевская церковь, с. Оломна		641 ⁶	1141	1093	1150	1243	1225
42. Ильинская церковь, с. Острова	—	—	—	980	860	1695	1294
43. Покровская церковь, с. Тигода		1387 ⁷	2008	2083	1780	1870	1239
44. Троицкая церковь, с. Изсада	—	1320	1282	1308	1120	1195	1291
45. Церковь Рождества Богородицы, с. Сольцо		1402 ⁸	2279	1543	1270	1613	1703
46. Преображенская церковь, с. Загубье		469 ⁹ (а)	693	762	880	754	981

⁶ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 113. Д. 25. Л. 293 об.-294 (1793 г.).

⁷ Там же. Л. 297 об.-298.

⁸ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 113. Д. 25. Л. 295 об.-196 (1793 г.).

⁹ Там же: а) Л. 337 об.-338; б) Л. 347 об.-348; в) Л. 341 об.-242; г) Л. 343 об.-344; д) Л. 345 об.-346.

Наименование церквей	Г о д ы						
	1773	1785	1851	1867	1876	1883	1899
47. Петропавская церковь, с. Тюнев Посад	—	—	—	1042	940	1073	1247
48. Церковь Рождества Богородицы, с. Вороново		2289	3818	2848	2990	3176	2039
49. Крестовоздвиженская церковь, с. Лунгачи		1160	1696	1660	2135	2534	2897
50. Воскресенская церковь, Масельский погост		1326	2091	2270	2000	2125	2122
51. Преображенская церковь, с. Кусяги		470	693	758	790	782	879
52. Церковь св. Иоанна Милостивого, с. Колголемы		**	1208	1306	1200	1374	1647
53. Воздвиженская церковь, с. Шижнемы		728 (б)	1055	1046	1050	1198	1360
54. Церковь Смоленской Божией Матери, с. Оятское		1309 (в)	1637	1648	1450	1541	1474
55. Николаевская церковь, Имоческий погост		553 (г)	757	884	920	1113	1084
56. Петропавловская церковь, с. Городец		583 (д)	957	1100	960	1094	1367
57. Покровская церковь, с. Шолтолы	—	—	—	—	—	—	1226
58. Петропавловская церковь, с. Петропавловское (единоверческая с 1858 г.)	486	—	—	621	—	646	229
59. Ильинская церковь, с. Заднево	—	—	—	—	—	464	492

Источники:

1. 1773 г.: Ямбургский и Новолодожский уезды: ЦГИАСПб. Ф. 19. Оп. 113 Д. 1 (Клировые ведомости за 1773 г.).
2. 1785 г.: Ямбургский и Новолодожский уезды: Там же. Ф. 19. Оп. 113. Д. 14 (Клировые ведомости за 1785 г.).
3. 1786 г.: Лужский уезд: Там же. Ф. 19. Оп. 113. Д. 113. Д. 15 (Клировые ведомости за 1786 г.).

4. 1791 г.: Лужский уезд: Там же. Ф. 19. Оп. 113. Д. 22 (Клировые ведомости за 1791 г.).
5. 1793 г.: Дополнительно по 3-м уездам. Там же. Ф. 19. Оп. 113. Д. 25 (Клировые ведомости за 1793 г.).
6. 1850 г.: Ямбургский уезд: Там же. Ф. 19. Оп. 113. Д. 1285 (Клировые ведомости за 1850 г.); Лужский уезд: Там же. Ф. 19. Оп. 113. Д. 1273 (Клировые ведомости за 1850 г.).
7. 1851 г.: Новолодожский уезд: Там же. Ф. 19. Оп. 113. Д. 1322.
8. 1867 г.: Справочный указатель соборов и церквей С.-Петербургской епархии за 1867 г. СПб., 1867.
9. 1876 г.: Расписание городских и сельских приходов и церквей и причтов по С.-Петербургской епархии. СПб., 1876.
10. 1883 г.: Лужский и Новолодожский уезды: Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. СПб., Т. 9. 1884 г.
11. 1885 г.: Ямбургский уезд: Там же. Т. 10. 1885 г.
12. 1899 г.: Памятная книга Санкт-Петербургской епархии. СПб., 1899.

Приложение 2

1859 г. 18 марта — Мирской приговор о постройке деревянной церкви в деревне Верховины

Копия

1859 года Марта 18 дня мы, нижеподписавшиеся государственные крестьяне С.-Петербургской губернии Новолодожского уезда Усадищской волости, Теробонижского сельского общества деревень Верховины Конца, Верховины Средней и Верховины за рекой, православного вероисповедания, в числе 12 человек наличных домохозяев, быв созваны в общем собрании домохозяев в деревне Средней Верховины, выслушав предложение г. Новолодожского Окружного Начальника Государственных Имуществ в присутствии Благочинного священника Якова Азиатского, о постройке новой церкви с образованием особого прихода по случаю отдаленности нашей село Заболотской церкви.

Вследствие сего, посоветовавшись между собою и с общего всех нас непринужденного согласия, приговорили:

1е, По сказанному предложению г. Новолодожского окружного начальника и благочинного Якова Азиатского готовы и согласны на постройку вновь деревянной церкви в деревне Средней Верховины и желали бы, чтобы она была сооружена во имя Святыя великомученицы Парасковии нареченныя пятницы. —

2е, А как из нас многие крестьяне бедны и к тому же не имеют никаких особенных промыслов, а хлебопашеств во владении имеем недостаточно, то по сему мы не в состоянии и не имеем средств выстроить вновь церковь на собственный свой счет, которую необходимо построить для помещения от 400 до 450 человек, на что потребуется значительная сумма —

3е, По неимению собственных средств построить вновь церковь покорнейше просим построить оную на счет казны, а лес на постройку в потребном количестве отпустить без платежа по пенным денег из Мотоховской дачи, состоящей поблизости наших деревень, каковой лес просим вывезти целым обществом —

// Л. 9 4е, Для приобретения церковной утвари просим выдать сборную книжку для снабжения сборщика имеющего быть нами избранного —

5е, Распоряжение по постройке церкви наем мастеров представляем начальству, так как мы сами строить не можем и не умеем —

6е, Потребное количество булыжного камня, песку, глины и другие материалы мы готовы и обязуемся наравне с прочими крестьянами вывести на место постройки церкви натурою —

7е, Для причта, долженствующего состоять из священника и одного дьячка, тоже будет необходимо построить дома и должное содержание, то покорнейше просим начальство на постройку оных двух домов отпустить безденежно потребное количество леса и дать штатное от казны жалованье, а лес на постройку домов вырубить и вывозить, а равно и подвезти камень и песок согласны всем обществом, а постройку ходатайствуем произвести на счет казны —

8е, Землю для огородов и хлебопашества согласны выделить сколько следует, уравнительно со всех крестьян —

и 9е, Сверх трех этих деревень наших желаем также причислить к нашему приходу соседних крестьян нашей же волости Моисеевского общества дер. Большого Елешкова и Малого Елешкова, с тем, чтобы и они участвовали наравне с нами.

Больше же описанных в сем приговоре средств по бедности и состоятельности нашей мы не имеем, а кто пожелает добровольное пожертвование, то будет записано в особо изданную книжку, в чем и подписуемся неграмотные крестьяне:

Деревни Верховины Конца Андрей Васильев, Ефим Тимофеев; Средней Верховины Никита Ильин, Яков Трофимов, Спиридон Власов, Иван Федоров, Конон Васильев, деревни Верховины за рекой Петр Васильев, Иван Васильев, Иван Родионов, а вместо сих крестьян неграмотных крестьянин деревни Усадища Ефим Иванов руку приложил —

Крестьян же Средней Верховины Тимофей Игнатьев, хотя и согласился на этот приговор, но подписаться не согласился. —

Подлинный подписали: Приговор этот составлен в присутствии нашем: Благочинный села Заболотья священник Яков Азиатский, Новоладожский окружной начальник Каменский, — С подлинным верно: в д. Письмоводителя ...

Подпись

Приложение 3

Декабрь 1862 г. — Прошение прихожан о построении церкви и обязательства по обеспечению причта

Его Преосвященству
Преосвященнейшему Леонтию, Епископу Ревельскому,
Викарию С.-Петербургской епархии

Доверенные от вновь устраиваемой церкви в деревне Большом Острове Посадникове, временно обязанных крестьян г. Лахматова деревни Большого Острова Посадникова Семена Иванова, и деревни Ларионова Острова, г-жи Сульменевой Александра Иванова

Покорнейшее прошение

В прошлом 1860 г. просили мы Епархиальное начальство построить вновь церковь во имя св. Илии Пророка в дне Большом Посадникове Острове... представляем у сего [прошения] составленный нами по согласию помещиков план на отводимую на означенные предметы землю за подписом самих помещиков; обязуемся поставить для постройки церкви фундамент и строевой лес сколько одного потребуется, а также по одному рублю сер. с каждой наличной души, а для обеспечения же причта содержанием: а) обязуемся выстроить для помещения удобный деревянный дом; б) а для содержания одного обязываемся давать по одной четверти четверика ржи и по столько же ярового с каждой наличной души мужского пола, что оставляет по числу 379 душ 11 четвертей 6 четвериков и 3 четвертки ржи и столько же ярового, и в) а также для прокормления скота — по одному пуду сена и постольку же соломы с наличной души муж. пола... Земля отводимая помещиками для устройства: а) церкви в таком количестве сколько будет нужно, князем Мышецким, б) для кладбища в количестве 1200 квад. саж. г. Сульменевым, и в) для усадьбы причту 1200 квад. саж. г. Лахматовым; расстояние же церкви от кладбища 582 саж., от селения кладбище в 260 саж., а от усадьбы церковного причта в 70 саж. ...

Декабря __ дня 1861 года

Доверенной от общества на ходатайство о построении вновь храма в деревне Большом Острове посадникове временно обязанной г-на Лахматова крестьянин Семен Иванов

Свидетельствую подпись руки крестьянина Семеона Иванова; а равно при сем изъявляю и согласие мое на пожертвование в полное распоряжение вновь устрояемого храма в деревне Большом Острове Посадникове означенное количество собственной моей земли тысячу двести квадратных сажень — помещик армии полковник и кавалер Константин Яковлев Лахматов. — Сим свидетельствую, что на построение в деревне Большом Посадниковом Острове я согласна, и что потребную на кладбище землю, — в количестве одной тысячи двухсот кв. сажень уступаю добровольно. Новоладожская

помещица жена Флота капитана 2го ранга Анастасия Константиновна Сульменова.

Сим удостоверяю, что землю под построение церкви в таком количестве, сколько оной будет нужно, уступаю из собственной своей земли безвозмездно. Новоладожский помещик гвардии ротмистр князь Николай Евграфов Мышецкий.

Приложение 4

2 марта 1862 г. — Надпись на книге, выданной из Духовной консистории, для записи сборов и пожертвований на строительство приходской церкви в дер. Вольково

№ 1166

По указу Его Императорского Величества от С.-Петербургской Духовной Консистории в следствии ходатайства Палаты Государственных Имуществ дана сия книга избранному от крестьян деревни Волькова Новоладожского уезда государственному крестьянину Даниилу Яковлеву для испрашивания добротных даяний на построение новой в деревне Волькове церкви сроком от нижеписанного числа на один год, с тем, чтобы он Яковлев на основании Св. Зак. т. XIV ст. 38 и примеч. к оной и прочих узаконений: 1, добротные даяния собирал только в пределах С.-Петербургской епархии; 2, не далее назначенного срока; 3, никому сей книги для сбора не передавал; 4, личными просьбами Государя Императора и вс. Высочайшую фамилию не осмеливался обременять; 5, прежде начатия сбора в С.-Петербурге книгу сию предъявил в Канцелярии С.-Петербургского обер-полицмейстера, а в других местах в местную полицию; 6, собираемые деньги отсылал к причту Михайловского погоста непременно ежемесячно для записывания в церковную книгу, а по окончании года и представил самую книгу тому же причту для поверки и представления в Консисторию. Марта 2 дня 1862 года.

Подлинную сборную Книгу получил, прописанные в оной пункты выслушал и исполнять обязуюсь. Сборщик крестьянин Даниил Яковлев, а за неумением грамоте поставил три креста: + + +

Приложение 5

**Выписки из Журнала строительной комиссии по постройке
церкви свв. муч. Флора и Лавра в селе Хредино**

А. К статье расхода под № 3-м

1863 года Марта 5 дня Строительная комиссия в общем присутствии своем слушали предложение мещанина города Валдая Николая Терентьева о том, что он Терентьев желает принять на себя подряд по контракту на производство плотничной, столярной, малярной, каменной и железной работ по Церкви ценою за 1100 руб. сер. с тем, чтобы при заключении законного контракта на означенные работы Строительная комиссия выдала ему в задаток 400 руб. сер. В обеспечение же исправности в производстве означенных работ, он Терентьев, обязывается дать в залог Строительной комиссии из своего собственного капитала 250 руб. сер.

Постановлено: так как предъявленную цену мещанином Терентьевым Строительная комиссия находит выгодною и представленное им обеспечение достаточным, то 1е, выдать члену Комиссии священнику Стефану Рождественскому доверенность от лица прочих членов Строительной комиссии на заключение Контракта; 2е, выдать ему же священнику Рождественскому из строительных сумм денег 400 руб. сер. на задаток мещанину Терентьеву и 3е, принять от мещанина Терентьева в залог деньги 250 руб. сер. и хранить их при Комиссии впредь до окончания всех работ по Церкви. Деньги же 400 руб. сер., выписав в расход по шнуровой книге строительных сумм, и составить журнал за общим подписом.

Члены Строительной комиссии по постройке церкви

Священник Стефан Рождественский

Священник Михаил Павский

*Волостной старшина Семен Фролов, а за безграмотством
приложил печать*

(печать)

Купец Михайла Собакин

*Крестьянин Михайла Петров, а за безграмотностью их,
по личной их просьбе расписался девица Ольга Гофбауер*

Б. К статье прихода под №№ 7, 8, 9, 10, 11

1863 года Сентября 15 дня Строительная комиссия слушали предложение члена оной священника Стефана Рождественского о том, что недостаток строительной суммы для уплаты за производство по церкви работ лугская купеческая дочь Анисия Алексеевна Собакина изъявила желание дать взаимообразно, на неопределенное время без уплаты процентов, 90 руб. сер., но как означенной суммы недостаточно для окончательного расчета за работы, то члены оной Комиссии изъявили желание еще от себя дать взаимообразно на неопределенное время и без уплаты процентов, а именно: лугский 2й гильдии купеческий сын Александр Иванов Собакин 70 руб. сер., временно-обязанные крестьяне: деревни Теребунь Михаил Петров 100 руб. сер, и деревни Череменки Симеон Фролов 50 руб. сер. и лугский 3й гильдии купец Михаил Алексеев Собакин 100 руб. сер., всего 410 руб. сер.

Положено: за крайним недостатком строительной суммы деньги сии взять и зачислить во строительный капитал, записать приходом по шуровой книге и употребить по назначению, о чем и составить журнал за общим подписом.

Члены Строительной комиссии

Священник Стефан Рождественский

Священник Михаил Павский

Волостной старшина Семен Фролов, а за безграмотством приложил печать

(печать)

Купеческий сын Александр Собакин

Купец Дмитрий Собакин

Купец Михайла Собакин

Крестьянин Михайла Петров, а за безграмотностию их, по личной их просьбе расписалась девица Ольга Гофбауер

Приложение 6

**16 сентября 1893 г. — Копия выписки из журнала
С.-Петербургского губернского присутствия об уплате
выкупных платежей за участок земли
под церковь в с. Малой Хотнеже**

Копия

Д. № 441/93 г. Ямбургского уезда

ЖУРНАЛ

№ 493

С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГУБЕРНСКОГО ПРИСУТСТВИЯ

По Административному отделению

16 сентября 1893 г.

8 Заседание

Присутствовали: *Председатель Граф С. А. Толь*

Члены: Н. А. Косачь, Г. Х. Цизга, П. А. Корсаков, Д. П. Вилькин,

А. А. Кованько

при секретаре Н. П. Анжу

Выслушал дело по представлению Земского Начальника 4 участка Ямбургского уезда об отводе крестьянским обществом сел. Малыя Хотнежи, Редкинской волости, из своей мирской земли, 2 десятин надельной земли под вновь устраиваемые помещения для церкви и причта, Губернское Присутствие находит, 1) что за этот участок, по общественной разверстке, уплачивается 90 коп. ежегодно выкупного платежа, следовательно, выкупной суммы причитается 15 р., и 2) что председателем Редкинского Приходского Попечительства внесено в С.-Петербургское Губернское Казначейство 25 Мая 1893 г. под квитанцию за № 14399 25 руб., то есть более, нежели причитается на погашение долга по выкупной ссуде за означенный участок земли на 10 рублей.

В виду сего и руководствуясь ст. 162 Полож. о вык. и примеч к ней, Губернское Присутствие определяет: просить распоряжения

С.-Петербургской Казенной Палаты о зачислении из вышеуказанных денег соответствующей части в уплату долга по выкупной ссуде и о возвращении Редкинскому Приходскому Попечительству остальной суммы, выдать этому Попечительству по представлении им гербового сбора, в размере 80 к., установленное удостоверение на предмет беспрепятственного совершения между Приходом и крестьянским обществом сел. Малые Хотнежи крепостного акта о приобретаемом для церковных построек участке земли и уведомить об изложенном Земского Начальника 4 участка Ямбургского уезда, для объявления заинтересованным в сем деле сторонам. Подлинный журнал за подписом Г. г. Председателя, Членов Присутствия и скрепленной Секретаря

*С подлинным верно: Секретарь Присутствия
подпись*

Источники

1. Неопубликованные

А. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга и Ленинградской области

Фонд 19: Петроградская Духовная консистория

Фонды отдельных церквей и учреждений:

1. Ф. 612. Церковь Рождества Иисуса Христа Пашского погоста Новоладожского уезда.
2. Ф. 653. Церковь Святой Живоначальной Троицы с. Редкино Ямбургского уезда.
3. Ф. 654. Церковь Святого архангела Михаила с. Удосола Ямбургского уезда.
4. Ф. 657. Церковь во имя Вознесения Господня с. Валговицы Ямбургского уезда.
5. Ф. 690. Церковь Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня с. Лунгачи Новоладожского уезда.
6. Ф. 691. Церковь Собора Пресвятой Богородицы с. Рогожа Новоладожского уезда.
7. Ф. 862. Церковь Покрова Пресвятой Богородицы с. Югостицы Лужского уезда.
8. Ф. 865. Церковь Святого великомученика Дмитрия Солунского погоста Городня Лужского уезда.
9. Ф. 869. Церковь во имя Тихвинской иконы Божией Матери с. Романшино (Романщина) Лужского уезда.
10. Ф. 1009. Петербургское Исидоровское епархиальное женское училище.

Указы и документы Духовной консистории (в том числе в фондах церквей)

1. Ф. 19. Оп. 120. Д. 56 — Указы С.-Петербургской Духовной консистории за 1848–1866 гг.
2. Ф. 653. Оп. 1. Д. 41 — То же, 1853–1876 гг.
3. Ф. 657. Оп. 1. Д. 1 — То же, 1853–1902 гг.

4. Ф. 19. Оп. 122. Д. 314 — То же, 1868–1886 гг.
5. Ф. 19. Оп. 120. Д. 59 — То же, 1862–1878 гг.
6. Ф. 19. Оп. 120. Д. 61 — Книги для списывания копий с Указов Духовной консистории, объявленных оо. благочинным («Указная книга» с 1866 г.).
7. Ф. 690. Оп. 1. Д. 26 — Журнал входящих бумаг по Село-Лунгацкой Крестовоздвиженской церкви
8. Ф. 19. Оп. 120. Д. 319 — Журнал заседаний 1-й Экспедиции за 1869 год.
9. Ф. 19. Оп. 87. Д. 24 — Дело об оставлении без последствий прошений об определении на непраздные вакансии и о перемещении (1895–1896 гг.)

Отчеты о поездках по епархии викарных епископов

10. Ф. 19. Оп. 62. Д. 19 — Дело об обозрении Преосвященным Тихоном, епископом Выборгским, викарием Петербургским, церковью городов Нарвы и Ямбурга и некоторых Ямбургского и Петергофского уездов (1870–1871 гг.).
11. Ф. 19. Оп. 63. Д. 8 — Дело Об обозрении Преосвященным Павлом [епископом Ладожским], викарием С.-Петербургским, некоторых церквей Новоладожского уезда в 1871 году.
12. Ф. 19. Оп. 64. Д. 23 — Дело О поручении Преосвященному Тихону, епископу Ладожскому викарию С.-Петербургскому, обозреть ныне церкви в Лу[г]ском и Гдовском уездах (1872–1873 гг.).
13. Ф. 19. Оп. 91. Д. 18 — Дело О поездке Преосвященных Вениамина, епископа Гдовского, и Николая, епископа Нарвского, в Шлиссельбургский, Новоладожский, Гдовский, Лужский и Ямбургский уезды для обозрения церквей и церковно-приходских школ (1899–1900 гг.).
14. Ф. 19. Оп. 93. Д. 17 — Дело по обозрению Преосвященным Тихоном, епископом Нарвским, церковью Лужского и Царскосельского уездов (1901–1903 гг.).

Документы о состоянии церквей

15. Ф. 19. Оп. 45. Д. 12 — Дело по рапортам настоятелей монастырей, духовных правлений и благочинных с представлением следующих к отчету сведений о состоянии епархии за 1853 год.

16. Ф. 19. Оп. 48. Д. 30 — Дело по указу Святейшего Синода о доставлении в Академию наук расписаний приходов по епархии (1856–1957 гг.).

17. Ф. 19. Оп. 49. Д. 15 — О доставлении обер-прокурору Синода сведений о состоянии епархии за 1857 г.

18. Ф. 19. Оп. 58. Д. 35 — Дело о рапортах настоятелей и настоятелейниц монастырей, благочинных и Финляндского Духовного Правления с представлением сведений, следующих к отчету г. Обер Прокурора Св. Синода (1866 г.).

19. Ф. 19. Оп. 70. Д. 4 — То же за 1878 г.

20. Ф. 19. Оп. 75. Д. 13 — Дело о доставлении в Хозяйственное управление при Св. Синоде сведений как об имениях, так и о полученных с них доходах (1883–1885 гг.)

21. Ф. 19. Оп. 78. Д. 32 — Дело по рапортам благочинных с представлением ведомостей о белом духовенстве и клировых ведомостей (1886 г.).

Клировые ведомости

22. Ф. 19. Оп. 113. Д. 1 — Клировые ведомости церквей С.-Петербургской епархии за 1773 год (Ямбургский и Новолодожский уезды).

23. Ф. 19. Оп. 113. Д. 14 — То же за 1785 год (Ямбургский и Новолодожский уезды).

24. Ф. 19. Оп. 113. Д. 15 — То же за 1786 год (Лужский уезд).

25. Ф. 19. Оп. 113. Д. 1273 — Формулярные ведомости Лужского Духовного правления за 1850 г. (45 церквей).

26. Ф. 19. Оп. 113. Д. 1285 — Формулярные ведомости Ямбургского Духовного правления за 1850 г. (19 церквей).

27. Ф. 19. Оп. 113. Д. 1322 — Реестр формулярных ведомостей Новолодожского уезда за 1851 г. (46 церквей).

28. Ф. 19. Оп. 113. Д. 1623 — Клик. вед. Лужского уезда за 1857 г. (12 церквей).

29. Ф. 19. Оп. 113. Д. 2316 — То же за 1868 г. (14 церквей).

30. Ф. 19. Оп. 113. Д. 2969 — То же за 1878 г. (14 церквей).

31. Ф. 612. Оп. 1. Д. 3 — То же за 1880 г.

32. Ф. 19. Оп. 113. Д. 1810 — Клик. вед. Ямбургского уезда за 1860 г. (12 церквей).

33. Ф. 19. Оп. 113. Д. 1941 — Клик. вед. по округу благочиния села Посолодина священника Федора Добрякова, Лужского уезда, за 1863 г. (14 церквей).

34. Ф. 19. Оп. 113. Д. 3312 — Клир. вед. Новолодожского уезда за 1885 г. (21 церковь).

35. Ф. 869. Оп. 119. Д. 4 — Клир. вед. Тихвинской Романшинской церкви за 1892 год. (Лужский уезд).

36. Ф. 19. Оп. 113. Д. 3744 — Клир. вед. Новолодожского уезда за 1895 г. (20 церквей).

37. Ф. 19. Оп. 113. Д. 3880 — То же за 1899 г. (22 церкви).

*Документы об образовании новых приходов
и постройке церквей*

38. Ф. 19. Оп. 178. Д. 122 — О постройке церкви в селе Сойкине Ямбургского уезда.

39. Ф. 19. Оп. 50. Д. 46 — Дело о прошении помещика барона Корфа о дозволении ему построить новую каменную церковь в мызе Раскулицах Ямбургского уезда (продолжение) (1858-1861 гг.).

40. Ф. 19. Оп. 50. Д. 123 — Дело по рапорту благочинного священника Петра Григорьева об устройстве в деревне Новинке особой церкви с образованием по устройству церкви отдельного из окрестных деревень прихода (1858 г.).

41. Ф. 19. Оп. 50. Д. 125 — Дело о постройке Лугского уезда на границах деревень Малой Уторгощи и Городища новой церкви с образованием при ней отдельного прихода с причтом (1858-1869 гг.).

42. Ф. 19. Оп. 50. Д. 127 — Дело по рапорту Лугского Духовного Правления о постройке в приходе села Горок в деревне Хвошне новой церкви, с образованием отдельного прихода из окрестных деревень (1859-1866 гг.).

43. Ф. 19. Оп. 50. Д. 130 — Дело по рапорту благочинного священника И. Азиатского о восстановлении приписной Загубской церкви Николаевской Староженской церкви — самостоятельную (1858-1861 гг.).

44. Ф. 19. Оп. 50. Д. 131 — Дело по рапорту благочинного священника Сергея Веселовского об устройстве в деревне Сельги или Перетник новой церкви с образованием по постройке церкви особого из окрестных деревень прихода (1858-1871 гг.).

45. Ф. 19. Оп. 50. Д. 137 — Дело о постройке церкви в деревне Верхвинах, Новолодожского уезда. Ч. 1. (1858-1866 гг.).

46. Ф. 19. Оп. 58. Д. 26 — Ч. 2 (1866-1876 гг.).

47. Ф. 19. Оп. 50. Д. 140 — Дело о постройке церкви в деревне Хредине Лугского уезда (1858-1871 гг.).

48. Ф. 19. Оп. 50. Д. 109 — Ч. 2 (1858-1871 гг.).
49. Ф. 19. Оп. 51. Д. 15 — Дело о постройке двух новых церквей в деревнях Волькове и Заречье, Новоладожского уезда, с образованием при них новых приходов. Ч. 1 (1859-1862 гг.).
50. Ф. 19. Оп. 51. Д. 16 — Ч. 2 (1862-1867 гг.).
51. Ф. 19. Оп. 51. Д. 17 — Ч. 3 (1863-1873 гг.).
52. Ф. 19. Оп. 56. Д. 39 — Дело о разрешении построить церковь в деревне Караколье Ямбургского уезда с образованием прихода из деревень Сойкинского и Кейкинского приходов (1864-1887 гг.).
53. Ф. 19. Оп. 122. Д. 180 — Дело о постройке церкви в деревне Смердях Лугского уезда. Ч. 1 (1858-1866 гг.).
54. Ф. 19. Оп. 50. Д. 138 — Ч. 2 (1858-1872 гг.).
55. Ф. 266. Оп. 1. Д. 535 — Дело о постройке деревянной церкви при деревне Тюнев Посад в Новоладожском уезде (1861-1868 гг.).
56. Ф. 19. Оп. 62. Д. 17 — Дело об устройении временной церкви в Моложенском погосте Лужского уезда вместо сгоревшей от молнии деревянной (1870-1871 гг.).
57. Ф. 19. Оп. 62. Д. 28 — Дело о составлении нового расписания по Ямбургскому уезду (1871 г.).
58. Ф. 19. Оп. 65. Д. 5 — Дело о постройке церкви с образованием особого прихода в деревне Большие Валговицы, Ямбургского уезда (1873-1885 гг.).
59. Ф. 256. Оп. 10. Д. 57 — Дело строительного отделения С.-Петербургского губернского правления по отношению С.-Петербургской Духовной Консистории о постройке деревянной церкви в селе Шолтолы Шахновской волости Новоладожского уезда (1882 г.).
60. Ф. 19. Оп. 51. Д. 36 — Дело об устройении церкви с образованием особого прихода в деревне Большом Посадском Острове (Новоладожский уезд) (1859-1868 гг.).
61. Ф. 19. Оп. 51. Д. 37 — Часть 2.
62. Ф. 19. Оп. 11. Д. 72 — Дело о разрешении жителям деревень Большой и Малой Хотнежи построить церковь с образованием отдельного прихода от села Редкинской церкви (1880-1899 гг.).
63. Ф. 19. Оп. 81. Д. 24 — Дело о построении нового каменного храма в Петровском погосте Лужского уезда (1889-1904 гг.).
64. Ф. 19. Оп. 85. Д. 31 — Дело о рукоположении диакона Волговицкой Вознесенской церкви, Ямбургского уезда, Иоанна Пашского во Священника к вновь построенной Покровской церкви в деревне Копанец того же уезда (1893-1895 гг.).

65. Ф. 19. Оп. 90. Д. 1 — Дело о постройке деревянной церкви в селце Медвежьем Лужского уезда на средства Санкт-Петербургского купца Макара Тимофеевича Стрелина (1898-1899 гг.).

66. Ф. 19. Оп. 91. Д. 3 — О постройке новой деревянной церкви в д. Черноушево Новолодожского уезда (1899-1905 гг.).

*Документы о материальном положении
священно- и церковнослужителей*

67. Ф. 536. Оп. 9. Д. 2620 — Дело По предмету обеспечения Православного сельского духовенства землями, домами и единовременными пособиями (1844 г.).

68. Ф. 19. Оп. 47. Д. 21 — Дело по отношению Архангельской Духовной консистории о доставлении сведения о том, как делятся земли, ружные доходы и прочие выгоды городских и сельских церквей (1855-1856 гг.).

69. Ф. 19. Оп. 47. Д. 22 — Дело по запросу Губернского статистического комитета о сборе необходимых сведений по С.-Петербургской губернии о числе родившихся и умерших, о числе браков и о посеве и сборе хлеба и картофеля на землях церковных (1855 г.).

70. Ф. 19. Оп. 50. Д. 61 — Дело по прошению пономаря Лугского уезда упраздненного Сяберского монастыря Петра Уткина об увольнении его от обязательств (1858 г.).

71. Ф. 19. Оп. 50. Д. 69 — Дело по прошению Лугского уезда Бельского погоста священника Алексея Георгиевского об увольнении его от обязательства, производимого заштатному священнику Герасиму Андрееву (1858 г.).

72. Ф. 19. Оп. 53. Д. 859 — Дело О духовном завещании С.-Петербургского купца Ивана Синякова (1861-1863 гг.).

73. Ф. 19. Оп. 54. Д. 66 — Дело об ассигновании сумм на содержание причтов церковей С.-Петербургской епархии в 1862 г.

74. Ф. 19. Оп. 67. Д. 2 — Дело по прошению причта село-Черновской Ильинской церкви Новолодожского уезда о бедственном положении причта сей церкви в среде зараженного расколом прихода (1875-1876 гг.).

75. Ф. 19. Оп. 87. Д. 62 — Дело о взыскании со всех крестьян, приписанных к Веготскому приходу Песоцкой волости, в том числе и с раскольников, 66 рублей в пользу причта помянутого прихода (1895-1896 гг.).

76. Ф. 19. Оп. 94. Д. 46 — Дело по прошению бывшего священника Сяберской церкви, Лужского уезда, Михаила Фальковского об отчислении деревень прихода сей церкви: Козлово, Лединки, Елемно и Дубровицы в составы других приходов и об улучшении материального положения Сяберского причта (1902-1903 гг.).

77. Ф. 19. Оп. 97. Д. 10 — Дело со сведениями о лицах С.-Петербургского епархиального духовенства, получающих по занимаемым ими должностям, из различных источников в совокупности, доходов свыше 1000 р. в год (1905-1906 гг.).

*«Личные дела» священнослужителей
приходских церквей*

78. Ф. 19. Оп. 42. Д. 105 — Дело «О пьянстве и предосудительных поступках священника Раскулицкой церкви Иоанна Светлова» (1850-1853 гг.).

79. Ф. 19. Оп. 52. Д. 43 — Дело по отношению 1-й экспедиции сей консистории о произведении исследования о поведении священника Быстревского погоста Матфея Аннинского (1860-1861 гг.)

80. Ф. 19. Оп. 87. Д. 74 — Дело «О пожертвовании купцами Малышевыми 200 рублей в Мотоховскую церковь на поминовение своих родителей» (1895-1896 гг.).

81. Ф. 19. Оп. 53. Д. 54 — О противозаконных проступках священника Ямбургского собора Аландского (1861-1862 гг.).

82. Ф. 19. Оп. 53. Д. 22 — Дело по репорту Успенского Сясьского погоста священника И. Соболева об отвлечении старшиною Кожевниковым прихожан от посещения церкви призывам их в Воскресные и Праздничные дни на сходки (1861-1864 гг.).

83. Ф. 19. Оп. 55. Д. 46 — Дело по жалобе лугского помещика, графа Татищева, на священника Успенской Гагринской церкви Николая Папоротского, за нанесение поверенному его, Курлянскому уроженцу Крюгеру оскорбления, и проч. (1863-1864 гг.).

84. Ф. 19. Оп. 62. Д. 33 — Дело о предосудительных действиях священника с. Гагрицкой, затем Крицкой церкви Николая Папоротского, как то: неосновательной жалобы на цензуру его проповедей, неповиновение епархиальному начальству и в отношении попечительства Крицкой церкви (1870-1872 гг.).

Различные документы церквей

85. Ф. 19. Оп. 1. Д. 7360 — О бытии при церкви Вознесения Господня, что при Адмиралтейской слободе Санкт-Петербургскому купцу Александру Березину старостою церковным (1769 г.)

86. Ф. 865. Оп. 1. Д. 54 — Дело о благосостоянии прихода и нравственности прихожан по Городенской церкви.

87. Ф. 865. Оп. 1. Д. 20 — Разная переписка Городенской Димитриевской церкви (Лужский уезд) (1861-1885 гг.).

88. Ф. 865. Оп. 1. Д. 21 — То же (1861-1883 гг.).

89. Ф. 869. Оп. 1. Д. 118 — Различная переписка Тихвинской Романшинской церкви (Лужский уезд) (1868-1893 гг.).

90. Ф. 865. Оп. 1. Д. 29 — Документы по хозяйственной части причта Городенской церкви Лужского уезда (1883-1901 гг.).

91. Ф. 19. Оп. 93. Д. 12 — Дело о церковно-приходских попечительствах при церквях за 1900 г.

92. Ф. 665. Оп. 1. Д. 3 — Отчет церковно-приходского попечительства Ямбургского Екатерининского собора за 1898-1905 гг. включительно.

Приходо-расходные документы церквей

93. Ф. 19. Оп. 120. Д. 979 — Ведомость о приходе и расходе денежных сумм Новоладожского уезда за 1883 год. (65 церквей)

94. Ф. 19. Оп. 120. Д. 975 — Ведомость о приходе и расходе денежных сумм Ямбургского уезда за 1883 год. (20 церквей)

95. Ф. 19. Оп. 120. Д. 980 — То же, Лужский уезд. (44 церкви)

96. Ф. 19. Оп. 116. Д. 125 — Приходо-расходная книга по Духовной Консистории.

97. Ф. 19. Оп. 50. Д. 91 — О пожертвованиях в пользу церквей за 1857 год (1858-1859 гг.).

98. Ф. 691. Оп. 1. Д. 6-23 — Приходо-расходные книги село Рогожской церкви за 1871-1900 гг. (30 лет) (Новоладожский уезд).

99. Ф. 869. Оп. 1. Д. 74-75, 78-83, 86-89, 92-93, 96-97, 100-101 — Приходо-расходные книги село Романшинской церкви за 1877-1900 гг. (Лужский уезд).

100. Ф. 653. Оп. 1. Д. 15-16, 18-23, 31, 48 — Приходо-расходные книги Редкинской церкви за 1848-1894 гг. (47 лет) (Ямбургский уезд).

Б. Архив Российского этнографического музея

Ф. 7 — Этнографическое бюро кн. В. Тенишева:

1. Оп. 1. Д. 1468, 1471, 1475 — Этнографические сведения о крестьянах Петербургской губернии, Новолодожского уезда.

В. Национальный архив Республики Карелия

Ф. 702 — 3-й благочиннический округ Олонецкого уезда:

1. Оп. 1. Д. 9/61 — Формулярные ведомости по третьему благочинию Олонецкого уезда за 1867 г.

2. Оп. 1. Д. 12/82 — Указы из Олонецкой духовной консистории благочинному церкви Олонецкого уезда Вещезерову; сведения о состоянии приходов Олонецкого уезда; переписка о доходах и расходах и пожертвованиях (1887-1888).

Ф. 2 — Олонецкое губернское правление.

Строительное отделение:

3. Оп. 50. Д. 2/3 — Дело по отношению Олонецкой Духовной консистории об утверждении проекта и сметы на постройку деревянной церкви в селении Мятусове Олонецкого уезда (1865).

4. Оп. 50. Д. 4/37 — Дело о постройке новой деревянной церкви в селении Мятусове в Яблонском приходе Олонецкого уезда.

5. Оп. 50. Д. 3/16 — Дело о постройке церкви в деревне Ерга-Наволоки Олонецкого уезда (1866).

6. Оп. 50. Д. 4/29 — О пожертвовании крестьянами Кенозеровского прихода денег на постройку новой каменной церкви (1866-1867).

2. Опубликованные:

1. Айвазов И. Г. Законодательство по церковным делам в царствовании имп. Александра III. М.: печатня А. И. Снегиревой, 1913. 222 с.

2. Александров Н. И. Сборник церковно-гражданских постановлений в России, относящихся до лиц православного духовенства. СПб.: тип. Штаба воен.-учебн. заведений, 1860. 132 с.

3. Воронов А. Г. Путеводитель церковного старосты. СПб.: т-во «Книжное дело», 1909. 127 с.

4. Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. СПб.: С.-Петербургский епархиальный историко-статистический комитет. Вып. 9. 1884. 534 с.; Вып. 10. 1885. 514 с.

5. Обзор общих законоположений о содержании православного духовенства в России со времени введения штатов по духовному ведомству (1764-1863). СПб.: Б. и., 33 с.

6. Отзвы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. М.: Об-во любителей церковной истории: изд-во Крутицкого подворья, 2004. Ч. 1. 1031 с.; Ч. 2. 1055 с.

7. Преображенский И. В. Отечественная церковь по статистическим данным 1840-1891 гг. СПб.: тип. Э. Арнольда, 1897. 236 с.

8. Руководственные для Православного духовенства указы Святейшего Синода 1721-1878. М., 1879.

9. Сборник действующих и руководственных церковных и церковно-гражданских постановлений по ведомству православного исповедания / сост. Т. В. Барсов. СПб.: Б. и., 1885. Т. 1. 663 с.

10. Сборник правил о средствах содержания духовенства и о разделе их между членами причтов / сост. Д. П. Андреев. СПб.: И. Л. Тузов, 1906. 92 с.

11. Сведения о состоянии в С.-Петербургской губернии народных училищ, в содержании которых участвуют земство и города, за учебный 1893-1894 год. СПб.: тип. Е. Евдокимова, 1895. 7 с. и табл.

12. Устав Духовных консисторий. СПб.: Синод. тип., 1841. 56 с.

13. Устройство православной Российской церкви. Ее учреждения и действующие узаконения по ее управлению / сост. И. Л. Чижевский. Харьков: тип. Губ. правл., 1898. 443 с.

14. Церковное благоустройство. Руководственные распоряжения по Духовному ведомству и разъяснения по вопросам церковной

практики / сост. В. А. Маврицкий. М.: тип. М. Н. Лаврова и К°, 1882. 376 с.

15. Циркулярные указы Святейшего Правительствующего Синода 1867–1900 гг. / сост. А. Завьялов. 2-е изд., доп. СПб.: Издание книгопродавца И. Л. Тузова, 1901. 444 с.

16. Церковное хозяйство, или Правила и постановления касательно благоустройства храмов и церковного имущества / сост. И. Л. Чижевский. Харьков: тип. Окр. штаба, 1875. 416 с.

17. Церковный староста, его права и обязанности / [сост. В. Серебряков]. СПб.: т-во «Книжное дело», 1912. 128 с.

18. *Чижевский И. Л.* Способы призрения священноцерковнослужителей и их семейств: Попечительство о бедных духовного звания, опеки, пенсии и единовременные пособия: Извлечения из свода законов, постановлений и распоряжений Святейшего правительствующего синода. Харьков: тип. Губ. правл., 1896. 163 с.

Справочные издания:

1. Алфавитный указатель действующих и руководственных канонических постановлений, указов, определений и распоряжений Святейшего Правительствующего Синода (с 1650 — 1889 г. включительно) и гражданских законов, относящихся к Духовному ведомству Православного исповедания / сост. С. В. Калашников. Харьков: тип. Адольфа Дарре, 1890. 254 с.

2. *Гейлер И. К.* Таблицы для определения доходности процентных бумаг по их биржевому курсу. СПб.: тип. Императорской Академии наук, 1877. 35 с.

3. *Дегю В.* Русские ценные бумаги: сборник сведений о всех главнейших фондах, закладных листах, акциях и облигациях, котирующихся на русских биржах. СПб.; М.: т-во М. О. Вольф, 1885. 477 с.

4. Земля невяская православная. Православные храмы пригородных районов Санкт-Петербурга и Ленинградской области: краткий церковно-исторический справочник. СПб.: Православная Русь, 2000. 198 с.

5. Памятная книжка С.-Петербургской губернии. СПб., 1862–1905. Памятная книга по С.-Петербургской епархии. СПб.: тип. Отдельного корпуса пограничной стражи, 1899. 508 стб.

6. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб.: изд. Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел, 1899–1905. Вып. 37. 1903. 263 с.

7. Расписание городских и сельских приходов и церквей и причтов по С.-Петербургской епархии. СПб.: [Б. и.], [1876]. 35 с.

8. Справочный указатель соборов и церквей С.-Петербургской епархии и состоящих при них служителей и приходов с предварительным обозрением состава епархиального управления за 1867 г. СПб.: тип. В. Безобразова и К°, 1867. 148 с.

9. Указатель церковных приходов в Санкт-Петербурге. С означением их границ, учрежденных при церкви приходских братств, попечительств и благотворительных обществ. [Б. м. и г.]

10. Россия: энциклопедический словарь. Л.: Лениздат, 1991. 922 с.

Литература

1. *Адаменко А. М.* Приходы Русской православной церкви на юге Западной Сибири в XVII – начале XX века. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2004. 192 с.

2. *Айвазов И. Г.* Церковные вопросы в царствование императора Александра III. М.: печатня А. И. Снегиревой, 1914. 83 с.

3. *Алексеева С. И.* Святейший Синод в системе высших и центральных государственных учреждений пореформенной России 1856–1904 гг. СПб.: Наука, 2003. 276 с.

4. *Амвросий (Ключарев), архиеп.* О причинах отчуждения от церкви нашего образованного общества. СПб.: С.-Петерб. епарх. братство во имя Пресвятыя Богородицы, 1891. 44 с.

5. *Анахина М. В.* Русская Православная церковь в Забайкалье (XVII – начало XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2000. 21 с.

6. *Анисимов Е. В.* Время петровских реформ. Л.: Лениздат, 1989. 496 с.

7. *Анисимов Е. В.* Церковная и податная реформы Петра I // Вопросы научного атеизма. М., 1999. С. 163–172.

8. *Антоненко С.* Конфессиональная составляющая исторического дискурса в современной России – II: Семь лет спустя. М.: АИРО-XX: А. Ушаков, 2003. С. 282–312.

9. *Архангельский М. Ф.* История православной церкви в пределах нынешней С.-Петербургской епархии. СПб.: печатня В. Головина, 1871. 298 с.

10. *Архангельский М. Ф.* Пресвященный Никодим, первый епископ Санкт-Петербургский. СПб.: тип. духовного журнала «Странник», 1868. 33 с.

11. *Бабушкина О. Ю.* Приходское духовенство Южного Зауралья в 60-е годы XIX — начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курган, 2002. 26 с.

12. *Багрецов Л. М.* Современное устройство прихода по сравнению с древнейшим его устройством. Гродна: Губ. тип., 1902. 22 с.

13. *Баратынский А. И.* О постепенном ухудшении быта приходского духовенства и о современных его надеждах. Харьков: Унив. тип., 1865. 46 с.

14. *Барсов Н. И.* Петербургский приходской священник второй половины XVIII и начала XIX столетия // Христианские чтения. 1876. Ч. 2. С. 643–673.

15. *Беликова Н. Ю.* Православная церковь и государство на Юге России (конец XIX — первая треть XX вв.). Краснодар: Б. и., 2004. 162 с.

16. *Белова Н. В.* Провинциальное духовенство в конце XVIII — начале XX в.: быт и нравы сословия (на материалах Ярославской епархии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2008. 20 с.

17. *Белюстин И. С.* Описание сельского духовенства // Русский заграничный сборник. Berlin-Paris-London: A. ASHER & Co и др., 1858. Т. 1. Ч. 4. 167 с.

18. *Белявский Ф. Н.* Об обеспечении духовенства. Пг.: изд. Издательского Совета при Святейшем Синоде, 1917. 20 с.

19. *Берестова Е. М.* Православная церковь в Удмуртии (вторая половина XIX — начало XX века). Ижевск: Удмурт. ин-т ист., яз. и лит. УрО РАН, 2005. 230 с.

20. *Бернштам Т. А.* Приходская жизнь русской деревни: очерки по церковной этнографии. 2-е изд. СПб.: изд-во С.-Петерб. ун-та: Петерб. востоковедение, 2007. 311 с.

21. *Богословский Н. Г.* Взгляд с практической стороны на жизнь священника: письма отца к сыну. СПб.: тип. Э. Веймара, 1860. 113 с.

22. *Булгаков С. Н.* О противоречивости современного безрелигиозного мировоззрения // История религии. М.: Польза, 1909. С. 212–245.

23. *Булгаков С. Н.* Об отношении Церкви к Государству. М.: Моск. синодальная тип., 1917. 3 с.

24. *Булгаков С. Н.* Самодержавие и православие // Проблема религиозно-культурной идентичности в русской мысли XIX–XX веков:

современное прочтение. Минск, 2003. С. 326–330 (в конце статьи: 1905. Булгаков С. Н. Труды по социологии и теологии: в 2 т. Т. 2. М.: РХГИ, 1997).

25. Бычков С. С. Русская Церковь и императорская власть: очерки по истории Православной Российской Церкви 1900–1917 гг. 1998. Т. 1. 317 с.

26. Верховский П. В. Очерки по истории Русской церкви в XVIII и XIX ст. Варшава: тип. Варшавск. учеб. округа, 1912. 148 с.

27. Владимиров В. Н., Силина И. Г., Чибисов М. Е. Приходы Барнаульского духовного правления в 1829–1864 гг. (по материалам клировых ведомостей). Барнаул: изд-во Алтайского ун-та, 2006. 137 с.

28. Власова А. В. Социальная деятельность Русской православной церкви на Урале во второй половине XIX — начале XX в. Челябинск: Фотохудожник, 2012. 383 с.

29. Вопрос о приходской реформе в царствование императора Александра II. Пг.: Синодальная типография, 1917. 25 с.

30. Воробьев Н. В. Сельские приходы в окрестностях Щелыкова: [историко-краеведческое издание]. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2011. 134 с.

31. Гиляров-Платонов Н. П. Из пережитого: автобиографические воспоминания. М.: т-во М. Г. Кувшинова, 1886. Ч. 2. 349 с.

32. Годунов А. Б. Время собирать камни...: духовная жизнь православных сельских приходов Нерехтского уезда Костромской губернии (вторая половина XIX — начало XX века). М.: [Б. и.], 2007. 78 с.

33. Голованова М. А. История православных приходов и духовного сословия Верхнеудинска, конец XVII — начало XX в. Улан-Удэ, 2004.

34. Голубинский Е. Е. О реформе в быте Русской церкви. М.: Имп. Об-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1913. 132 с.

35. Грекулов Е. Ф. Церковь, самодержавие, народ (вторая пол. XIX — нач. XX в.) М.: Наука, 1969. 184 с.

36. Гриценко Н. Ф. Официальная доктрина внутривластного курса России конца XIX в. (политические и духовные аспекты внутренней политики): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2000. 43 с.

37. Громачевский А. Практические задачи деятельности сельского православного священника. СПб.: И. Л. Тузов, 1890. 176 с.

38. Дмитриевский А. А. Личные воспоминания о митрополите Петербургском Антонии, как учителя и сослуживце. Пг.: тип. об-ва распр. рел.-нр. пр., 1916. 79 с.

39. *Доброклонский А. П.* Руководство по истории Русской церкви. М.: изд-во Крутицкого подворья, 2001. 935 с.

40. *Добронравов И. М.* Очерки и рассказы о духовном быте. Саранск: тип. бр. Сыромятниковых, 1908. Т. 2. 150 с.

41. *Дружинкина Н. Г.* Православные приходы в России во второй половине XIX — начале XX в. (на примере Санкт-Петербургской епархии). М.: Изд-во Научтехлитиздат — МХПИ, 2009. 375 с.

42. *Дружинкина Н. Г.* Церковно-приходская благотворительность в Санкт-Петербурге второй половины XIX — начала XX в. Гжель: изд-во ГТХПИ, 2005. 537 с.

43. *Елагин Н. В.* Нищие в церкви. СПб.: Б. и., 1886. 16 с.

44. *Ершов Б. А.* Церковь русской провинции в XIX веке (на материалах Воронежской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2007. 22 с.

45. *Ершов Б. А.* Русская православная церковь в структуре государственного управления в XIX — начале XX вв. Воронеж: ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный технический университет», 2013. 245 с.

46. *Ершова Н. А.* Приходское духовенство Петербургской епархии в XVIII в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1992. 16 с.

47. *Жалсараев А. Д.* Становление и развитие церковно-административной системы Русской православной церкви в Забайкалье (середина XVII — начало XX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2006. 24 с.

48. *Зайнетдинов Ш. Р.* Социальная структура российского общества на рубеже XIX–XX веков (по материалам Первой всеобщ. переписи населения Рос. империи 1897 г.). Уфа: Б. и., 1993. 40 с.

49. *Зайцева Л. Ю.* История православной церкви Зауралья (60-е годы XIX в. — 1918 г.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Курган, 2000. 41 с.

50. *Замалчиваемая справка к реформе православного церковного прихода на Руси.* Харьков: Епархиальная тип., [1916]. 5 с.

51. *Звездин А. Н.* Непокладные люди: повесть-биография из жизни православного духовенства. [Б. м.], 1904. 438 с.

52. *Зинякова В. М.* Образовательная деятельность Русской православной церкви в конце XIX века // Православие — культура — образование: сборник статей по материалам межрегион. научно-практ. конф. (г. Кемерово, 24–25 ноября 2000 г.). Кемерово: Кузбассвуиздат, 2002. С. 104–108.

53. Знаменский П. В. Приходское духовенство на Руси. Приходское духовенство в России со времени реформы Петра Великого. СПб.: изд. дом «Коло», 2003. 800 с.

54. Знаменский П. В. Руководство к русской церковной истории. Минск: Изд-во белорусского экзархата, 2006. 576 с.

55. Зольникова Н. Д. Сибирская приходская община в XVIII в. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1990. 288 с.

56. Зольникова Н. Д. Сибирская приходская община в XVIII в. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1990. 288 с.

57. Зубанова С. Г. Социальное служение Русской Православной Церкви в XIX в. 2-е изд., доп. М.: Лика, 2009. 336 с.

58. Иванова А. Н. Русская православная церковь и крестьянство в конце XIX — начале XX века // Духовность. Сергиев Посад, 2002. Кн. 2. С. 30–52.

59. Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословно-классовая структура России в конце XIX — начале XX века. М.: Наука, 2004. 574 с.

60. Из дневника вдового священника. СПб.: тип. И. В. Леонтьева, 1907. 76 с.

61. Иконников С. А. Приходское духовенство Воронежской епархии (вторая половина XIX — начало XX века). Воронеж: Научная книга, 2014. 394 с.

62. Мангилева А. В. Социокультурный облик приходского духовенства Пермской губернии в XIX — начале XX в. Екатеринбург: изд-во Уральского ун-та, 2015. 477 с.

63. Мещерский В. П. Изо дня в день: записки сельского священника. СПб.: тип. Г. Е. Благосветова, 1878. 280 с.

64. История российского быта: материалы 14-й Всероссийской заочной научной конференции. СПб.: Нестор, 1999. 263 с.

65. Калашников Д. Н. Повседневная жизнь приходских священнослужителей в провинциальной России второй половины XIX — начала XX в. (на материалах Курской епархии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2011. 28 с.

66. Каргопольцов И. Н. Высокопреосвященный Исидор, митрополит Новгородский, С.-Петербургский и Финляндский. СПб.: Коммерч. скоропеч. приемн. Е. Тиле, 1894. 59 с.

67. Карташев А. В. Очерки по истории русской православной церкви. М.: ТЕРРА, 1992. Т. 2. 569 с.

68. К вопросу о церковных сборах. М.: Унив. тип., 1876. 8 с.
69. Кильчевский В. А. Богатства и доходы духовенства. 2-е изд. СПб.: тип. «Работник», 1908. 46 с.
70. Киселев А. Г. Предпринимательство глазами православного духовенства (начало XX в.) // Проблемы историографии и истории. Омск: изд-во ОмГПУ, 2002. С. 140–155.
71. Кондаков Ю. Е. Государство и православная церковь в России: эволюция отношений в первой половине XIX века. СПб.: изд-во «Российская национальная библиотека», 2003. 360 с.
72. Кондаков Ю. Е. Духовно-религиозная политика Александра I и русская православная оппозиция (1801–1825). СПб.: Нестор, 1998. 223 с.
73. Конюченко А. И. Православное духовенство России во второй половине XIX — начале XX века: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Челябинск, 2006. 49 с.
74. Кошелева А. И. Приходское духовенство Среднего Поволжья в 1880–1890-е гг. (на примере Пензенской и Самарской епархий): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2011. 22 с.
75. Красовицкий С., Вершилло Р. Славянофилы и Церковь. М.: Православ. действие, 1998. 26 с.
76. Кротов М. В. Благотворительная деятельность церковно-приходских попечительств на территории Оренбургской епархии во второй половине XIX — начале XX в. // Этническая история и духовная культура украинцев Оренбуржья: состояние и перспективы развития. Оренбург: ОГАУ, 2004. С. 84–89.
77. Лавров М. Е. Автобиография сельского священника М. Е. Лаврова. Владимир: типо-лит. Губ. правл., 1900. 70 с.
78. Левитов М. Духовенство и народ. СПб.: Б. и., 1912. 18 с.
79. Левитов М. Наш проект обеспечения духовенства. СПб.: тип. Алекс.-Невск. об-ва трезвости, 1914. 14 с.
80. Леонтьева Т. Г. Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX — начале XX вв. М.: Новый хронограф, 2002. 253 с.
81. Леонтьева Т. Г. Женский фактор в жизни православного прихода (вторая половина XIX — начало XX в.) // Социальная история: Ежегодник 2001/2002. М., 2004. С. 193–209.

82. Литвак Б. Г. Русское православие в XIX веке // Русское православие: веки истории / под ред. А. И. Клибанова. М.: Изд-во политической литературы, 1989. С. 309-379.

83. Ломоносов Г. Г. Записки об улучшении быта сельского духовенства. Владимир: печатня А. Паркова, 1881. 16 с.

84. Любарец А. Г. Социокультурная деятельность духовенства Ярославской епархии в конце XIX — начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2011. 26 с.

85. Любинецкий Н. А. Землевладение церквей и монастырей Российской империи. СПб., 1900. 38 с.

86. Максимов В. Сельская церковь (Воспоминания детства). СПб.: тип. А. Якобсона, 1897. 15 с.

87. Мальцев М. О русской православной религиозности // Христианство и мир: материалы Всероссийской научно-практической конференции «Христианство-2000». Самара: Самарский дом печати, 2001. С. 80-91.

88. Мальцев М. Очерки истории приходов на территории бывшего Барзасского района. Кемерово: изд-во КемГУКИ, 2013. 138 с.

89. Мангилева А. В. Социокультурный облик приходского духовенства Пермской губернии в XIX — начале XX в. Екатеринбург: изд-во Уральского ун-та, 2015. 477 с.

90. Мареева Е. П. Деятельность приходских священнослужителей как элемент церковно-государственной политики воспитания граждан (Тамбовская епархия, XIX — начало XX вв.) // Макарьевские чтения: материалы 3-й международной конференции (21-22 ноября 2004 г.). Горно-Алтайск, 2004. С. 97-102.

91. Маренин В. И. Школьные и семейные воспоминания (очерк духовной школы и быта духовенства в половине прошлого столетия). СПб.: тип. Глазунова, 1911. Ч. 1. 143 с.; Ч. 2. 87 с.

92. Марков В. Е. К вопросу о причинах разделения русской церкви. Н. Новгород: типо-лит. т-ва И. М. Машистова, 1906. 106 с.

93. Мелехова Г. Н. Православные традиции в Каргополье в XIX — первой трети XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997. 28 с.

94. Мендюков А. В. Взаимоотношения православного духовенства и верующих в императорской России (по материалам Среднего Поволжья) // Христианство и мир: материалы Всероссийской научно-

практической конференции «Христианство-2000». Самара: Самарский дом печати, 2001. С. 190–195.

95. *Мендюков А. В.* Русская православная церковь в Среднем Поволжье на рубеже XIX–XX веков. Самара: Самарский гос. тех. ун-т, 2007. 154 с.

96. *Милютин В. А.* О недвижимых имуществах духовенства в России. М.: Унив. тип., 1862. 571 с.

97. *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XIX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1. 548 с.; Т. 2. 566 с.

98. *Михайлов С. С.* Погост Рудня в XIX–XX столетиях: история гуслицкого православного прихода. М.: [Б. и.], 2014. 191 с.

99. *Морозан В.* Экономическое положение православного духовенства России в XIX — начале XX вв. // Церковно-исторический вестник. М.: изд. Об-ва любителей церковной истории, 1998. № 1. С. 137–144.

100. *Морошкин М.* Выборное начало в духовенстве. СПб.: тип. А. А. Краевского, 1870. 55 с.

101. *Мухин И. Н.* Приходское духовенство в конце XVIII — начале XX вв. (по материалам Егорьевского уезда Рязанской епархии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. 18 с.

102. На распутии. Нашим гласным от негласного деревенского жителя. М.: тип. А. И. Мамонтова, 1884. 63 с.

103. *Нестор (Кумыш), иером.* Новомученики Санкт-Петербургской епархии. СПб.: Сатисъ, 2003. 250 с.

104. *Нечаева М. Ю.* Церковь в модернизирующемся обществе России XVIII — начала XX в. // Уральский исторический вестник. Екатеринбург: Академкнига, 2000. № 5–6: Модернизация: факторы, модели развития, последствия изменений. С. 260–285.

105. *Никодим (Кононов), архим.* Памяти протоиерея Алексея Петровича Колоколова. СПб.: тип. А. П. Лопухина, 1902. 8 с.

106. *Николаевский П. Ф.* Русская церковь в царствование в бозе почившего государя императора Александра III. СПб.: тип. Главного управления уделов, 1895. 7 с.

107. *Никулин М. В.* Православная церковь в общественной жизни России (конец 1850-х — конец 1870-х гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997. 26 с.

108. *Никулин М. В.* Православная церковь и государственный аппарат в России в эпоху великих реформ (1856–1874 гг.) // *Российская государственность: этапы становления и развития: тезисы и материалы научной конференции.* Кострома, 1993. Ч. 1. С. 163–168.

109. Об обеспечении духовенства с материальной стороны. СПб.: тип. Акад. наук, 1863. 14 с.

110. *Орлова В. Д.* Состояние недвижимого имущества сельских приходов Тамбовской епархии во второй половине XIX — начале XX вв. // *Макарьевские чтения: Материалы 3-й международной конференции (21–22 ноября 2004 г.).* Горно-Алтайск, 2004. С. 88–96.

111. *Очерки истории Санкт-Петербургской епархии.* СПб.: Андреев и сыновья, 1994. 284 с.

112. *Павлов А. А.* Церкви, причты и прихожане города Камышина (XVIII — первая треть XX в.). Волгоград: ЦПК, 2011. 238 с.

113. *Папков А. А.* Необходимость обновления православного церковно-общественного строя. СПб.: типо-лит. В. В. Комарова, 1902. 44 с.

114. *Папков А. А.* Упадок православного прихода (XVII–XIX). М.: типо-лит. В. Чичерина, 1899. 163 с.

115. *Папков А. А.* Церковно-общественные вопросы в эпоху царя-освободителя (1855–1870). СПб.: тип. А. П. Лопухина, 1902. 184 с.

116. *Пашенцев Д. А.* Благотворительная деятельность русской православной церкви (во втор. пол. XIX — нач. XX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997. 26 с.

117. *Петров Г. С.* Письмо священника Григория Петрова митрополиту Антонию. СПб.: тип. «Правда», 1908. 16 с.

118. *Петров Л. П.* Воспоминания протоиерея Леонида Петрова. СПб.: тип. Главного управления уделов, 1909. 103 с.

119. *Пешков А. И.* К. П. Победоносцев как идеолог русского православия: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1993. 22 с.

120. *Платонов Г. М.* Православная церковь и общественно-политическая жизнь провинциальной России, 1900–1914 (на материалах Саратовской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2003. 18 с.

121. *Победоносцев К. П.* Тайный правитель России: Победоносцев К. П. и его корреспонденты: письма и записки. 1866–1895. Статьи. Очерки. Воспоминания. М., 2001. 617 с.

122. *Покровский И. М.* Русские епархии в XVI–XIX вв., их открытие, состав и пределы: опыт церковно-исторического, статистического и географического исследования. Казань: тип. ун-та, 1913. Т. 2. XVIII в. 48 с.

123. *Полисадов Г. А.* Старое и новое в жизни сельского духовенства. СПб.: тип. духовного журнала «Странник», 1878. 32 с.

124. *Полунов А. Ю.* Под властью обер-прокурора. Государство и церковь в эпоху Александра III. М.: АИРО-XX, 1996. 141 с.

125. *Поплавная-Есипова В. А.* Русское законодательство относительно церкви во второй половине XIX века // Русское общество и литература позднего феодализма: сб. науч. трудов. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. С. 119–133.

126. *Попов А., прот.* Воспоминания причетнического сына: из жизни духовенства Вологодской епархии. Вологда: тип. Губ. правл., 1913. 348 с.

127. Православие на Урале: связь времен: материалы IV межрегиональной научно-практической конференции [г. Екатеринбург, 17 января 2015 г.]. Екатеринбург: Уральское церковно-историческое общество, 2015. 241с.

128. Православная вера и традиции благочестия у русских в XVIII–XX веках: этногр. исслед. и материалы. М.: Наука, 2002. 468 с.

129. Православная жизнь крестьян XIX–XX веков: итоги этногр. исслед. М.: Наука, 2002. 361 с.

130. *Преображенский И. В.* Периодическая печать о церковной реформе вообще и о реформе высшего церковного управления. СПб.: тип. т-ва «Свет», 1908. 32 с.

131. Приход Русской Православной Церкви в России и за рубежом: материалы к изучению приходской жизни. М.: Изд-во ПСТГУ, 2013. Вып. 1, 2.

132. *Прокофьев А. В.* Приходская реформа 1864 года и ее влияние на самосознание сельского приходского духовенства: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2010. 21 с.

133. *Пулькин М. В.* Православный приход и власть в середине XVIII — начале XX в. (по материалам Олонецкой епархии). Петрозаводск: Карельский научный центр, 2009. 422 с.

134. *Пушенко Ю. Н.* Роль Православной Церкви в нравственном воспитании народа: из историографии проблемы (XIX век — начало

XX века) // Правoславиe — культуpа — образование: сборник статей по материалам межрегион. научно-пpакт. конф. (г. Кемерово, 24–25 ноября 2000 г.). Кемерово, 2002. С. 91–96.

135. *Пясецкий Г. М.* Верный способ обеспечения наших семейств. Орел: тип. кн. Оболенского, 1874. 78 с.

136. *Ретвих Н. П.* Приход как единица самоуправления. СПб.: типолит. А. Лейферта, 1901. 56 с.

137. *Римский С. В.* Российская церковь в эпоху Великих реформ (Церковные реформы в России 1860–1870-х годов). М.: Об-во любителей церковной истории: изд-во Крутицкого подворья, 1999. 567 с.

138. *Рождественский А. К.* Улучшение положения пастыря, как одно из главных средств к оживлению приходской жизни. Сергиев Посад: тип. Св.-Тр. Сергиевой лавры, 1908. 51 с.

139. *Розанов А. И.* Записки сельского священника: быт и нужды православного духовенства. СПб.: ист. журнал «Русская старина», 1882. 324 с.

140. *Романов В.* В конце года: записка по церковным налогам. Полтава: типо-лит. торг. дома И. Л. Фришберг и С. Е. Зорохович, 1909. 47 с.

141. *Ростиславов Д. И.* О православном белом и черном духовенстве в России. Лейпциг: Ф. Вагнер, 1866. Т. 1. 602 с.

142. *Рункевич С. Г.* История Русской церкви под управлением Святейшего Синода. СПб.: тип. А. П. Лопухина, 1900. Т. 1. 430 с.

143. *Руновский Н.* Литература шестидесятых годов в ее суждениях по вопросу о быте духовенства. Казань: тип. ун-та, 1899. 58 с.

144. *Руфимский П. М.* Церковный приход и основные начала его развития и жизнедеятельности. [Казань]: тип. Имп. ун-та, 1906. 19 с.

145. *Рябченко А. Е.* Открытое письмо обер-прокурору Святейшего Синода о нуждах церковной жизни. Пг.: тип. П. П. Сойкина, 1916. 88 с.

146. *Рясенцев К. В. М. П.* Погодин: политические идеи и проекты. М.: Социально-политическая Мысль, 2007. Разд. III: Обоснование М. П. Погодиным теории «официальной народности». С. 76–189.

147. *Сафонов А. А.* Правовой статус религиозных конфессий в Российской Империи на рубеже XIX–XX вв. Тамбов: изд-во Р. В. Першина, 2006. 184 с.

148. *Семашко А. Г.* Русская православная церковь в государственном механизме Российской империи XIX века: историко-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 26 с.

149. *Семин И. А.* Государственная политика в отношении православного приходского духовенства (1825–1870-е гг.): автореф. дис. ... ист. наук. М., 2006. 34 с.

150. *Симонов И. В.* Анализ особенностей социально-идеологической деятельности Русской православной церкви в начале XX века: автореф. дис. ... канд. филос. наук. СПб., 1993. 16 с.

151. *Симонов И. В.* Церковная мысль XIX — начала XX в. об образце социального устройства и современность // Власть и общество: история и современность: материалы II Всерос. научно-практ. конф. Н. Новгород: Изд-во Волго-Вят. акад. гос. службы, 2001. С. 202–203.

152. *Смирнов С. И.* Древнерусский духовник: исследования по истории церковного быта. М.: Имп. Об-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, [1913]. 290 с.

153. *Соловьев А. А.* Интеллигенция и церковь в России в начале XX века: опыт взаимоотношений: автореф. дис... канд. ист. наук. Кострома, 1997. 19 с.

154. *Степанов В.* Свидетельство обвинения: Советское государство и церковь: в 3 т. М.: Рус. книгоиздат. т-во, 1993. Т. 1. 297 с.

155. *Суворов Н. С.* Курс церковного права. Ярославль: типо-лит. Г. Фальк, 1889. Т. 1. 370 с.

156. *Сушков Н. В.* Три митрополита: Амвросей, Михаил и Серафим (Из записок). М.: Унив. тип., [1867]. 18 с.

157. *Титов Н. Ю.* К вопросу о взаимоотношениях государства и церкви в России в первой половине XIX в. // Вестник МГУ. Серия II: Право. 1985. № 5. С. 55–61.

158. *Титлинов Б. В.* Вопрос о приходской реформе в царствование императора Александра II. Пг.: изд. книжн. маг. С. Ф. Иванова, 1917. 25 с.

159. *Тихов А. И.* Памяти высокопреосвященнейшего Палладия, митрополита Санкт-Петербургского (Биографическая заметка). [Н. Новгород, 1900]. 25 с.

160. *Тихомиров Л. А.* Духовенство и общество в современном религиозном движении. М.: Унив. тип., 1893. 36 с.

161. *Тихомиров Л. А.* Современное положение приходского вопроса. [М.]: Унив. тип., [1907]. 16 с.

162. *Топилина Н. А.* Георгиевский приход на Оредеже: очерк истории церковной жизни и краеведения окрестностей поселка Чаща Гатчинского района. СПб.: Умная книга, 2011. 138 с.

163. *Торопов С. Н.* История православных приходов Мантуровской земли. Кострома: ДиАр, 2012. 352 с.
164. *Тулепбаев И. В.* Церковь и государство: проблемы взаимоотношений в русской консервативной публицистике второй половины XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. 25 с.
165. *Ушинский А. Д.* Об улучшении быта православного духовенства собственными средствами духовного ведомства. СПб.: тип. В. Головина, 1864. 43 с.
166. *Федоров В. А.* Русская православная церковь и государство: Синоподальной период, 1700–1917 гг. М.: Русская панорама, 2003. 479 с.
167. *Филиппов Т. И.* Современные церковные вопросы. СПб.: тип. т-ва «Общественная польза», 1882. 463 с.
168. *Фирсов С. Л.* Православная церковь и Российское государство в 1907–1917 гг.: Социальные и политические проблемы: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1997. 47 с.
169. *Фирсов С. Л.* Русская церковь накануне перемен (конец 1890-х — 1918 г.). М.: Круглый стол по религиозному образованию и диаконии: Духовная б-ка, 2002. 623 с.
170. *Фирсов С. Л.* Финансовое положение Русской церкви в последнее предреволюционное десятилетие // Церковно-исторический вестник. М.: Об-во любителей церковной истории, 1998. № 1. С. 145–160.
171. *Флегматов А. И.* Из практики приходского священника: наблюдения и заметки. Царицын: тип. Е. Г. Жигмановской, 1895. 29 с.
172. *Фудель И. И., свящ.* Основы церковно-приходской жизни. М.: Унив. тип., 1894. 36 с.
173. *Храпков Г. Н.* Деятельность Ярославской духовной консистории во второй половине XVIII — начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2012. 22 с.
174. Церковная реформа: Сборник статей духовной и светской печати по вопросу о реформе / сост. И. В. Преображенский. СПб.: тип. Э. Арнгольда, 1905. 580 с.
175. Церковь и государство Российское: эпоха митрополита Московского Филарета: сб. ст. Нью-Йорк: Б. и., 2002. 219 с.
176. *Цысь О. П.* Православные общественно-религиозные организации Тобольской епархии во второй половине XIX — начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2003. 25 с.

177. *Четыркин Ф. В.* Минувшие судьбы Петербургского края (По поводу 200-летия С.-Петербурга): церковно-исторический очерк. СПб.: П. П. Сойкин, 1903. 168 с.

178. *Чижевский И. Л.* Откуда можно заимствовать суммы для жалования духовенству. Харьков, 1863.

179. *Чичагов С.* О возрождении приходских общин. Тверь, 1914.

180. *Шатковская Т. В.* Правовая ментальность российских крестьян второй половины XIX века: опыт юридической антропологии. Ростов н / Д.: РГЭУ, 2000. 223 с.

181. *Шустов И. М.* Погост Лосицкий: 1501-2009: исторический очерк о типичном сельском приходе Гдовского уезда. СПб.: Сатисъ, 2009. 135 с.

182. *Щербатов А. Г.* Православный приход — твертыня русской народности. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 488 с.

Издательство Санкт-Петербургской православной
духовной академии представляет

**учебные пособия, сборники конференций,
популярные издания, нотные сборники:**

- *Д. Г. Добыкин. Введение в Ветхий Завет: курс лекций по ветхозаветной исагогике (ISBN: 978-5-906627-17-9)*
- *Д. В. Юревич, прот. Введение в Новый Завет (ISBN: 978-5-906627-18-6).*
- *Священник Димитрий Лушников. Основное богословие. Учебное пособие (ISBN 978-5-906627-14-8).*

Все издания рекомендованы или допущены к распространению
Издательским Советом Русской Православной Церкви.

Издания предназначены преподавателям и студентам
богословских и гуманитарных учебных заведений,
историкам, религиоведам, а также всем читателям,
интересующимся Русской Православной Церковью.

Все подробности и возможность приобретения книг
онлайн — на сайте

<http://www.izdat-spbda.info>

Санкт-Петербургская Духовная Академия

Е. Н. Ропаква

**Православный приход
во второй половине XIX века.
Российская империя,
Санкт-Петербургская епархия**

Издательство Санкт-Петербургской Православной Духовной Академии

Главный редактор: архиепископ Петергофский Амвросий (Ермаков),
ректор СПбДА

Ответственный редактор: священник Игорь Иванов

Корректор: А. А. Сазонова

Верстка: Н. Н. Пимшина

Дизайн обложки: И. Д. Орлов

Адрес редакции и издательства:

191167, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, 17.

Издательство СПбДА

Тел.: +7 812 612 40 44, доб. 339.

Эл. почта: izdatspbda@gmail.com

Подписано в печать: 09.12.2016. Дата выхода в свет: 23.12.2016.

Формат 60×90 $\frac{1}{16}$. Гарнитура: Linux Libertine.

Объем: 17,42 а. л.

Свободная цена.

Отпечатано в типографии ООО «Арт-Экспресс»
199155, г. Санкт-Петербург, ул. Уральская, 17, корп. 3.
Заказ № 24601. Тираж 500 экз.

Елена Николаевна Ропаква

Окончила исторический факультет СПбГУ, там же в 2009 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Уездные приходы Санкт-Петербургской епархии во второй половине XIX века». Служит главным библиотекарем-каталогизатором Российской национальной библиотеки.

Сфера научных интересов: Русская Православная Церковь и государство, православное духовенство, история приходов Петербургской епархии XIX – нач. XX вв.

Православный приход во второй половине XIX в. Российская империя, Санкт-Петербургская епархия

Учебное пособие кандидата исторических наук Елены Николаевны Ропаквой является монографией, посвященной изучению истории православных приходов Санкт-Петербургской епархии во второй половине XIX в.

Автор прослеживает эволюцию создания российского законодательства по вопросам организации и функционирования православного прихода на примере Санкт-Петербургской епархии. На основе комплекса неопубликованных источников рассмотрен процесс образования новых приходов и строительства храмов, выявлены аспекты взаимоотношений Санкт-Петербургской духовной консистории, Палаты государственных имуществ и приходских обществ. Также в книге рассматриваются примеры конфликтов между причтом и прихожанами, по которым Духовная консистория проводила следствие. Особое внимание уделено материальному положению приходского храма, соотношению различных доходов и расходов, влиянию местных условий на благосостояние церквей в целом.

Рекомендуется преподавателям и студентам гуманитарных и богословских учебных заведений, профессиональным историкам и религиоведам, а также читателям, интересующимся историей Русской Православной Церкви.

